ISSN 2313–612X

Крымский научный центр
Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

К Р Ы М С К О Е
ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

C R I M E A N
HISTORICAL REVIEW

Научный журнал

Scientific journal

№ 1
2016

Казань – Бахчисарай

Учредитель
ГБУ «Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан»

Журнал основан в апреле 2014 г. решением Ученого Совета Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Свидетельство о регистрации СМИПИ № ФС77–59824 от 17 ноября 2014 г. выдано Роскомнадзором

Издание подготовлено и осуществлено в рамках Распоряжения Кабинета Министров Республики Татарстан № 2561-р от 12.11.2015 г.

Выходит 2 раза в год

Главный редактор
Р.С. Хакимов (Казань)

Заместитель главного редактора
Э.Х. Сейдаметов (Бахчисарай-Симферополь)

Редактор английских текстов
Л.С. Сейтхалилова (Симферополь)

Редактор крымскотатарских текстов
Н.С. Сейдаметова (Симферополь)

Редактор татарских текстов
Л.Р. Муртазина (Казань)

Редактор турецких текстов
Ш.Э. Сейт-Маметов (Симферополь)

Редакционный совет:
М.Г. Крамаровский, И.М. Миргалеев,
И.В. Зайцев, Г.Р. Альтин

Редакционная коллегия:

Халил Инальджик (Анкара, Турция), Г.Т. Бекирова (Симферополь),
Г.Ф. Габдрахманова (Казань), М.М. Гибатдинов (Казань),
Р.Р. Сабитов (Париж, Франция), Т.Б. Усеинов (Симферополь),
А.И. Галенко (Киев, Украина), А.А. Непомнящий (Симферополь),
Эдвард Лаззерини (Блумингтон, США),
Брайан Глин Вилльямс (Дартмут, США),
Элизабет Титмаер (Берлин, Германия),
А.М. Меметов (Симферополь), И.А. Керимов (Симферополь),
Ильяс Кемалоглу (Стамбул, Турция),
Грета Лин Улинг (Мичиган, США),
Н.С. Сейтягьяев (Симферополь),
Ионуц Кожокару (Бухарест, Румыния),
У.К. Мусаева (Симферополь), А.Н. Гаркавец (Алма-Ата),
Н.М. Акчурина-Муфтиева (Симферополь),
В.П. Кирилко (Симферополь), Р.Р. Салихов (Казань),
Д.П. Урсу (Одесса, Украина), Идиль Измирли (Вашингтон, США),
Р.Д. Куртсеитов (Симферополь), А.М. Эмирова (Симферополь),
Э.И. Сейдалиев (Симферополь), Г.Н. Кондратюк (Симферополь)

Технический редактор

Л.Ф. Байбулатова (Казань)
Н.Ю. Сеитвелиева (Симферополь)

Адрес редакции и издателя:

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5,
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=54363

E-mail: crimeanhr@gmail.com
http://www.crimeanreview.ru

Founder
State Budgetary Institution «Shigabutdin Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan»

Journal was founded in April 2014 by the decision of the Scientific Council of Sh. Marjani Institute of History of AS RT

The certificate of registration of mass media ПИ № ФС77–59824 given by Roskomnadzor on 17 November 2014

The edition was prepared and realized within the framework of the Instruction of Cabinet of Ministers of the Republic Tatarstan № 2561-р from 12.11.2015

Published 2 times a year

Editor-in-chief
R.S. Khakimov (Kazan)

Deputy Editor-in-Chief
E.Kh. Seydametov (Bakhchisaray-Simferopol)

English texts editor
L.S. Seytkhalilova (Simferopol)

Crimean Tatar texts editor
N.S. Seydametova (Simferopol)

Tatar texts editor
L.R. Murtazina (Kazan)

Turkish texts editor
Sh.E. Seyt-Mametov (Simferopol)

Editorial council:
M.G. Kramarovsky, I.M. Mirgaleev,
I.V. Zaytsev, G.R. Altin

Editorial board:

Halil İnalcık (Ankara, Turkey), G.T. Bekirova (Simferopol),
G.F. Gabdrakhmanova (Kazan), M.M. Gibatdinov (Kazan),
R.R. Sabitov (Paris, France), T.B. Useinov (Simferopol),
A.I. Galenko (Kiev, Ukraine), A.A. Nepomnyashchiy (Simferopol),
Edward J. Lazzerini (Bloomington, USA),
Brian Glyn Williams (Dartmouth, USA),
Elisabeth Tietmeyer (Berlin, Germany),
A.M. Memetov (Simferopol), I.A. Kerimov (Simferopol),
Ilyas Kemaloğlu (Istanbul, Turkey),
Greta Lynn Uehling (Michigan, USA),
N.S. Seytyagyaev (Simferopol), Ionut Cojocaru (Bucharest, Romania),
U.K. Musaeva (Simferopol), A.N. Garkavets (Alma-Ata),
N.M. Akchurina-Muftieva (Simferopol),
V.P. Kirilko (Simferopol), R.R. Salikhov (Kazan),
D.P. Ursu (Odessa, Ukraine), Idil P. Izmirli (Washington, USA),
R.D. Kurtseitov (Simferopol), A.M. Emirova (Simferopol),
E.I. Seydaliev (Simferopol), G.N. Kondratyuk (Simferopol)

Technical editor

L.F. Baybulatova (Kazan)
N.Yu. Seitvelieva (Simferopol)

Address of the Editorial Office and Publisher:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5, Sh. Marjani Institute of History of AS RT
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=54363

E-mail: crimeanhr@gmail.com
http://www.crimeanreview.ru

СОДЕРЖАНИЕ

История и современность

Kubilay Atik. Çin Kaynaklarında Altınordu Hanlığı ve Cuçi Ulusu 8

Гарун-Рашид Гусейнов. Два Бахчисарая и вопрос о территориальных пределах удела (юрта) Софу Мухаммед Гирая Четвертого в Дагестане в контексте истории этноязыкового состава его населения.....15

Derya Derin Paşaoğlu. Emir Edigü (Edige) Ve Oğullarının Nogay Ulusu'ndaki Yeri 28

Андрей Непомнящий. История и этнография народов Крыма в современной научно-справочной литературе (конец XX – начало XXI века): наработки и библиографические фикции.....65

Булат Рахимзянов. Мещерский юрт как зона двойного влияния Московского государства и Крымского ханства.....81

Михаил Стрелец. Генерал армии Яков Крейзер: портрет в интерьере эпохи 92

Борис Харсиев, Лемка Агиева. Тюркский мир в истории народов Северного Кавказа 107

Литература и язык

Эмине Ганиева. Алишер Навоининъ «Мухакамат ал-лугъатайн» адлы трактатында тюркий тиллернинъ ролю ве эмиети узеринде фикирлер 114

Исмаил Керим. Къырымтатар тилинен багълы лексикографик чалышмалар (XIX асырнынъ экинджи ярысы)..... 122

Ахтем Мазинов. Конгломерация как этнический и лингвистический фактор формирования тюркских языков Крыма..... 152

Тахир Шахбазов. О роли азербайджанского языка в быту и культуре кавказских народов в XIX веке 159

Культура

Исмет Заатов. Крымский государственный татарский театр оперы и балета 1937–1938 гг.: опыт создания (по материалам архивов)..... 171

Nariye Seidametova. KırımTatar dilinde dikiş, nakış ve halı ile alâkalı terimler..... 185

Рустем Эминов. История формирования коллекций Государственного дворца и музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае (1922–1944) 194

Наследие

Рефат Абдужемилев. Osmanlı belgelerinde Kırım hanlığı / Крымское ханство в записях Османских документов..... 216

Лейля Сейтхалилова. Всадники султана. Военная роль крымских татар в Османской империи 224

Новые издания: рецензии, отзывы

Григорий Кондратюк. Новый уровень исторического крымоведения. Рец. на кн.: Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 936 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения; вып. 25»)..... 246

Вадим Майко. Рецензия на кн.: Ломакин Д.А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII – XV вв.: история изучения, современное состояние / под ред. А.А. Непомнящего. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 23)..... 250

Хроника

События марта-апреля 2016 г. 255

Список сокращений 261

УДК 94(5):093:008

Çin Kaynaklarında Altınordu Hanlığı ve Cuçi Ulusu

Kubilay Atik
(Orta Doğu Teknik Üniversitesi, Türkiye)

Özet. Makalede Altın Ordu devletinin hakkında detaylı bilgi edinebilmek içininceleyeceğmiz Çince kaynklar 4 temel kategoride incelenebilingeni açıklanır. Bunlardan ilki Altın Ordu sahasıyla ilgili doğrudan bilgiler içeren en önemli kaynaklar olan resmi tarihlerdir Altın Ordu sahası hakkında bilgi edinebileceğimiz ikinci türdeki Çin kaynağı ise Çin'den gelen elçilerin seyahatname ve elçilik raporlarıdır.

Buradaki detaylardan dolaylı olarak Rusya'dan ve Altın Ordu sahasından bu pazarlara ulaşan mallar ve iki devlet arasında süren ticarete şahit olmaktayız. Bu raporlardan Altın Ordu ticareti ve üretilen mallar hakkında bilgi edinmek mümkündür.

Son olaraksa yerel arşivler incelenebilir. Guanbao (Resmi Ferman Belgeleri), ticari raporlar ve paizi (taşıyan kişiye posta istasyonlarının imkanlarından faydalanma ve geçiş hakkı tanıyan tabletler) çıkarma raporları bize Yuan Altın Ordu ilişkileri hakkında bilgiler sağlayabilir.

Anahtar kelimeler: Altınordu Hanlığı, Cuçi Ulusu, Cengiz Han, Çin kaynakları, Ke Shaomin, Gong Meng.

Cengiz Han henüz hayatta iken oğulları arasında mücadeleler başlamış ve ölümünden sonra da şiddetlenerek devam etmiştir. En büyük oğlu olan Cuçi imparatorluğun en batı köşesini miras almış ve doğumuyla ilgili şüphelerden ötürü ölümüne kadar diğer kardeşleri ile ilişkileri soğuktu. Bunun sonucu olarak Ögeday'ın ölümünden sonra oğlu Batu da diğer adaylar kadar güçlü olmasına rağmen that için aday olmayarak Han seçilme yolunda diğer âl-i Cengiz üyeleriyle mücadelelere girmedi. Yine de batu ve soyundan gelenler her ne kadar İlhanlılarla olduğu gibi Kubila soyuyla doğrudan savaşa girmeseler de Toluy'un soyundan gelenlerle araları htam olarak iyi olmadı ve Yuan hanedanına karşı mesafeli davrandılar. İkinci olaraksa Kubilay Han ve varisleri Kaydu ve Çağatay

ulusu ile orta Asya'da savaşırken Altın Ordu da Kafkasya'da İlhanlılar ile mücadele etmekteydi. Bunun sonucu olarak Cengiz soyundan gelen hükümdarlar arasında birbirlerine karşı Moğol İmparatorluğu içerisinde ittifak ağları kurulmaya başladı. Bir tarafta Yuan ve İlhanlıla aralarındaki coğrafi bölünmüşlüğe rağmen Toluy ulusunun devamı olarak biar arada ittifak kurarken Altın Ordu Kafkaslar'da İlhanlılar ile savaşa girmiş ancak Yuan ile bir mücadeleye girmemiştir. İki devlet arasında elçiler gidip gelmiştir ve her ne kadar kısa olsalarda Altın Ordu ile alakalı doğrudan bilgi veren Çince kaynakların çoğuna Yuan hanedanı tarihi Yuan shi ve Xin Yuanxi yoluyla ulaşabiliyoruz. Bununla birlikte, birazdan tartışılacağı üzere, Altın Ordu sahası ile ilgili bilgi alabileceğimiz Çine yegane kaynaklar bunlar değildir.

Altın Ordu hakkında bilgi edinebileceğimiz Çince kaynakları dört ana grupta toplayabiliriz. Bunlardan ilki Altın Ordu sahasıyla ilgili doğrudan bilgiler içeren en önemli kaynaklar olan resmi tarihlerdir. Çin'de birhanedanın resmi tarihi o hanedan düştükten sonra yazılırdı. İlke olarak bir hanedanın tarihini yazmadan önce o hanedanın düşüşünden sonra belirli bir zaman geçmesi beklenirdi. Bu resmi tarihleri yazan konfüçyusçu alimler ve devlet memurları resmi evraklardan ve biyografi, günlük, antoloji gibi edebi eserlerden yararlanırlardı. Düşen bir hanedanın tarihinin onu fetheden hanedanca yazdırılmasındaki amaç Konfüçyusçu geleneği sürdürmek ya da tarihçiliği ve akademik bilgiyi desteklemek değil, yeni kurulan hanedanın meşruluğunu sağlamaktı. Tüm resmi tarihlerde hem meydana gelen doğa olayları ile hem de konfüçyusçu erdemlerden sapan hükümdarların başa geçişiyle bahsedilen hanedanın sonu öngörülmektedir. Böylelikle ince bir ima yolu ile bu hanedanın kut hakkını yitirdiği ve yeni bir hanedan kurmanın gerekliliği ortaya atılmaktadır. Resmi tarihler bu bağlamda iki grubun çıkarlarına hizmet etmektedir: bürokrat sınıf tarafından temsil edilen konfüçyusçular ve ister Çinli ister yabancılar tarafından kurulmuş olsun yeni kurulan hanedanın kendini meşrulaştırmasına yaramaktadır. Bu bağlamda bu tarihler tüm diğer resmi tarihlerde olduğu gibi dikkatli bir şekilde incelenmelidirler. Ancak Yuanshi ve Xin Yuanshi hazırlanma tarihleri Yuan hanedanın düşüşüne çok yakın yada çok uzak oldukları iççin tüm resmi Çin tarihleri arasında en sorunlu olanlar olarak görülmektedir. Yuanshi son Yuan imparatoru Togun Temür Moğolistan'a çekildikten bir yıl sonra 1369 yılında hazırlanmaya koyularak bir yıl içerisinde alelacele yazıldı. Pek çok olay ve tarih yanlış verilmekle kalmayın yabancı isim ve kelimelerin yazılmasında da aynı kelime için zaman zaman birkaç farklı karakter seti kullanılmaktadır. Bunun sonucu olarak bu tarih daha sonraki dönemlerde pek çok Çinli tarihçi tarafından eleştirilmiş ve Ke Shaomin tarafından otuz yıllık araştırmanın ardından yeni bir Yuan tarihi yazılarak Xin Yuanshi olarak 1921 yılında yeni kurulmuş Çin Cumhuriyeti tarafından 25inci resmi tarih olarak tanındı. Ancak kullandığı tüm orijinal malzeme ve daha derinlemesine ayrıntılı araştırmaya rağmen yazıldığı tarihle olaylar arasındaki zaman aralığı bunu bir

resmi tarihten çok bir ikincil kaynak durumuna getirmektedir. Tüm eksiklerine rağmen Yuanshi hala Yaun hanedanı tarihi için temel kaynak işlevi görmektedir. Şuana kadar tamamıyla sadece Moğolca'ya çevrilmekle birlikte bazı bölümleri Fransızca, Almanca, İngilizce, Rusça ve japonca'ya da çevrilmiştir. Altın Ordu devleti ilgilendiren kısımları aşağıda değinilecek diğer başka kaynaklarla birlikte Hrapachevsky tarafından Rusça'ya çevrilmiştir [1]. Her ne kadar daha önce de belirtildiği gibi Yuanshi siyasi amaçlarla ve alelacele hazırlanmışsa da daha sonra kurulan Ming haneddanı ne Altın Ordu sahasında hak iddia ettiği ne de altın Ordu yada dağılmasından sonra ki devletlere karşı düşmanlık gütmediği için Altın Ordu ile ilgili verdiği bilgilerin taraflılığına yada yanlışlığına dair şüphe duymamızı gerektirecek neden yoktur. Bu yüzden Yuanshi'nın Çinli yazarlarının Altın Ordu devletine ait kayıtları saptırmak için bir siyasi amaçlarının olmadığını varsayabiliriz. Yuanshi Altın Ordu sahası, Cuçi ulusunun coğrafyası ve kurumlarıyla ilgili değerli bilgiler vermektedir. Yuan öncesi ve sonrası hanedanlara ait diğer resmi tarihlerde Altın Ordu sahasına ait dolaylı bilgiler verebilmektedir. Song, Liao ve Jin hanedanlarını resmi tarihleri Moğol İmparatorluğunun kuruluş dönemi ve öncesine ait bilgilerin yanısıra Çin'in kuzeyinde Moğol imparatorluğunu oluşturan ve bazıları batıya göç ederek Kıpçak bozkırına yerleşen boylar hakkında bilgi vermektedirler. Örneğin Jinshi Cengiz hakkında henüz Ong Han'ın bir vassalı olduğu ve Jin devletine bağlı beyler arasında sayıldığı döneme ait bilgiler sunmaktadır. Tatarlar ve diğer boylar ile ilgili olarak da her ne kadar kısmi ve dolaylı olsa da bilgiler bulunmaktadır. Ancak bu üç hanedanın tarihlerin Yuan döneminde yazıldığı ve Cengiz soyuyla ilgili bazı bilgilerin saptırılmış olabileceği de unutulmamalıdır. Ancak hem Moğolistan'da erken dönemdeki siyasi durum hem de daha sonradan batıya göç ederek Kumanlarla birleşip Altın Ordu devletini oluşturan boylar hakkındaki bilgiler bize ipuçları verebilir.

Altın Ordu sahası hakkında bilgi edinebileceğimiz ikinci türdeki Çin kaynağı isi Çin'den gelen elçilerin seyahatname ve elçilik raporlarıdır. Bu raporlardan ne yazık ki Yuan dönemine ait olanlar iki devlet arasındaki ilişkilerin azlığı ve Ming dönemi bilginlerinin bunları kayda değer bulmayarak korumamışlardır. Liao, Jin ve Yuan hanedanları Çin tarih yazıcılığında yabancı iktidarlar olarak görülmektedir ve bu sebeple ne yazık ki daha sonraki dönemlerde ancak Konfüçyusçu bilginler tarafından seçilen malzemeler günümüze kalmıştır. Belki de bu tür bir gizli sansür eğiliminin en güzel örneklerinden birisi Moğolların Gizli Tarihi'dir. Her ne kadar bugun Moğol tarihinin en önemli kaynaklarından birisi olarak görülse de Moğolların Gizli Tarihi 19uncu yüzyıla kadar unutulmuştu ve bir antika kitap dükkanında kaza eseri keşfedilmesinden sonra bile Fransız, Rus ve Japon tarihçiler 19 ve 20inci yüzyıllarda üzerinde çalışmaya başlayana kadar uzun süre Dünya'da tanınmadı. Aslında küçük bir antika kitap sahafında bulunması tamamen şans eseridir diyebiliriz, yoksa bugün varlığından bile haberdar olamayabilirdik. Benzer bir şekilde Ming dönemi bilginleri ne yazık ki yalnızca

Tang ve Song kendilerine örnek almış ve bu yabancı hanedanlar dönemine ait belgeler ya savaşlarda yok olmuş ya da sonraki nesiller tarafında korunmamıştır. Buna rağmen elimizde Song dönemine ait olan ve Kara Tatar boyları ve onların boy yapıları, kurumları gibi çeşitli konularda önemli bilgiler veren bir seyahat raporu vardır. Peter Olbricht ve Elisabeth Pink tarafından Almancaya [4] ve yine Hrapachevsky tarafından *Zolotaya Orda V Istochnikah 3. Cilt'*teRusça'ya çevrilmiştir. Bu tatarların imparatorluk öncesi erken tarihine ilişkin en geniş Çince eserlerden birisidir. Bir başka benzer rapor olan Meng Da Bei Lu ise Jin Hanedanına karşı müttefik arayışı ve istihbarat peşinde olan Güney Song elçileri tarafından yazılmıştır. Bu rapor Moğol kumandanı Mukhali'ye 1221'de ziyaretinden sonra Zhao Hong tarafından yazılmıştır. İlginç bir şekilde Meng Da isimlendirmesi Moğolların Gizli tarihinde can düşmanı olarak gösterilen Moğol ve Tatarları bir arada zikretmektedir. Rapor fethinden sonra eski Jin başkenti Yanjing'deki (modern Pekin) durumla ilgili bilgilerin yanısıra henüz imparatorluk kurma sürecinin erken evrelerindeki Moğollar hakkında da önemli bilgiler vermektedir. Buna benzer elçilik raporlarının varlığı bilinmekteyse de kayboldukları düşünülmektedir. Ancak yine de Yuan öncesi ve sonrası döneme ait ıolup doğrudan Altın Ordu sahasına ait olmasa da Altın Ordu sahası ile ilgili dolaylı bilgiler veren Çin kaynakları da mevcuttur. Bu elçilik heyetleri doğrudan Altın Ordu'ya gönderilmediyse de Altın Ordu devletinin doğu bölgeleri ve özellikle günümüzde Kazakistan sınırları içinde kalan bölgeleri ile ilgili bilgiler içermektedir. Bunlardan ilki Yelü Chucai'dır. Cengiz Han tarafında Urtuq Saqal (Uzun Sakal) olarak adlandırılıp Harzem seferine idareci bürokrat ve danışman olarak Orta Asya'ya getirilmiştir. Çoğunlukla Semerkant'taydı ancak Moğol ordusuyla birlikte kuzeyden geçerek batıya doğru ulaştı. Eseri Xi You Lü'de bölgedeki yaşamı, gelenekleri, kültürü siyasi durumu kaydemiştir. Bu eser Orta Asya'nın Moğollar tarafından fethi ve sonrasını anlatmaktadır. Çin tarih yazımında Yelü Chucai "barbarları" medenileştiren bir konfüçyusçu bilge olarak tasvir edilmektedir.Kuzey Çin'de Ögeday'ı çiftçiler üzerindeki ağır vergileri kaldırmaya ikna eden kişi kendisidir. Ayrıca Cengiz ve diğer Moğollar da kendisine saygı duymaktaysa da Cengiz ile aralarında geçen konuşmalardan bunun Kitan kökenlerinden kaynaklandığı ve Moğolların Konfüçyusçu değerlerden çok pratik bilgi ve müneccimliğinden yararlanmak istediği anlaşılmaktadır. Bu sebepten ötürü onun tanımı döneminin göçebelerine dair daha içten bir tasvir vermektedir. Şiirlerindeki satır aralarında Kıpçak bozkırının doğu sahasını da içine alan değişik boyların yaşayışı ve dünya görüşleri hakkında küçük detaylar vardır. Edebiyat ve şiir antolojileri genellikle göz ardı edilmekle birlikte bunlar elçiler yada onların maiyetinde bulunan elçilik heyeti üyelerince yazılmış ve satır araarında bilgiler bulunabilen şiirler de içermektedir. Yine Orta Asya'ya giden ancak Ming dönemine ait iki elçilik raporu daha mevcuttur. Bunların her ikisi de Timur devletine gönderilen elçilerdir. Chen Cheng tarafından yazılan raporlar Semerkand

ve Herat'ın yanısıra daha çok ticaret ve pazarlara odaklanmaktadır ve pek çok detay vermektedir. Buradaki detaylardan dolaylı olarak Rusya'dan ve Altın Ordu sahasından bu pazarlara ulaşan mallar ve iki devlet arasında süren ticarete şahit olmaktayız. Bu raporlardan Altın Ordu ticareti ve üretilen mallar hakkında bilgi edinmek mümkündür.

Son olaraksa yerel arşivler hala incelemeye muhtaçtır. Guanbao (Resmi Ferman Belgeleri), ticari raporlar ve paizi (taşıyan kişiye posta istasyonlarının imkanlarından faydalanma ve geçiş hakkı tanıyan tabletler) çıkarma raporları bize Yuan Altın Ordu ilişkileri hakkında bilgiler sağlayabilir. Yerel seçkinlerin biyografileri ve resmi kayıtları da Deşt-i Kıpçak ile Çin arasındaki insan ve malların akışı hakkında bilgi sağlamaktadır. Kubilay Han'ın ölümünden uzun süre sonra bile 14üncü yüzyılda dahi Yuan ordusunda Kıpçak birliklerinin kullanıldığını bilmekteyiz [7]. Bu birliklerin hareketinin hem Çin Hem de Altın Ordu tarafındaki yöneticilerin onayı ile gerçekleştiğini varsaymak mümkündür. Bu sebeple Kuzey-Batı ve Kuzey Çin'e ait yerel zhao, guanbao ve diğer kayıtlar her ne kadar detaylı inceleme gerektirseler de bize Altın Ordu Çin ilişkileri hakkında bilgi sağlayabilmektedir. Kırım ve diğer bölgelerde bulunan paizilar da her ne kadar meşhur yazılı kaynaklarda bulunmasa da iki ülke arasındaki ilişkilerin sürdüğünü kanıtlamaktadır.

Sonuç olarak, her ne kadar Yuanshi ve Hei Da Bei Lu Altın Ordu'ya dair en bilinen ve geniş Çin kaynakları olsalar da diğer kaynakların da incelenmesi Çin kaynaklarında Cuçi ulusunun sosyal, ekonomik, siyasi yapısı, onu oluşturan boylar ve üstüne kurulduğu coğrafya ile ilgili olarak dolaylı bilgiler sağlamaktadır. Her ne kadar bu bilgiler Altın ordu devletinin siyasi tarihi açısından önem arz etmeseler de sosyal tarihi ve ekonomik tarihi açısından değerli bilgiler sağlamaktadırlar.

REFERENSLAR

1. Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники / переводы с китайского, составление, вводная статья и комментарий Р.П. Храпачевского. М., 2009. 336 с.

2. *Haenisch Erich, ts'ung Wu Yao*, eds. Meng-Ta Pei-Lu Und Hei-Ta Shih-Lüeh // Asiatisch Forschungen, vol. 56. Wiesbaden: Harrassowitz, 1980.

3. *Song Lian*. 元史. Beijing: 中華書局, 1976.

Yazar hakkında: Kubilay Atik – öğretmen yardımcısı, Fen Edebiyat Fakültesi, Tarih Bölümü, Orta Doğu Teknik Üniversitesi (Sosyal Bilimler Binası, 204-A, +90 312 210 59 65, Ankara, Türkiye); katik@metu.edu.tr, kubilayatik@gmail.com

Golden Hord and Cucu Ulus in China sources

Kubilay Atik
(Middle East Technical University, Turkey)

Abstract. The article says that all sources on the Golden Horde in the Chinese language can be divided into four categories.The author tells that the first and most important category is the official Chronicle. The second type includes notes and reports of Chinese ambassadors. From these reports it becomes aware of the products that are produced and sold by Horde. In this category we can also find out about trade relations between Russia and the Golden Horde. Next can be examined the local archives.

As a result we can see thatGuanbao (Official Documents), business reports and páizi can provide us with information about relationships between Yuan and Golden Army.

Keywords: Golden Horde Khanate, Cucu nation, Genghis Khan, Chinese sources, Ke Shaomin, Gong Meng.

REFERENCES

1. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Tom 3. Kitayskie i mongol'skie istochniki* / perevody s kitayskogo, sostavlenie, vvodnaya stat'ya i kommentariy R.P. Khrapachevskogo [The Golden Horde in Historical Sources. Edited by R.P. Khrapachevsky]. Moscow, 2009. 336 p.
2. Haenisch Erich, and ts'ung Wu Yao, eds. Meng-Ta Pei-Lu Und Hei-Ta Shih-Lüeh. *Asiatisch Forschungen*, vol. 56. Wiesbaden, Harrassowitz, 1980.
3. Song Lian. *Yuanshi*. Beijing, Zhonghua Pugblishing House, 1976.

About the author: Kubilay Atik – Teaching Assistant at the Middle East Technical University, Faculty of Arts and Sciences, Department of History (Social Sciences Building, 204-A, +90 312 210 59 65, Ankara, Turkey); katik@metu.edu.tr, kubilayatik@gmail.com

Золотая Орда и Улус Джучи в китайских источниках

Кубилай Атик
(Ближневосточный технический университет, Турция)

Аннотация. В статье говорится, что все источники по истории Золотой Орды на китайском языке можно разделить на четыре группы. Автор отмечает, что к пер-

вой и наиболее важной категории относятся официальные хроники. Вторая группа включает в себя заметки и отчеты китайских послов. Из них мы узнаем о торговле между Русью и Золотой Ордой. Также при изучении этих источников мы получаем информацию о том, какие продукты производились и продавались этими государствами. В последнюю группу входят местные архивы.

Таким образом, мы видим, что Гуанбао (официальные документы), деловые отчеты и пайцзы предоставляют нам уникальную информацию об отношениях между Империей Юань и Золотой Ордой.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Чингисхан, китайские источники, Ки Шаомин, Гонг Мэн.

Сведения об авторе: Кубилай Атик – ассистент преподавателя, факультет искусств и наук, кафедра истории, Ближневосточный технический университет (Здание социальных наук, 204-А, +90 312 210 59 65, Анкара, Турция); katik@metu.edu.tr, kubilayatik@gmail.com

УДК 94(470.67/477.75)''15''

Два Бахчисарая и вопрос о территориальных пределах удела (юрта) Софу Мухаммед Гирая Четвертого в Дагестане в контексте истории этноязыкового состава его населения

Гарун-Рашид Гусейнов
(Дагестанский государственный университет)

Аннотация. Статья посвящена практически неизученному вопросу о территориальных пределах удела (юрта) крымского хана Софу Мухаммед Гирая Четвертого (1610–1674). Он правил в 1641–1644 и 1654–1666 годах, скончался в Дагестане (Кумыкистане), откуда Мухаммед Гирай удалился, будучи вторично смещенным с трона, и был затем захоронен в Бахчисарае – столице Крыма. Анализ материалов, получивших отражение в «Книге путешествия» его спутника Эвлия Челеби, показал, что удел, выделенный ему кумыкским правителем Дагестана Сурхаем III (правил в 1641–1668 гг.), включал не один, получивший название Бахчисарая, а несколько населенных пунктов. Также было установлено, что вместе с ханом в Дагестан прибыл довольно значительный воинский контингент. Он состоял из татар, видимо, крымских и ногайцев Малой Орды. Они расселились к этому времени от северного берега реки Кубань до низовий Терека. Они входили в пределы владений кумыкского падишаха Дагестана Сурхая III. Рассмотрение проблемы в ареальном контексте истории этноязыкового состава населения Кумыкского государства показало, что территориальные пределы удела, выделенного хану Мухаммеду Гираю Четвертому, включали, наряду с предгорным кумыкским Бахчисараем и его округой, часть нынешнего Центрального Горного Дагестана, которая прилегала к нему. Здесь в настоящее время проживают носители аварского языка. Мухаммед Гирай Четвертый, имевший в своем распоряжении вышеупомянутый воинский контингент, получил в управление пограничный удел. Он был ареально смежным с той частью Кумыкского государства, где незадолго до этого к власти пришла одна из боковых ветвей его правителей, и в дальнейшем здесь окончательно оформилось его нынешнее лакскоязычное население. При этом анализ соответствующего исторического и языкового материала показал, что в рассматриваемое время в пределах удела еще проживали потомки древнейшего исторически тюркского населения.

Ключевые слова: Бахчисарай, Дагестан, Софу Мухаммад Гирай Четвертый, Крым, удел (юрт), этноязыковой состав населения.

Одним из важнейших эпизодов многовековых кумыкско-крымскотатарских исторических связей [17; 18; 21; 26; 41] является пребывание в Дагестане (Кумыкистане) при шамхале Сурхае III (1598–1668, правил с 1641 г.)

Мехме́да IV Герая Су́фия (Софу́) (1610–1674 гг.), сына крымского хана Селямета I Герая, правившего в 1641–1644 и 1654–1666 годах, после его смещения с трона турецким султаном Мехмедом IV в марте 1666 г. Это событие получило отражение как в местной крымской традиции – у Халим Гирай-султана (1772–1823), который указывал, что он отправился в путь в сопровождении около 30 слуг, так и дагестанской (кумыкской) традиции [38; 25, с. 122–123].

Как указывает его спутник Эвлия Челеби, в Крыму Мухаммед Гирай снарядил походный кош в 300 всадников, переправившись в Тамань, нанял огромное войско из татар и переправился с ним через р. Кубань. Важно также упоминание у него крепости дахун икабака-крепости Педеси, жители которой, хотя и номинально, уже исповедовали ислам. Здесь «из его войска осталось всего сто человек», но затем в земле ногайца Арсланбека, «приняв подмогу из двух тысяч [воинов]», Мухаммад-Гирай и его спутники достигают крымской крепости Шад-керман у места впадения реки Джинджик в Кубань, где кадием был Тухтар Хаджи-Али из кумыков с отрядом из «100 кумыкских молодцов-джигитов… толка Шафи». В конце пути путешественники мимо Терской крепости московитов «со стремительными татарами» переправились «на другой берег Терека на судах», хан вступил «в границы исламского Дагестанского падишахства». И Эвлия Челеби именует этот раздел своего сочинения «О Кумыкистане и землях в пределах владений дагестанского султана» [см. 39, с. 5, 6, 7, 8, 10, 11, 21, 22, 25, 37, 38, 54, 55, комм. 75, 77].

Таким образом, хан прибывает в «Собственно дагестанскую страну» (следующий раздел его описания) в сопровождении сравнительно многочисленной свиты, состоявшей из крымских татар и, надо полагать, ногайцев Малой (Казыевой) Орды. Они, вытесненные в 1644 г. калмыками [за реку Западный Маныч], кочевали к этому времени от северного берега реки Кубань, через которую переправлялся Мухаммад-Гирай с нанятым войском, до низовий Терека на юге и юго-западе, став здесь союзниками кумыков [см. 26, с. 8–10].

В этой стране для Мухаммад Гирей-хана был выделен удел, состоявший из нескольких деревень, в число которых входил и будущий второй Бахчисарай, ибо правитель-шавхал дал хану «*юрт* в области Карабудак». Далее они «отправились в путь и через час [достигли деревни Пирбай]... Это *одна из тех деревень* (выд. наше – *Г.Г.-Р.*), которые подарил Мухаммед-Гирей-хану падишах Дагестана…» [39, с. 60, 64, 67–68]. Само слово *юрт* в староосманском языке, на котором писал Эвлия Челеби, значит «страна, край» [31, с. 490–491] и указывает на удел, состоявший из нескольких населенных пунктов.

Ю.М. Идрисов, возражая против высказанного К.М. Алиевым предположения о том, что село, выделенное ему в удел, вначале называлось

Пираулом, то есть «Святым аулом» [8], обратил внимание на сообщение Е.И. Козубского. Согласно ему, «около селения Параул в местности Юхари-Кутан имеются развалины старой деревни Бахчисарай» [23, с.162]. При этом он же указывает, что «вот этот Бахчисарай, а не Параул, безусловно, и был тем Пирбаем, который беглый хан переименовал в честь своей прежней родины» [20]. Анализ показывает: первая часть хоронима Пирбай может быть возведена к перс. «*пир*» – старец, в суфизме руководитель тарикаата (братства), святой, а также «могила» – мавзолей, где похоронен «пир» [27]. Вторая связывается у тюрок с понятием мирового дерева и птицы на нем [10, с. 94–96] и в алтайском языке отождествляется с наименованием божества Умай у древних тюрков [24, с. 82–83; 30] (пратюрк. Umaj – «богиня, олицетворяющая женское, земное начало и плодородие» [32, с. 569]). Оно отвечает первой части топонима *Бай-терек* у кумыкского с. Нижнее Казанище [6, с. 171], т.е. «(богини) Умай дерево», а Пирбай – «пир (богини) Умай». В данном регионе имя Ума относится к числу наиболее популярных кумыкских женских антропонимов. О достаточно древнем бытовании подобного культа в регионе и проживании тюрок в смежной горной зоне Северного Кавказа говорит наименование расположенного на крайнем юго-западе Чечни и граничащего с Хевсуретией чеченского общества МIайста, в котором «особое место занимали женщины-жрицы» [33, с. 81–82].

Так как на сегодняшний день в Кумыкии, в т.ч. в Парауле, какие-то языческие, возможно, связанные с женщиной святилища неизвестны [7, с. 48, 50], не исключено, что соответствующий пир находился в уже упоминавшемся Юхари-Кутане, располагавшемся около селения Параул, и впоследствии получил название Бахчисарай. Оно являлось, видимо, наряду с иными, частью удела («юрта») Мухаммад-Гирея IV, который еще в Крыму принадлежал к турецкому суфийскому братству мевлевиййа, мог стать здесь не только простым дервишем, но и тюрбедаром (араб.-перс.) – смотрителем тюрбе (араб. «усыпальница»), где уже или до этого находилось святилище Пирбай.

Возможно, что для содержания этого текке/зиярата и воинов, пришедших с Мухаммад-Гираем IV, последнему и был выделен состоявший из нескольких селений удел-юрт, пределы которого в этом случае должны были быть достаточно обширны. В его состав мог входить аварский аул Согратль [Гунибский район Республики Дагестан], в котором, по сведениям Г.Ф. Чурсина за 1928 г., «…имеется всего три тухума, или рода: *Тадилял*, *Гашиманал* и *Келеб*. Все они считаются выходцами из Крыма. Относительно родоначальника тухума Тадилял («Верхний») Абу Гасана рассказывают, что, будучи вынужденым уйти из Крыма, он прибыл в Дагестан и остался вначале в hАркасе, оттуда был вытеснен своими же единоплеменниками

(один из крымских выходцев – князей основал крепость hАркас). Оттуда Абу Гасан бежал в сел. Кулу в Казикумухе. За совершенное им убийство Абу Гасан был выселен, перебрался в Андалал и основал аул Согратль [авар. Сугъралъ (мн.ч. сугъул, Р.п. сугъулдерил), лакском – Ссугъра-щи]. Все три тухума Согратля считаются равными по происхождению и вступают между собою в браки» [40, с. 19].

Название первого тухума – авар. *ТIадилял* «Верхний» – может отражать высокий социальный статус его членов, так как Абу Гасан – выходец из этого тухума, пришедший из hАркаса/Хиркиса, прибыл туда из Крыма. Это в известной мере отвечает данным одного из нарративных источников 866/1481–1482 гг., в котором говорится о Гирай-хане – правителе Чечни и черкесской Горной области. Он был также эмиром и раисом Крыма, а затем и ряда владений Закавказья, включая Шемаху и Гянджу [22].

Первая часть в названии второго тухума – Гаши-ман-ал (мн.ч.) – из тюрк., в т.ч. кум. и кр.-тат., *qašı* «чесать», откуда *qašıma* – название чесотки [42, с. 162–163; 43, с. 347–348] + тур. -man образует отглагольные существительные со значением лица [36, с. 520, 964], обозначая тем самым непрестижный социальный статус членов этой группы жителей села. Его отражение в «Кодекс Куманикус» (*талашман* «скандалист», начало XIV в.) и известность в карачаево-балкарском языке (*гъыртман* «осел») [42, с. 108] говорит о достаточной давности бытования рассматриваемого слова в Крыму и на Северном Кавказе.

О прибытии с ханом крымских переселенцев говорят названия еще двух тухумов, сообщенные жителем Согратля Сиражутином Касумовым, – *Адехун-ал* и *Падар*. Они могут быть возведены к названию крепости и острова Адахун и, возможно, крепости (кабака) Педеси, где Мухаммад-Гиреем набирались воины-татары, с которыми он пришел в Дагестан, не считая его свиты (см. в предшествующем изложении). Тухум Падар известен и в ныне аварском (с XVIII в.), в прошлом кумыкском с. Чиркей, соседнем Аркасу. Название тухума имеет ирано-булгарское происхождение (<чув. *падăр* «храбрый» <обще-, межтюрк. *бāтыр* «герой» <иран. в первые века н.э. [29, с. 82–84]), о чем говорит и его отражение в наименованиях нескольких одноименных азербайджанских сел, расположенных в соседнем Дербентском районе Дагестана и ареально смежном ему Азербайджане. Его представители являются теми самыми потомками древнейшего булгарского и иного тюркского населения Согратля. Об этом говорит его микротопонимика [1, с. 635, 685, 488, 684]. Булгарская: лес *ЧIара* – (*кь* – топоформант) ~ рут. *чIарак* «расколотое бревно» ~ авар. *ЧIара-да* «высокогорная область» [15, с. 37]; *Пас-тIала* «пастбище» <тюрк. *Тала* «степь» праалтайского характера + *пас* [44, с. 99] ~ чув. *пус́* «голова» пратюркского характера, но с позднейшим вокализмом [31, с. 194], исходная на -а – форма

которого сохранилась в данном топониме наряду с аналогичным происхождение названия села, исторически однокорневого с г. Судак в Крыму [15, с. 40–41]. Огузские: *Дуре-да* «пашни» (при том, что авар. *хур* «пашня» man образует булгаризм) < азерб. диал. *dör* «верхняя часть комнаты» < пратюрк. *tör* «почетное (верхнее) место в юрте/доме» [31, с. 514, 95–96] + -да – аварский топоформант. Кыпчакско-ногайские: *Жоло-х* «пастбище» (<**Жало-*), где *-х(ъ)* – топоформант [1, с. 684, 635; 5, с. 15] < ног. *джайлав/жайлав* «располагаться на летовку» пратюркского уровня [см. 31, с. 74–75]. Все это говорит о последовательной смене и смешении в данном населенном пункте как носителей древних булгарских и огузских языков, так и крымскотатарского и ногайского языков. Трудно предполагать и окончательную победу здесь к рассматриваемому времени иносистемного аварского языка, что могло быть никак не ранее конца XVII века. Имеется в виду известность в Согратле тухума *Адехун-ал*, наименование которого восходит к названию крепости и острова Адахун, где еще в 1666 г. Мухаммад-Гиреем набирались воины-татары.

В памяти же его позднейших жителей могло сохраниться предание о времени его возобновления выходцем из Аркаса Абу Гасаном, наследниками которого представлены некогда привелигированным тухумом ТIадиял. Не случайно последний носит мусульманское имя в условиях, когда в Аркасе, взятом войсками Тимура в 1396 г., уже в следующем веке на месте церквей были возведены мечети [35], что говорит о распространении здесь ислама, и в известной мере подтверждает содержание рассказа о Гирай-хане – правителе Чечни и черкесской Горной области.

Название еще одного тухума из очерка – Келеб (авар. Къел-еб (мн.ч. Къел, Р.п. мн.ч. Къел-дер-ил, ныне Кахибский район РД), которое могло развиться [см. 5, с. 14–15] из наиболее близкого кр.-тат. *qale* «крепость» при тур. *kale*, азерб. *гала*, кум. *qala* то же, карач. *qala* «крепость», ног. *qala* «город», которые имеют арабско-персидское (*гäле*) происхождение, – указывает на то, что в Согратле появились в дальнейшем и выходцы из этого ареально смежного ему аварского общества. Для его сел характерна башенная архитектура, что говорит о его стратегическом значении.

Соседнее Келебу другое более южное (ныне Чарадинский район РД) аварское общество Къара-хъ (топоформант), где распространение ислама также имело место уже в XV в. [2, с. 95], находилось, как и Келеб, во владении шамхала Сурхая III [13, с. 200]. Оно, надо полагать, было включено наряду с Келебом, в юрт (удел) Мухаммад-Гирея IV вместе с Согратлем. Название– Къара (Qara) – может быть соотнесено с омономичным значением тюрк. *къара* «черный» – «масса, толпа» [44, с. 287], которое отразилось в русск. *чернь* (черневая тайга) – «густые пихтово-еловые (иногда горно-таежные) леса с примесью осины и березы в Сибири» [11], что характерно

для территории данного общества. Ср.: кара (горные) – кайтаги в Дагестане, позднесредневековые (кара)калканцы, отождествляемы с ингушами, и карачеркесы-карачаевцы [11], каракиргизы, черневые татары «тубалары» (одно из алтайских племен), в области проживания которых также произрастают подобные леса.

Именно к XV веку относится становление независимого Кумыкского государства с правителем-шавхалом из рода Чингизидов [см. 6, с. 273]. Несомненно это было тюркское мусульманское государство, в состав которого входил и Карах вместе с Сугул (Согратлем), городами Кадар, Аркас, где, как уже было отмечено, были возведены мечети, селением Вицху, известным сейчас как Чух (Чох – см. ниже), которые упоминаются во всех списках датируемого периодом от XIII–XV до XVIII вв. «Перечня повинностей, которые получали (кумыкский) шамхал и крым-шамхал». Причем Чох, Согратль и другие андалальские селения были освобождены от хараджа ввиду добровольного принятия ислама [см.: 2, с. 96; 4; 34, с. 107 прим.]. Отсюда он в последующем мог распространиться и на соседний Къел.

В удел Мухаммед Гирая Четвертого могло войти и селение Вицху (авар. ЧIо-хъ, где *-хъ* – аффикс места со значением «около предмета»), которое расположено по соседству с Сугул (Согратль), с названием также имеющим булгарское происхождение. Ср.: чув. *веç* «конец» (пратюрк. *уч* то же [31, с. 578]) при цоканье, характерном для булгаризмов дагестанских языков [15, с.39], и имеет в других тюркских языках значения, связанные с горным ландшафтом, т.е. «верх, верхушка, край (в т. ч. пограничный)») [см. 28, с. 611–612] + аффикс принадлежности *-ки/-кы/-ку* в его чувашском, на *х* – [см. 42, с. 96–97] варианте. Именно в его пределах расположены вышеупомянутые населенные пункты.

Показательно, что, в свою очередь, булгаро-печенежское происхождение (его представляется возможным соотнести с более поздним, исторически производным лак. *q´atta* «комната», возводящимся к огузско-печенежскому названию укрепления *qataj<qataγ* [16, с. 30; 19, с. 17 табл. 2б]) имеет название ныне даргинского с. Кадар. Оно, будучи соседним с Карабудахкентом, могло входить в удел Мухаммед Гирая Четвертого, ибо также платило харадж Кумухскому (Кумыкскому) шамхалу [см.: 2, с.96; 4; 34, с.107 прим.]. В него как, видимо, этнически родственное, а также в кумыкское с. Казанищи перебрались, по преданию, беженцы из Аркаса.

Тем самым в удел Мухаммед Гирая Четвертого были переданы исторически кумыкские области Центрального Нагорного Дагестана, за исключением Аркаса, еще не восстановленного ко времени приезда Мухаммед Гирая Четвертого. В них могла еще сохраниться некоторая часть первоначального кумыкского населения, известного здесь еще с древнейших булгарских и огузских времен.

Мухаммед Гирай Четвертый получил в управление пограничный удел, видимо, с учетом того, что в его распоряжении находился уже упоминавшийся воинский контингент. Это было связано, надо полагать, с усилением центробежных тенденций в Кумыкском государстве после отделения в конце XVI – начале XVII вв. Северного Засулакского региона с входившими в него областями Чечни и Дагестан (Эндирейский бийлик). Так, в 1641 г. в ареально смежной ему исторической кумыкской области Газикъумукълук [14] (здесь с достаточно древних времен располагалась летняя резиденция шамхалов Казикумух, упоминавшийся еще в 1318/19 г. [3, с. 98], ныне лакскоязычный регион), граничившей с другим кумыкским государством – уцмийством Кайтагским, к власти приходит еще одна из боковых ветвей правителей-шавхалов. Она приняла во второй половине XVIII в. титул «казикумухских ханов» [9, с. 20–21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аварско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1967. 806 с.

2. *Айтберов Т.М.* Сведения по экономической истории Дагестана XV в. в «Перечне повинностей, которые получают Шамхал и Крым-Шамхал» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). М.: Наука, 1979. Ч. 1. С. 94–97.

3. *Айтберов Т.М.* Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1991. 177 с.

4. *Айтберов Т.М.* Вопросы датировки «Тарих Дагестан». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mkala.mk.ru/article/2014/02/06/981326-voprosyi-datirovki-tarih-dagestan.html

5. *Алексеев М.Е.* Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988. 223 с.

6. *Алиев К.М.* Таргу-наме. Махачкала, 2001. 297 с.

7. *Алиев К.М.* Мусульманские святилища (пиры) Кумыкии // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, 2001. № 6–7. С. 47–51.

8. Алиев *К.М.* Сурхай III – «падишах Дагестанский» //«Ёлдаш/Времена», 2008, № 1–3.

9. *Алиев К.М.* К родословной князей Кази-Кумухских // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. VI. Владикавказ, 2014. С. 11–25.

10. *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.

11. Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vedu.ru/bigencdic/70621/

12. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Малый энциклопедический словарь. Петербург: 1907–1909. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.runivers.ru/lib/book3182/

13. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* О южных пределах Кумыкского государства эпохи Султан-Мута // Материалы первой научной конференции, посвященной 460-летию

Султан-Мута – основателя Эндиреевского владения, сына Чопана шамхала Тарковского. Махачкала, 2008. С. 185–215.

14. *Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Ґумиḳ~ Ґумуḳ~ Ḳумуḳ средневековых источников: опыт историко-этимологической и ареальной интерпретации // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2008. Вып. 1. С. 145–152

15. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала, 2010. 214 с.

16. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком: автореф. дисс. докт. филол. наук. М., 2011. 51 с.

17. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* К этно- и политогенезу крымских татар и кумыков в историческом контексте их древних и средневековых взаимоотношений // Крымское историческое обозрение. Казань-Бахчисарай, 2014. № 2. С. 23–38.

18. *Гусейнов Ю.М.* Крымско-дагестанские взаимоотношения XV–XVIII вв. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар, 2015. № 3. С. 2–5.

19. *Дыбо А.А.* Лингвистические контакты древних тюрков. М.: Восточная литература, 2007. 223 с.

20. *Идрисов Ю.М.* Параул и параульцы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kumukia.ru/article–9033.html

21. *Идрисов Ю.М.* Краткий обзор истории политических взаимоотношений феодальных владетелей Северо-Восточного Кавказа с Крымским ханством // Крымское историческое обозрение. Казань-Бахчисарай, 2015. № 1. С. 22–29.

22. История Гирей-хана // Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С. 168–174.

23. *Козубский Е.И.* Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. 730 с.

24. *Кудачина Н.* К этимологии слова «бай» в алтайском языке // Советская тюркология. 1980. №5. С. 82–86.

25. Кумыкский энциклопедический словарь. Махачкала, 2009. 214 с.

26. *Пилипчук Я.В.* Тюркские княжества Северного Кавказа в системе международных отношений XVI–XVIII в. Хасавюрт, 2015. 24 с.

27. Пир [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%80_%28%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%29

28. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. 767 с.

29. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1978. 350 с.

30. *Стеблева И.В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука, 1973. С. 217–223.

31. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 2001. 822 с.

32. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 2006. 908 с.

33. *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. Ч. 1. 240 с.

34. «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи //Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука. 1993. С. 86–107.

35. *Тахнаева П.И.* Христианская культура средневековой Аварии (VII–XVI вв.) в контексте реконструкции политической истории. Махачкала, 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krotov.info/history/10/3/avar_01.htm

36. Турецко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 966 с.

37. *Хакимзянов Ф.С.* Булгарский язык // Языки мира. Тюркские языки. М.: Наука, 1997. С.47–52.

38. *Халим Гирай-султан.* Розовый куст ханов, или история Крыма [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/index.phtml?id=12918

39. *Челеби Эвлия.* Описание Северного Кавказа (Извлечения из сочинения «Сейяхат-наме»). М.: Таус, 2011. 112 с.

40. *Чурсин Г.Ф.* Авары. Этнографический очерк. Махачкала, 2004. 127 с.

41. *Шемшединов Адиль.* Легенды и сказания кумыков // Крымское историческое обозрение. Казань-Бахчисарай. 2015. № 1. С. 245–254.

42. *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л.: Наука, 1977. 191 с.

43. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Восточная литература, 1997. 363 с.

44. Этимологический словарь тюркских языков. М.: Восточная литература, 2000. 261 с.

Сведения об авторе: Гарун-Рашид Абдул-Кадырович Гусейнов – доктор филологических наук профессор кафедры русского языка Дагестанского государственного университета (367000, ул. Гаджиева, д. 43-а, Махачкала, Республика Дагестан, Россия); garun48@mail.ru

Two Bakhchisarai settlements and the question of the territorial boundaries of Sofu Mohammed Giray Fourth appanage (yurt) in Daghestan in the context of the history of the ethnolinguistic composition of its population

Garun-Rashid Guseynov
(Daghestan State University)

Abstract. The article is devoted to almost not studied question of territorial limits of the appanage (yurt) of Crimean khan Sofu Mohammed Geray Fourth (1610–1674). He governed in 1641–1644 and 1654–1666, died in Dagestan (Kumykistan), from where Mohammed Gerayleft, being again displaced from a throne, and thenburied in Bakhchisarai – thecapital of the Crimea. The analysis of the materials, which received reflection in 'The book of travel' of his companion Evliya Chelebi, showed that the appanage, allocated to him bythe Kumyk governor of Daghestan Surkhay III (ruled in 1641–1668), included not one, which received the name of Bakhchisarai, but some other settlements. It was also established that quite considerable military contingent arrived to Daghestan together with khan. It consisted of Tatars, probably Crimean, and Nogais of the Small Horde, who were settled beginning from the northern river bank of Kuban to the lower reaches of the river Terek. They entered into limits of possession of the Kumyk Padishah of Daghestan Surkhay III. Consideration of a problem in an areal context of history of the ethnolinguistic composition of the Kumyk state's population showed that territorial limits of the appanage allocated to the khan Muhammad Giray the Fourth, included, along with foothill of Kumyk Bakhchisarai and its districts, the part of present Central Mountain Daghestan, which adjoining to it. Here now native speakers of the Avarian language live, and Muhammad Giray the Fourth, who had the above-mentioned military contingent at his order, received in management boundary appanage. It was area adjacent to that part of the Kumyk state, where shortly before came to the power one of side branches of his governors, and further was finally issued here the population speaking the Lakian language. Thus the analysis of the corresponding historical and language material showed that by the considered time within appanage still lived descendants of the most ancient historically Turkic population.

Keywords: Bakhchisarai, Daghestan, Sofu Mohammed Geray Fourth, Crimea, appanage (yurt), ethnolinguistic composition of the population.

REFERENCES

1. *Avarsko-russkiy slovar'* [Avarian-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967. 806 p.

2. Aytberov T.M. Svedeniya po ekonomicheskoy istorii Dagestana XV v. v «Perechne povinnostey, kotorye poluchayut Shamkhaly Krym-Shamkhal» [Data on economic his-

tory of Dagestan in the XV century "The list of duties which receive Shamkhal and the Crim-Shamkhal"]. *Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XIV godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR (doklady i soobshcheniya)* [Written monuments and problems of cultural history of the people of the East. XIV annual scientific session at Leningrad office of Institute of Oriental studies of Academy of Sciences of USSR (reports and messages)]. Moscow, Nauka Publ., 1979, vol. 1, p. 94–97.

3. Aytberov T.M. *Drevniy Khunzakh I khunzakhtsy* [Ancient Hunzakh and hunzakhians]. Makhachkala, 1991. 177 p.

4. Aytberov T.M. *Voprosy datirovki «Tarikh Dagestan»* [Questions of dating "Tarikh Daghestan"]. Available at: http://mkala.mk.ru/article/2014/02/06/981326-voprosyi-datirovki-tarih-dagestan.html

5. Alekseev M.E. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya avaro-andiyskikh yazykov* [Comparative-historical morphology of the Avar-Andian languages]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 223 p.

6. Aliev K.M. *Targu-name* [Targu-name]. Makhachkala, 2001. 297 p.

7. Aliev K.M. Musul'manskie svyatilishcha (piry) Kumykii [Muslim sanctuaries (feasts) of Kumykiya]. *Vesti Kumykskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva – Messagesof Kumyk scientific and cultural society*. Makhachkala, 2001, no. 6–7, p. 47–51.

8. Aliev K.M. Surkhay III – «padishakh Dagestanskiy» [Surkhay III – "the padishah of Daghestan"]. *Eldash/Vremena – Companions/Times,* 2008, no. 1–3.

9. Aliev K.M. K rodoslovnoy knyazey Kazi-Kumukhskikh [To a family tree of Kazi-Kumukh princes]. *Genealogiya narodov Kavkaza. Traditsii i sovremennost'. Sbornik statey* [Genealogy of the people of the Caucasus. Traditions andthe present: Collected Articles]. Vladikavkaz, 2014, vol. VI, p. 11–25.

10. Akhmet'yanov R.G. *Obshchaya leksika dukhovnoy kul'tury narodov Povolzh'ya* [General lexicon of spiritual culture of the Volga region peoples]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 144 p.

11. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [The large encyclopedic dictionary]. Available at: http://www.vedu.ru/bigencdic/70621/

12. Brokgauz F.A., Efron I.A. *Malyy entsiklopedicheskiy slovar'* [The small encyclopedic dictionary]. Available at: http://www.runivers.ru/lib/book3182/

13.Guseynov G.-R.A.-K. O yuzhnykh predelakh Kumykskogo gosudarstva epokhi Sultan-Muta [About the southern borders of the Kumyk state in era of Sultan-Mut]. *Materialy pervoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 460-letiyu Sultan-Muta – osnovatelya Endireevskogo vladeniya, syna Chopana shamkhala Tarkovskogo* [Materials of the first scientific conference devoted to the 460 anniversary of Sultan-Mut – the founder of Endirei possession, the son of Chopan-shamkhal of Tarki]. Makhachkala, 2008, p. 185–215.

14. Guseynov G.-R. A.-K. Ǧumiḳ~Ǧumuḳ~Ḳumuḳ srednevekovykh istochnikov: opyt istoriko-etimologicheskoy I areal'noy interpretatsii [Gumiḳ ~ Gumuḳ ~ Kumuḳ of medieval sources: experience of historical and etymological and areal interpretation]. Dagestanskiy vostokovedcheskiy sbornik [Daghestan oriental collection]. Makhachkala,2008, vol. 1, pp.145–152.

15. Guseynov G.-R.A.-K. *Istoriya drevnikh I srednevekovykh vzaimootnosheniy ya-*

zykov Severo-Vostochnogo Kavkaza I Dagestana s russkim yazykom [History of ancient and medieval relationship of the North-East Caucasus and Daghestan languages with Russian]. Makhachkala, 2010. 214 p.

16.Guseynov G.-R.A.-K. *Istoriya drevnikh I srednevekovykh vzaimootnosheniy yazykov Severo-Vostochnogo Kavkaza i Dagestana s russkim yazykom: avtoreferat dissertatsii… doktora filologicheskikh nauk* [History of ancient and medieval relationship of the North-East Caucasus and Daghestan languages with Russian: abstract of the thesis Ph.D. (Philology)]. Moscow, 2011. 51 p.

17. Guseynov G.-R.A.-K. *K etno– i politogenezu krymskikh tatar i kumykov v istoricheskom kontekste ikh drevnikh I srednevekovykh vzaimootnosheniy* [To the ethno– and polygenesis of the Crimean Tatars and Kumyks in the historical context of their ancient and medieval relationships]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie – Crimean historical review*, 2014, no. 2, p. 23–38.

18. Guseynov Yu.M. Krymsko-daghestanskie vzaimootnosheniya XV–XVIII vv. [Crimean-Daghestan relationship of XV–XVIII centuries]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanitarian, social-economic and social sciences,*2015,no. 3. p. 2–5.

19. Dybo A.A. *Lingvisticheskie kontakty drevnikh tyurkov* [Linguistic contacts of ancient Turkic peoples]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2007. 223 p.

20. Idrisov Yu.M. *Paraul i paraul'tsy* [Paraul and paraulians]. Available at: http://kumukia.ru/article–9033.html

21. Idrisov Yu.M. Kratkiy obzor istorii politicheskikh vzaimootnosheniy feodal'nykh vladeteley Severo-Vostochnogo Kavkaza s Krymskim khanstvom [Short history review of political relationship among feudal possessors of the Northeast Caucasus with the Crimean khanate]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie – Crimeanhistorical review*, 2015, no. 1, p . 22–39.

22. Istoriya Girey khana [Girey khan's history]. *Dagestanskie istoricheskie sochineniya* [Daghestan historical compositions]. Moscow, Nauka Publ., 1993, p. 168–174.

23. Kozubskiy E.I. *Dagestanskiy sbornik* [Dagestanian collection]. Temir-Khan-Shura, 1902. 730 p.

24. Kudachina N. Ketimologii slova «bay» v altayskom yazyke [To word "bye" etymology in the Altai language]. *Sovetskaya tyurkologiya – Soviettyurkologiya*, 1980, no. 5, p. 82–86.

25. *Kumykskiy entsiklopedicheskiy slovar'.* Makhachkala, 2009. 214 p.

26. Pilipchuk Ya.V. *Tyurkskie knyazhestva Severnogo Kavkaza v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy XVI–XVIII vv*. [Turkic principalities of the North Caucasus in system of the international relations of the XVI–XVIII centuries]. Khasavyurt, 2015. 24 p.

27. *Pir*[Pir]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%80_%28%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%29

28. Sevortyan E.V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 767 p.

29. Sevortyan E.V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 350 p.

30. Stebleva I.V. K rekonstruktsii drevnetyurkskoy religiozno-mifologicheskoy sistemy [To reconstruction of Old Russian religious and mythological system]. *Ty-*

urkologicheskiy sbornik. 1972 – Turkologic collection. 1972. Moscow, Nauka Publ.,1973, p. 217–223.

31. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [Comparative-historical grammar of Turkic languages]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 822 p.

32. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [Comparative-historical grammar of Turkic languages]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 908 p.

33.Suleymanov A.S. *Toponimiya Checheno-Ingushetii* [Toponymy of Chechen-Ingushetia]. Grozny, 1976, vol. 1. 240 p.

34. "Tarikh Daghestan" of Mukhammadrafi ["Tarikh Daghestan" of Mukhammadrafi]. *Dagestanskie istoricheskie sochineniya* [Dagestan historical compositions]. Moscow, Nauka Publ., 1993, p. 86–107.

35. Takhnaeva P.I. *Khristianskaya kul'tura srednevekovoy Avarii (VII–XVI vv.) v kontekste rekonstruktsii politicheskoĭ istorii* [Christian culture of medieval Avariya (VII-XVI cc.) in the context of reconstruction of political history]. Makhachkala, 2001. Available at: http://krotov.info/history/10/3/avar_01.htm

36. *Turetsko-russkiy slovar'* [Turkish-Russian dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1977. 966 p.

37. Khakimzyanov F.S. Bulgarskiy yazyk [Bulgar language]. *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [World languages. Turkic languages]. Moscow, Nauka Publ., 1997, p. 47–52.

38. Khalim Giray-sultan. *Rozovyy kust khanov, ili istoriya Kryma* [Pink bush of khans, or history of the Crimea]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/index.phtml?id=12918

39. Chelebi Evliya. *Opisanie Severnogo Kavkaza (Izvlecheniya iz sochineniya "Seyyakhat-name")* [The description of the North Caucasus (Extraction from the composition "Seyakhat-name")]. Moscow, Taus Publ., 2011. 112 p.

40. Chursin G.F. *Avary. Etnograficheskiy ocherk* [Avars. Ethnographic sketch]. Makhachkala, 2004. 127 p.

41. Shemshedinov Adil'. Legendy I skazaniya kumykov [Legends and folk tales of Kumyks]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie – Crimean historical review*, 2015, no. 1, p. 245–254.

42. Shcherbak A.M. *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov. Imya* [Sketches on comparative morphology of Turkic languages. Name]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, 191 p.

43. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1997. 363 p.

44. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov* [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2000. 261 c.

About author: Garun-Rashid Abdul-Kadyrovich Guseynov – Dr. Sci. (Philology), the Professor of Russian language department, Dagestan State University (367000, Gadzhiyev St., 43-a, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia); garun48@mail.ru

УДК 929.52:930.85

Emir Edigü (Edige) Ve Oğullarının Nogay Ulusu'ndaki Yeri

Derya Derin Paşaoğlu
(Karadeniz Teknik Üniversitesi, Türkiye)

Özet. Altın Ordu Hanlığı'nda Toktamış Han'ın ardından başlayan taht mücadeleleri sonucu Deşt-i Kıpçak coğrafyasında Cuçi neslinden gelen şehzadelerin etrafında toplanmaya başlayan Cuçi ulusu XV yüzyılda Kırım, Kazan, Kasım, Nogay, Küçüm ve Astrahan gibi siyasi parçalara ayrılmıştır. Söz konusu Cuçi Ulusu parçalarından olan Nogay Ulusu'nun ortaya çıkışı ve siyasi yapılanması Emir Edigü (Edige) ve oğulları tarafından gerçekleştirilmiştir. Bugünkü Nogay kabileleri Edigü neslinden gelen mirzalarla teşkilatlanmış ve kabilelerin isimleri yine bu mirzalara dayanmaktadır.

Çalışmamızda Nogay Ulusu'nun ortaya çıkışında Emir Edigü'nün kimliğinden hareketle, Edigü oğullarının (Nogay mirzalarının) liderliğinde Nogay Ulusu'nun parçalara ayrılması ve bu süreçte Emir Edigü neslinden mirzaların Nogay kabilelerindeki yerleri meselesi; yerli kaynaklarda ve Osmanlı arşiv kayıtlarında adı geçen kabileler açısından ele alınmıştır. Nogayların Osmanlı Devleti, Kırım Hanlığı ve Rusya üçgeninde siyasi ilişkilerdeki yeri meselesi bu çalışmanın hacmini aşacak kapsamda bir konu olması hasebiyle burada söz konusu siyasi ve askeri ilişkilere girilmemiş sadece bu ilişkilerde rolü olan Nogay liderlerinin tespiti noktalarında değinilmiştir.

Anahtar kelimeler: Nogay, Kırım, Tatar, Edigü (Edige), Nevruzoğulları, Kasayoğulları, Mamayoğulları, Ormembetoğulları, Yedisan.

Nogaylar[1], Altın Ordu Hanlığı'nın parçalanma süreçinde, bozkır kültürüne sahip, savaşçı ve Deşt-i Kıpçak coğrafyasında hâkimiyet mücadelesi sürdürenlerin başarı için kendilerine taraf olmaya çalıştıkları bir ulus olmuştur. Nogay Ulusu'nun ortaya çıktığı coğrafya, XV. Yüzyılda İdil Nehri'nin doğusunda, Saraycık[2] şehri merkez olmak üzere Yayık ve Cim (Emba) nehirleri sahası olup Sirderya'ya kadar uzanmaktadır. Bu yüzyılda bölgede göç eden uruğlar Altın Orda Hanlığı'nın sol kol uruğlarıdır ve *Şirin, Arın, Kıpçak, Argun, Alçın, Katay* ve *Mangıt* olmak üzere *Yedisan* adıyla bilinmektedir [40, s. 281]. *Yetmiş bin kaz-*

1 Nogayların menşei, uruğları, isminin menşei ve ulus veya hanlık olmaları konusu tarafımızdan *Nogayların Hanlık ve Ulus Olma Sorunsalı*, başlığı altında incelenmiş ve yayına hazırlanmıştır.

2 Serâcûk (Saraycık) ismindeki cûk (cık) küçük anlamına gelir ve Ulu-su (Yayık) Nehri'nin kıyısındadır [27, s. 519].

gan anlamına gelen *Yedisan*[3] uruğlarından *Şirinler*[4] başta olmak üzere ilk dördü Kırım tarafına göçmüşlerdir, kalanlar ise *Nogay-Mangıt* adı ile anılmışlardır [40, s. 281]. Nogayların doğu kaynaklarında *Mangıt* olarak bilinmeleri [8, s. 22] Emir Edigü'nün *Mangıt* lideri Kutlu Kıya Beg'in oğlu olması hasebiyle Nogay Ulusu'nda hâkim ulusun *Mangıtlar*[5] olmasındandır. Keraytov, Nogay Ulusu'nun içinde yer alan boyların otuz ikisinin ismini vermiş ve *Kıpçak, Kanglı, Uysun, Nayman, Kereyit, Kongrat, Mangıt, Katagan, As, Kıtay, Bayis, Baydar, Bayata, Bayteke, Kobek, Tama, Keneges, Matakay, Bodrak, Majar, Şijuvıt, Nukus, Ming, Uygur, Abaz, Bulgar, Kırgız, Türkmen, Sirak, Kobanşı, Durmen, Merkit* olarak listelemiştir [36, s. 17][6]. Trepavlov bu listeyi yetmişe çıkarmıştır [56, s. 499]. Ancak bu boylar sadece Nogay ulusunun içinde değillerdir. Boyların birçoğu yine birlikte *Kazan, Özbek, Karakalpak, Kırgız, Başkır, Türkmen, Yakut, Tatar, Kırım Tatarı, Hakas, Altay* uluslarının oluşumunda da etkin rol oynamışlardır [36, s. 17; 7, s. 33; 6, s. 570]. Nitekim bu boyların bazıları; *Kıpçak, Hıtay, Burlak, Kondra meyk, Kilçi, Nayman, Ağran-Çapçak-Tuma ve Haydaroğlu Türkmenleri, Kara Kıpçak, Mangıt, Altıayakoğlu, Kızılbayoğlu, Aksüyün, Nartaylak, Kanglı* olmak üzere 18. yüzyılda Kırım Hanlığı himayesindeki Edigü neslinden gelen mirzaların nökerleri olarak karşımıza çıkmaktadırlar [5, s. 234-239][7].

Emir Edigü liderliğinde başta *Mangıtlar* olmak üzere Sirderya boyunda kalan *Yedisan* uluslarının oluşturduğu askeri bir güç olan Nogaylar, onun ölümünden sonra oğlu Nureddin zamanında büyük bir siyasi birlik sağlamışlardır. Ancak kısa bir süre sonra Kazan ve çevresinin Rus hâkimiyetine girmesi, saf bir bozkır

3 *Yedisan*: Yedi Tümendir. Bir Tümen: on bin, yedi tümen yetmiş bin kazandır [37, s. 17].

4 Başlarındaki Karaçi beylerinin liderliğinde Kırım yönetiminde söz sahibi olmuşlardır. Şirin Beyleri, Karaçi Beylerini temsilen baş karaçiliği elinde tutmuştur [15, s. 222; 32, s. 22].

5 Mangıtlar, Deşt-i Kıpçak'ta Türk boylarıyla karışıp İslamlaşan bir Moğol kabilesidir. Moğolların efsanevi ataları olan Alan-koa'nın evlatlarından Nirunlara -ışığın oğlu-pak nesile [17, s. 59] bağlanan Mangıtlar Alan-koa'nın yedinci göbekten torunu Tumine'nin dokuz oğlundan en büyüğü Caksu'nun; Nuyaktin, Urut ve Mangkut adlı üç oğlunun kendi isimleriyle birer uruğ teşkil etmeleriyle ortaya çıkmıştır [6, s. 570; 43, s. 14].

6 Ayrıca Nogay etnik adı, Manas Destanının bütün nüshalarında geçmekle birlikte Ak Nogay, Kara Nogay ayrılması dahi vardır ve Kırgızların içinde Nevruz (Nooruz uulu), Mamat ve Urak (Orak) boyları da yer almaktadır [38, s. 158]. Söz konusu ortaklığın sebebi, gerek Nogayların ve Kırgızların içerisinde yer alan Kıpçak ve Kırgız uluslarının tarihi ve coğrafyasında gerekse Nogay-Mangıtların Sirderya boyunda oldukça geniş bir coğrafyada etkin olmalarında aranmalıdır.

7 Çalışmamızda; söz konusu boyların kökenleri tartışmasına ve Nogay kabilelerinin adlandırılmalarında bu boyların rolü meselesine, müstakil çalışılması gereken husus olması ve çalışmamızın hacmini aşması hasebiyle değinilmemiştir. Sonuç kısmında verilecek olan kabileler tablosuna da eklenmemiştir. Çalışmamız sadece Nogay Ulusu'nun Emir Edigü oğulları liderliğinde parçalanması ve bu kabilelerin alt dallara ayrılışı nezdinde ele alınmıştır.

kültürüne ve ekonomisine sahip ve bağımlı Nogayları zor duruma sokmuştur. Geçim sıkıntısı, kıtlık ve hastalıklar Nogaylar arasında huzursuzluk ve iç mücadeleye zemin hazırlamıştır. Sorunların çözümü konusunda Edigü oğulları arasında çıkan görüş ayrılıkları, kopmalarla ve Deşt-i Kıpçak[8] coğrafyasında farklı bölgelere ayrılmalarla sonuçlanmıştır. Bu hareketlilik 21. Yüzyıla kadar devam edecek hareketliliklerin başlangıcı olmuştur. Öte yandan Nogay Uluslarını inceleyebilmeyi de güçleştirmiştir.

Nogaylar, farklı zaman aralıklarında farklı bölgelerde, çeşitli boy ve kabileler halinde Edigü neslinden gelen mirzalar etrafında ve mirzaların isimleriyle karşımıza çıkmışlardır. Kırım Hanlığı, Osmanlı Devleti ve Ruslar arasındaki siyasi ve askeri mücadelelerde farklı saflarda yer alarak bölgede kaygan bir zemin oluşturan Nogaylar, İdil'den Tuna'ya kadar Karadeniz'in kuzeyinde atlı ve bozkır kültürünü muhafaza etmişlerdir. Rusya'nın coğrafyadaki yayılmacı politikasıyla paralel olarak hareket sahaları daraldıkça, Kırım Hanlığı ve Osmanlı himayesini talep eden binlerce Nogay 19. ve 20. Yüzyılda Osmanlı topraklarına göç etmiştir.

Emir Edigü, Oğulları ve Nogay Kabileleri

Emir Edigü, hayatı kahramanlık ve maceralarla dolu, özellikle Ruslara karşı savaşlarıyla sadece *Mangıt-Nogay* uruğlar arasında değil Karadeniz'in kuzeyinde ve İdil boyundaki kavimler arasında da destanlara [51, s. 1; 18, s. 1] konu olmuş şahsiyeti ile bilinen Altın Ordu emiridir [40, s.141-142].

Emir Edigü, *Mangıtların* önderi Kutlı Kıyalı'nın oğlu İdiki (İdigü, Edigü, Edige) Beğ'dir [23, s. 270]. Emir Edigü'nün Hz. Ebubekir'e dayanan soyu hakkında çeşitli kaynaklarda şecereler verilmiştir. Bu konuda yapılan en kapsamlı araştırma DeWeese'n eserinde [16, s. 385] yer almaktadır. **Tablo 1'de** de görüleceği üzere Edigü'nün soyunu Hz. Ebubekir'e dayandıran kaynakların vermiş olduğu şecereler arasında farklılıklar bulunmaktadır. Ancak kaynakların genel olarak Baba Tukles'den Edigü'ye kadar olan nesilde hem fikir oldukları görülmektedir. Bilindiği üzere Baba Tukles, Altın Orda Hanlığı'nda Özbek Han'ı İslâmiyet'e davet için Deşt-i Kıpçak coğrafyasına gelen dört ulemadan biridir. Nitekim Özbek Han'ın İslâmiyet'i kabulüyle birlikte burada kalarak Deşt-i Kıpçak coğrafyasında İslâmiyet'in dini hükümleri konusunda eğitimler vermişler ve Şeyh Baba Tukles nesli emirlik makamında devam etmiştir [14, s.118]. Emir Edigü'nün siyasi gücünün yanı sıra hanlık içerisinde Baba Tukles neslinden gelmesi hasebiyle Müslüman halkın gözünde sahip olduğu saygın statüyü göz ardı etmemek gerekir. Nitekim aşağıda ifade edileceği üzere İbni Arapşah tarafından, *Emir Edigü'nün samimi ve takva ehli bir Müslüman* olarak tanımlanması, söz konusu statüyü hak ettiğinin göstergesidir.

8 *Deşt-i Kıpçak* tanımı için bkz. [4; s. 9; 35, s. 11]

Tablo 1: Emir digü Soyunu Hz. Ebubekir' Bağlayan Şecereler

Defter-i Cengiz-name [12, s. 88, 249]	**Umdetü'l-Ahbâr*** [5, s. 232]	**Osmanov** [16, s. 386]	**Defter-i Celayir** [16, s. 386]	**Lusupov Şeceresi 1654** [16, s. 386]	**Lusupov Şeceresi 1686** [16, s. 386]	**Matlab'et-Talibin** [16, s. 386]	**Kara Nogay Destan Rivayeti** [16, s. 386]
Ebubekir	Ebubekir	Ebubekir	Ebubekir	Abubekir	Ababuk	Ebubekir	Ebubekir
Muham-med	Muham-med	Muham-med	Muham-med	Magamet	Magomel	Muham-med	-
Sultan Ka'b	Sultan Ka'b	Sultan Ka'b	Sultan Ka'b	Kegap	Kegab	Ka'b	Kiab
Hürmüz	Murad	Hürmüz	Hürmüz	Girmez	Girmis	-	Irmiz
Halid	Halid	Halid	Halid	Haleb	Halid	Valad	Hanit
Velid	Haydar	Velid	Velid	Zalid	-	Haldar	Valit
Kayuda	Has	Kaydah	Kaydah	Kyiaye	-	Mevlut	Kaida
Mevlüd	Safa	Mevlüd	Mevlüd	Kuled	Kuliud	Haydar	Mavlut
Ebu'l-gas	Bahaüddin Veled	Ebu'l-As	Ebu'l-As	Abulgazi	Abulgazi	Abul-As	Abul-Az
Selim	İbrahim	Salim	Salim	Selim	Selim	Salim	Selim
Sadak	-	Sadak	Sadak	Sıddık	Sıddık	Safa	Sudak
Ebu'l-Hak	-	Ebu'l-Hak	Ebu'l-Hak	Abdülhak	Abdelhak	-	Abdulhak
Osman	Celaleddin sultanü'l-ulema eş-şeyh Bahaüddin Veled**	Osman	Osman	Usmanor	Osman	-	Osman
Celaleddin	İbrahim	Celaleddin	Celaled-din	Celaled-din	Celaled-din	Celaled-din	Celaddin
Baba Tukles	Baba Tukles	Baba Tukles	Baba Tukles	Baba Tukles	Baba Tukles	Baba Tukles	Baba Tukles
Terme	Tureme	Terme	Terme	Termes	Termia	Turm	Turme
Kazici	Karapçı	Kazicin	Karapçı	Karapçı	Karapçı	-	Kzeçi
İslam Kıya	İslam Kıya	İslam Kıya	İslam Kıya	İslamKaia	Slamkai	İslamkıya	İslamkaya
Kadir Kıya	Kadir Kıya	Kadir Kıya	Kadir Kıya	Kadulkaia	Kadurkai	-	Kadirkaya
Kutlu Kıya	Kutlu Kıya	Kutlu Kıya	Kutlu Kıya	Kudukaia	Kadlukai	Kıya Biy	Kulukaya
İdigü Biy	İdigü Beg	İdige	İdige	Edigi	İddigei	Edigı Biy	Adige

* Umdetü'l-Ahbâr'ın sonunda *Edigü Beğ ve Evladının Ahvali* adlı bir başlık bulunmaktadır. Eserde gerek bu bölümde, gerekse Altın Ordu ve Kırım Hanlığı'nın tarihini izah eden bölümlerde Edigü ve oğulları hakkında oldukça hacimli veriler içermektedir. [5, s. 232]

** Kırımî eserinde bu ismi bir bütün olarak *Celaleddin sultanü'l-ulema eş-şeyh Bahaüddin Veled*, şeklinde ifade etmiştir; *Baba Alim şeyh Arifibillah Tuğlas* ***bin*** *şeyh İbrahim* ***bin*** *Celaleddin sultanü'l-ulema eş-şeyh Bahaüddin Veled* ***bin*** *eş-şeyh Safâ* şeklinde devam etmektedir, ayrıntılar için bkz.: [5, s. 232].

Yakubovsky, İbn Arabşah'a atıfla Emir Edigü'nün, *gayet esmer yüzlü, orta boylu, tıknaz vücutlu, akıllı, cömert, güler yüzlü, basiretli ve dirayetli bir adam olduğunu* belirtmiştir. Emir Edigü ile ilgili bilgilere ulaşırken, Arap ve Acem kaynakların bu konuda yetersiz olduğunu, Rus kroniklerinin çok zengin bilgiler içerdiğini vurgulamış, özellikle Nogay menkıbesindeki Edige adlı kahramanın, *göçebe aristokratlarının gönlünü yapmak üzere tertip edilmiş olduğunun ve bu destanın Edige'nin kişiliği üzerine tarihi realiteye uygun bir fikir vermeyeceğinin* altını çizmiştir. Ayrıca, yine bu kaynaklara dayanarak Edige'nin esas özelliğinin *sadakatsizlik* olduğu söyleyip onun, en dessas ve haris bir Altın Orda hükümdarı olduğunu nakletmiştir [59, s. 190]. Yakubovsky'nin *kaynağının Rus kronikleri olması ve Edige'nin de Altın Orda Devleti'nin güçlü bir emiri olması ve Ruslara karşı mücadelesi ile dikkat çekmesi göz önünde bulundurulduğunda* bu yaklaşımı anlamak zor değildir.

Oysa Yakubovsky'nin kaynak gösterdiği İbni Arapşah, Emir Edigü'yü bir yandan fiziksel tanıtırken, Yakubovsky'nin almaktan imtina ettiği askeri yönünü; *bütün düşüncesi; düşmanını tuzağa düşürmek, savaş hileleri ve savaşmak olup, görüş ve düşünceleri diğer insanlardan farklı,* tanımıyla ifade etmiştir. Ayrıca *siyaset konusunda değerli görüşleri vardır ve âlimlere ve faziletli kişilere himmet eder*, sözleriyle yöneticiliğini izah etmiştir. Özellikle *takvâdar, fakirlere yakınlık gösterip, onlarla şakalaşarak, şirin sözler söyler, orucu hakkıyla tutar, şeriatı gözetip, gecelerini ibadetle geçirir Kur'an'a, sünnete ve âlimlerin sözlerine bağlıdır*, [28, s. 151] diyerek Edigü'nün insanî ve dinî vasıflarını sıralamış ve samimi bir Müslüman olduğunu vurgulamıştır. Nitekim Kırımî, Edigü ile oğlu Nuredin arasında gelişen siyasi görüş ayrılığı problemini izah ederken, Nureddin'in babasının mescidini parçaladığından bahseder ki bu; yaylaya çıkıldığı vakit cemaat namazlarının boşa geçmemesi amacıyla yaptırdığı, arabalarla çekilen büyük bir mescittir [5, s. 94] ve yönetici sorumluluğundaki dini hassasiyeti görmemiz açısından ehemmiyetlidir.

Edigü, kaynaklarda karşımıza ilk defa Altın Orda Han'ı Toktamış Han döneminde çıkar. Toktamış Han tahta çıktığı zaman, Edigü 18 yaşında mirza olup, han hizmetinde bulunan iç oğlan statüsündedir. Ancak bu görevden, Hz. Ebubekir'in oğlu Muhammed'in neslinden gelmesi hasebiyle (gulam mesabesinde olmaktan) ar edip, kazak çıkmış ve çevrede yılkı sürmüşse de her kaçışında yakalanıp hanın dergâhına getirilip, hapsedilmiştir. Edigü Mirza'nın babası Kutlu Kıya Bey'in küçük kardeşi Eseney Bey (Edigü'nün amcası), bu dönemde mîr-i mirân olan (Şirin Mirzaların atası) Emir Rektemür'ün arkadaşı ve yakın dostudur. Bu dostluğa istinaden Emir Rektemür, Edigü Mirza'nın affedilmesi hususunda hana ricacı olup, Emir Edigü'yü himaye etmiştir. Ancak Edigü Mirza yeniden kazak çıkıp, yakalanınca katledilmesine karar verilmiştir. Dokuz nefer nökerini yanına

alarak kazak[9] çıkan Edigü, Emir Timur'a iltica etmiştir (1391) [5, s. 91; 52, s. 194, 195].

Timur'un İran, Maveraünnehir ve Türkistan'ı ele geçirmesi üzerine, Toktamış Han'ın çevresindekiler de bu durumdan rahatsız olup, ecdadının topraklarını alması konusunda Toktamış'ı tahrik ettikleri sırada, Timur, Edigü rehberliğinde Aladağ üzerinden Harezm'e girmiş ve Toktamış üzerine harekete geçmiştir. Edigü, Harezm'de yeğeni, Şiban neslinden Melik Timur oğlu Kutluk Temür Oğlan ile kardeşi Künçek Oğlan'ı bulup Timur'a getirmiştir. Timur, Deşt-i Kıpçak içlerine çekerek Timur ordularını perişan etmek isteyen Toktamış'ı üç ay boyunca takip etmiş ve sonunda iki ordu karşılaşmıştır. Edigü ve Timur-Kutluk, Timur'un ordusunun ilerisinde bulunup, Toktamış Han karşısında büyük başarılar kazanmışlar ve Toktamış askerleri bozulmuştur. Timur, Edigü'yü Timur-Kutluk'ı ve Künçek Oğlan'ı dağılan boyları ve askerleri toplamaları için göndermişse de sadece Künçek Oğlan Emir Timur'a geri dönmüş, aralarında anlaşan Edigü ve Timur-Kutluk Yayık Irmağı'na doğru ilerlemişlerdir. Durumu fark eden Timur, onları durdurmak istese de başarılı olamamıştır.[10]

Edigü, topladığı illerde Timur-Kutluk'u han ilan edip, kendisi de bey olmuş ve Toktamış'a karşı mücadele etmiştir (1399). Bu mücadeleler sırasında Kara Don nehri yakınında atı yardan uçan Toktamış Han'ın ölümü üzerine Timur-Kutluk hanlık makamına oturtan Edigü, kendisi de *emirü'l-ümera* olarak Cuci Ulusuna hâkim olmuşlardır. Hâkimiyetleri, Harezm, Saraycık, Kırım, Kazak, Kazan, Başkurd, Alatar, Ejder Han, Rus ve Bulgar vilayetlerini kapsamaktadır. Bir süre sonra Timur-Kutluk ölmüş [5, s. 93; 28, s. 151][11], Temür ve Polad adlı iki oğlu kalmıştır.

Temür Kutluk'un vasiyeti üzerine birader zadesi Şadıbek, Edigü Beğ tarafından hanlığa getirilmiştir [5, s. 93]. Yönetimi elinde tutan Edigü Bey, kendi reformlarını başlatmıştır. Düzen ve disiplini tesis ettikten sonra Cengiz yasası'na ilaveler yapmış, vergi sistemini değiştirip eskiden süregelen Mısır'a yapılan köle ticaretini yasaklamıştır. Söz konusu uygulama ticarete önem vermemesinden

9 *Kazak çıkmak* kavramı, Cengiz Han soyundan bir prens veya kabile reisi olan liderin nökerleriyle birlikte bozkıra kaçışını ifade eder. Söz konusu kaçış, güç toparlamak amacıyla uzaklaşmaktır. Kazak çıkmada gidilecek yerin seçimi, başarıyı belirleyen en önemli amil olmuştur. Han soyundan gelenler için söz konusu yerler; bazen atalık ve kabilesi bazen karaçi beylerinden biri olurken bazen komşu topraklardaki Leh ve Rus müttefikler dahi olmuştur. Uygun destekleyici bulamayanlar ise bozkırda yılkı sürüp asker toplamaya çalışmışlardır [15, s. 159].

10 Nizamüddin Şamî'nin *Zafernamesi*'nde Emir Edigü'nün, Timur Kutluğ ve Künçek oğlanla birlikte Toktamış Han'ın düşmanı olarak Emir Timur'a sığındıkları ve tabiiyet bildirdikleri, ancak daha sonra evlerini toplayıp gelmek üzere gidip, verdikleri sözde durmayarak, vefasızlık ettikleri ifade edilmektedir [44, s. 152; 51, s. 184].

11 1400'de Timur Kutluğ'un ölmesi üzerine Edigü tarafından hanlığa Şadibek getirilmiş ve Şadibek, selefi Timur Kutluğ kadar bile bağımsız kalamamış, ayrıca zevk ve eğlenceye düşkünlüğü nedeniyle bütün hâkimiyet Edigü'ye geçmiştir [59, s. 194].

değil, Türk nüfusunun azalmasını engellemek olmalıdır. Kısa süre sonra tahtta tek başına kalmak isteyen Şadıbek, Mısır'la ticaret yapan tüccarların desteğiyle Edigü'ye karşı çıkmışsa da başarılı olamamıştır. 1408 yılında Rus knezlerinin aralarındaki gerginlikten yararlanması bilen Edigü, Moskova üzerine sefere çıkmış ve Toktamış Han dönemindeki seferin sonuçlarına benzer bir başarı ile dönmüştür [33, s.110].

Şadıbek Han'ın ölümü üzerine Nureddin Mirza, babası Edigü Beğ'e *ya sen han ol veya bana ruhsat ver ben han olayım* demiştir. Gelecek için endişeye düşen Edigü, *bizim neslimiz Hz. Ebubekir'den sonra saltanat tahtına ayak basmamış ve meşihat (şeyhlik) merkezinde olmuşlardır. Bazıları meşihat ve emâreti birleştirmişlerdir. Bu fikir fasiddir,* diyerek oğluna karşı çıkmış ve Temür-Kutluk Han'ın oğlu Temür'ü hanlığa getirmiştir. Babasına kızan Nureddin Mirza ise Temür'ün küçük kardeşi Polad'ı han ilan etmiş[12] ve Uyşin Kabilesinden Pîr Muhammed'i emir yapıp, asker toplayıp, babasının üzerine yürümüştür. Edigü Beğ oğlunun bu hareketine üzülüp, *karşısına çıksam ona ya da bana bir zarar gelse her ikisi de banadır, ben ihtiyarım korkmak ayıp değil* diyerek yanına bir miktar adam alıp Harezm Kalesi'ne çekilmiştir. Babasının vilayetine giren Nureddin Mirza burayı yağmalamış, hatta babasının yaylaya çıktıklarında cemaatle namazlarının boşa geçmemesi için yaptırdığı, arabayla çekilebilen bir mescidin keçelerini bile parçalamıştır. Bu sırada Toktamış'ın büyük oğlu Celaleddin Sultan, Edigü Beğ'in Harezm'e gittiğini ve Nureddin'in yaptıklarını duymuş ve askerleri ile Nureddin üzerine yürümüştür. Polad Han ve Nureddin, babasının yanına kaçmışlarsa da onlar Harezm'e ulaşmadan Celaleddin, Barın Seray Beğ ve Cihan Mirza ile birlikte yetişip, Polat Han'ı öldürmüşler ve *Nureddin'i öldürmekle Edigü nesli tükenmez, hile yapıp Edigü Beğ'i ve neslini topluca öldürelim* diyerek onu alı koymuşlardır. Cihan Mirza ve Barın Seray Bey, Nureddin'i yanına alıp Harezm'e giderek *Celaleddin Han buyruğuyla barış için* geldiklerini bildirmiştir. Edigü Beğ hile olduğunu anlamış ama çevresindekileri ikna edememiş ve gelenleri kaleye almıştır. Toktamış'ı öldürdüğü zaman kızı Canıbek Hanuş'u oğlu Nureddin için saklamış olan Edigü, Celaleddin'in beğleri ile birlikte oğluna düğün yapmış ve Celaleddin Han'a gitme zamanı gelince tedbir olarak önce küçük oğlu Seyyid Ahmet'i göndermiştir. Ancak düğün hikâyesini ve Nureddin'in öldürülmediğini duyan Celaleddin Han, Seyyid Ahmet'i öldür-

12 Yakubovsky, "Rus kroniklerine göre; Polat ve Temür-Kutluğ'un oğlu Timur'un tahta çıkışlarını aynı anda vermez. Şadibek'in 1408'e kadar tahta kaldığını ölümüyle yerine Polat Han'ın geçtiğini ve 1409'da Edigü'nün Rusya üzerine büyük bir sefer yaptığını ve doğu kaynaklarının bu seferden beklenildiği gibi habersiz olduğunu vurgulamıştır. 1410 yılında Polat Han'ın ölümü üzerine Temür'ün han olduğunu ve Edigü'ye cephe aldığını bu nedenle Edigü'nün kaçarak, Saray-ı Cedid, Kefe, Azak, Harezm, Saraycık, Hacı Tahran ve Racan'da Polat Han adına para bastırmaya devam ettiğini (ancak Polat Han'ın hayatta olması görüşünün doğru olamayacağını) belirtmiştir [59, s. 196-199].

müştür ve beylerin yapmış olduğu Edigü'yü yok etme planı bozulmuştur [5, s. 96].[13]

Celaleddin'in han olmasıyla, Toktamış'ın diğer oğulları onun etrafında toplansalar da O, kardeşlerinin hiç birine iltifat etmemiştir. Bunun üzerine, kardeşi Kebek, atalığı olan Rektemür oğlu Yahşi Hoca'nın desteğiyle Celaleddin'i öldürmüştür. Tahtın Kebek'in ele geçirmesinden korkan ve taşrada bulunan Cabbar Berdi kendisi Saray'a ulaşıncaya kadar kardeşi Kerim Berdi'yi tahta çıkartmış, daha sonra gelip tahtı devralmıştır. Ancak kısa bir süre sonra bir şarhoşluk ortamında bu iyiliğin gündeme gelmesiyle çıkan kavgada Kerim Berdi, Cabbar Berdi'yi öldürmüş, ardından çıkan kargaşada Kerim Berdi de öldürülmüş ve Cuci Ulusu başsız kalmıştır. Boş kalan tahta Kebek (Toktamış'ın oğlu) çıkmışsa da kışlamak üzere Kebek Han'ın Bozan Suyu kenarına gitmesini fırsat bilen Edigü Beğ, Şiban Han neslinden Çekre Oğlan'ı hanlık makamına oturtmuş, Kebek Han'ın ordasını basıp onu öldürmüş, böylece Çekre Han müstakil han olmuştur [5, s. 99].

Çekre Han, hanlığının üçüncü yılında artık Edigü Beğ'den kurtulmak istemiştir. Durumu fark eden Edigü Beğ, Çekre Han'ı kovalayıp, Müyesseroğlan evladından Seyyid Ahmed'i tahta çıkarmıştır. Kısa bir sonra Seyyid Ahmet eceliyle ölünce, (Türkistan'a giden Çekre Han da eceliyle ölmüştür) mecburen nesl-i Müyesser'den Derviş adlı, mecnun, pejmurde, akılsız ve pis bir adamı han yapmak zorunda kalmış ancak bir yandan da hanlığa uygun kişi araştırmaktadır[14].

Cabbar Berdi ile Kerim Berdi'nin kardeşi olan Kadir Berdi, onların katl olunup Kebek'in tahta çıktığı sırasında, buradan kaçarak, Kırım, Kabartay civarında Tatartob adlı yere gidip, yerleşmiştir. Bir gün *Şirin, Barın, Argun, Kıpçak* ve sair uruğların beğleri hep birlikte oturmuşlarken, bir küçük köpeğin etrafına, çok sayıda büyük köpeğin toplandığını ve kavga ettiklerini görmüşlerdir. Han bu tabloyu beylere göstererek*, hepsi kavga ediyor ama hiç biri ortada ki küçük köpeğe dokunmuyor diyerek nedenini sormuştur. Beğler küçük köpek kudurmuştur, diğerleri korkudan yaklaşmıyorlar dediğinde* Kadir Berdi*, bize ve sizlere korku ayıptır, Edigü dedikleri adam hepimizi, dar-ı diyarımızdan, evladımızdan, yârimizden ayırmış, şaşkın ve perişan gezmemize sebep olmuştur. Evlatlarımız*

13 Müellif Kırımî, bu bilgileri *Tarih-i Dost Sultan*'dan almıştır.

14 Yakubovsky,'nin *Edigü hayatının son yıllarında sıkıntılı günler geçirmiştir. Altın Orda artık bütün Tatar uluslarını kucaklayan birleşik bir devlet değildir, sadece Batu ve Şiban sülalelerine mensup Tatar ulusları kalmıştır. Timur Han ve Celaleddin mücadelesinden sonra Edigü siyasi rolünü kaybetmiştir*, [59, s. 204] şeklinde değerlendirmesi yerli kaynaklardaki bilgileri ile çelişir. Umdetü'l-Ahbâr'a göre; Celaleddin Han'dan sonra Çekre, Seyyid Ahmed, Derviş dönemlerinde tahtın kontrolünün tamamen Emir Edigü'nün eline geçtiği görülmektedir [5, s. 99; 35, s. 29-30]. Kafalı, Ötemiş Hacı'ya atıfla *Emir Edigü, Çekre, Seyyid Ahmet ve Derviş adında üç Prensi daha Altın Orda tahtına çıkarmaya muvaffak olmuştur* şeklinde Edigü'nün hanlıktaki rolünü vurgulamıştır [30, s. 100; 31, s. 42].

karşısında ar etmektense cesurca ölmek daha izzetlidir, diyerek beyleri gayrete getirmiş ve üç bin atlı toplanıp Edigü üzerine yürümüştür. İdil ırmağı henüz buz tutmadığı için geçemeyen atlılar bir süre burada nehrin donmasını beklemek istemişlerse de Kadir Berdi onlara hitaben;

İdil tonsa kim ötmes, Edigü ölse kim almas,

İdilni tonmas burın geçmek gerek, Edigünü ölmes burın almak gerek, *yani*

İdil donsa kim geçmez, herkes geçer, Edigü ölse yurdunu kim almaz, herkes alır, lakin erkek olana İdil buz olmadan geçmek gerektir, Edigü ölmeden katl ederek yurdunu almak gerektir, demiştir. Büyük güçlükler çekilerek İdil'i geçmişlerdir. Edigü durumu haber almış ve atmış binden fazla askerle karşı gelmiştir. Çok zorlu geçen muharebede Edigü'nün oğlu Keykubat kaçmış[15], Kadir Berdi[16] Han Edigü'yü ok ile vurmuş ancak Edigü, ağır yaralansa da Han'ı öldürmüştür[17].

Muharebeden sonra hanlarını kaybeden Şirinler ve diğer mirzalar toplanıp kimi han yapacaklarını bilememişlerdir. Hanın kardeşi Gıyaseddin'i bulamamışlar ve sonunda askerler arasında gördükleri, Toktamış'ın babası Toyhocaoğlan'ın kardeşi Çağayoğlan'ın oğlu İçkili Hasanoğlu Uluğ Muhammed'i han yapmaya karar vermişlerdir. Öte yandan muharebede ağır yaralanan Edigü'yü, Kadir Berdi'nin askerlerinden kaçıran beyleri, gece gelip almak üzere yanına bir nöker bırakarak sazlıklar arasına saklamışlardır. Edigü'nün yerini öğrenen nöker Cantemür Merkan, Toktamış'ın hizmetinde bulunmuş bir nökerdir ki Kadir Berdi'nin adamlarına haber vermiştir. Seray Beğ gelip, göl içinde saklanan Edigü'yü ok ile vurup çıkarmıştır. Edigü kıyıya çıktığında *Kadir Berdi Boğacık sağ mıdır?* diye sormuştur. Küçük ve yiğit olması sebebiyle ona böyle dermiş ki, Edigü Kadirberdi'nin öldüğü haberi üzerine *Sayın Han (Batu Han) yurdu sahipsiz kaldı* diyerek üzülmüştür. İki rekât namaz kılıp, şehadet getirdikten sonra katledilmiştir1419 [7, s. 27]. Edigü'nün ölümü ile ilgili Tatarlar arasında ifade edilen rivayetleri değerlendiren Kırımî, *Seray Bey veya Rektemür olduğu söylenmektedir. Cihangüşay-ı Cengizi ve Tarih-i Dost Sultan'a göre; Rektemür'ün emir-i kebirliği Toktamış Han zamanındadır ve Toktamış öldüğünde Rektemür ölmüştür, Edigü'nün ölümüne ulaşamamıştır. Ayrıca Edigü'nün öldüğü zaman baş karaçi Rektemür değil Rektemür'ün oğlu Tekene'dir ve Tekene Edigü'nün kızı Turan Hanuş ile evlenmiştir. Edigü'yü de Rektemür değil Barın Seray Bey katletmiştir* şeklinde konuyu izah etmiştir [5, s.103].

15 Mücadele sırasında Edigü büyük oğlu Keykubat'ı ordusu ile ileri sevk etmiştir. Kadirberdi Han'ın hücumuyle korkuya kapılıp bozulan Keykubat'a *hay negacisli ceman ne kıldın* diye feryad etmiştir. Çünkü Keykubat'ın annesi umeradan gayretsiz bir kişinin kızıdır, *negacisli*: validesi tarafı korkak, bi-mürüvvet demektir [5, s. 101].

16 Edigü'den kurtulmak isteyen ümera ve Kadir Berdi'nin yapmış olduğu bu mücadele hakkında ayrıca bkz.: [58, s. 130].

17 Müellif, *Tarih-i Zübde'den* almıştır [5, s. 100].

Edigü Oğulları

Edigü Beğ'in, çok sayıda çocuğu olduğu ifade edilir. İbni Arapşah'a göre yirmi kadar oğlu vardır, Trepavlov bunlardan dokuzunu tespit etmiştir[18] ancak **Tablo 2'de de** görüleceği üzere Altın Orda sahasında ön plana çıkan ve en çok bilinenler; Keykubat, Nureddin, Mansur, Seyid Ahmed, Gazi ve Nevruz'dur ve 1 de kızı vardır. Turan Hanuş, Şirin Beği Tekene Beğ'in eşidir. Seyyid Ahmed adlı oğlu yukarıda izah edildiği üzere Celaleddin Han'ın Edigü'yü ortadan kaldırma girişimi sırasında öldürülmüştür. Edigü'nün katledildiği muharebeden kaçan Keykubat ve Nureddin, Tura vilayetindeki Başkurd halkı arasına gitmişlerdir. Mansur, Gazi ve Nevruz ise daha önce bahsedilen Şadıbek Han'ın oğlu Gıyaseddin'i de yanlarına alarak Moskova'ya kaçmışlardır.

1	Edigü oğulları	ğulular-3. kuş	4. kuşak
Emir Edigü	1-Mansur	?	?
	2-Gazi		
	3-Nevruz		
	4-Keykubat		
	5-Nureddin	1-Abbas	
		2-Vakkas	1-Mansur
			2-Yağmurçı
			3-Musa
	6-Seyid Ahmed		4-Hasan
	7-Turan Hanuş		

Mansur, Gazi ve Nevruz Mirzalar ile Gıyaseddin Sultan (Şadıbek Han'ın oğlu) ile birlikte Moskova'da iken hava muhalefeti nedeniyle çok sayıda adamlarını kaybetmişlerdir. Bunun üzerine Mansur Mirza; *Müslümanız ama ölülerimiz kâfiristanda kalmakta, gidelim ve savaşalım, ölürsek de ölümüz toprağımızda kalır* diyerek üç bin atlı asker toplamış ve Yayık Irmağına ulaşmışlardır. Haberi alan Uluğ Muhammed Han hazırlıklara başlamış ve Şirin beği Tekene Beğ'den ordusuyla kendisine katılmasını istemiştir. Tekene Beğ, Edigü'nün öldürüldüğü muharebenden sonra geride kalan kızı *Turan Hanuş* ile evlidir. Kardeşlerinin gelmekte olduğu haberine çok üzülen Turan Hanuş'a elinden gelen yardımı yapacağına söz veren Tekene Beğ, askerleri ile han ordasına ulaşınca bir yardımcısını Mansur Mirza'ya göndermiştir. Adam, Mansur Mirza'ya, *Tekene Beğ'in Uluğ Muhammed Han'ın ordusunun ön safında savaşa gireceğini, kendi üzerine az bir asker gönderilirse bozulup, dağılacağını ancak sol kolda bulunan Kongrad Haydar Beğ'i kendi güçleri ile aşmak zorunda oldukları* haberini iletmiştir. Savaşta Tekene Beğ sözünü tutup kısa sürede bozulup, dağılmıştır ancak, yedi bin askeri ile Kongrad Haydar Beğ'in sürdürdüğü savaş çok çetin geçmiş ancak

18 Nureddin, Mansur, Keykubad, Gazi, Nevruz, Kasım, Said Ali, Sultan Mahmud, Mübarekşah'ın isimlerini veren Trepavlov da sadece Nureddin ve Mansur Mirza nesline ait ayrıntılı şecere vermiştir.

sonunda Mansur Mirza kazanmış ve İdil tahtını ele geçirmiştir. Uluğ Muhammed Han, halkını Kırım tarafına götürmüş [32, s. 403; 26, s. 7; 5, s. 106][19] İdil tahtına ise, Şadıbek oğlu Gıyaseddin geçmiştir. Bu durum bütün Edigü oğulları için bir velinimettir ve Mansur Mirza bu kadar Uluğ Nogay Tatarına hükmetmiştir. Kırımî eserinde ilk defa burada *Nogay Ulusu*'ndan bahsetmiştir. Daha önceki bölümlerde Emir Nogay ve Kara Nogay Han ile ilgili şahıs adı olarak kullandığı *Nogay* kelimesini ilk defa *Uluğ Nogay Tatarları* şeklinde ulus adı olarak Mansur Mirza'nın hükmettiği ulus için kullanmıştır [5, s. 107].

İki buçuk yıl sonra Gıyaseddin Han ölmüş ve Mansur Mirza bu kez Temür Han'ın oğlu Küçük Muhammed'den başka şehzade kalmadığı için onu tahta çıkarmıştır. Ancak onu yetersiz bulmuş, hanlığını beğenmemiş ve Rus Han oğlu Barak'ı han yapmak istemiştir[20]. Bu isteğini yardımcısı ihtiyar Cantemür'e danışmış, Cantemür; *Muhammed, devenin gevşeği gibidir, araba çekmeye gelmez ama zararı da olmaz, Barak ise güçlü, kuvvetli erkek devedir, arabanı çeker ama devenin sarhoşluğu gibi kudurması vaktinde seni ayağı altına alır* teşbihiyle, Barak'ın han olmasıyla Mansur Mirza'ya gelecek tehlikeyi anlatmıştır. Mansur Mirza bu sözleri dinlemeyip, Barak'ı han yapmıştır. Barak Han bir süre sonra, müstakil han olma yollarını araştırarak, Mansur Mirza'yı öldürmüştür. Söz konusu teşbihte görüldüğü üzere Altın Orda Hanlığı'nın mukadderatına yön veren Edigü ve oğullarının, hanları tahta çıkarırken esas aldıkları kıstas *yönetimdeki hâkimiyetlerini sürdürebilmeleri* olmuştur. Mansur Mirza'nın bu kıstası dikkate almaması yönetimde güç dengesini hanlık makamından yana çevirmiştir.

Mansur Mirza'nın ölümünün ardından, Gazi ve Nevruz Mirzalar Küçük Muhammed'in yanına kaçıp, Yayık Nehri'ni geçip, Yayık ile Yem (Cem) Nehri arasındaki Kaynar Sakız Suyu çevresinde konmuşlardır. Barak Han ise kalan halkın kendine karşı gelmesinden endişelendiği için onları sürekli dağlık bölgelere göçürerek[21] fakirleştirmiştir. Durumu öğrenen Gazi ve Nevruz Mirzalar, Barak Han'ı durdurmak için asker toplayıp, Yayık Irmağı'nı geçmişler ve iki ordu karşılaşmış, Barak Han'ın ordusundaki Mansur Mirza'dan kalan askerlerin de desteğiyle Barak Han'ı öldürmüşlerdir.

Küçük Muhammed Han yeniden[22] tahta çıkmış ve Gazi Mirza'da baş beğ olmuştur. Bu arada, *Yedisan* halkından sol kol denilen halk aynı zamanda Barak Han'ın yakını ve nökerleridir. Mansur'un öldürülmesinde tahrikleri olması hase-

19 Kırımî bu kıssayı Hıtay Kabilesinin ser defteri Seyyid Ali'ye atıf yaparak nakletmiştir.

20 Çünkü Mansur Mirza'nın annesi Urus Han'ın kızıdır [5, s. 106].

21 Bu göçler Kıyan arkası adı verilen yere gidip gelme şeklinde birkaç kez tekrarlanınca *Kıyan kahtı* adı verilen çok büyük bir kıtlık olur ve halk arasında daha sonra yaşanan büyük kıtlıklar da bu adla adlandırılmış olup, *kıyan kahtı oldu* ifadesi Nogaylar arasında deyimleşmiştir [5, s. 108].

22 Küçük Muhammed Han'ın ikinci hanlık dönemini 1427-1440 yılları arasındadır [32, s. 403].

biyle Gazi Mirza, bu halka eziyet etmeye başlamıştır. Mallarına ve çocuklarına sahip çıkamaz hale gelen Turdi Hoca liderliğindeki söz konusu *Yedisan* sol kol halkı yine bir hile ile Gazi Mirza'yı öldürmüşlerdir. Gazi Mirza'ya bağlı ulus, ortaya çıkan karışıklıkta Kalmuk topraklarına gitmek istemişse de han onları kendine mahsus nöker yapmıştır. Kırım'da bulunan ve bu kargaşayı haber alan Uluğ Muhammed Han, İdil yakınlarına gelmiş ve üç ay boyunca yapılan savaşın sonunda, İdil sahili, Saraycık ve Hacı Tarhan'ın Küçük Muhammed Han'da, Kırım ve çevresinin Uluğ Muhammed Han'da kalmasına karar verilmiştir [5, s.11; 26, s. 7-8]. Böylece Altın Orda coğrafyası İdil boyu ve Kırım olmak üzere ikiye ayrılmıştır.

Keykubat, sara hastasıdır, suda yıkanırken sarası tutmuş, boğulmuştur [5, s. 11].

Nureddin Mirza: Emir Edigü, Temür Kutluk Han'ın vasiyeti üzerine Şadıbek Han'ı tahta çıkardığında oğlu Nureddin'i de onun yanına saklav (rehine) vermiştir. Şadıbek Han ise Ejder Han darugalığını ve Saray şehrinin otuz bin altınlık yarmak? mahsulünü Edigü oğlu Nureddin'e hediye etmiştir. Nureddin Mirza, Toktamış Han'ın kızı Canıbek Hanuş ile evlidir [5, s. 93, 96].

Edügü oğlu Mansur'un Barak Han ile yaptığı savaşta ölümü ve haleflerinden Gazi Beğ'in yanlış yönetimi (Yedisan halkına muamelesi) ordanın parçalanmasına yol açmış, çok sayıdaki oğullarının büyük çoğunluğu diğer hanların hizmetine girmiştir. Kayda değer topluluklar ise Batı Sibirya'ya gitmiştir. Göçerlerin hareketliliği dikkate alınırsa önderler bir boy taraftarını elde tutabilmek için etkin çalışmalıdırlar. Boşalan ordanın temel özü, en küçük oğul Nureddin Mirza'nın şahsında (1426–1440) eski göçebe âdetini koruyarak, Yayık Nehri'nin kalp bölgesi olan *Saraycık'da* kalmıştır. Nureddin Mirza, İdil -Yayık Irmakları arasında Nogay iktidarını yeniden kurmuştur [23, s. 270].[23]

Nureddin Mirza var olan nefes darlığı hastalığından dolayı Tura vilayetinde ölmüştür. Naaşı Saraycık'a getirilip defnedilmiştir. Geride kalan Abbas ve Vakkas adlı iki oğluna ise Sadem Kıpçağı'nın babası olan Atalık Sadem sahip çıkmıştır. Çocuklara zarar ulaşmaması amacıyla onları vilayet vilayet gezdirip, tebdil-i hal ile yetiştirmiştir [5, s. 234].

Emir Edigü Oğlu Nureddin Oğlu Vakkas

Nogaylar'ın toparlanmasında Nureddin'den sonra önemli bir kişilik olarak, Özbek hanı Ebü'l-Hayr Han'dan ayrılıp Özbek birliği içinde bulunmuş olan diğer boyları da kendisi ile birlikte getiren Nureddin oğlu Vakkas (Qaqqas-Okas) görülmektedir. Nogay Ordası'nın nihai olarak şekil alması Vakkas zamanında gerçekleşmiştir [7, s. 39; 45, s. 25]. Bu dönemde Kıpçak bozkırının hem doğu hem de batı tarafında etkin olan Nogaylar, Ebü'l Hayr'ın ölümünü (1468) takip

23 S. Nogay, M. Özergin'e yaptığı atıfla, *Edigü Beğ'in öldürüldüğü (1419) ve devletin merkez idaresinin dağılıp, ülkenin parçalandığı sıralarda (1420-1430) Nureddin Mirza, Nogay Ulusu'nu bağımsız bir devlet haline getirmiştir. Böylece bütün Nogaylar, devletin ilk hükümdarı Nureddin Mirza döneminde (1426-1440) onun hüküm sürdüğü bölgede ve çevresinde toplanmışlardır*, ifadeleriyle Nogayların ilk teşkilatını Nureddin Mirza'yla başlatır [45, s. 23].

eden, bağlı boyların isyanına ve onun birliğinin dağılmasına yol açan, XV. yüzyıl sonlarındaki değişen bozkır siyasetine katılmışlardır [23, s. 270; 25, s. 32].

Vakkas ve Oğlu Musa Nesli

Vakkas'ın oğulları, Yağmurçı, Musa, Hasan [56, s. 114] ve Mansur'dur. Mansur hakkındaki bilgiye sadece Mamay Destanı'nda rastlıyoruz. Destan'a göre, Mansur Kırım'a gider ve orada Kırım Hanı'nın kızıyla evlenir. Ak Mirza adlı bir oğlu vardır. Ve onun da oğlu Bek Mirza'dır [42, s. 26].

Vakkas'ın ölümünden sonra kardeşi Abbas başa geçmişse de 1491'de onun ölümüyle Nogayların yönetiminde Vakkas oğlu Musa söz sahibi olmuştur. 1502 yılında Musa Mirza'nın ölümüyle[24] Yağmurçu başa geçmiş, 1505 yılında onun da ölümüyle Musa oğlu Şaydak (Şeydak, Seyid Ahmed) Mirza Nogay Ulusu'nun yönetimini devralmıştır.

Musa Mirza'nın kaynaklardan tespit edebildiğimiz on oğlu vardır[25]. Hanzade Hatun ve Seyyid Berke kızı şerîfe[26] Hatun olmak üzere Musa Mirza'nın iki eşi olduğu için Musa oğullarına *İki ananın oğulları* tabiri de kullanılmıştır [5, s.235]. Seyyid kızının asıl isminin Sultan olması nedeniyle şerife Sultan Hatun'dan olan çocuklar *Sultanoğlu* diye bilinirler; Mamay, Alçağır, Togan ve Şaydak'tır. Hanzade Hatun'dan oğulları ise; İsmail,Yusuf, Şagim, Abdullah, Canarslan, Şıkmamay'dir.

1540'da Şaydak Mirza'nın ölümüyle Nogayların yönetimi Şıhmamay'a (Şehy Mamay) geçmiştir[27]. 1549'da Şıhmamay'ın ölümüyle Musaoğlu Yusuf Mirza başa geçmiş ve bu tarihten itibaren Nogay Ulusunun mukadderatında Musa oğulları etkin rol oynamışlardır.

24 Musa'nın ölüm tarihi konusunda kaynaklar yetersizdir. Tarihçiler 1502'ye tarihlerler [57, s. 45].

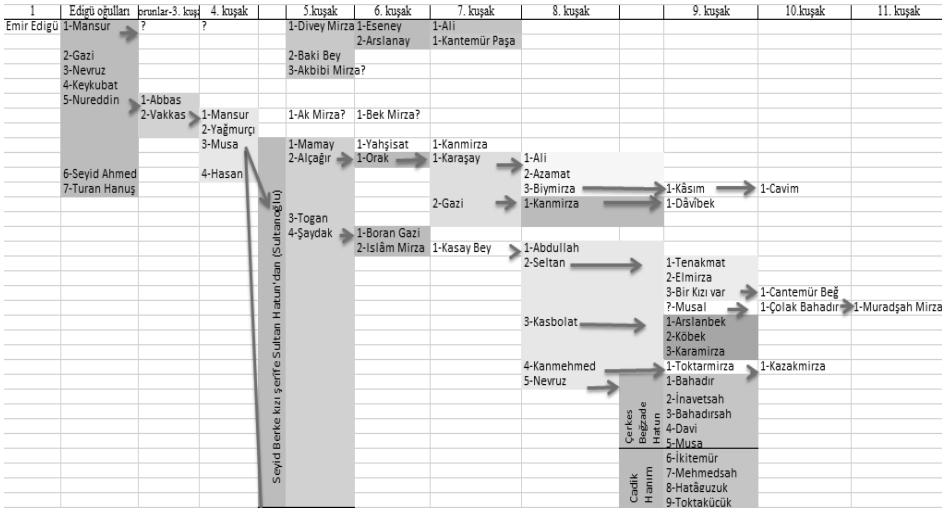
25 Mamay Destanı'nda ise ilk hanımından yedi, ikinci hanımından beş olmak üzere on iki oğlun ismi verilmiştir; birinci hanımdan doğanlar: Yusip, Ali, Kosım, Sıgım, Dosım, Sımayıl ve diğer biri. İkinci hanımından doğanlar: Alşagır, Mamay, Sıydak, Yanmuhambet ve Yavkaştı'dır [42, s.14].

26 Seyyid ve şerif, neseben Hz. Hasan ve Hz. Hüseyin'e dayanan kişiler için kullanılmaktadır. Şerif (şerife) hususi bir manada kullanılmamış ise Seyyidle aynı anlamı ifade eder. Ancak tefrik var ise, Şerif (Şerife) Hz. Hasan'ın neslini, seyyid ise, Hz. Hüseyin'in neslini ifade eder. [50, s. 208].

27 Alpargu, Şıkmamay için *Musa Mirza'nın kardeşi* [7, s. 40-42] ifadesini kullanmışsa da Musa Mirza'nın Şıkmamay adlı bir kardeşine rastlamadık, kaynaklarda bahsedilen Şıkmamay Musa Mirza'nın oğludur.

Şerife Sultan Hatundan Musaoğulları ve Nogay Kabileleri

Musa Mirza'nın Şerife Sultan Hatun'dan; Mamay, Alçağır[28], Togan ve Şaydak olmak üzere dört oğlu vardır



Mamay: Mamay'ın neslinden gelenler *Mamayoğulları* olarak adlandırılmışlardır [5, s. 236]. Mamay oğlu Yahşisat 1558'de Orak oğlu Kadı Mirza ve Yusuf Mirza'nın oğulları ile birlikte İdil'in batısına geçmiş ve Küçük Nogay Ulusu'nun içinde yer almıştır

28 Adolf Berje'nin 1860 yılında Kafkaslar'da yaptığı tespitlere göre; Kıpçak Nogayları olarak tanımladığı ve Kuban'ın sol kıyısında Nikolayevsk ve Barsukovaya stanitsaları arasında yaşayan Nogayların, en önemli aileleri Devlet Girey ve Mamay Sultanlar, Alçağırlar ve Abullar'dır [10, s.14]. Bahsedilen Mamay ve Alçağırlar, Musa oğulları Mamay ve Alçağır neslinden gelmiş olabilir, ancak elimizde kesin bir delil yoktur.

[54, s. 142]. 1588 yılında Kırım Han'ı tarafından Azak çevresine yerleştirilmişlerdir. Onlarla birlikte gelen ancak Don nehrinin solunda kalmakta ısrar eden Uluğ Nogay Ulusu'ndan İsmail oğlu Urus oğlu Satı ve Şeydahmed Mirzalarla çatışmaya girmiş, onları öldürmüştür. Oğullarının ölümü üzerine Urus Mirza Yahşisaat üzerine gelmişse de Urus Mirza ve oğlu Kan Mirza'da hayatını kaybetmiştir. Bu olay üzerine kalan Uluğ Nogay mirzaları toplanıp Gazi ulusu üzerine yürüyüp Yahşisat'ı öldürmüşlerdir 1590. Yahşisat oğlu Kan Mirza 1590 yılında Gazi Ordası adına hareket etmiştir [46, s. 35][29]. 1593 yılında Kozaklar Azak Kalesi'ni kuşattıklarında Kan Mirza bütün Kadı Nogaylarını birleştirerek Don kozaklarının hücumunu püskürtmüş ve Azak şehrini kurtarmıştır [7, s. 85]. *Mamayoğulları*, Kırımî'ni eserini tahrir ettiği dönemde (1744-48) Akkirman Adası'ndadırlar [5, s. 236][30]. 1608-1751 yılları arası Kırım Kadı Sicil Kayıtlarına göre Kırım'da *Mamayoğullarının* bulunduğu yerler; Baymaklı, Kongrat ve Çaplık/Celayirköy adlı köylerdir [11, s. 97, 98].

Alçağır: Kırımî, Alçağır'ın ismi dışında hakkında herhangi bir bilgi vermeyip, kabile isimlendirmelerini oğlu Orak üzerinden vermiştir.

Orakoğulları

Mamay Destan'ına göre; Alçağır erken yaşta ölünce küçük yaştaki oğlu Orak, Musa Mirza'dan sonra Nogayların başına geçen Musa'nın büyük oğlu Mamay[31] Mirza'nın himayesinde Musaoğulları ile birlikte büyütülmüştür [42, s. 22]. Kırımî'nin bu nesilden gelen mirzalarla ilgili birkaç olayda Orak ve

29 Ancak Novoselskiy'nin ifade ettiği Gazi Ordası'nın başına geçen Kan Mirza Yahşisat'ın oğlu olmayabilir. Çünkü Gazi ulusunun kurucusu olan Gazi Mirza'nın da oğlu vardır ve adı Kan Mirza'dır [5, s. 236] ve babasının yerine geçmiş olabilir.

30 Selim Giray Han H. 1111 (1699-1700) yılında tahta çıktığında Bucak seraskeri olan kardeşi Gazi Giray, *Orak ve Mamayoğulları'*nın beslemesidir (Gazi Giray'ın atalıklarıdır). *Orak ve Mamayoğulları*'nın kabilesi oldukça güçlü olup, *Orakoğlu* kabilesinden Biy Mirzaoğlu tabir edilen kirve mirzaların müstesnası olan Urus oğlu Biy Arslan Mirza ve Kasımoğlu Cavim Mirza beslemeleri olan Gazi Giray Sultan'ı alıp Leh üzerine akın yapmışlar önemli miktarda ganimet (mal ve esir) almışlardır. Devlet Giray Han, Lehistan ile sözü olduğu gerekçesi ile bu harekete rıza göstermemiş ve ganimeti reddetmiş ve ganimetin reddi hususunda yarlık tahrir edip, mübrim (zorlayıcı) ağalar tayin etmiştir. Ancak mirzalar Sultan'ı aralarına alıp, hanın emrine muhalefet etmişler ve Devlet-i Aliye'ye durumu arz edip, Devlet Giray'dan yüz çevirip, müstakil olarak hizmet etmeyi istirham etmişlerdir. Bunun üzerine orduyla harekete geçen Devlet Giray Han, Bucak üzerine yürümüştür. Bucak askeri ve donmuş Özü Nehri'ni geçen *Orak-Mamayoğulları* ile Brezen üzerinde karşılaşmışlardır. Hiçbir şey elde edemeyen han Kırım'a dönmüş ancak Kuban tarafında bulunan *Yediçekioğlu* Nogayından asker talep etmiştir. On binden fazla Nogay askeri ile hanın tekrar harekete geçmesi üzerine Gazi Giray Sultan ve mirzalar kazak çıkmışlar ve Moskov sınırına Çehrin civarına kaçmışlardır. Cavim Mirza başta olmak üzere diğer mirzalar küffar elinde kalmaktansa af dilemeyi tercih etmişlerdir. Han'ın affettiği Gazi Giray Sultan önce İstanbul'a, ardından Rodos'a gönderilmiştir. Cavim Mirza ise, Han'ın oğlu İslâm Giray'ın atalık makamına getirilmiş ve Osmanlı Devleti'nden talep edilerek Bazar Kal'asına mir-liva olarak atanmıştır [5, s.154-155; 15, s. 173].

31 Edige Destanı 14. yüzyılın sonu 15. yüzyılın başında Altın Orda coğrafyasında cereyan eden olayların üzerinde şekillenmiştir. [38, s. 9].

Mamay isimlerini birleştirerek *Orak-Mamayoğulları* [5, s. 154] ifadesini kullanması söz konusu birlikteliğin sonucu olmalıdır. Orak'ın nesli Akkirman Adası'ndaki Orakoğullarıdır [5, s. 236] Sahip Giray döneminde Akkirman'a yerleştirilmişlerdir [29, s. 452]. Orak'ın Gazi ve Karaşay adlı iki oğlu vardır [5, s. 236].

Togan başta olmak üzere kaynaklar [54, s. 142; 40, s. 282; 7, s. 85] Orak oğlu Kadı Mirza'dan bahseder, (Kırımî'de Kadı Mirza ismi yerine Gazi Mirza vardır). Söz konusu kaynaklara göre 1558-59 İdil'in batısına geçerek ayrılan küçük bir gurup olan Nogaylar, başlarında bulunan Kadı Mirza'dan dolayı *Kadı Mirza Nogayları* olarak da adlandırılmış olan *Küçük-Kiçi Nogay Ulusu*'dur. Orak oğlu Kadı Mirza 1577'de Kabartay üzerine yapılan akında ölmüştür[32]. Orak'ın diğer oğlu Karaşay kardeşi Kadı Mirza ile birliktedir ve 1582 yılına ait Mühimme Defterlerinde Karaşay Mirza'nın adı geçmektedir [7, s. 85]. Kırımî'de de Gazi'nin kardeşi Karaşay vardır. Bu bilgiler ışığında Kırımî'de bahsedilen Orak oğlu Gazi Mirza'nın diğer kaynaklarda geçen Orak oğlu Kadı Mirza ile aynı kişi olduğu söylenebilir. Nitekim Novoselsky'de *Gazi Mirza'nın Ulusu* ifadesini kullanarak söz konusu tespiti doğrulamışsa da Gazi Mirza'yı Orak oğlu değil Şaydak'ın torunu olarak vermiştir [46, s. 8]. Oysa ne Kırımî ne de Trepavlov Şaydak'ın torunu olan Gazi'den bahsetmemişlerdir. Öte yandan Trepavlov'da Kırımî ile paralel bilgiler verip, *Küçük Nogay Ulusu*'nun kurucusu olarak Orak oğlu Gazi Mirza'yı göstermiştir [56, s. 179].

Karaşay'ın oğulları Ali, Azamat ve Biy Mirza'dır ve 1748'de Akkirman'da *Orakoğulları* olarak bilinenler bu Karaşay'ın oğullarıdır. Nitekim Biy Mirza oğlu Kasım oğlu Cavim Mirza, H. 1111'de (M.1699) tahta çıkan Selim Giray oğlu Devlet Giray'ın kardeşi Bucak seraskeri olan Gazi Giray'ın atalığıdır. Leh üzerine izinsiz yaptıkları akın nedeniyle Devlet Giray Han ile sorun yaşamışlarsa da kısa bir süre sonra Devlet Giray Han'dan af dileyip geri dönen Cavim Mirza, Han'ın oğlu İslâm Giray'a atalık tayin edilmiştir [5, s. 156,157].

Orak oğlu Gazi'nin oğlu Kan Mirza ve onun oğlu Dâvîbek Akkirman'a gelip, *Karaşayoğlu*'na hısım olmuşlardır [5, s. 236].

32 Alpargu, Nogaylar'da görülen parçalanmanın sebepleri üzerinde dururken farklı görüşlerin varlığını belirtir. Bu görüşlerden biri, A. N. Kurat'ın da verdiği, Yusuf Mirza ve kardeşi İsmail Mirza arasında baş gösteren görüş ayrılığıdır. Diğer görüş ise; *Yusuf Mirza'nın idaresine baş kaldıran kitlelerin faaliyeti Küçük Nogay Ordası'nın ortaya çıkışını hazırlamıştır ve Seyyid Ahmed soyundan gelenler Yusuf Mirza'nın yöneticiliğini kabul etmeyerek ayaklanıp Seyyid Ahmed'in oğlu Gazi yönetiminde Kuban Çerkesleri'nin yanına göç etmişler ve bu ordaya 'Küçük Nogay Ordası' adı verilmiştir*, şeklindedir [7, s. 59]. Oysa Novoselskiy'ye gör; *Küçük Orda'nın kurucusu Gazi Mirza'dır. Gazi Mirza, İsmail Mirza'nın iktidarını tanımak istemediği halde onunla açıkça mücadeleye girecek güçte olmadığı için kazak çıkmış ve Kabarda ve Azak arasında Türk tebaası olarak kalmayı tercih etmiştir. Kırım Hanı Devlet Giray Han ile iyi ilişkiler kuran Gazi Mirza, Kırım şehzadelerine atalık yapmıştır. İsmail Mirza ile giriştiği mücadeleyi kaybeden Yusuf Mirza oğulları Gazi Mirza'ya katılmışlardır. Hatta İsmail Mirza'nın oğulları Kırbay ve Kutlubay'da babalarından ayrılarak Gazi Mirza ile birleşmişlerdir. Gazi Mirza, 1577'de Kabarta akını sırasında ölmüştür* [46, s. 8, 9].

1608-1751 yılları arası Kırım Kadı Sicil Kayıtlarına göre Kırım'da *Orakoğulları*'nın bulunduğu yerler; Temur Hacı, Açalı, Taraklı, Abaklı, Celil, Yeni Turan, Güneş, Lur, Ak Mehmed Mirza, Beğ Mirza Köyleri ve Akkirman'dır [11, s. 97-98].

19. Yüzyılda Osmanlı topraklarına göç edip burada iskân edilen Nogaylardan Eskişehir/Alpu Esence Köyü'nde bir sülale vardır. Sakarya/Merkez Kalaycı Köyü'ndeki Akkirman Adası'ndan gelen Nogaylar ve Tekirdağ/Muratlı Ballı Hoca Köyü'nde iskân edilenler *Orakoğulları'*dır [39, s. 30-35-39].

Togan hakkında herhangi bir bilgiye ulaşılamamıştır.

Şaydak'ın Boran Gazi Beğ ve İslam Mirza adlı iki oğlu vardır, Akkirman Adası'ndadırlar.

– Boran Gazi neslinden gelenlere AkkirmanAdası'nda, Gazioğlu adı verilmiştir.

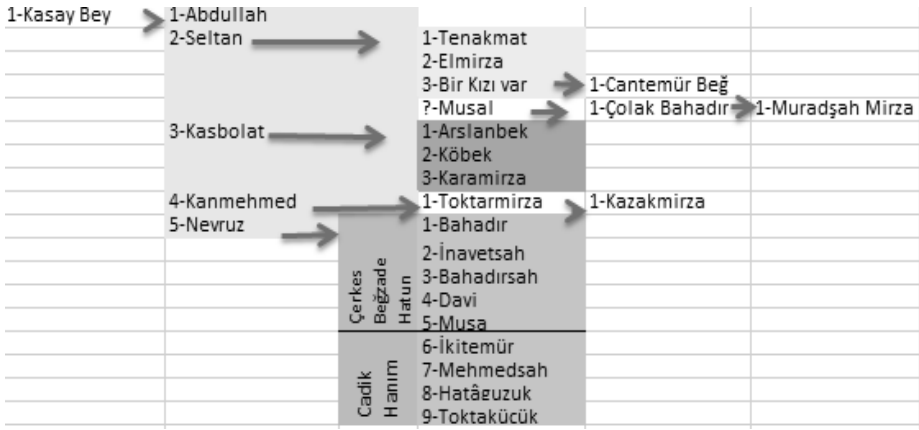
– İslam Mirza'nın (karısı Şirin kızı Fatıma Hanım Hatun'dan doğan) oğlu ise Kasay'dır ve bu soy *Kasayoğulları* olarak bilinir [5, s. 237].

1748'de *Kasayoğulları*'nın bir kısmı Kırım içindedirler ve Sultek[33] rütbesine ulaşan çok sayıda ümera vardır ve yine bu yılda Akkirman Adası'nda köylü arasında yaşayan; Sarı Adalu Kantemür, Kanglı Mirzası olan El-hac Narıt gibi büyük mirzalar *Kasayoğludur* [5, s. 204].

1786 yılı arşiv kayıtlarına göre Demirkapı'ya yakın mahalde bulunan *Kasayoğlu* kabilesinin 20 bin civarında süvarisi bulunmaktadır [20, s. 14].

Kasayoğulları

Kasay Bey'in beş oğlu vardır; Abdullah Mirza, Seltan Mirza Kasbolat Mirza, Kanmehmed Mirza ve Nevruz Mirza olmak üzere.



Abdullah Mirza'nın oğulları *Abdullahoğlu* denilen mirzalar olarak bilinir ve Kara Kıpçak halkının mirzalarıdır.

33 Sultek?, Sulten? Seveltek? [5, s. 240/varak.324-a,1. Satır]

Seltan Mirza'nın neslinden gelenlere *Seltanoğlu* denir. El-Mirza ve Tenakmat (Tenahmed) adlı 2 oğlu ve 1'de kızı vardır. Altıayakoğlu, Kızılbayoğlu, Aksüyün ve Nartaylak adlı *Mangıtlar*, *Seltanoğulları*'nın nökerleridir. Şirin El-hac Cantemür Beğ, Seltan Mirza'nın kızından doğmuştur. Ruslar, *Kasayoğulları*'nı Kuban'dan göçürdükleri esnada *Seltanoğlu*'ndan Musal oğlu Çolak Bahadır'ın oğlu Murad Şah Mirza'yı ve diğerlerini de Moskova'ya götürmüşlerdir.

Kasbolat Mirza'nın oğulları; Arslanbek, Köbek ve Kara Mirza'dır. Kasbolat Mirza'nın neslinden gelen mirzalara *Kasbolatoğlu* denmektedir [5, s. 237].

Evliya Çelebi [19, s. 645], Kalmık tazyikinden kaçıp, Kabartay'a sığınan Arslan Beğ Tatarı'ndan bahseder ki *Kasbolatoğulları*'nın Kalmuk saldırıları sırasında kardeşi Nevruz Mirza ile birlikte Çerkes topraklarına geçtikleri [5, s. 237] bilgisine dayanarak Evliya Çelebi'nin bahsettiği Arslan Beğ'in, Kasbolatoğlu Arslanbek olduğunu söyleyebiliriz.

A. Berje, 1860 yılında Kuban'ın sol kıyısında yaşayan ve başlarında Karamurza ailelerinin bulunduğu Karamurza Nogayları'nın varlığından bahsetmektedir [10, s. 14]. Bahsedilen Karamurza Nogaylarının, Kasbolat oğlu Kara Mirza neslinde geldiğini söyleyebiliriz. Zira daha erken dönemde (1782 tarihli belgeye göre) Laba Nehri üzerinden Kuban'ı geçen Rus askerlerince *Nevruzoğulları*, *Karamirzaoğulları* ve *Kasbolatoğulları*'na gece baskını yapılmıştır [20, s. 37].

Kan Mehmed Mirza, oğlu Toktar Mirza ve onun da oğlu Kazak Mirza'dır. Kanglı halkı bu oğulların nökeridir.

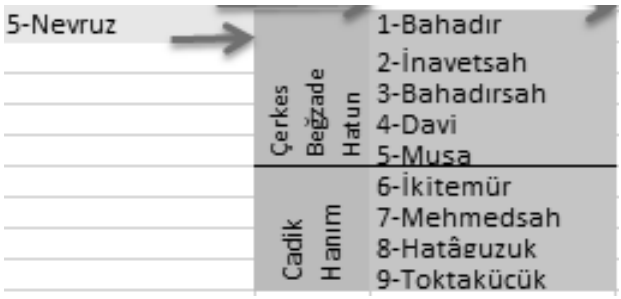
Nevruz Mirza'nın Cadik Hanım Hatun ve Çerkes Buzaduğ Beğ'in Kızı Beğzade Hatun olmak üzere iki eşi vardır. Nevruz Mirza'nın her iki eşinden doğan oğullarına *Nevruzoğulları* denir. Bu nesilden gelen *Kalavlar* muteberdir [5, s. 237]. 1786 yılı kayıtlarına göre Kuban Nehri'nin kollarından Laba Nehri civarında bulunan *Nevruzoğulları*'nın süvari sayısı 8 bin civarındadır [20, s. 14].

Nevruzoğulları

Çerkes Beğzadesi Hatun'dan; Bahadır Mirza, İnayetşah, Bahadırşah, Davî ve Musa adlı oğulları vardır.

Câdîk Hanım Hatun'dan; 10'dan fazla oğlu vardır, İkitemür, Mehmedşah, Hatâguzuk[34] ve Tokta Küçük isimlerini tespit edebildiklerimizdir.

34 Kırımlı'nın çalışmasında Kayseri/Pınarbaşı-Malakköy'deki Nogaylar için *Adıgeleşmiş-Hatukaylaşmış* [39, s. 32] ifadesi kullanılmıştır. Bu köydeki Nogayların Nevruz Mirza'nın Câdîk Hanım Hatun'dan olan oğlu Hatâguzuk Mirza neslinden gelmiş olabilecekleri göz önünde bulundurulmalıdır. Çünkü Evliya Çelebi, Çerkes topraklarını anlatırken, *Çobaneli Nogaylarının Çerkes Şağake kabilesiyle kardeş olduğunu ve onlardan kız aldıklarını ancak hür olan kız vermediklerini* belirtmiştir. Yine *Nevruzoğulları* için*; Hatukay Çerkesinden kız alarak kardeş olmuşlardır*, ifadesini kullanmıştır. Görüldüğü üzere Nogayların Çerkeslerle akrabalığı sadece kız alma sınırında tutulmuştur [19, s. 603, 622].



Seltan ve Nevruz Mirzalar 1640 yıllarında Küçük Nogayların liderleridir [56, s. 428]. Ruslar, Kalmuk ve Kabartay Çerkesleri vasıtasıyla *Kasayoğulları'*nı Kuban'dan göçürüp, Kabartay ve Terek Nehri ötesine iskân etmişlerdir. Daha sonra da Kalmuk Hanı Dunduk-ombu ve Moskov vekilleri gelerek Hacı Tarhan'a göndermişlerdir. Kasbolat, Abdullah ve Nevruz Mirza'nın oğulları dağılıp, perişan olmuşlar, Kuban'a kaçarak, Kabartay'a iltica etmişlerdir. Çünkü Kabartay beyi Kaytuka oğlu Arslan Bek, Nevruzoğlu'nun yeğenidir. Arslan Bek, dayısı Nevruz ve oğullarına sahip çıkmış ve Kuban tarafına geçirmiştir.

Kırım Hanlığı'nda, Adil Giray'ın H. 1075'de (M.1665) Kırım tahtına çıkması esnasında vuku bulan İslam Ağa'nın tahriki ile Sefer Gazi Ağa'nın katli meselesinde arada kalan Karaçi beylerinden Şirin Mirzalar ve Şirin baş beyi Mengli Giray kazak çıktıkları zaman Kuban'da bulunan Nevruz Mirza'ya gelmişlerdir. Kasayoğlu Nevruz Mirza Kuban Nehri üzerindeki Kaplu adlı kasabadan 6 saat yukarıda kale gibi bir şeranpu yaptırmış ve burada sakindir. Kazak çıkan Şirin Bey ve mirzaların himaye edilme talebini endişeyle karşılayan Nevruz Mirza, *Kırım Han'ına isyan eden Osmanlı Devleti'ne de isyan etmiş sayılır. Biz göçmeyi bırakıp buraya yerleştik, onlara sahip çıkar isek burada oturamayız* demiştir. Ancak oğulları *Kırım'ın asıl sahibi Karaçi Beyleridir ve bizden yardım talep ediyorlar. Eğer bugün onlara yardım etmez isek yurtlarını aldıklarında bize dostluk göstermezler* diyerek babalarını ikna etmişler, halkı toplayıp, Kabartay semtlerine Eş-Akayık Karatup adlı yere göçmüşlerdir [5, s. 145]. Evliya Çelebi Nisan 1666'da Çerkes topraklarında Hatukay Vilayeti'nde Nevruz Mirza Tatarlarının, Kuban boyunda yerleşip, Çerkeslerden kızıp alarak kardeşlik ilişkisi içinde olduklarını ve 10 bin asker, 6 bin obadan oluştuğunu bildirmektedir. Öte yandan Mehmet Giray Han'ın Nevruz Mirza adına yaptırmış olduğu kalenin fiziksel yapısı hakkında ayrıntılı bilgiler vermektedir. Bu kale, topçusu, dizdarı, neferi olmayan ve muhafazasını *Nevruzoğulları*'nın yaptığı, Kalmuk saldırılarında çoluk çocuklarını doldurup korundukları Nevruzkirman Kalesi'dir. Yine Hatukay toprağında Çerkesler için imar edilmiş Akupskirman Kalesi'nde de *Nevruzoğulları* iskân edilmiştir [19, s. 622].

Adolf Berje tarafından 1860 yılında yapılan tespite göre Nevruz Nogayları, Kuban'ın sol kıyısında Ubejinsk ve Tiflissk stanitsaları arasında yaşamışlardır. Navruz Nogayları bütün soydaşları arasında en savaşçı olanlarıdır. 1822 yılında Laba ötesine geçmişler ve Ruslara karşı savaşmışlardır. Ancak 1823'de Laba ötesine düzenlenen Rus harekâtı sonucu bir kısmı tekrar Kuban'a dönmüş, diğer kısmı ise orada kalarak büyük bir köy kurmuşlardır. En önemli aileleri Mehmet ve Selim Girey Sultanlar, Dovletseyler, Biberdler, Beymurzalar, Cetişkullar, Kaplan Neçeler, Uruslar'dır. Adı sayılan bu Nogay topluluklarından başka Urup'ta Sultan adıyla bilinen bir Nogay köyü vardır ancak sonra yok olmuştur [10, s. 52].

Kırım Savaşı'nın ardından yaşanan büyük göç dalgasında Osmanlı topraklarına göç edip, Türkiye'de iskân edilen Nogaylar arasında *Nevruzoğlu* Kabilesi mensupları da bulunmaktadır. *Nevruzoğlu* Kabilesi'nden Hoca Süleyman Efendi takımı[35] ve *Nevruzoğlu* Kabilesi umerasından Hacı Timur Bey Kasayoğlu takımından 7 hane 42 nüfus Adana'da, *Kasalayoğlu*[36] Kabilesi Hoca Timur Beğ takımından 12 hane 68 Nüfus Adana'da, *Nevruzoğlu* Kabilesi'nden 34 hane 242 nüfus ise Halep'te iskân edilmek istemişler ve bu şehirlere gönderilmişlerdir (1860)[37]. Ancak bugün Adana'da hiç Nogay nüfusu kalmamıştır. Öte yandan Afyon/Çay ilçesindeki Ortaköy'e Nogayların *Navruzun* (Navruzul?) adı verdikleri görülmüştür. Bu Nogay muhacirlerinin *Nevruzoğulları*'ndan olması kuvvetle muhtemeldir. Daha sonra bu köyden ayrılıp Armutlu ve Orhaniye Köylerine yerleşmişlerdir [39, s. 25].

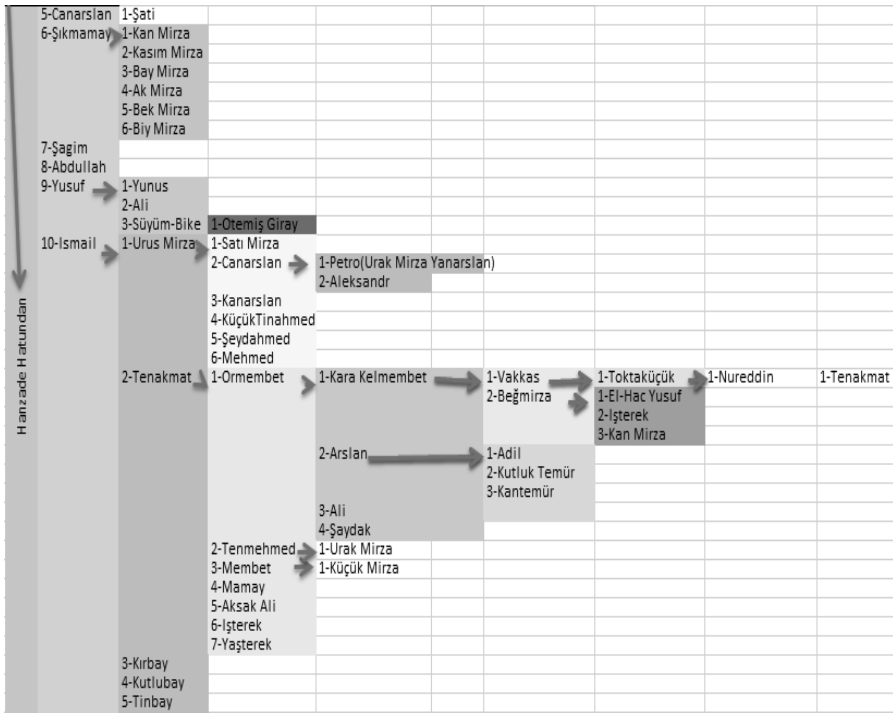
Hanzade Hatundan Musa oğulları ve Nogay Kabileleri

Musa Mirza'nın Hanzade Hanımdan; Canarslan, Şıkmamay, Şagim, Abdullah, Yusuf ve İsmail olmak üzere 6 oğlu vardır.

35 A.MKT.NZD. 317-97; A.MKT.MHM.188-21. (Başbakanlık Osmanlı arşivi belgeleri dipnotta sadece fon kodlarının kısaltmalarıyla verilmiştir. Kaynakçada fon kodları verilecektir.)

36 Kasalayoğlu yazılmıştır ancak Kasayoğlu olması kuvvetle muhtemeldir. Çünkü 13 Ağustos 1860 tarihli A.MKT.NZD.321-32 Nolu Belgede Nevruzoğlu Kabilesi Kasayoğlu takımı şeklinde yazılmıştır. Sonraki gelenler [18 Aralık 1860 (BOA, A.MKT. NZD. 335-61) ve 23 Aralık 1860 (BOA, A.MKT.NZD. 336-32) tarihli belgelerde] akrabalarının yanında iskân edilmek istemişlerdir, bu nedenle sonraki gelenlerin de Kasayoğlu olduğunu düşünüyoruz.

37 A.MKT.N.Z.D.317-97, A.MKT.NZD.335-61, BOA, A.MKT.NZD.336-32.



Canarslan ve oğlu Şati*, Kilçi* adlı halkın mirzalarıdır [5, s. 237].

Şıkmamay*,* 1549 yılında vefat etmiştir [7, s. 64].

Altavul (Embuluk) Ordası (Cemboyluk)

Şıkmamay'ın oğulları *Cemboyluk* halkının mirzalarıdır [5, s. 236]. 1555'te Yusuf Mirza'nın öldürülüp, İsmail Mirza'nın *Uluğ Nogay Ulusu*'nun yönetimini ele geçirmesi üzerine Yusuf Mirza'nın oğulları ve O'nu destekleyen Musa Mirza'nın diğer torunları *Uluğ Nogay Ordası*'ndan kovulduğunda, en başta Orda'dan, Şıkmamay Mirza'nın oğulları ayrılmışlardır [46, s. 8]. Kan Mirza, Kasım Mirza, Bay Mirza, Ak Mirza, Bek Mirza ve Biy Mirza adlı altı oğul Emba Nehri'ne giderek *Altıul (Embuluk) Ordası'nı* kurmuşlardır [56, s. 658]. Nüfusları kalabalık olmadığı için, Nogay Ordaları içindeki rolleri azdır ve Moskova ile ilişkileri olmamıştır [46, s. 8].

Şagim ve oğulları *Cemboyluk* halkının mirzalarıdır [5, s. 236].

Abdullah, ve oğulları *Yedisan* halkının mirzasıdır [5, s. 236]. Z.V. Togan, Altın Orda Han'ı Özbek Han zamanında Cim (Emba) ve Sirderya arasında konup göçen *Yedisan* adı verilen sol uruğların başında Şagim ve Abdullah Mirza'nın oğullarının olduğunu ifade etmiştir [54, s. 143]. Oysa Kırımî'ye göre, Şagim ve oğulları *Cemboyluk* halkının mirzaları iken sadece Abdullah ve oğulları *Yedisan* halkının mirzasıdır [5, s. 236].

Yedisan; *Yedisan* adı daha önce de ifade edildiği üzere yedi-san, yedi tümen [56, s. 435] manasında olup, yetmiş bin asker veya aul veya kazan olarak kullanılmış ve Altın Orda Hanlığı'nın sol kol uruğlarını tanımlamıştır. Altın Orda hanı Barak Han'ın Edigü oğlu Mansur Mirza ile olan mücadelesinde *Yedisan* halkını Barak Han'ın nökerleri olarak görüyoruz. Nitekim Mansur Mirza'nın ölümünde onların tahrikinin olması, Edigü oğlu Gazi Mirza'nın *Yedisan* halkına sınırsız eziyet etmesine sebep olmuştur. Gazi Mirza'nın ölümünün ardından Barak Han'ın ölümüyle Küçük Muhammed Han tarafından İdil boyu, Saraycık ve Astrahan çevresindeki uruğlar sol kolda toplanmıştır. Nogay Ulusu'nun teşekkülünde etkin olan bu uruğlarla birlikte *Yedisan* ismi de Kuban boyuna ve Kırım Hanlığı topraklarına taşınmıştır. Musa Mirza'nın oğulları Şagim ve Abdullah Yedisan halkının mirzalarıdır [54, s. 143].

Kırım Hanlığı topraklarında yerleştirilen *Yedisan* Nogayları'nı Kuban'dan Turla'ya kadar geniş bir alanda görmek mümkündür. Öte yandan Kırım ordusunun sağ kolunda ve kalgay sultanın mahiyetindeki ordunun önemli bir gücünü teşkil ettikleri görülür. H.1119 (M.1707-1708) yılında *Yedisan*, *Yediçeki* ve *Kasayoğlu* Nogayları, Kuban Nehri'nin Elbruz Dağı'ndaki çıkış yerinden başlayarak Temrük Kalesi'ne kadar olan yirmi beş konak mesafede ve ayrıca Celençekler Nehri, Orp ve Laba Nehirleri ile Şahakûçe Nehrinin etrafında, oldukça mamur ve âbâd, dillere destan bir güçtedirler. Kırım Han'ı bu yıl yaptığı Çerkes seferi için Nogaylardan çok sayıda asker almıştır [5, s.164]. M.1711 (H. 1123) yılında Ruslar karşısında kazanılan zaferin ardından Kuban boyuna Kırım Şirin Mirzaları ile birlikte gittiği belirten Kırımî, Kuban boyundaki *Yedisan* Nogayları arasında kışı geçirdiklerini anlatmıştır ki, Yedisan Nogaylarının bir kısmının 18. Yüzyılın başında hâlâ Kuban boyunda olduklarını görüyoruz [5, s. 176]. Kırım askerinin Osmanlı ile İran seferine gitmesini fırsat bilen Rusların H. 1148 (1735-36) yılında Kırım'a girmek istediği sırada Or taşrasında bulunan *Yedisan* halkının toplanıp, Kırım'a gelerek, askersiz kalan Or savunmana kalabalık bir askerle destek verdikleri görülür. Öte yandan yetişen Kırım ordusunun sağ kolunda kalgay Fetih Giray Sultan'ın mahiyetinin tamamı yine *Yedisan* askeridir [5, s. 200].

1859-1862 yılları arasında Osmanlı topraklarına göç edip, iskân edilenlerden yaklaşık 290 hane *Yedisan* Nogay'ı Tekfurdağı ve çevresinde [13, s. 339] yaklaşık 400 hane de Ankara/Haymana çevresinde iskân edilmişlerdir. Kurtuluş Savaşı sırasında iskân edildikleri yerlerden yeniden göçen *Yedisan* Nogaylarının önemli bir kısmı Konya/Kulu çevresindeki köylerde yaşamaktadırlar. Nogay diliyle Cedisan, Cetisan şeklinde telaffuz edilmiş olan isim günümüzde Türkiye'de yaşayan Nogaylar arasında t ve s seslerinin yer değiştirmesiyle *Cestan* olarak söylenmektedir.

Yusuf[38]**:** 1549'da Şıkmamay'ın ölümünden sonra Nogay Ulusu'nun başına Yusuf Mirza geçmiştir. Rus yanlısı kardeşi İsmail Mirza ile yaşadığı görüş ayrılığı Nogay Ulusu'nun parçalanma sürecini başlatmıştır. Osmanlı Devleti ve Kırım Hanlığı ile Moskova'ya karşı oluşturulan ittifaka katılan Yusuf Mirza, 1555'te Ruslardan destek alan İsmail Mirza tarafından tuzağa düşürülerek öldürülmüştür [46, s. 8; 7, s. 59; 40, s. 282]. Yusuf Mirza'nın, Yunus ve Ali[39] Mirza, [57, s. 22] İbrahim ve İl [49, s.158] adlı oğulları vardır.

-***Ali Mirza***: 1552'de Kazan'ın Rus hâkimiyetine geçmesinin ardından tahta çıkarılan Astrahan şehzadesi Yadigar'ın Ruslara esir düşmesi üzerine, mücadeleye devam eden Kazanlılar – Cengiz evladından olmamasına rağmen– Ötemiş ve annesi Süyümbike'ye akrabalığına istinaden Ali Ekrem'i han seçmişledir. Ali Ekrem, 1556 yılında Memiş Berdi hükümeti ile birlikte Çalım Kalesi'nin savunması sırasında şehit düşmüştür [26, s. 142].

-***Süyümbike Hatun***: Yusuf Mirza'nın kızı, Kazan Hanlığı'nda Rusya'ya karşı mücadelenin simgesi olmuştur. Kazan Hanı Can Ali ile 17 yaşında evlenen Süyümbike, Can Ali'nin ölümünden sonra tahta çıkan Safa Giray'la evlendirilmiştir. 1546'da Safa Giray'ın ölümüyle üç yaşındaki oğlu Ötemiş Giray'ın tahta çıkması üzerine annesi Süyümbike Hatun Kazan tahtında söz sahibi olmuşsa da Ruslara karşı yürüttüğü mücadeleyi kaybetmiştir. Oğlu ile birlikte 11 Ağustos 1551'de Ruslara teslim edilmişlerdir [24, s. 352; 26, s. 82, 120]. Süyümbike'nin Şah Ali ile evlenmesi fikri 1550'den itibaren Rusların gündeminde idiyse de 1552 yılı Mayıs ayında, Yusuf Mirza kızı Süyümbike'nin ve torunu Ötemiş Giray'ın kendisine gönderilmesini istemiştir. Ancak Şah Ali ölen kardeşi Can Ali'nin karısı olması hasebiyle *âdetimiz mucebince benim karım olmalıdır* diyerek göndermemiş, Yusuf Mirza'ya da Süyümbike'nin kedi rızasıyla evlendiği yazılmıştır. Süyümbike'nin rızasıyla olmayan bu evliliğin ardından Şah Ali, onu vasilikten, oğlu Ötemiş Giray'ı da hanlıktan mahrum bırakarak Rusya'ya göndermiştir. 7 yaşında iken annesinden zorla alınan Ötemiş Giray, 8 Ocak 1553'de yine zorla vaftiz edilmiş ve Aleksandr adı verilmiştir. IV. İvan tarafından çar sarayına terbiye edilmek üzere alınmış ve 11 Haziran 1566 yılında 20 yaşında Moskova'da vefat etmiş, çar aile mezarlığına, Athangelskiy Kilisesi'nin önündeki Kremlin'de defnedilmiştir [26, s. 155].

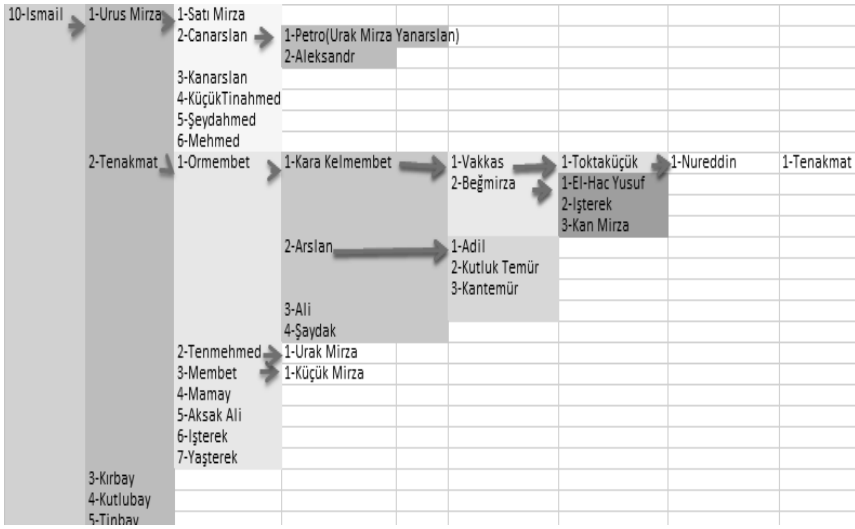
İsmail: İsmail Mirza kardeşi Yusuf Mirza'nın 1555'te ölümünün ardından Nogayların başına geçmiş ve 1563 yılında ölünceye kadar *Uluğ Nogay Ordası*'nın yönetimini elinde tutmuştur. İsmail Mirza döneminde Uluğ Nogaylar Rus hâkimiyetine tabi olmuşlardır [46, s. 23]. *İsmail'in* Trepavlov'un tepit ettiği; Kırbay, Kutlubay,[40] Kulbay Mirza, Urus, Tinbay, Ten Akmat (Tin Ahmet),

38 Kırımî, Yusuf Mirza'dan hiç bahsetmez. Bu nedenle Yusuf'un annesi hakkında herhangi bir bilgiye ulaşamadık ancak kaynaklar genel olarak İsmail Mirza'nın kardeşi olarak ifade etmeleri hasebiyle aynı anneden oldukları düşünülerek bu kısımda verilmiştir. Yusuf Mirza için bkz. [45, s. 25].

39 Hudyakov, Yusuf'un oğlunu *Ali Ekrem* olarak vermiştir. [26, s. 148].

40 Kırımî, Kırbay ve Kutlubay'dan bahsetmez, bu mirzalar hakkında bk. [46, s. 9].

Muhmammed, Hanbay, Canbay, İbrahim, Kurban Ali, adlı 11 oğlu vardır [56, s. 657]. Ancak Kırımî *İsmail oğullarına Yediovul*[41]*dirler* ifadesini kullanıyor [5, s. 235].



İsmailoğulları

Urus: İsmail Mirza'nın üçüncü oğludur. 1563'ten 1578'e kadar Tenakmat Mirza'nın beyliği döneminde *nureddin, veliahd* olarak kalmıştır.1578'den sonrada Nogay beyi olmuş, [41, s. 011, 012; 54, s.143] 1590 yılında ölmüştür [46, s. 36]. Başlangıçta Rus taraftarı ise de Nogayların Rusya'nın karşısındaki konumunu iyi kavrayıp ona uygun bir politika takip etmiştir [7, s. 77]. 24 Ekim 1587 tarihli; Osmanlı Devleti'nin Astrahan üzerine yapacağı sefere iştirak etmek üzere hazırlanması gerektiğinin bildirildiği belge [41, s. 25] Rusya'nın karşısında ve Osmanlı Devleti ile ittifak içinde izlediği politikayı ortaya koyar niteliktedir.

Urus Mirza'nın oğulları; Satı Mirza, Canarslan (Yanarslan), Kanarslan, Küçük Tinahmed, Şeydahmed ve Mehmed Mirza'dır.

Satı Mirza ve Şeydahmed Mirzalar; 1588 yılında Gazi Nogayları, Divey Nogayları ile birlikte Astrahan çevrsinden gelen Uluğ Nogay Ulusu'ndan bir gurupla Kırım'a gidip Azak çevresine yerleştirilmişlerdir. Ancak Uluğ Nogay Ulusu'nun başında bulunan Satı Mirza Don Nehri'nin solunda kalıp, sağ tarafa geçmeyi kabul etmemiştir. Yahşısat Mirza'nın başında bulunduğu Nogaylarla aralarında çıkan çatışmada Satı Mirza ve Şeydahmed Mirzalar ölmüşlerdir [46, s. 34].

Çar Boris zamanında bir Rus düşmanı olarak tanınan Urus Mirza ve onun izinden giden oğlu Canarslan Mirza çarın hedefi olmuştur ve Canarslan Mirza'nın oğulları, Rus Çarı'nın emriyle Yayık-Don Kazakları tarafından ya-

41 *Ovul*: Oğul demektir. [55, s. 207].

kalanıp, Moskovo'ya rehin olarak götürülmüşlerdir. Hıristiyanlaştırılarak oğulların birine Petro (Urak Mirza Yanarslan), diğerine Aleksandr ismi verilmiştir.[42]

Tenakmat, İsmail Mirza'nın ikinci oğludur. İsmail Mirza'nın ölümünden sonra Uluğ Orda'nın başına geçmiş ve 1563-1577 yılları arasında beylik yapmıştır. Babası gibi Moskova ile dostluk siyasetini takip etmişse de IV. İvan'a babası İsmail Mirza kadar bağlı olmadığını hissettirmiştir [46, s. 23; 7, s. 66]. Çerkes Temrük Bey'in kızı ile evlidir [41, s. 33].[43]

Tenakmat'in (Tinahmed) yedi oğlu vardır; Or Membet (Urmehmed), Ten Muhammed (Tin Mehmed), Membet, Mamay, Aksak Ali, İşterek, Caşterek (Yaşterek). Bu oğullara Yedioğul adı verilir ve *Yediçekioğlu*[44] derler. 18. yüzyılın ortalarında bu yedi oğul neslinden gelen mirzalar, bu oğulların isimleri ile adlandırılmış olup, aşağıda verilen halkların mirzaları olmuşlardır.

Yediçekioğulları

İsmail oğlu Tenakmat'ın yedi oğlunun nesline verilen isimdir ve aşağıdaki kabileler *Yediçekioğlu'*ndan olup Tenakmat'ın yedi oğlunun ismiyle adlandırılmışlardır. *Ormembetoğulları*, *Canmembetoğulları*, *Membetoğlu*, *Mamayoğlu*, *Aksakoğlu*, *İşterekoğulları*, *Caşterekoğulları* (*Yaşterekoğulları*)'dır [5, s. 236].

Yediçeki kelimesi üzerinde ayrıntılı izahatlar yapan Tepavlov'a göre; kelime *yedi-çeki*, *yedi-içki* yani *yedi-işk*, (*iç*: saray çevresinden olan kişi)'den gelmektedir [56, s. 443].

Ferah Ali Paşa tarafından Anapa Kalesi'nin yapılmasının ardından Nogay Kalesi yapımına başlanmasını istediği buyruldu, Cemetey Sahrası'nda bulunan *Yedici* ve *Yetişkulu* Nogaylarına hitaben yazılmıştır [37, s. 59]. Kırımî ise Kumuk vilayetinden gelerek meyk-i Tana'daki Kondura-meyk kabilelerinin mirzaları olduklarını ifade eder ki, arşiv belgelerindeki Cemetay sahrası ile Meyk-i

42 Tarihi belli değildir ancak 1594 öncesidir. Büyük ihtimalle Yanarslan'ın üçüncü oğlu Moskova'da vaftiz edilip İvan adını almıştır ancak onun hayatı hakkında da herhangi bir bilgi yoktur [46, s. 33-36].

43 Temrük Bey'in diğer kızı Marye IV. İvan'ın karısıdır.

44 *Yediçeki*, Yedi içki demektir. *İçki Beyleri*, Kırım Hanlığı'nda hanın hizmetinde olan beyler için kullanılır. Diğer kullanım örnekleri için bkz. [48, s. 61, 75].

Tana aynı bölge üzerindedir. *Yediçeki, Yediçki, (Yedişkul, Betişkul*[45]), İsmail oğlu Tenakmat'ın yedi oğlunun neslinden gelenlerin farklı zamanlarda ve farklı kaynaklarda geçen isimleri olarak karşımıza çıkmıştır.

Ormembet (Urmehmed), 1590'da Urus Mirza'nın ölümünden sonra Rusya'nın desteğiyle Ulu Nogay Beyi olmuştur. 1601'de ölmüştür [54, s. 144; 7, s. 77]. Ormembet'in Ali, Şaydak, Arslan ve Kara Kel Membet adlı dört oğlu vardır ve *Ormembetoğulları* olarak bilinir. *Canmembetoğulları* Kıpçak Mirzalarına denir; El-hac Yağmurçı ve El-hac Ağaş Mirza bu nesildendir[46]. 1608-1751 yılları arası Kırım Kadı Sicil Kayıtlarına göre *Ormeh*medoğlu kabilesinin bulunduğu yerler; Akkirman, Yılanlı Türkmen, Taraklı Nayman, Sultan Kışlası, Kazayaklı, Tok Türkmeni, Kara Nayman, Beş Kıpçak, Ökkeş Mirza ve Barlak köyleridir [11, s. 97, 98]. 1859 sonrası yaşanan göç ile Türkiye'ye gelen Nogaylardan *Ormembetoğulları* Kabilesi mensupları bugün Adana/Ceyhan Yılankkale köyünde bulunmaktadır [39, s. 24].

-Ali ve Şaydak aynı anneden olup, Longa nehri yakınında oturan Ağran, Çapçak, Tuma ve Haydaroğlu adlı Türkmen halkı bu oğulların nökerdir.

-Arslan'nın, Adil, Kutluk Temir ve Kan Temür adlı üç oğlu vardır. *Ormembet* meyanında olan Naymanlar bu oğulların nökeridir [5, s. 237; 54, s. 144]. Naymanlar dışında *Mangıt* topraklarında göç eden Ağrap, Cayçık, Tuna ve Hıdır-eli adlı Türkmen boyları Ormembet Bey'e tabi illerdir [54, s. 144].

Kara Kel Membet, 1623'te İsmailoğlu Tinbay Mirza'nın beyliği döneminde *nureddinlik* makamına getirilmiştir. Kara Kelmembet, Ufa Kalesi'ni (Tura Hanları döneminde, Ak İdil havzasındadır) karargâh edinmiştir ancak Ruslar'ın 1580'da Saraycık'ı işgal edip ardından 1584'te Yayık Kalesini inşa ederek çevrede başlattıkları yağmada Ufa Kalesi de Rusların eline geçmiştir [54, s. 145]. Kara Kel Membet'in Vakkas ve El-hac Beğ Mirza adlı iki oğlu vardır.

-Vakkas'ın oğlu Tokta Küçük, Tokta Küçük'ün oğlu Nureddin, Nureddin oğlu Ten Akmat'tır.

-El-hac Beğ Mirza'nın oğulları ise El-hac Yusuf, İşterek ve Kan Mirza'dır [5, s. 236].

Ten Muhammed (Tin Mehmed) Mirza, 1597'den sonra Ormembed'in ardından kısa süreliğine *Uluğ Nogay Ordası*'nın başına geçmiştir [46, s. 36]. Oğlu Urak Mirza vardır.

Membet Miza'nın oğlu Küçük Mirza'dır [54, s. 144]. Hıtay Mirzalarına *Membetoğlu* denir, El-hac Sırtlan ve Rus Mirza bu nesildendir.

45 Trepavlov, Şeglov'a yaptığı atıfla *Yedişkul* kelimesinin *yedi-göl* anlamına da gelebileceği üzerinde durur. [56, s. 443].

46 Kırımî Canmembet'ten bir kez bahseder, Ormembet'in hemen ardından verir, Canmembet'in kimin oğlu olduğuna dair herhangi bir açıklayıcı bilgi vermez [5, s. 236]. Trepavlov da Ormembet oğulları arasında verdiği için biz de burada verdik.[56, s. 657]; 1770 yılında Ruslarla anlaşma imzalayan *Yedisan* Nogaylarının başında Can Membet Bey bulunmaktadır [21, s. 81].

Mamay'ın oğullarına Mamayoğlu denir ve Bayoğlu denilen halkın mirzalarıdır, Uzunoklu Arslan Bey ve Kutluşah mirzalar bu nesildendir.

Aksak'ın oğullarına *Aksakoğlu* denir ve Burlak Mirzalarıdır. Ak Membet, Sultan Ali, Caksat, Cabağı bu nesildendir.

İşterek Mirza, 1612 yılında *Ulu Nogay Ulusu*'nun beyidir. Don ve İdil arasındaki siyasi ve askeri mücadelelerden çekilerek[47] İdil'in gerisindeki Çerkes dağlarında göçebe yaşayan İşterek Mirza ve ulusu, Kabardin saldırıları sonucu Arstrahan ve Terek arasında yerleşmek zorunda kalmıştır [46, s. 90]. *İşterekoğlu*, Meyk-i Tana'da olan meyk mirzalardır [5, s. 236].

Çobaneli Nogayı ismini Evliya Çelebi kullanmıştır. Kırımî Çoban Mirza'dan bahsetmez. Trepavlov ise sadece 1648 yılı belgelerinde geçen İşterek Mirza oğlu Uraz Ali[48] oğlu Çoban Mirza'dan bahseder.

Caşterek neslinden gelenlere *Caşterekoğlu* denir ve Kumuk'tan gelip meyk-i Tana'da oturan Kongurad Meyk Kabilesi'nin mirzalarıdır [5, s. 236].

---

47 1601 yılında Nogay ilinde yeni bir açlık sorunu başlamış ve Nogaylar Samar Nehri sahasındaki göç yerlerini bırakıp, İdil'in sağ tarafına Kuban mıntıkasına gitmek zorunda kalmışlardır. Onlardan boşalan yerlere de Rus köylüleri yerleşmiş bu şekilde Samar nehrinden Başkurd arazisine kadar Rus hâkimiyeti yayılmıştır. Kama'nın güneyi Rusların eline geçince, Ruslar için Nogay tehlikesi ortadan kalkmıştır. 1603'de Rusya'da başlayan karışıklık Nogaylar'a ve İdil boyundaki diğer Müslüman Türk ahalisine Rus zulmünden kurtulmaları için yeni bir ümit olmuştur. Üzerlerindeki Rus baskısı oldukça azalan Nogaylar, bundan faydalanarak Osmanlı himayesine girmeye çalışmışlar ve 1605'de Terek Nehri üzerindeki Rus kalesinin, Dağıstan'daki Türkler tarafından yıkılması ve Rusların Kafkaslar'dan çıkarılmasıyla Rus tahakkümünden kurtulma fırsatını yakalamışlarsa da Osmanlı ve Kırım tarafından beklenen yardım gelmemiştir. Doğudan gelen Kalmuk hücumu sonunda Nogaylar'ın bir kısmı İdil'in her iki tarafına dağılmışlar, bir kısmı Kuban boyunda, bir kısmı ise Kırım Hanlığı tarafına Tuna mansıbına göç etmişlerdir. 1607-1617 yılları arasında Moskova'ya karşı yapılan yıkıcı akınlara Büyük Nogay Ordası da katılmıştır. 1697-1698 yıllarında Kalmuklar, Kuban bölgesine yaptıkları akınlarda çok sayıda Nogay'ı katlederek, at sürülerini yağmalamışlardır. Rusların ve Kalmukların baskılarından bıkan 10.000 çadır civarındaki Nogay, Kırım Kalgayı Devlet Giray tarafından Acu Kalesi civarında Şaha Adası'na iskân edilmişlerdir. Murad Mirza önderliğindeki 4.000 civarında çadır halkı da Osmanlı topraklarına yerleşmek için yurtlarından ayrılmışlardır. Bunları takiben harekete geçen Kalmuklar, Kalgay Devlet Giray tarafından yenilgiye uğratılmış ve Nogaylar sürüleriyle Çerkezistan'a iskân edilmişlerdir. Büyük Nogay Orda'sından bir bölümünün daha İdil havalisinden ayrılışları Mirza Cakşit ve Agaş sayesinde olmuştur. 1696'da kendine bağlı insanlar ile Kuzey Kafkasya'ya gelmişler, Yedisanlar ve Cemboyluklar ile birleşerek, Terek'te Küçük Nogay Ordası'na katılmışlar ve Kırım Hanlığı'nın egemenliğini kabul etmişlerdir.

48 Trepavlov'un eserinin sonundaki şecerede ise *İşterek oğlu Muhammed oğlu Çoban* olarak verilerek bir karışıklık oluşmuştur. Bkz. [56, s. 657].

Kırbay ve Kutlubay Mirzalar, *Uluğ Nogay Ordası*'ndan ayrılarak *Kadı Mirza Nogayları*'na sığınmışlar ve Kırım'a gitmişlerdir. 1558'de Ruslar üzerine yapılan akınlara katılmışlardır [7, s. 84].[49]

Tinbay Mirza: 1623'te Uluğ Nogay Beyi olmuştur [7, s. 99].

Emir Edigü oğlu Mansur Nesli

Edigü oğlu Mansur'un Barak Han tarafından öldürülmesi ardından H. 943 (1536-37) yılına kadar bu nesil hakkında çok fazla veriye ulaşamadık. Edigü oğlu Mansur neslinden gelen Baki Beğ ve kardeşleri Akbibi Mirza ve Divey Mirza'lar İslam Giray Han döneminde onun hizmetinde bulunmuşlardır. İslam Giray'ın tahtan indirilip Sahip Giray'ın tahta çıkmasında Sahip Giray'ı tercih etmişlerdir. Çünkü anneleri Mengli Giray'ın kızıdır ve Sahip Giray ile aynı annedendirler. 1550-51 yıllarında Kırım Han'ı Sahip Giray döneminde etkin olmuşlardır. Sahip Giray Han tahta çıktığı zaman kardeşi İslâm Giray'ın ortadan kaldırılması görevini gizlice Baki Bey'e havale etmiş ve sonunda olaydan haberi yokmuş gibi davranmıştır. *Kardeşine bunun yapan kim bilir bana ne yapar* diyerek öz dayısından emniyeti olmayan Baki Bey sürekli kaçmış ve fırsat buldukça Kırım askerlerine taşrada baskınlar yapmıştır. Önce kardeşleri Akbibi Mirza ve Divey Mirza ardından da Baki Bey Sahip Giray tarafından öldürülmüşlerdir [5, s. 118-123][50].

Divey Mirza'nın Eseney ve Arslanay adlı iki oğlu vardır. 1588 Gazi Giray Han döneminde, *Diveyoğulları*, *Gazi Nogay Ulusu* ile birlikte onlara katılan *Uluğ Nogay Ulusu*'nun bir kısım Nogaylarıyla Kırım'a gelip Azak çevresine yerleştirilmişlerdir [46, s. 34].

Eseney'in oğlu Ali Mirza ve Arslanay'ın oğlu Kantemür Mirza'dır ki sonra Kantemür Mirza, Paşa olmuştur.

Osmanlı Devleti-Kırım Hanlığı ilişkilerinde IV. Murad döneminde, Kırım Hanı Muhammed Giray ve kalgası kardeşi Şahin Giray'ın Osmanlı Devleti'ne muhalefetleri hasebiyle H. 1037 (M. 1627)'de azledilmişlerdir. Rodos'ta rehin olan Canıbek Giray yeniden tahta çıkarılmış ve Kefe'ye gönderilmiştir. Kefe'ye donanmayla ulaşan Canıbek Han'ı karşılayan Muhammed ve Şahin Giray kardeşler 7-8 bin askerle gelerek tahtı vermemek üzere mücadeleye girmişlerdir. Yeniçerilerin yenilmesinin ardından Kantemür Mirza'nın desteğiyle Canıbek Han tahtı ele geçirebilmiş, Muhammed Giray mücadelede ölmüş ve Şahin Giray kazak çıkmıştır. Şahin Giray'ın Or taşrasında gezip, fırsat kollamasından

49 Kurat; 21 Kasım 1569'da Rus elçilerine sunulan Semen Mal'tsev'in raporuna göre *Don üzerinde Moskova adamlarına yakalanan ve Kırım'dan kaçan İsmail Mirza'nın oğlu Kulbay Mirza'dan* bahseder [41, s. 011, 0012]. Ancak bu Mirza Kırbay veya Kutlubay Mirza olabilir veya İsmail Mirza'nın bir diğer oğlu da olabilir bu konuda herhangi bir net bilgiye ulaşılamamıştır.

50 Baki Bey ve kardeşleri Divey ve Akbibi Mirza'ların Sahip Giray Han ile ilişkileri, askeri ve siyasi mücadeleleri hakkında en ayrıntılı bilgiyi 1532-1551 yılları arası Kırım siyasi tarihini ve Sahip Giray Han'ın hanlık dönemini anlatan Remmal Hoca vermiştir. Bkz. [48, s. 24, 52, 70].

çekinen Canıbek Giray Han Kırım yönetimini Kantemür Mirza'nın nezdinde *Mansuroğulları*'na bırakmıştır. Kırım yönetimi bu tarihe kadar Karaçi Beylerinden Şirin Mirzaların elinde iken bu dönemde *Mansuroğulları*'nın eline geçmiştir.

İnayet Giray Han Kırım Hanlığı tahtına H.1046'da (M.1636-37) oturunca Osmanlı Devleti'nin Revan seferine iştirak etmesi emrine karşı uygunsuz sözler sarf etmiş ve Kırım Hanlığı ile Osmanlı Devleti ilişkileri bozulmuştur. Kırım Han'ı Osmanlı Devleti'nin iltifatını kazanmış Kantemür Mirza'yı da ortadan kaldırmak için *Yediçekioğlu* Nogaylarını yanına alarak harekete geçmiştir. (*Mansuroğulları* Akkirman Adasındadırlar. *Yediçekioğlu* Nogay'ı ise Kırım askeri içindedir.) Kantemür Mirza Osmanlı Devleti'ne iltica etmiştir. Han, Osmanlı Devleti'nden Kantemür Mirza'yı rica ettiği yazılar yazılmışsa da olumlu cevap alamamıştır [5, s. 136, 141][51].

Bucak Nogayları: Bucak bölgesi, doğusunda Karadeniz, kuzeyinde Turla (Dinyester) Nehri, güneyinde Tuna Nehri ve batısında Boğdan Vilâyeti bulunan Akkirman, Kili ve İsmail şehirleri arasında kalan düzlük bölgedir [9, s. 4]. Bucak ve Akkirman'ın idari teşkilatlanması, II. Bayezid döneminde Akkirman'ın alınması ve Kırım hanının yardımlarına karşılık 40.000 kadar Tatar'ın Akkirman ve çevresine yerleştirilerek vergiden muaf tutulmasıyla başlamıştır. Kanuni döneminde ise, 1538'de Petru Rares'in yenilgisiyle Prut ve Turla arasındaki kara parçası *Bucak* adı altında idari bir bölge olarak teşkilâtlandırılmış ve sancak hüviyetiyle Akkirman'a bağlanmıştır. Bucak arazisi üzerine kurulmuş köy ve küçük kasabalarda Nogay ve Tatarlar'ın hâkimiyette olmalarına karşılık Akkirman, İsmail ve Kili gibi idarî-ticarî merkezlerde Anadolu lehçesi konuşan Türkler çoğunluktadır ve bunların önemli bir bölümü Anadolu ve Rumeli'den gelmişlerdir [34, s. 341][52]. Bucak bölgesinin isminin kaynaklara *Bucak Tatarı* [9, s. 1] olarak yansıması bölgedeki Tatar varlığının etkisini gösterirken, bölgedeki Nogayların da Bucak Nogayları olarak anılması Nogay varlığının bölgede kalıcı hâkimiyeti ile alakalı olmalıdır.

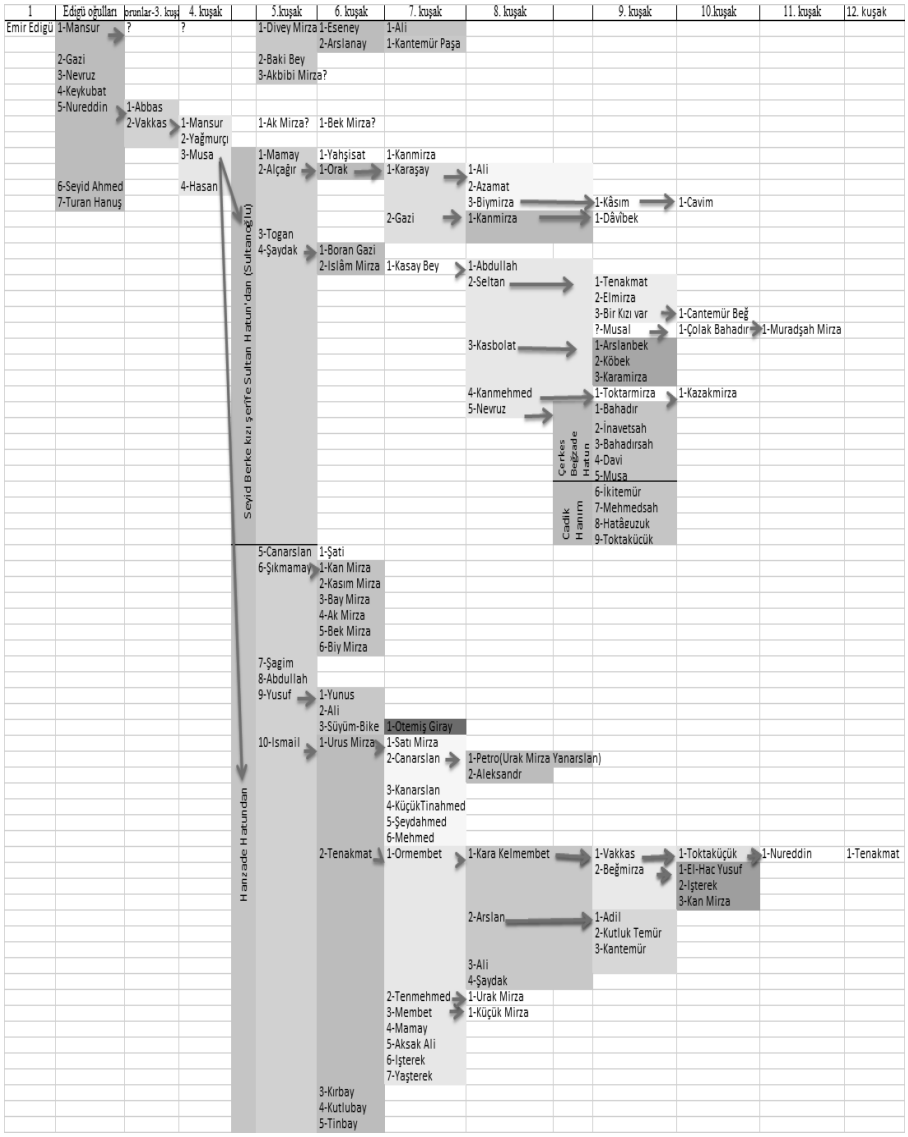
Peştav (Peşto) Nogayları: Peştav, beşdağ demektir. Kabartay sınırında olup batı tarafında Kuban Nehri'nin bulunduğu ağaçlı bir ova içinde beş adet yüksek dağ, birbirine yakın yaratılmış, sanki her biri bir kalıptan çıkmış gibi ortadaki dağ hepsinden sivri ve yüksek diğer dördü daha alçak ve yassıcadır [19, s. 652][53]. Peştav

51 Berje'ye göre; Mansur Nogayları: Kuban'ın sol kıyısında ve Küçük Zelençuk'un her iki kıyısında yaşamışlar, 1846 yılında aralarında bir dalgalanma olmuş, ancak bu, prenslerin hukukunu ortadan kaldırmak amacıyla yapılan bir iç kavgadan kaynaklanmıştır. En önemli prens aileleri Mansurlar, Bardaklar, Salangirler ve Uraklar'dır. Berje'nin bahsettiği bu Mansur Nogayları'nın kimler olduğu konusunda net bir bilgiye sahip değiliz. Ancak Kırımî'de Mansuroğlu ifadesi sadece Edigü oğlu Mansur ve bu nesilden gelenler için kullanıldığından dolayı burada vermeyi uygun bulduk [10, s.14].

52 Söz konusu Türk nüfusunun varlığı coğrafyada Selçuklu ve Osmanlı eğitim geleneğinin devamlılığı açısında göz önünde tutulmalıdır.

53 Battuta, Oğuz lehcesinde Bişdağ (Beşdağ) olarak vermiş ve Biş; Türkler nezdinde beş demektir şeklinde izah etmiştir. Peştav ise Kazakça ve Tatarca gibi Kıpçak ağzıyla telaffuzdur [27, s. 473, 491].

(peşto), Nogay kabile ismi olarak çoğunlukla arşiv belgelerinde karşımıza çıkmıştır. Osmanlı topraklarına yapılan 1859-62 yılları arasındaki büyük Nogay göçüyle Türkiye topaklarında iskân edilen Nogaylardan Peşto Kabilesine menup olanlar; Adana, Konya, Çankırı, Serez, Karasi/Sultançayırı, Hüdavendigar/Karahisar-ı Sahip, Kütahya, Tekfurdağı-Hayrabolu'da iskân edilmişlerdir [13, s. 384, 384][54].



54 BOA.A.MKT.NZD.324-29; 356-70;329-53; 288-14; 327-92; BOA. A.DVN.156-49; A.MKT.MHM.222-40.

SONUÇ

Nogay Ulusu, Deşt-i Kıpçak coğrafyasında yer alan Altın Orda siyasi çatısı altında toplanan Kıpçaklar başta olmak üzere coğrafyadaki Türk unsurlar ile İslâmiyet'i kabul etmiş Moğol kabilelerin İdil'in doğusunda Emir Edigü liderliğinde birleşmesiyle ortaya çıkmıştır. Edigü Mangıt lideri Kutlu Kıyalı oğlu Edigü'nün soyu, Altın Orda Hanlığı'nda İslâmiyet'in kabulünde etkin isimlerden Baba Tukles'e ve Hz. Ebubekir'in oğlu Muhammed'e dayanmaktadır. Ruslara karşı göstermiş olduğu başarıları destanlara konu olan Emir Edigü, kendinden yüzyıl önce gelen ve Mangıtlara liderlik yapan Emir Nogay gibi, Altın Orda tahtını elinde tutmuştur. Edigü oğulları Musa Mirza'ya kadar tahtın ardındaki güç olan karaçi beylerinden olurken, Musa Mirza'nın son yıllarından itibaren müstakil hareket etmeye başlamışlardır. Bu yönüyle Nogaylar, Altın Orda bakayası olan diğer hanlıklardan ayrılmaktadır. Kırım başta olmak üzere, Kazan, Kasım, Sibir ve Astrahan Hanlıklarında Cengiz ananesi devam etmiş ve han soyundan (Cengiz neslinden) şehzadeler tahta çıkmışlardır. Oysa Nogay Ulusu'nun Musa Mirza'dan sonra şekillenmesinde hâkim unsur Edigü nesli olmuştur.

Nogay Ulusu'nun parçalanışı İsmail Mirza ile Yusuf Mirza arasındaki görüş ayrılığı ile başlamış olup 1555'te İsmail Mirza tarafından Yusuf Mirza'nın öldürülmesiyle şekillenmiştir. Nogay Ulusu'ndan ilk kopan parça İsmail Mirza'nın Rus yanlısı siyasetine karşı çıkıp, Yusuf Mirza'yı destekleyen Musa oğlu Şıkmamay oğulları olmuştur. Altı kardeş olan bu oğullar Emba Nehri'ne giderek *Altavul (Embuluk) Ordası'nı* kurmuşlardır. Nüfusları kalabalık olmadığı için Nogay Ordaları içindeki rolleri azdır.

Nogay Ulusu'ndan kopan ikinci parça ise Gazi –Kadı, Kiçi, Küçük– Nogayları olmuştur. Bunlar; İsmail Mirza tarafından Uluğ Nogay Ordası'ndan kovulan Yusuf Mirza oğulları ve onlarası destekleyenlerdir. Rus karşıtı bir siyaset izleyen Kırım ve Osmanlı himayesini tercih edenlerin toplandığı *Küçük Nogay Ulusu*; Orak oğlu Gazi Mirza liderliğinde, Musa oğlu Mamayoğulları ve İsmailoğullarının bir kısmının 1557-58'de Kuban Nehri boyunda ve Azak çevresinde Kırım Hanlığı'nın himayesinde yerleştirilmeleriyle ortaya çıkmıştır. İdil'in doğusundan kalan Uluğ Nogay Ulusu zamanla, Rus ilerleyişiyle hareket sahasını kaybetmiş askeri ve ekonomik sebeplerle batıya kaymıştır. Küçük Nogay Ulusu ise Kırım Hanlığı'nın ve Osmanlı Devleti'nin siyaseti dâhilinde, Kırım Yarımadası, Özi, Turla ve Tuna'ya kadar olan bölgelere aktarılmışlardır. Kalmuk baskınlarından kaçan Nogayların bir kısmı ise Çerkes topraklarına sığınmışlardır.

İdil'den Tuna'ya kadar çok geniş bir coğrafyaya parçalanan Nogaylar adlandırılmalarında çeşitli unsurlar etkili olmuştur. Söz konusu unsurların ilki;

Kırım Hanlığı'nın Nogayları yerleştirdiği bölgelerin isimleridir; Kuban Nogayları, Bucak Nogayları gibi. İkinci unsur Nogayların hâkimiyetindeki altında bulunan uruğların isimleri; Cemboyluk Nogayları, Yedisan Nogayları, Kıpçak Nogayları gibi. Üçüncü unsur ise Edigü neslinden gelen mirzaların isimleriyle yapılmıştır. Bu isimlendirme diğer isimlendirmelerden müstakil değildir. Kuban'daki, Bucak'taki, Kırım Yarımadasındaki, Çerkes topraklarındaki olmak üzere bütün Nogaylar tabi oldukların mirzaların isimlerini kabile ismi olarak kullanmışlardır. Bu kullanım bazen tek başına olurken bazen diğer bölge ve uruğ isimleriyle birlikte de ifade edilmiştir. Gerek Kırım Hanlığı himayesinde gerekse Osmanlı topraklarına iskânlarda bu kabile isimleri de kullanılmıştır.

Nogaylar'da başlarındaki mirzanın adıyla anılma geleneği Edigü oğlu Mansur Mirza'ya kadar gitmektedir. Yerli kaynak olan Umdetü'l-Ahbâr'da Mangıtlar, *Mangıt-Mansuroğulları* olarak adlandırılmışlardır.

Musa Mirza'nın oğulları *İki Ananın Oğulları* olarak adlandırılmış olup Musa Mirza'nın eşi Şerife Sultan Hanımdan olanlar *Sultanoğulları* olarak bilinmektedir.

Musa oğlu Mamay nesli bir yandan *Mamayoğulları* olarak bilinirken, Orak oğlu Gazi ile birlikte Küçük Nogay Ulusu'nun içinde yer alıp, Orakoğulları ile birlikte hareket etmeleri hasebiyle Kırım'da *Orak-Mamayoğulları* olarak ifade edilmişlerdir. Musa oğlu Alçağır oğlu Orak neslinden gelenler *Orakoğulları* olarak bilinmişlerdir.

Musa oğlu Şaydak oğlu İslam Mirza oğlu Kasay neslinden gelenler *Kasayoğulla*rı olarak adlandırılmışlardır. Kasay oğlu Kasbolat'ın nesline *Kasbolatoğulları* adı verilirken, Kasay oğlu Nevruz nesline *Nevruzoğulları* adı verilmiştir. İki eşi olan Nevruz Mirza'nın eşinin biri Çerkes Beyinin kızı olması ve Kalmuk saldırılarında Çerkes topraklarına sığınmaları, Nevruzoğullarının bu coğrafyada etkin olmalarına salık vermiştir, bu nedenle Çerkes kabilesi olan Nevruzlarla karıştırılmamaları gerekir.

Musa oğlu İsmail oğlu Tenakmat'ın nesline yedi oğlu olması hasebiyle *Yediçekioğulları* adı verilmiştir. Yediçekioğulları; Ten Akmat'ın yedi oğlunun isimleriyle adlandırılmış olan; *Ormembetoğulları, Canmembetoğulları, Membetoğlu, Mamayoğlu, Aksakoğlu, İşterekoğulları, Caşterekoğulları (Yaşterekoğulları*)'ndan oluşur. Bu isimlendirmeler Osmanlı topraklarında iskân edilen Nogaylar arasında ve günümüzde dahî kullanılmaktadır.

Nogay Kabile İsimleri *-Yedisan (Yedsan)-*		
SİYASİ PARÇALANMALARLA ALDIKLARI İSİMLER	YAŞADIKLARI COĞRAFLARDAN ALDIKLARI İSİMLER	BAŞLARINDAKİ EDİGÜ NESLİ MİRZALARDAN ALDIKLARI İSİMLER
-Büyük Nogay Ulusu -Küçük Nogay Ulusu (Kiçi-Kadı-Gazi) -Altıul (Cemboyluk) Nogayları	-Bucak Nogayları -Kuban Nogayları -Peştav (Peşto) Nogayları -Cemboyluk Nogayları (Cimboyluk-Camboyluk Yemboyluk)	-Mansurîler -Sultanoğulları -Mamayoğulları -Orakoğulları -Orak-mamayoğulları -Kadı Mirza Nogayları -Karaşayoğulları -Kasaoğulları -Kasboatoğulları -Karamirzaoğulları -Nevruzoğulları -Abdullahoğulları -Seltanoğulları -Kalavlar -Ormembetoğulları -Canmembetoğulları -Membetoğulları -Mamayoğlu -Aksakoğlu -İşterekoğulları -Caşterekoğulları (Yaşterekoğulları) -Divey Nogayları -Yediçekioğulları (Yedişki-Bedişki-Yedişkul)

REFERENCES

1. BOA.A.DVN=Başbakanlık Osmanlı Arşivi, Sadâret Divan (Beylikçi) Kalemi Belgeleri: A.DVN.156-49.

2. BOA.A.MKT.MHM=Başbakanlık Osmanlı Arşivi, Mühimme Kararı Evrakı: A.MKT.MHM.188-21; A.MKT.MHM.222-40.

3. BOA.A.MKT.NZD=Başbakanlık Osmanlı Arşivi, Sadaret Mektubî Kalemi, Nezaret ve Devâir Evrakı; A.MKT.NZD.288-14; A.MKT.NZD.317-97; A.MKT.NZD.321-32; A.MKT.NZD.324-9; A.MKT.NZD.327-92; A.MKT.NZD.329-53; A.MKT.NZD.335-61; A.MKT.NZD.336-32; A.MKT.N.Z.D.317-97; A.MKT.NZD.335-61; A.MKT.NZD.336-32; A.MKT.NZD. 356-70.

4. Abdullah İbn Rıdvan. *Tevârîh-i deşt-i Kıpçak'an Hıtta-i Kırım veya Tevârîh-i Tatar Hânân-ı Kadîm ve Ahvâl-i Deşt-i Kıpçak.* Haz. M. Akif Erdoğru, Selçuk Uysal. İzmir, 2012. 80 s.

5. Abdülgaffar Kırımî. *Umdetü'l-Ahbâr*. Transcript: Derya Derin Paşaoğlu. Kazan, 2014. 418 s.

6. Akbıyık Hayrunnisa. "Mangıtlar". *İA*. Türkiye Diyanet Vakfı Yay., C. 27, Ankara, 2003, s. 570-571.

7. Alpargu Mehmet. *Nogaylar*. İstanbul, 2007. 260 s.

8. Barthold Wilhelm. *Türk-Moğol Ulusları Tarihi*. Çev. Hasan Eren. TTK Yay. Ankara. 2006. 50 s.

9. Başer Alper. *Bucak Tatarları*. Afyon Kocatepe Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayımlanmamış Doktora Tezi. Afyonkarahisar, 2010. 242 s.

10. Berje Adolf. *Kafkasyalı Dağlı Kavimlerin Kısa Tasviri*. Tiflis, 1858. 85 s.

11. Bıyık Ömer. *Kırım'ın İdari ve Sosyo-Ekonomik Tarihi [1600-1774].* Ötüken Yay. İstanbul, 2014. 300 s.

12. Das Buch Der Dschingis-Legende (Defter-i Çengîzname). Haz. Maria Ivanics, Mirkasym Usmanov. Studia Uralo-Altaica. Szeged, 2002. 324 s.

13. Derin Paşaoğlu Derya. *Nogaylar, Nogay Göçleri ve Nogayların Türkiye'de İskânları*. Ankara Üniversitesi, Sosyal Bilimleri Enstitüsü Yayımlanmamış Doktora Tezi. Ankara, 2009. 429 s.

14. Derin Paşaoğlu Derya. Altın Orda Hanlığı'nda İslâmiyet'in Yerli Kaynaklara Yansıması: Umdetü'l-Ahbâr Ve Ötemiş Hacı Örneğinde. *Özbek Han Camii'nin 700. Yıldönümü İle İlgili Kırım'daki İslâm Mirasını Öğrenme ve Mirasın Korunmasının Aktüel Sorunları Uluslararası Konferansı*, 14-18 Ekim. Akmescit (Simferepol), Kırım. 2014, s. 105-125.

15. Derin Paşaoğlu Derya. Altın Orda ve Kırım Sahasında Bozkır Aristokrasisinin Güçlü Temsilcileri: Emir Rektemür ve Şirin Mirzalar. *Ankara Üniversitesi DTCF Tarih Araştırmaları Dergisi (TAD)*, C. 33, S. 56. Ankara, 2014, s. 147-190.

16. DeWeese Devin. *Islamization And Native Religion In The Golden Horde, Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and epic Tradition*. Pennsylvania, 1994. 638 s.

17. Ebu'l-Gazi Bahadır Han. *Türk'ün Soy Ağacı*. Çev., Doktor Rıza Nur. İstanbul, 2010. 336 s.

18. *Edigey Destanı.* Yayına Haz. R. Sulti. Türksoy Yay. İstanbul, 1988.

19. Evliya Çelebi. *Günümüz Türkçesiyle Evliya Çelebi Seyahatnâmesi*. 7. Kitap, cilt: 2. Haz. Seyit Ali Kahraman. YKY Yay. İstanbul, 2011. 828 s.

20. Fedakâr Cengiz. *Kafkasya'da İmparatorluklar Savaşı*. İstanbul, 2014. 320 s.

21. Fisher Alan. *Kırım Tatarları.* İstanbul, 2009. 336 s.

22. Forbez Manz Beatrice. The Clans of The Crimean Khanate 1466-1532. *Harvard Ukrainian Studies*, 1978, vol. 2, no. 3, September, s. 282-309.

23. Golden Peter B. *Türk Halkları Tarihine Giriş*. Çev. Osman Karatay. Karam Yay. Ankara, 2002. 389 s.

24. Gömeç Saadettin. *Türk Cumhuriyetleri ve Toplulukları Tarihi*. Ankara, 2006. 480 s.

25. Gündoğdu Abdullah. *Hive Hanlığı*. Ankara, 1995.

26. Hudyakov Mihail. *Kazan Hanlığı Tarihi*. Çev. Ayaz İshakî, Haz. İlyas Kamalov. TTK Yay. Ankara, 2009. 480 s.

27. İbn Battûta. *İbn Batûta Seyahatnâmesi.* C. I. Çev. Sait Aykut. YKY Yay. İstanbul, 2010. 327 s.

28. İbni Arapşah. *Acâibu'l-Makdûr (Bozkırdan Gelen Bela)*. Çev. Ahsen Batur. Selenga Yay. İstanbul, 2012. 580 s.

29. İnalcık Halil. Kırım Hanlığı. *İA*. Türkiye Diyanet Vakfı Yay. C. 25. Ankara, 2002, s. 452-458.

30. Kafalı Mustafa. Cuci Ulusu'ndaki İl ve Kabilelerin Siyasi Rolleri ve Ehemmiyetleri. *İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Enstitüsü Dergisi*. S. 2, Ekim, 1971. İstanbul, 1971, s. 99-110.

31. Kafalı Mustafa. *Altın Orda Hanlığı'nı Kuruluş Ve Yükseliş Devirleri*. İstanbul, 1976. 169 s.

32. Kafalı Mustafa. Altın Orda Hanlığı. *Türkler*. C. 8. Yeni Türkiye Yay. Ankara, 2002, s. 397-410.

33. Kamalov İlyas. *Altın Orda ve Rusya (Rusya Üzerindeki Türk-Tatar Etkisi)*. Ötüken Yay. İstanbul, 2009. 376 s.

34. Karpat Kemal. Bucak. *İA*. Türkiye Diyanet Vakfi Yay. C. 6. İstanbul, 1992, s. 341-343.

35. Kefeli İbrahim Efendi. *Tevârîh-i Tatar Han ve Dağıstan ve Moskov ve Deşt-i Kıpçak Ülkelerinindir*. Yayına Haz. İsmail Otar. Eskişehir, 2005. 184 s.

36. Keraytov P.X. *Nogaytsı*. Stavropol, 2009. 464 s.

37. Kesbî Haşim Mehmed Efendi. *Ahvâl-i Anapa ve Çerkes*. Hazırlayan Mustafa Özsaray. Kafkas Vakfı Yay. İstanbul, 2012. 160 s.

38. Kıldıroğlu Mehmet. *Kırgızlar ve Kıpçaklar*. TTK Yay. Ankara, 2013. 311 s.

39. Kırımlı Hakan. *Türkiye'de Tamgalar ve Nogay/Kıpçak Kabileleri*. Proje no. 107K312. Ankara, Mart, 2010. 55 s.

40. Kurat Akdes Nimet. *IV.-XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz'in Kuzeyindeki Türk Kavim ve Devletleri.* Murat Kitabevi Yay. Ankara, 2002. 516 s.

41. Kurat Akdes Nimet. *Türkiye ve İdil Boyu*. TTK Yay. Ankara, 2011. 195 s.

42. Mamay Nogay Türklerinin Kahramanlık Destanı. Editör Murat Yılmaz. TÜRKSOY Yay. Ankara, 2010. 186 s.

43. Moğolları Gizli Tarihi. Çev. Ahmet Temir. TTK Yay. Ankara, 1995. 300 s.

44. Nizamüddin Şâmî. *Zafername*. Çev. Necati Lugal. TTK Yay. Ankara, 1987. 403 s.

45. Nogay Sami. *Nogay Türkleri.* Ankara, 1997. 111 s.

46. Novoselyskiy A.A. *XVII. Yüzyılın Birinci Yarısında Moskova Devleti'nin Tatarlarla Mücadelesi.* Terc. Kemal Ortaylı. Haz. Erhan Afyoncu, İlyas Kamalov. TTK. Ankara, 2011. 484 s.

47. Ötemiş Hacı. *Çengiz-Nâme*. Haz. İlyas Kamalov. TTK Yay. Ankara, 2009. 87 s.

48. Remmal Hoca. *Tarih-i Sahip Giray*. Haz. Özalp Gökbilgin. İstanbul, 2000. 411 s.

49. Rizaeddin Fahreddin. *Altın Orda ve Kazan Hanları*. Çev. İlyas Kamalov. İstanbul, 2003. 224 s.

50. Sarıcık Murat. Seyyidlerle ilgisi Açısından Ahzab Suresi'nin Otuzüçüncü Ayeti ve Tarihi Tesirleri. *Atatürk Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi*, s. 11, Erzurum, 1993, s. 183-210.

51. Schmitz Andrea. *Edige Destanı Bir Kahramanlık Geleneğinin İçeriği, Oluşumu ve Etkileri*. Çev. Can bulut. İzmir, 2004. 243 s.

52. Şerefüddin Ali Yezdî. *Emîr Timur (Zafername)*. Selenge Yay. İstanbul, 2013. 512 s.

53. Tiesenhausen W.De. *Altınordu Tarihine Ait Metinler*. Çev. İsmail Hakkı İzmirli. İstanbul, 1941. 456 s.

54. Togan A. Zeki Velidi Togan. *Türk İli (Tükistan) ve Yakın Tarihi*. İstanbul, 1947. 704 s.

55. Toparlı Recep–Vural, Hanifi–Karaatlı Recep. *Kıpçak Türkçesi Sözlüğü*. TDK. Ankara, 2014. 338 s.

56. Trepavlov V.V. *İstoriya Nogayskoy Ord.* Moscow, 2002. 752 s.
57. Trepavlov V.V. *The Formation And Early History of The Manghit Yurt*. İndiana University Research Institute For Inner Asian Studies. İndiana, 2011. 55 s.
58. Uzunçarşılı İsmail Hakkı. *Osmanlı Tarihi*. C. 2. TTK Yay. Ankara, 1995. 756 s.
59. Yakubovskiy A.YU. *Altın Ordu ve Çöküşü*. Çev. Hasan Eren. TTK Yay. Ankara, 1992. 277 s.

Yazar hakkında: Derya Derin Paşaoğlu – Yrd.Doç.Dr., Tarih Bölümi, Edebiyat fakültesi, Karadeniz Teknik Üniversitesi (61080, Merkez, Trabzon, Türkiye); derinderya@ktu.edu.tr

The Place Of Edigü And His Descendants In The Noghai Nation

Derya Derin Paşaoğlu
(Karadeniz Technical University, Turkey)

Abstract. As a result of the throne struggles following the death of Toktamış Khan in Golden Horde Khanate, Jochi nation becoming to gather around the princes coming from Jochi generation in Cumania geography had divided into political parts like Crimea, Kazan, Qasim, Noghai, Kuchum and Astrakhan in 15th century. The occurrence and political structure of Noghai nation that was one of the parts of that Jochi nation were achieved by Emir Edigu and his sons. Current Noghai tribes have been organised with mirzas coming from Edigu dynasty and the names of the tribes, again, reflect these mirzas.

In our study, with reference to the identity of Emir Edigu during the emergence of the Noghai Nation, separation of Noghai Nation under the leadership of the sons of Edigu (Noghai mirzas) and the places of mirzas from the Emir Edigu generation in Noghai tribes were considered in terms of the local resources and Ottoman archive registrations related with said tribes. The matter of place of Noghais in Ottoman State, Crimean Khanate and Russia triangle in political relations are not considered in this study, since the scope of the political and military relations exceed the limits of this study where these matters are only considered to define the role of Noghai leaders in these relations.

Keywords: Noghai, Crimean, Tatar, Edigü (Edige), Descendants of Nevruz, Descendants of Kasay, Descendants of Mamay, Descendants of Ormembet, Yedisan.

About the author: Derya Derin Paşaoğlu – Ph.D., Assistant Professor, the Department of History, Faculty of Letters, Karadeniz Technical University (61080, Merkez, Trabzon, Turkey); derinderya@ktu.edu.tr

Место Эдиге и его потомков в Ногайском улусе

Дерья Дерин Пашаоглу
(Черноморский технический университет, Турция)

Аннотация. В результате борьбы за трон после смерти Тохтамыш хана в Золотоордынском ханстве Улус Джучи в XV веке был разделен на части, как-то: Крым, Казань, Касим, Ногай, Кучум и Астрахань, каждая из которых оформилась вокруг князей, происходивших из рода Джучи.

В исследовании упоминаются следующие события: появление Ногайского улуса и его связь с деятельностью Эмира Эдиге; времена правления сыновей Эдиге и разделение Ногайского улуса на части; роль мирз Ногайских племен из рода Эдиге. Данные взяты из местных источников и регистров Османского архива.

Вопрос о месте ногайцев в политических отношениях Османского государства, Крымского ханства и России в данном исследовании не затрагивается, так как политические и военные связи выходят за рамки настоящего исследования. В работе эти моменты рассматриваются только с целью определения роли ногайских лидеров в этих отношениях.

Ключевые слова: Ногай, Крым, татары, Эдиге, потомки Невруза, потомки Касайа, потомки Мамая, потомки Ормамбета, Едисан.

Сведения об авторе: Дерья Дерин Пашаоглу – доктор философии, кафедра истории, филологический факультет, Черноморский технический университет (61080, Центр, Трабзон, Турция); derinderya@ktu.edu.tr

УДК 94+01

История и этнография народов Крыма в современной научно-справочной литературе (конец XX – начало XXI века): наработки и библиографические фикции

Андрей Непомнящий
(Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Аннотация. В статье систематизирован и проанализирован корпус библиографического наследия по различным аспектам исторического крымоведения ученых-историков и библиографов Российской Федерации и Украины за последнее двадцатилетие. Выделены содержательные библиографические пособия, которые являются постоянным подспорьем для крымоведческих разысканий сегодня (Л.Н. Карская, Э.М. Кангиева, Н.Н. Колесникова, А.В. Севастьянов). Рассмотрены и критически проанализированы варианты ретроспективных библиографических списков, которые появились в крымоведении в последние годы. Обращено внимание на недопустимость поверхностного подхода к подготовке таких списков для учебных хрестоматий. Охарактеризован цикл справочников, подготовленных сотрудниками Книжной палаты Украины. Доказана ограниченность использованного библиографического материала, что привело лишь к поверхностному освещению проблемы. Приведены примеры содержательных пособий, посвященных истории и этнографии крымских немцев и крымских греков. Аргументированно доказано, что подготовленные в прошедшие два десятилетия справочники не отражают объективно срез крымоведческого наследия. В этой связи введение в научный оборот указателя творческого наследия крымоведов 20–30-х годов XX века «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)» будет способствовать дальнейшему развитию разнообразных направлений региональных исследований.

Ключевые слова: Крым, библиография, крымоведение, справочники.

Уровень развития такой межпредметной специальной дисциплины как историческая библиография является показателем состояния того или иного раздела науки. Для региона же наличие и качество исполнения библиографических справочников, их насыщенность, интенсивность выхода – свидетельство уровня развития культуры: национальной, региональной, межэтнической. Крым, как полиэтническая республика, постоянно находился в сфере интересов библиографов, которые обеспечивали сопровождение историографического контекста. Чем, собственно, может распола-

гать крымоведческая библиография из последних штудий? Исследование показало, что спектр доступных справочников не так велик.

В аннотированном библиографическом указателе Ларисы Николаевны Карской [9] восстановлен репертуар трудов российских арабистов, иранистов и тюркологов за период с 1818 (год основания Азиатского музея имп. Академии наук – первого в стране специализированного востоковедного учреждения) по 1917 год. При отборе материалов (в справочнике 7474 библиографические позиции) автор просмотрела «devisu» специализированные востоковедные журналы (прежде всего востоковедных научных обществ, Лазаревского института восточных языков, Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии и др.). Также расписаны научные периодические научные издания смешанного содержания (издания Академии наук, Русского географического общества и его отделов, Русского археологического общества (Санкт-Петербург), Археологического и Нумизматического обществ в Москве и др.). Важным источником для справочника Л.Н. Карской стали провинциальные справочные и научные издания – труды губернских ученых архивных комиссий и статистических комитетов. В справочник также включены научные сборники, изданные на территории Российской империи в честь выдающихся отечественных востоковедов. Частично учтены и публикации так называемых толстых журналов («Кавказский вестник», «Русская старина», «Средняя Азия» и др.). В указатель, к сожалению, не включались газетные публикации в связи с трудоемкостью выявления этого корпуса библиографических источников. Подавляющее число записей аннотировано, за исключением незначительного количества, содержание которых достаточно полно раскрыто в названии. При этом в аннотациях особое внимание обращено на выявление использованных автором восточных рукописей, библиографических списков литературы, на наличие комментариев, карт и указателей.

Краткий библиографический указатель «Крым и крымские татары» (составители Шевкет Кайбуллаев и Диляра Халилова) увидел свет в 2003 году [14]. 893 позиции разбиты по 11 разделам. Хотя издание и адресуется «научным сотрудникам, историкам, краеведам, преподавателям, студентам, всем, кто интересуется историей крымскотатарского народа», оно далеко от запрашиваемого уровня. Составители имеют весьма поверхностное представление о наработках предшественников. Значительная часть информации выявлена составителями не «devisu», а перенесена из других справочников (источники составления указателя не указаны). Это привело к многочисленным библиографическим фикциям и ошибкам, которыми наполнено издание. Так, в раздел «Путешествие. Путевые заметки. Очерки о Крыме» почему-то внесена монография А.И. Айбабина «Этническая история ранневизантийского Крыма» (позиция 2). Александр Дубовецкий назван Аллуром (позиция 3). Названия ряда работ Франца Мартыновича Домбровского

изменены, они не атрибутированы, и в этой связи расставлены в алфавитном списке не на автора, а рассыпаны по всему тексту (позиция 13, 61, 677 и др.). Искажено название классического исследования Антона Балтазаровича Ашика. Его хрестоматийное сочинение «Воспорское царство…» названо в современном варианте «Боспорское царство» (позиция 241). В описании части других работ А.Б. Ашика допущены ошибки. Газета «Ялта» в 1874 году не издавалась (позиция 5). Статья Г.А. Бонч-Осмоловского о результатах работы Крымской палеонтологической экспедиции 1928 года умудрилась каким-то чудом быть опубликованной уже в 1927 году (позиция 18), когда, кстати, указанный журнал «Человек» не издавался. Сборник Историко-филологического отдела Всеукраинской академии наук, вышедший в 1930 году № 89, указан как 8/9 (позиция 372).

Часть материалов, внесенных в указатель, не имеют отношения к заявленной теме. Так, в статье «Одесского вестника» за 1847 год описывается путешествие М. Бухтеева от Бердянска до Ростова-на-Дону и речки Эи (позиция 24). То же касается информации об «аккерманских базарах», размещенной в «Журнале общеполезных сведений» от 15 июля 1858 года (позиция 143). Позиция 76 «Из городской и земской жизни южных городов», опубликованная в «Одесском вестнике» в 1875 году без указания авторства (автор у статьи есть, хотя он и скрылся под псевдонимом) касается Елисаветграда, а не Крыма. Информация о Мамаевом побоище также весьма сомнительна в приложении к заявленной теме (позиция 262). Приведенная позиция 791 – статья Александра Натановича Бернштама об уйгурской легенде про Огуз-кагана – к Крыму не имеет отношения (при этом неверно указана фамилия автора и допущена ошибка в названии). Позиция 812 – статья В.А. Гордлевского – представляет собой рецензию на сборник турецких песен, записанных доктором Ф. Гизе в Конии, что также не соответствует тематике издания.

Создается впечатление, что составители не только не проверяли источники своего справочника «devisu», а вообще не имеют даже общих представлений о наиболее значимых периодических изданиях периода, который ими рассматривается. Так, популярнейшая петербуржская газета «Русский инвалид» названа ими «Русский инвентарь» (позиция 362), не менее известный журнал «Еврейская старина» поименован «Европейская старина» (позиция 693, при этом ошибочно назван том издания: указан Т. 2, надо – Т. 11).

Часть записей в справочнике помещена на название без указания автора – т.е. статьи не атрибутированы составителями. Так, (позиция 31 – автор А. Глаголев), (позиция 65 – автор М.П. Погодин), (позиция 95 – внесены сразу несколько статей А.Б. Ашика и Д.В. Карейши), (позиция 116 – автор не И. Леонов, а И.Л. Гарнес), (позиция 157 – автор В.Г. Игнатьев), (позиция 205 – автор П.И. Кёппен), (позиция 206 – автор К.И. Габлиц), (позиции

326, 327 – автор З.А. Аркас), (позиция 349 – автор Формалеони), (позиция 553 – автор О. Акчокраклы), (позиция 677 – автор Ф.М. Домбровский). Без атрибуции остались также номера 176, 641, 664, 694, 822. Встречаются повторы записей (31=43, 169=210, 179=186). Часть позиций приведена не на фамилию, а на имя автора, что затрудняет поиск (№ 32, 224, 225).

Значительное количество опечаток выявлено нами в фамилиях и инициалах авторов (№ 49, 53, 105, 281, 311, 704). Так, фамилия Олимпиады Петровны Шишкиной значится как Шмикина (позиция 219). Исследование известного ориенталиста Николая Ивановича Веселовского о хане Ногае почему-то приписано Н. Всеволожскому. При этом искажено название работы (позиция 283). Фамилия Л.А. Мацулевич представлена как Марцеллевич (позиция 584). Статья А. Завадовского представлена под фамилией «Завадский» (позиция 727). Фамилия Никодима Павловича Кондакова искажена как «Кандаков» (позиция 823). Многочисленные ошибки выявлены также в описаниях (так № 113 статья в «Северной пчеле» находится не на страницах 87–88, как указали составители, а печаталась на протяжении номеров 86 (20 апреля), 87 (21 апреля), 88 (22 апреля). Переизданное в 1941 году «Путешествие в Крым» Жильбера Ромма значится в указателе под 1914 годом (позиция 186). Аналогичная ситуация с изданием 1989 года Государственного музея этнографии народов СССР (сведения об ответственности не указаны), которое помещено под 1949 годом (позиция 664). Часть журнальных статей представлена в указателе как отдельные издания (№ 234, 253, 549, 584). Опечатки присутствуют и в названиях работ (позиция 613 вместо «мегалитические» читаем «мегаметические»).

Поражает и количество библиографических фикций в этом справочнике (позиции 25, 54, 55, 67, 70, 136, 140, 142, 146, 153, 154, 158, 208, 226, 318, 319, 360, 408, 462, 668, 750, 822). Некоторые из записей удивляют своим происхождением, так под номером 119 значится статья Э. Майкеля «С Южного берега Крыма». На самом деле в названном номере журнала «Вестник Европы» помещены путевые впечатления Е.Л. Маркова «Пещерные города Крыма». Под номером 611 значится исследование известного столичного востоковеда Василия Дмитриевича Смирнова «О двуязычных генуэзско-татарских монетах коллекции И.К. Суручана». Если же мы обратимся непосредственно к тому «Записок Восточного отделения Русского археологического общества», где, якобы, находится данное исследование, то найдем там протокол заседания названного отделения от 7 марта 1886 года, где значится, что профессору В.Д. Смирнову поручено рассмотреть 60 монет названной коллекции, а на заседании 29 апреля ученый читает реферат о них. Сам текст исследования в журнале отсутствует.

Таким образом, трудно представить, насколько полезным для потенциального пользователя будет обращение к подобному «справочнику».

В 2004 году в составе «Хрестоматии по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма» были опубликованы библиографии этнической истории и культуры крымских татар и крымских цыган [26]. Один из них был перепечатан в изданной в следующем году хрестоматии «Крымские татары» [15]. Представленный библиографический свод, безусловно, явился итогом проработки составителями различных справочников, а также синтеза личных библиографических подборок, так как кандидаты исторических наук А.Г. Герцен и М.А. Араджиони хорошо известны в крымоведении многочисленными разработками. Записи не пронумерованы, что усложняет работу со справочником. Создатели, видимо, не имели возможности перепроверить все данные «devisu», что привело к целому комплексу огрехов.

Так, публикации А.И. Воейкова расположены на букву «А» (согласно псевдониму: А. В., кстати, атрибутированному составителями. Та же ситуация повторилась с произведением Михалона Литвина, которое расположили на букву «М», и с сочинением Эмидио Дортелли д'Асколи). Ряд публикаций Османа Акчокраклы помещен с ошибками в выходных данных («Труды» Крымского педагогического института не выходили, а печатались «Известия», так называемые «Студії з Криму» это название № 89 «Збірника Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук»). Часть изданий, напечатанных на крымскотатарском языке, без пояснения приведены в указателе в русской транскрипции (З. Бахревич, Н. Боровко, А. Одабаш, А. Рефатов), что делает их поиск в каталогах невозможным. Составители и публикаторы документов помещены в справочнике как авторы (М. Биярсланов). Указания выходных данных многих позиций крайне неполные. Выявлены и многочисленные ошибки (так, статья И.Н. Бороздина в «Трудах секции АрхРАНИОН», представленная под 1928 годом, Т. 6 действительно помещена в «Трудах Секции археологии Института археологии и искусствознания», но в 1929 году, Т. 4 на стр. 90–92; приведенные в указателе выходные данные публикаций известного собирателя фольклора и музыки крымских татар Аркадия Карловича Кончевского в большинстве своем не соответствуют выходным данным; брошюра «Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму, 1925–1926 гг.» была опубликована не в 1926-м, а в 1927 году, а Музей восточных культур, название которого вынесено почему-то в заглавие, должен быть указан лишь в сведениях об ответственности). Кстати, составители вообще отказались от указания конкретных страниц в записях, что свидетельствует, что записи не проверялись «devisu». Часть псевдонимов не атрибутированы (В. Х. К. – В.Х. Кондараки и др.). Часть названий искажена, так журнал «Литература и искусство Крыма» представлен как «Литература и школа Крыма». Публикацию «Краеведческая работа в Крыму» припи-

сали некоему А.К. Марковичу, хотя автор – Арсений Иванович Маркевич. Не все приведенные записи имеют отношение к Крыму. Так публикация А.Н. Самойловича «Татарин о татарах», опубликованная во второй книге «Восточного сборника» в 1916 году (стр. 71–85) является отзывом о книге «Миллет ве миллиет» и не имеет отношения к заявленной проблеме. У «Избранных трудов о Крыме» А.Н. Самойловича, изданных в 2000 году в Симферополе, почему-то появился второй том. При этом составители весьма избирательно подошли к указанию составителей, авторов вступительных статей и комментариев в современных изданиях. Эти данные являются обязательными элементами библиографической записи и компонентом книжной культуры вообще (в частности, речь об «Избранных трудах о Крыме» А.Н. Самойловича). Неверно приведены выходные данные многих иностранных публикаций. В целом же, опубликованный свод при его редактуре и доработке вполне объективен и полезен для научной работы студентов и начинающих крымоведов.

Были предприняты попытки создания библиографий отдельных периодических изданий, которые стали библиографической редкостью и недоступны читателям. Так, О.Б. Белый составил сводный каталог публикаций «Известий Таврического и Одесского караимского духовного правления» [1]. Сведения приведены в порядке публикаций в номерах журнала без вспомогательных указателей. Записи не аннотированы, не все псевдонимы атрибутированы. Кандидат исторических наук А.В. Севастьянов составил библиографический указатель «Журнал «Крым» (209 позиций) [24], где впервые было собрано воедино библиографическое наследие уникального ученого содружества – Российского общества по истории Крыма – Общества по истории Крыма, состоящего не только из историков и археологов, но и представителей других направлений науки: географов, геологов, биологов, ботаников и др. Аналогичную работу в 2006 году проделала заведующая Научной библиотекой «Таврика» Центрального музея Тавриды Нина Николаевна Колесникова, подготовившая на правах рукописи свой вариант указателя [21]. Она же в 2010 году подготовила справочник об изданиях Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы [16]. Данные систематизации стали результатом кропотливой и, бесспорно, полезной работы авторитетного крымского краеведа-библиографа Н.Н. Колесниковой.

Серьезным вкладом в изучение крымоведческой составляющей тюркоязычных периодических изданий крымскотатарской диаспоры стало справочное издание кандидата исторических наук Эдие Меметовны Кангиевой [8]. Учтены публикации 1888–1991 годов, увидевшие свет в Германии, Румынии, США и Турции (всего 3938 позиций). Составление сводного списка этих работ, снабженных аннотациями, позволило ввести в научный оборот обширный крымоведческий материал и воссоздать полноценную истори-

ографическую картину изучения полуострова. Справочник включает разнообразные по жанру и содержанию материалы (научные статьи, документы, воспоминания, обзоры, некрологи). Интерес представляют также неизвестные ранее публикации историков диаспоры в русле краеведческих и этнографических сюжетов. Ввиду того, что в эмигрантских изданиях помещались статьи с сюжетами, которые были запрещены либо заангажировано освещались в советской литературе, критическое осмысление этих материалов предоставляет нам возможность не только восстановить историю печатных органов крымскотатарской диаспоры, но и во многом восстановить биографику крымоведов, живших за пределами СССР, составить просопографический портрет деятелей диаспоры, активно включившихся в изучение истории и этнографии Крыма. Данный указатель способствует началу работы по историографическому анализу зарубежного крымоведческого наследия XX века.

Фундаментальным вкладом в систематизацию крымоведческого наследия, опубликованного на крымскотатарском языке, стал библиографический указатель доктора филологических наук, профессора, директора Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма Крымского инженерно-педагогического университета Исмаила Асановича Керимова, который охватывает печатные книги и статьи на крымскотатарском языке за 1618–1944 годы [10]. Благодаря данному справочнику мы имеем серьезное подспорье для учета редких национальных изданий, часть из которых стала на сегодняшний день библиографической редкостью. Указатель позволяет проследить библиографию ряда известных крымоведов 20–30-х годов XX столетия, изданную на крымскотатарском языке и в этой связи малоизвестную потенциальным исследователям.

Руководителем Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, кандидатом исторических наук Ильнуром Мидхатовичем Миргалеевым собрана библиографическая информация по истории Золотой Орды [5]. Учтены публикации с 1726 по 2012 год. Справочник призван облегчить работу по поиску литературы скорее начинающим исследователям. В этой связи структура его построения достаточно проста и не разделяется по специализациям и национальным историографиям, а просто перечислена в хронологическом порядке. Не у всех работ приведены полные выходные данные. Составитель объясняет это тем, что записи собирались на протяжении многих лет, использовались присланные специалистами перечни изданных ими работ, библиографические списки из диссертаций. В справочнике отсутствуют вспомогательные указатели, что крайне затрудняет работу с обширнейшей библиографической базой, из-

ложенной по годам, а внутри каждого года в алфавитном порядке авторов. Указатель И.М. Миргалеева, который, безусловно, полезен для изучения эпохи золотоордынского могущества, содержит лишь основные крымоведческие публикации.

Различные аспекты крымоведческой библиографии стали объектом научного интереса украинских историков и библиографов. Попыток создания фундаментального свода, касающегося Крыма, не предпринималось. Особый интерес объективно вызывало этническое разнообразие населения полуострова. Однако, в подготовленных указателях, касающихся этносов Украины, крымские разделы выглядели весьма блекло [3; 4]. Традиционно немало внимания уделялось истории немецких поселений. Однако систематизировалась лишь известная («избранная») литература, имевшаяся в распоряжении составителей [2].

Научными сотрудниками Книжной палаты Украины на рубеже XX–XXI веков в серии научно-справочных изданий «Этносы Украины» был подготовлен цикл библиографических сводов, включающих литературу по отдельным крымским народам. Одним из первых вышел справочник «Татары в Украине» [25], который был продублирован спустя два года в дополненном справочнике «Крымские татары в Украине» [13]. Несмотря на желание продемонстрировать различные аспекты изучения истории, этнографии крымских татар в непростой период революционных преобразований и эпоху Крымской АССР, составителям не удалось этого сделать из-за крайне низкой репрезентации крымоведческих изданий непосредственно в фондах Книжной палаты Украины. Указатели построены именно на материалах этих фондов. Их составители не пошли на то, чтобы дополнить имеющиеся данные из других книгохранилищ Украины и Российской Федерации. В названный период Крым входил в состав РСФСР (1921–1954) и обязательного экземпляра, который отправлялся бы в Киев, не существовало. То есть данный книжный фонд комплектовался во многом в послевоенные годы путем поставок дублетных экземпляров из крупнейших российских библиотек. Еще хуже обстояло дело с доставкой изданий в украинскую столицу в 1917–1920 годах. Этим объясняется блеклость помещенных данных, многочисленные повторы в различных разделах названных справочников. Псевдонимы не раскрыты составителями. В 1998 году сотрудники Книжной палаты Украины выпустили справочник, посвященный немецким колониям. Однако крымские немцы в нем представлены всего на одной странице, что, безусловно, даже в общих чертах не отражает степень вклада этого народа в культурную и экономическую жизнь региона [20]. Гораздо глубже к изучению проблемы библиографии немецких колоний в Крыму подошли одесские ученые. В 1999 году свет увидел подготовленный В.В. Самодуровой и Н.А. Шевчуком справочник «Причерноморские нем-

цы», охвативший 1803–1917 года [23]. Указатель был значительно дополнен и расширен в дальнейшем и издан как новый справочник в 2003 году [22]. Несмотря на указанные в названии географические рамки, приведенная информация гораздо шире и охватывает многие сюжеты крымской истории. В основу структуры справочника положен хронологический принцип. В первой части новой книги презентована литература о немцах в досоветский, а во второй и третьей частях соответственно – советский и современный периоды. Отдельно выделены персоналии, список основных библиографических источников, вспомогательные указатели. В границах каждого раздела библиографические описания расположены в алфавитном порядке (сначала в смешанном порядке русские и украинские издания, потом литература на иностранных языках). Исключением стал раздел «Документы», где в хронологическом порядке помещены библиографические описания законов, указов, постановлений и других нормативных документов, которые регулировали жизнь немецких колонистов Новороссии. В указателе впервые вводится в научный оборот материал из местных газет и журналов, которые издавались специально для немецкого населения в 1917–1919 годах [18; 19].

В 2001 году был издан киевскими библиографами указатель «Крымские караимы в Украине» [12]. При подготовке сказалось участие в разработке известного подвижника изучения крымских караимов, доктора геологических наук Юрия Александровича Полканова, благодаря которому были привлечены библиографические каталоги крымских библиотек. Однако к данному справочнику можно отнести те же замечания, что и к предыдущим изданиям научных сотрудников Книжной палаты Украины.

Определенный интерес постоянно вызывала и история греков Приазовья, которые были переселены из Крыма в 1778 году. Тут выделяется аннотированный библиографический указатель Стефана Алексеевича Калоерова [7], который представляется нам наиболее полным сводом литературы по данной проблеме. Следует заметить, что автору, очевидно, не удалось проверить подлинность всех собранных библиографических записей. В частности, многочисленные заметки известного популяризатора истории Крыма второй половины XIX века Василия Христофоровича Кондараки приведены с неточностями (№ 305, 306), а часть работ этого и иных исследователей автору осталась неизвестной.

Итогом многолетней скрупулезной работы по изучению контактов украинцев и восточных народов стало справочное пособие кандидата исторических наук, научного сотрудника Института востоковедения имени А.Е. Крымского НАН Украины Юрия Николаевича Кочубея «Украина и Восток» [11; 17]. Под термином «культура» автор понимает слово «цивилизация». Хотя во введении он отметил, что «не претендует на доскональ-

ность», ему все же удалось зафиксировать уровень разработки проблематики в научной литературе. Материал помещен по предметному принципу. Крымоведческие работы размещены в разделах «Украина и степные народы. Хазары» (№ 915–1003), и «Украинско-крымскотатарские культурные связи» (№ 1840–1950). Литература разбита на сочинения, изданные до 1941 года, и послевоенные. Несмотря на определенные лакуны, справочник интересен специалистам-ориенталистам.

Впервые получило научную систематизацию наследие Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии за 1887–1931 годы. Киевские библиографы еще в середине 20–х годов XX века предпринимали попытку сделать общий свод публикаций, помещенных в томах 1–57 «Известий Таврической ученой архивной комиссии». Такой указатель был составлен Артемом Сергеевичем Ишковым (1879–?). Указатель включает, кроме предисловия составителя, шесть разделов: «История. Археология. Археография. Нумизматика», «География. Этнография. Статистика. Путешествия», «Описания. Воспоминания. Биографии. Беллетристика», «Библиография», «Сельское хозяйство. Промышленность. Торговля», «Разное». Имеется алфавитный указатель авторов, переводчиков и рецензентов. В рукописи выявлен ряд грубых ошибок в написании фамилий и названий публикаций. Спорным является так же определение разделов указателя, заимствованное из справочника А.И. Маркевича [6]. В серии «Научно-справочные издания по истории Украины» отдельным выпуском в 1994 году был издан указатель содержания «Известий», подготовленный Людмилой Викторовной Шариповой. Справочник открывается хронологической росписью выпусков «Известий», где представлены названия издания, номер выпуска, сведения о редакторах, место и год издания, количество страниц, наличие и вид иллюстраций. Основным является алфавитный указатель авторов статей и публикаций. Каждой статье в алфавитном указателе соответствует снабженная порядковым номером библиографическая запись. В случае публикации источника после названия, отделенные косой чертой представлены данные о лице, подготовившем публикацию, составившем предисловие, примечания, осуществившем перевод на русский язык. После библиографической записи, где это необходимо, помещен комментарий составителя. Справочник снабжен вспомогательными указателями, а также перечнем опубликованных отчетов и протоколов заседаний научных организаций. Выявлены лишь отдельные неточности (например, публикация В.Н. Смирнова «Из воспоминаний о Крымской войне», напечатанная в № 38 (1893 год) ошибочно приписана известному тюркологу Василию Дмитриевичу Смирнову, с. 107, № 376). Вступительная статья отражает лишь самую общую информацию о деятельности Комиссии.

Огромный корпус крымоведческих публикаций требует дальнейшей систематизации и изучения. Подготовленные в прошедшие два десятилетия справочники не отражают объективно срез крымоведческого наследия. В этой связи введение в научный оборот указателя творческого наследия крымоведов 20–30-х годов XX века, как нам представляется, будет способствовать дальнейшему развитию разнообразных направлений региональных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белый О.Б.* Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления. Евпатория, 1917–1919 // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2007. Вып. 13. С. 608–613.

2. *Дынгес А.А.* История немцев Украины с 1730 г. до 1917 г.: программа курса и избранная библиография. Донецк, 2002. 144 с.

3. Етнічні спільноти України: етнографічні особливості: рекомендований бібліографічний покажчик. Київ, 2000. 79 с.

4. Етноси України, 1917–1941: науково-допоміжний бібліографічний покажчик. Київ, 1997. 134 с.

5. Золотая Орда: библиографический указатель / авт.-сост. И.М. Миргалеев. Казань, 2013. 412 с.

6. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. Ф. 19. Оп. 1. Д. 497. Л. 1–72.

7. *Калоеров С.А.* Греки Приазовья: аннотированный библиографический указатель. Донецк: Юго-Восток, 1997. 199 с.

8. *Кангиева Э.* Крымоведение на страницах тюркоязычных периодических изданий крымскотатарской диаспоры / под ред. А.А. Непомнящего. Киев; Симферополь: СГТ, 2007. 424 с.

9. *Карская Л.Н.* Аннотированная библиография отечественных работ по арабистике, иранистике и тюркологии, 1818–1917 гг.: научная периодика. М.: Восточная литература, 2000. 872 с.

10. *Керим И.А.* Библиографик косьтергич: библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке, 1618–1944 гг. Симферополь: СГТ, 2009. 324 с.

11. *Кочубей Ю.М.* Україна і Схід: культурні взаємозв'язки України з народами Близького і Середнього Сходу, 1917–1922: підручний бібліографічний покажчик. Київ, 1998. 228 с.

12. Кримські караїми в Україні: науково-допоміжний бібліографічній покажчик (1917–1941 рр.). Київ, 2001. 88 с.

13. Кримські татари в Україні: науково-допоміжний бібліографічній покажчик (1917–1941 рр.). Київ, 1999. 128 с.

14. Крым и крымские татары: краткий библиографический указатель / сост. Ш. Кайбулаев, Д. Халилова. Симферополь: Крымучпедгиз, 2003. 64 с.

15. Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен; предисл. И.Н. Храпунов. Симферополь: Доля, 2005. С. 521–567.

16. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы: справочник / сост. Н.Н. Колесникова. Симферополь, 2010. 48 с. Назв. обл.: Издания Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы: справочник. На правах рукописи.

17. *Мірошниченко М.* Орієнтація – від орієнту // Східний світ. Київ, 2002. № 2. С. 161–164. Рец. на кн.: Кочубей Ю.М. Україна і Схід: культурні взаємозв'язки України з народами Близького і Середнього Сходу, 1917–1922: підручний бібліографічний покажчик. Київ, 1998. 228 с.

18. *Непомнящий А.А.* Нове науково-довідкове видання з етнічної історії Півдня України // Бібліотечний вісник. Київ, 2006. № 1. С. 42–43. Рец. на кн.: Причерноморские немцы в жизни и деятельности г. Одессы и региона, 1803–2003: Библиографический указатель / Сост. В. Самодурова, А. Айсфельд, Н. Шевчук; научн. ред. и вступ. ст. А. Айсфельд, Н. Шевчук. Одесса, 2003. 312 с.

19. *Непомнящий А.А.* Нове науково-довідкове видання з етнічної історії Півдня України // Вісник Одеського національного університету. Сер.: «Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство». Одеса, 2007. Т. 12, вип. 4. С. 253–254. Рец. на кн.: Причерноморские немцы в жизни и деятельности г. Одессы и региона, 1803–2003: Библиографический указатель / Сост. В. Самодурова, А. Айсфельд, Н. Шевчук; научн. ред. и вступ. ст. А. Айсфельд, Н. Шевчук. Одесса, 2003. 312 с.

20. Німці в Україні: науково-допоміжний бібліографічний покажчик, 1917–1941 рр. Київ, 1998. 180 с.

21. Общественно-научный и экскурсионный журнал «Крым»: справочник / сост. Н.Н. Колесникова. Симферополь, 2006. 64 с. На правах рукописи.

22. Причерноморские немцы в жизни и деятельности г. Одессы и региона, 1803–2003: Библиографический указатель / сост. В. Самодурова, А. Айсфельд, Н. Шевчук. Одесса: АстроПринт, 2003. 312 с.

23. Причерноморские немцы: их вклад в развитие г. Одессы и региона, 1803–1917: библиографический указатель / сост. В.В. Самодуров; ред. Н.А. Шевчук. Одесса: АстроПринт, 1999. 192 с., 4 л. ил.

24. *Севастьянов А.В.* Десять лет на службе краеведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / под ред. А.А. Непомнящего. Киев; Симферополь, 2010. С. 213–235.

25. Татари в Україні: науково-допоміжний бібліографічній покажчик (1917–1941 рр.) / укл.: Н.А. Дехтярьова, Є.Г. Кузнецова, Н.Л. Македон. Київ, 1997. 130 с.

26. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма Ч. 1: Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004.

Сведения об авторе: Андрей Анатольевич Непомнящий – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (295007, просп. Вернадского, 4, Симферополь, Крым, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Бахчисарай, Крым, Российская Федерация); dr.aan@mail.ru

History and Ethnography of Crimea in the modern scientific andreference literature (end of XX – beginning of XXI century): achievementsand bibliographical fictions

Andrey Nepomnyashchiy
(V.I. Vernadskiy Crimean Federal University;
Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

Abstract. The level of development of such interdisciplinary subjects as special historical bibliography is an indicator of the status of a branch of science. The presence and quality of bibliographies, their intensit, the intensity output is the evidence of the level of development of culture – national, regional, inter-ethnic. The Crimea as a multi-ethnic republic and it was kept in the interests of bibliographers who escorted historiographical context.In the article was organized and analyzed a corpus of bibliographic heritage on different aspects of the historical Crimean studies of historians and bibliographers of Russian Federation and Ukraine for the last twenty years. They were characterized by the cycle directories, prepared by the staff of the Book Chamber of Ukraine. We considered and analyzed bibliographies on issues of ethnic history and ethnography of the Crimea. Particular emphasis is placed on benefits, covering the history of the Crimean Tatars. To the works of L.N. Karskaya, N.N. Kolesnikova, A.V. Sevastyanov, E.M. Kangieva and others. We prove the limitations of the bibliographic material that led only to superficial coverage of issues. There were shown the most common errors inherent to data pointers. There were named the strengths and weaknesses of works created over the past decade. There were showed examples of substantial benefits on the history and ethnography of the Crimean Germans and Crimean Greeks. Huge housing Crimean local-history publications require further systematization and study. Trained in the past two decades, directories do not reflect objectively the slice of the Crimean local-history heritage. In this regard, the introduction of the scientific revolution in the upcoming edition of the index of the creative heritage by the Crimean historians of 20–30-ies of XX century will contribute to further development of various areas of Regional Studies.

Keywords: Crimea, bibliography, Crimean local-history studies, Crimean Tatars, directories.

REFERENCES

1. Belyy O.B. Izvestiya Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo dukhovnogo pravleniya. Evpatoriya, 1917–1919 [News of Tauride and Odessa Karaite spiritual rule. Yevpatoriya, 1917–1919]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol, 2007, vol. 13, p. 608–613.

2. Dynges A.A. *Istoriya nemtsev Ukrainy s 1730 g. do 1917 g.: programma kursa i izbrannaya bibliografiya* [History of Germans in Ukraine since 1730 till 1917: chosen course program and bibliography]. Donetsk, 2002. 144 p.

3. *Etnichni spil'noty Ukrai'ny: etnografichni osoblyvosti: rekomendovanyj bibliografichnyj pokazhchyk* [Ethnic community of Ukraine, ethnographic peculiarities: recommended bibliography]. Kiev, 2000. 79 p.

4. *Etnosy Ukrai'ny, 1917–1941: naukovo-dopomizhnyj bibliografichnyj pokazhchyk* [Ethnicity of Ukraine, 1917–1941: scientific auxiliary bibliography]. Kiev, 1997. 134 p.

5. *Zolotaya Orda: bibliograficheskiy ukazatel'* [The Golden Horde: bibliography pointer] / avtor-sostavitel'I.M. Mirgaleev. Kazan, 2013. 412 p.

6. Institut rukopisey Natsional'noy biblioteki Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo [Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine V.I. Vernadsky]. Fund 19. Inventory 1. File 497. Sheets 1–72.

7. Kaloerov S.A. *Greki Priazov'ya: annotirovannyy bibliograficheskiy ukazatel'* [Greeks of Azov region: an annotated bibliography pointer]. Donetsk, Yugo-Vostok, 1997. 199 p.

8. Kangieva E. *Krymovedenie na stranitsakh tyurkoyazychnykh periodicheskikh izdaniy krymskotatarskoy diaspory* [Crimean studies on the pages of periodicals Turkic-speaking Crimean Tatar diasporas] / pod redaktsiey A.A. Nepomnyashchego. Kiev, Simferopol, SGT, 2007. 424 p.

9. Karskaya L.N. *Annotirovannaya bibliografiya otechestvennykh rabot po arabistike, iranistike i tyurkologii, 1818–1917 gg.: nauchnaya periodika* [Annotated Bibliography of Russian Papers on Arabic, Iranian Studies and Turkic Studies, 1818–1917 gg .: The scientific periodicals]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2000. 872 p.

10. Kerim I.A. *Bibliografik kos'tergich: bibliograficheskiy ukazatel' pechatnykh knig, statey i proizvedeniy na krymskotatarskom yazyke, 1618–1944 gg.*[Bibliographic pointer: bibliography of printed books, articles and works of the Crimean Tatar language, 1618–1944 gg.]. Simferopol, SGT, 2009. 324 p.

11. Kochubej Ju.M. *Ukrai'na i Shid: kul'turni vzajemozv'jazky Ukrai'ny z narodamy blyz'kogo i Seredn'ogo shodu, 1917–1922: pidruchnyj bibliografichnyj pokazhchyk* [Ukraine and East: Ukraine cultural relationships with the peoples of the Middle East, 1917–1922: assistant bibliography]. Kiev, 1998. 228 p.

12. *Kryms'ki karai'my v Ukrai'ni: naukovo-dopomizhnyj bibliografichnij pokazhchyk (1917–1941 rr.)* [Crimean Karaites in Ukraine: scientific and auxiliary bibliographies (1917–1941 gg.)] / ukl.: N.A. Dehtjar'ova, ta in..; pid. red. Ju. O. Polkanova. Kiev, 2001. 88 p.

13. *Kryms'ki tatary v Ukrai'ni: naukovo-dopomizhnyj bibliografichnij pokazhchyk (1917–1941 rr.)* [Crimean Tatars in Ukraine: scientific and auxiliary bibliographies (1917–1941 gg.)] / ukl.: N.A. Dehtjar'ova, Je.G. Kuznecova, N.L. Makedon. Kiev, 1999. 128 p.

14. *Krym i krymskie tatary: kratkiy bibliograficheskiy ukazatel'* [Crimea and the Crimean Tatars: A brief bibliography pointer] / sostaviteli Sh. Kaybulaev, D. Khalilova. Simferopol, Krymuchpedgiz, 2003. 64 p.

15. *Krymskie tatary: khrestomatiya po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture* [Crimean Tatars: A Reader on ethnic history and traditional culture] / sostaviteli

M.A. Aradzhioni, A.G. Gertsen; predislovie I.N. Khrapunov. Simferopol, Dolya, 2005, p. 521–567.

16. *Krymskoe obshchestvo estestvoispytateley i lyubiteley prirody: spravochnik* [Crimean society of scientists and nature lovers: a handbook] / sostavitel' N.N. Kolesnikova. Simferopol, 2010. 48 p. Nazvanie oblozhki: Izdaniya Krymskogo obshchestva estestvoispytateley i lyubiteley prirody: spravochnik [Publications Society of Naturalists and nature lovers: handbook]. Na pravakh rukopisi [On right of manuscript].

17. Miroshnychenko M. Orijentacija – vid orijentu [Orientation – from Orient]. *Shidnyj svit* [Orient world]. Kiev, 2002, no. 2, p. 161–164. Retsenziya na knigu: Kochubej Ju.M. Ukrai'na i Shid: kul'turni vzajemozv'jazky Ukrai'ny z narodamy blyz'kogo i Seredn'ogo shodu, 1917–1922: pidruchnyj bibliografichnyj pokazhchyk [Ukraine and East: Ukraine cultural relationships with the peoples of the Middle East, 1917–1922: assistant bibliography]. Kiev, 1998. 228 p.

18. Nepomnjashhyj A.A. Nove naukovo–dovidkove vydannja z etnichnoi' istorii' Pivdnja Ukrai'ny [New scientific reference publications on ethnic history of Southern Ukraine]. *Bibliotechnyj visnyk* [Library herald]. Kiev, 2006, no. 1, p. 42–43. Retsenziya na knigu: Prichernomorskie nemtsy v zhizni i deyatel'nosti g. Odessy i regiona, 1803–2003: Bibliograficheskiy ukazatel' [The Black Sea shore Germans in the life and activity of Odessa and its region, 1803–2003: Bibliographic Index] / sostaviteli V. Samodurova, A. Aysfel'd, N. Shevchuk. Odessa, AstroPrint, 2003. 312 p.

19. Nepomnyashhiy A.A. Nove naukovo–dovidkove vydannja z etnichnoi' istorii' Pivdnja Ukrai'ny [New scientific reference publications on ethnic history of Southern Ukraine]. *Visnyk Odes'kogo nacional'nogo universytetu. Seriya: «Bibliotekoznavstvo, bibliografoznavstvo, knygoznavstvo»* [Bulletin of the Odessa National University. Ser.: "Library science, bibliography, book science"] Odesa, 2007, vol. 12, is. 4, p 253–254. Retsenziya na knigu: Prichernomorskie nemtsy v zhizni i deyatel'nosti g. Odessy i regiona, 1803–2003: Bibliograficheskiy ukazatel' [The Black Sea shore Germans in the life and activity of Odessa and region, 1803–2003: Bibliographic Index] / sostaviteli V. Samodurova, A. Aysfel'd, N. Shevchuk. Odessa, AstroPrint, 2003. 312 p.

20. *Nimci v Ukrai'ni: naukovo-dopomizhnyj bibliografichnyj pokazhchyk, 1917–1941 rr.* [Germans in Ukraine: scientific auxiliary bibliography, 1917–1941 gg.].Kiev, 1998. 180 p.

21. *Obshchestvenno-nauchnyy i ekskursionnyy zhurnal* "*Krym": spravochnik* [Social science and tour magazine "Crimea": a handbook] / sostavitel' N.N. Kolesnikova. Simferopol, 2006. 64 p. Na pravakh rukopisi [On right of manuscript].

22. *Prichernomorskie nemtsy v zhizni i deyatel'nosti g. Odessy i regiona, 1803–2003: Bibliograficheskiy ukazatel'* [The Black Sea shore Germans in the life and activity of Odessa and its region, 1803–2003: Bibliographic Index] / sostaviteli V. Samodurova, A. Aysfel'd, N. Shevchuk. Odessa, AstroPrint, 2003. 312 p.

23. *Prichernomorskie nemtsy: ikh vklad v razvitie g. Odessy i regiona, 1803–1917: bibliograficheskiy ukazatel'* [The Black Sea shore Germans: their contribution to the development of Odessa and region, 1803–1917: a bibliography] / sostavitel' V.V. Samodurov; redaktor N.A. Shevchuk. Odessa, AstroPrint, 1999. 192 p., 4 l. il.

24. Sevast'yanov A.V. *Desyat' let na sluzhbe kraevedeniya: Rossiyskoe obshchestvo po izucheniyu Kryma (1922–1932)* [Ten years in the service of local history: the Russian

Society for the Study of theCrimea (1922–1932)] / pod redaktsiey A.A. Nepomnyashchego. Kiev; Simferopol, 2010, p. 213–235.

25. *Tatary v Ukrai'ni: naukovo-dopomizhnyj bibliografichnij pokazhchyk (1917–1941 rr.)* [Tatars in Ukraine: scientific and auxiliary bibliographies (1917–1941 gg.)] / ukl.: N.A. Dehtjar'ova, Je.G. Kuznecova, N.L. Makedon. Kiev, 1997. 130 p.

26. *Khrestomatiya po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture starozhil'cheskogo naseleniya Kryma Chast' 1: Musul'mane: krymskie tatary, krymskie tsygane* [Readings on the ethnic history and traditional culture of the old residents of the Crimea, Part 1: Muslims: Crimean Tatars, Crimean Gypsies] / sostaviteli M.A. Aradzhioni, A.G. Gertsen. Simferopol, Tavriya-Plyus, 2004, p. 728–763.

About the author: Andrey Anatolievich Nepomnyashchiy – Dr. Sci. (History), Professor, Head of chair by historical regional studiesand local history, V.I. Vernadskiy Crimean Federal University (295007, Vernadskiy avenue, 4, Simferopol, Crimea, Russian Federation); Leading Research Fellow of the Crimean Scientific Center of Sh.Marjani Institute of history, Academy of Sciences of the Republic Tatarstan, (Bakhchisaray, Crimea, Russian Federation); dr.aan@mail.ru

УДК 94(477.75)”1474/1517”

Мещерский юрт как зона двойного влияния Московского государства и Крымского ханства[1]

Булат Рахимзянов
(Институт истории им. Ш. Марджани Академии Наук Республики Татарстан)

Аннотация. В статье исследуется слабо изученная в отечественной историографии проблематика так называемых «буферных», или «фронтирных» зон – территорий, расположенных на пограничье. Эти территории часто имели весьма специфическую систему управления и взаимодействия с внешнеполитическими контрагентами. В некоторых случаях они подчинялись не одному, а двум или даже трем более влиятельным игрокам международной сцены. Данный аспект рассматривается на материале Мещеры, которая в дипломатических источниках синонимична понятиям «Мещерский юрт», а в историографической традиции – «Касимовское царство», или «Касимовское ханство». Как показывают материалы дипломатической переписки Московского княжества и Крымского ханства, Мещера в конце XV – начале XVI вв. являлась ареалом двойного воздействия как Московии, на землях которой она была расположена, так и Крымского юрта, представители которого в это время правили в Касимове.

Ключевые слова: Золотая Орда, татарские ханства, Крымское ханство, Московское государство, Джучиды, Гиреи, дань, татарские выезды.

Теория «движущейся границы», созданная на рубеже XIX–XX вв. американским историком Ф.Дж. Тернером[2] на материале истории США, подчеркивала существование в североамериканской истории пограничных зон («фронтира» – frontier), в которых под влиянием окружающей среды образовывался особый уклад общественной жизни, оказывавший формирующее влияние на весь процесс развития государства. В 70-е гг. XX в. на основе «теории границы» также американским историком Дж. Вечински (J. Wieczynsky) была выработана концепция средневековой российской истории, согласно которой русская колонизация в южном и восточном направлениях привела к появлению у России своего «фронтира». В 80–90-е гг. XX в.

1 Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Республикой Татарстан научного проекта «Приграничные районы средневековья: место пересечения политической и этнической истории разных народов (на примере Московского государства и Казанского ханства)» № 16–11–16011.

2 Фредерик Джексон Тернер (Frederick Jackson Turner) (14 ноября 1861 – 14 марта 1932) – американский историк начала XX в. Наибольшую известность ему принесла книга «Значение границы в американской истории» («The Significance of the Frontier in American History»).

акценты изучения восточной политики России в аспекте теории «движущейся границы» смещались к исследованию восточной российской границы в XVI в. как места встречи и взаимодействия разных цивилизаций и культур.

При этом понятие «восточная граница Московского государства» можно несколько расширить, включив в него и политическое, а также социальное и культурное наполнение. В таком случае географический фактор может перестать быть определяющим. Для того, чтобы происходил обмен политическими и культурными ценностями, месту обмена совершенно не обязательно располагаться в пограничной зоне, если на его территорию теми или иными путями попадают представители разных культур. Именно таким местом и были татарские анклавы Московского государства, наиболее древним, своеобразным и при этом «образцовым» из которых была Мещера, или комплекс территорий, составлявших Касимовское ханство. Однако еще до образования Касимовского ханства как одного из специфических осколков Улуса Джучи у княжеств Северо-Восточной Руси, в числе которых была и Москва, уже были опыты контактов со степной зоной посредством территорий, которые по тем или иным причинам были включены в татарский мир.

Действительно, во взаимоотношениях северо-восточных русских княжеств и Степи немаловажное значение играл географический фактор – чем ближе к Степи, тем более интенсивно данная территория была вовлечена в мир Дешт-и Кипчака. Географически не очень обширные земли, соседствующие с более крупными державами, часто имели весьма своеобразную систему внешнего подчинения, характеризующуюся элементами подчиненности сразу нескольким влиятельным игрокам политической сцены [см.: 2, с. 257–326, особенно 257–259, 311, 324–326].

Апофеозом фронтирных территорий стало образовавшееся в первой половине XV в. Касимовское ханство, или, как оно называется в дипломатической переписке, «Мещера», «Мещерский юрт». Неудивительно, что оно было образовано именно на смежных территориях Рязанского и Московского княжеств, граничивших с землями Орды. Мещеру отличает ряд особенностей, которые нехарактерны для других частей Московского княжества.

Мещерский городок и прилегающая к нему территория (будущее Касимовское ханство) располагались в той части Рязанского княжества, которая носила название «Мещерские места», «Мещера». Ее статус в договорных грамотах оговаривался особо:

«…А что Мещерскаа места, что будет покупил князь велики, дед твои, Олег Иванович (великий князь рязанский в 1350–1402 гг. – *Б.Р.*), или отец твои, князь Велики Федор Олгович (великий князь рязанский в 1402–1427 гг. – *Б.Р.*), или вы (великий князь рязанский Иван Федорович, 1427–1456 гг. – *Б.Р.*), или ваши бояре, и в та места тебе, великому князю Ивану, не вступатися, ни твоим бояром, знати ти свое серебро и твоим бояром» [4, с. 144].

Как видим, несмотря на то, что «Мещерские места» в свое время были приобретены рязанскими князьями, к моменту договора (1447 г.) эти места являлись собственностью московского великого князя. При этом подчиненность местного населения верховному сюзерену – московскому великому князю – была еще далека от завершения: «если князи мещерские (предводители местных племен – мещеры и мордвы. – *Б.Р.*) не учнут мне, великому князю (Василию II. – *Б.Р.*) правити, и тебе (рязанскому великому князю Ивану Федоровичу. – *Б.Р.*) их не приимати, ни в вотчине своеи их не держати, ни твоим бояром, а добывати ти их мне без хитрости по тому целованью» [4, с. 144].

Таким образом, «Мещерские места» являлись «вотчиной» московского великого князя [8, с. 127, 130]. Об этом говорят и договорная грамота Василия II с польским королем и великим князем литовским Казимиром IV (1449 г.) [4, с. 162], а также договорная грамота Ивана III с великим князем литовским Александром Казимировичем (Ягеллончиком) [4, с. 330]. Подтверждают это и более ранние документы [см.: 4, с. 44, 54, 85], самый первый из которых относился к 1382 г. [4, с. 29].

Однако ряд данных дипломатической переписки Москвы с Крымом говорит нам об индикаторах включенности Мещеры в мир позднезолотоордынских государств, позволяющих рассматривать эти земли как зону двойного влияния Московского государства и Крымского ханства. Покажу это на примерах последовательного ряда фактов.

Дипломатические источники содержат информацию о том, что татарское население Мещеры (Касимовского ханства), в лице, прежде всего, представителей крупных мусульманских феодальных кланов со своими людьми, до ликвидации ближайших татарских ханств и упрочения границ Русского государства, обладало правом свободного отъезда. При этом ясачное население оставалось на месте – им, по всей видимости, распоряжался верховный сюзерен в лице московского великого князя [7, с. 197].

Когда в 1474 г. разбиралось обычное для средневековья дело о «грабеже» русских купцов на территории Кафы, кафинцы предъявляли ответные претензии о таком же «грабеже» на территории Руси – «что их пограбили царевичевы казаки (касимовские казаки. – *Б.Р.*)». Великий князь Иван III отвечал:

«Ино яз к вам и первее сего приказывал, царевич (имеется в виду второй правитель Касимова Данияр б. Касим (1469–1486 гг.). – *Б.Р.*) великого царя род Тахтамышев, а уланов и князей и казаков у него много; ***как к нему приежжают люди многие на службу, так от него отъежжают люди многие***; и нам почему ведати, хто будет ваших купцов пограбил? ***А у нас тот грабеж не бывал»*** [9, с. 8].

В этих строчках явно проступают элементы автономности Мещеры – великий князь дает понять кафинцам, что не несет ответственности за то, что

происходит на территории юрта. Вряд ли можно представить себе, чтобы так же московский правитель мог говорить о происходящем на территории русского удельного княжества. Видна здесь и включенность данной территории в мир степной политики через взаимный отъезд и приезд татарской знати: совершенно беспрепятственно, без предварительного согласования с верховным сюзереном данной территории – московским великим князем, татарская феодальная элита перемещалась из татарских независимых позднезолотоордынских государств (Крыма, Казани, Ногайской Орды, возможно, и других юртов) в вассальный татарский юрт на смежных территориях Рязани и Москвы.

Некоторые приближенные сначала крымского, а затем касимовского хана Нур-Даулета б. Менгли Гирея, действительно, как приезжали, так и отъезжали из Мещеры в Крым и обратно. В 1504 г. крымский улан Али уехал в Касимов, разгневавшись на старшего брата [9, с. 352, 451, 545]. В этом же году его старший брат, улан Берю, умер. «И иные слуги его и ясачники его порожжи стоят», – писал Менгли-Гирей Ивану III и просил отпустить из Касимова Али: «а он бы слуги свои взял и малой свой ясак ел, да тем бы жил» [9, с. 545].

Живший в Касимове представитель клана Аргын князь Мардан потом переехал в Крым. Право Мардана на отъезд не вызывало сомнений:

«Похочет Мардан князь к тебе ехати», – писал Менгли-Гирею Иван III, – «и мы его к тебе отпустим» [9, с. 138].

Выехавший из Крыма в Касимов сын мирзы (впоследствии – князь) Удема (представитель клана Мангыт) позже снова думал вернуться в Крым:

«Мангыт Удемов мырзин сын в Городок поехал, и нынеча сюды (т.е. в Крым. – *Б.Р.*) ехати мыслит… И ты (Иван III. – *Б.Р.*) бы Удемова сына, которой в Городке живет, с тем с моим слугою с Суунчеем пришлешь, то мое слово и прошенье инаково не учини, Удемова сына пришли», просил (или требовал?) крымский хан Менгли-Гирей Ивана III в 1502 г. [10, с. 421][3].

Также и соглашение 1508 г., заключенное с Абд ал-Латифом б. Ибрагимом, оговаривало в качестве особого условия возможность свободного отъезда и приезда на службу в Мещерский Городок представителям четырехклановой системы Крыма [10, с. 50–51].

Интересно, что иногда отъезд-приезд знати в Крым из Касимова и обратно происходил без санкции и ведома правителя Мещерского юрта, кото-

3 Интересно, что сам князь Удем (род Мангыт) иногда воевал московские украины (возможно, без санкции хана): в 1517 г. «приходили крымские татарове на великого князя украйну на тулские места: Агышов княжой сын Шыринов Токузак мирза, да *Удем князь Мангыт* (курсив мой. – *Б.Р.*), Телеш мирза Мангыт, Кудаш мирза Ширин Берючюков брат, Кочкар мирза Зезеут Мамышев сын со многими людьми, да поимав были и прочь пошли. … а от царя у великого князя весть никакова не бывала» [10, с. 477]. Причины этих «воеваний» не столь просты и примитивны, как это представляется иногда в историографии.

рый о некоторых случаях мог просто не знать: сношения между Крымом и Москвой по поводу феодальной знати Касимовского ханства в ряде ситуаций шли напрямую между правителями Крымского ханства и Московского государства, минуя «посредников» в виде вассального Москве хана Касимова. Так, в посольстве от хана Менгли Гирея к Ивану III от ноября 1491 г. послы говорили от имени хана:

«Да говорили о Мардане о князе (см. выше. – *Б.Р.*), чтобы деи его пожаловал князь велики отпустил, ***а Нурдовлат бы деи царь не ведал»*** (*курсив мой. – Б.Р.*) [9, с. 121].

Как видим, московские князья приглашали к себе не только Чингисидов, но и представителей второй – бекской (княжеской) страты – потенциальных карачи-беков, чтобы рассчитывать на них впоследствии.

Иногда в Касимов попадали и сеййиды. К примеру, в памяти послу в Крым Василию Григорьевичу Морозову от 1509 г. (время правления в Крыму Мухаммед-Гирея I б. Менгли-Гирея и Василия III в Москве, когда вынужденная «дружба» предыдущих правителей стала достаточно быстро уходить в небытие) говорится о «Хозяк-сеите» (сеййид, «наш богомолец») и «Казы-Мансыре»:

«А нечто вспросит царь (Мухаммед-Гирей. – *Б.Р.*) о Хазяк-сеите: о чем князь великий ко мне Хозяк-сеита не отпустил? И Василью молвити царю: государь наш (Василий III. – *Б.Р.*), господине, Хозяк-сеитю на то давал волю, как он похочет, а ведомо то и Магмедше князю[4]; и он похотел служить у нашего государя, и государь наш, господине, и жалует его. А как, господине, он у нашего государя, и он слуга государю нашему, да и тебе; там у тебя хто, и он тебе слуга, да и государю нашему слуга.

А вспросит царь Василья о Казы-Мансыре, и Василью говорить: Казы-Мансырь, господине, бил челом государю нашему, чтобы его отпустил ко царевичю в Городок; и князь великий, господине, по его прошению, отпустил его ко царевичю, и жалует его, господине, государь наш, да и царевичю потому же, как наперед того его жаловали» [10, с. 68].

В первом случае речь идет о верховном сеййиде разрушенной Менгли-Гиреем в 1502 году Большой Орды Хаджи-Ахмеде («Хозяка»), который вместе с бежавшими с ханом Шейх-Ахмедом большеордынцами оказался вначале в литовских владениях [11, с. 35], а затем – на подконтрольной Москве территории (очень вероятно, что в Касимовском ханстве). Судя по всему, он пожелал остаться в Московском государстве – в Касимове. Этот сеййид пользовался одинаковым почетом и в Большой Орде, и в Крыму. В 1515 году его уже не было в живых [5, с. 113–114,131–132].

4 Князь Магмедша (Мухаммед-Шейх?), принадлежавший к карачинскому клану Кыпчак в Крыму, был сватом крымского сеййида Баубека и являлся послом хана Менгли-Гирея [5, с.113].

Характерна следующая фраза документа: «А как, господине, он у нашего государя, ***и он слуга государю нашему, да и тебе*** (выделено мной. – *Б.Р.*)», где как бы проступает мысль о двуединстве сюзеренитета над данным лицом как Крыма, так и Москвы (после попадания в Московское государство). Представитель крымской знати оставался подданным Крыма, но находился во власти Москвы. Позже хан объяснял, для чего он просит сеййида у великого князя: «где у него (сеййида Хозяка. – *Б.Р.*) братья были, да все отошли, а юрты их порожни» [10, с. 72–73], то есть в результате смерти или отъезда его крымских родственников некому управлять крымскими улусами данного сеййида.

Второй случай свидетельствует о крымском выходце, представителе клана Ширин «Казы-Мансыре», который сменил сюзерена с крымского хана на касимовского султана Джаная крымской династии тех же Гиреев, под патронатом великого князя[5]. Данное действие не вызвало внутреннего протеста ни у лица, его совершившего, ни у его старых (крымский хан), ни новых (касимовский султан и московский великий князь) патронов.

Есть некоторые опосредованные данные о наличии права отъезда и у самих касимовских правителей. Обещая в 1515 г. «опочив» для крымского султана Ахмед-Гирея б. Менгли-Гирея в России, Василий III обещал принять Ахмеда с детьми и со всеми людьми, обещая ему и свободный отъезд в случае его желания:

«А приехати тебе к нам и твоему сыну и всем твоим людем и отъехати от нас доброволно без всякие зацепки» [10, с. 211–212][6].

В 1515 г. место «опочива» не оговаривалось, но в декабре 1517 г. Ахмеду была обещана Мещера [10, с. 419–420].

Крымский хан Мухаммед-Гирей I б. Менгли-Гирей напоминал Василию III в 1517 г.:

«Ано из Мещеры люди шли к нам служити, а от нас в Мещеру» [10, с. 378].

Так постоянно шел отъезд и приезд высшей прослойки населения позднезолотоордынских государств из одного в другое, в том числе и в вассальные Москве.

Это обосновано – этническиепроцессы, происходившие в татарских государствах в XV – сер. XVI вв., не были изолированными, не протекали в

5 Казы-Мансыр имел в Касимове особый статус, так как в Касимовском ханстве выплачивался особый «Казы-Мансыревский ясак» [1, с.199].

6 Московскому представителю в Крыму было разрешено и «правду дати» в том, что Ахмед волен отъехать от великого князя в случае его желания: «А нечто царевич похочет у Остани на том правды, что побыв ему у великого князя в его земле на опочиве да похочет итти от великого князя из его земли вон, и князь великий его из своей земли отпустит ли, и Остане царевичу и на том правда дати» [10, с.559].

рамках лишь отдельных ханств. Перед нами совершенно необычный социальный механизм, сложившийся еще в рамках Золотой Орды [6, с. 134]. Этот механизм, изначально сформировавшийся в татарской политической сфере и предназначенный для «внутреннего татарского пользования», благодаря нахождению одного из позднезолотоордынских юртов – Касимовского ханства – на территории Московского государства, вовлекал Москву посредством своего татарского анклава в мир Степи, мир татарской географии и политики практически буквально.

Неудивительно, что подобные исторические нюансы логически приводили к тому, что в 1517 году крымский хан Мухаммед-Гирей воспринимал Касимов как свой «юрт» – «а из старины тот юрт наш» [10, с. 377], – заявлял хан заменявшему посла подъячему Мите Иванову[7]. Так же воспринималось Касимовское ханство и крымской знатью: в 1516 г. крымский мирза из клана Ширин Бахтияр б. Довлетек писал Василию III:

«…сам гораздо знаешь, что Мещерской юрт государя моего царев *(выделено мной*. – Б.Р.)» [10, с. 251].

Когда в 1512 г. Василий III посадил в Касимове представителя враждебной Крыму большеордынской династии («Намоганского юрта»), это вызвало общее возмущение в Крымском ханстве:

«Над Нур-Довлатовыми и над Касымовыми слугами на нашем юрте недруга нашего сына Шаг-Влияра, того ли тебе пригоже, взяв, держати?» [10, с. 520], – гневно вопрошали крымские беки московскому князю.

Клан Ширин, занимавший в Мещере по знатности и по влиянию первое место среди других четырех кланов, имел к ней особо ревнивое отношение. По преданию, когда-то именно Ширинами была покорена Мещера. В родословной князей Мещерских содержится информация о том, что «князь Ширинской Бахмет Усеинов сын пришел из Большие Орды в Мещеру и Мещеру воевал и засел ее» [3, с. 75]. В связи со сменой династии в 1512 г. Ширины начали по сути настоящую локальную войну против Москвы, двинувшись в поход на Мещеру [10, с.377, 520]. Мухаммед-Гирей писал Василию III в 1517 г.:

«…а что наши люди летось и нынеча Мещеру воевали, и за то яз и вперед не имаюся, хоти яз с братом своим с великим князем буду в дружбе и в братстве, ино мне самому на Мещеру не думати, и хоти и детей своих уйму, а людей ми своих не мочи уняти: пришли на меня землею все, что им меня не слушати в том.

А Ширины опричь меня здумали, что им вперед Мещера воевати, за то что нынеча на Мещере наш недруг, а из старины тот юрт наш *(выделено мной. – Б.Р.)*.

7 Так же Гиреи смотрели и на Казань [10, с. 679, 696].

И нынеча брат мой князь великий о чем у меня на Мещеру не просит брата или сына; …и толко то по старине не будет, и то всегды быти воеваной Мещере.

А ведь мы ведаем, что нынеча на Мещере не человек, и людей в Мещере бесерменьи (мусульман. – *Б.Р.*) нет никого, ино не у кого жити, и то б брату моему великому князю внятны мои речи были. А колко о том царевиче не пишу к великому князю, и он ко мне не отпишет.

А то пак слыхано ли, что бесерменину бесерменин бесерменина в полон взяти, ино наши люди и бесерменью в полон поимали в Мещере, а того у нас и в писанье нет, что бесермена продати, а наши люди мещерскую бесерменью и попродали, а все тому рняся, что не наш род на Мещере государь. …А князи городетцкие и мне приказывали, и не одинова, чтоб наш род был им государь» [10, с. 377–378].

По всей видимости, после смены династии в Касимове (крымской на большеордынскую) значительная часть касимовской знати крымского происхождения отъехала обратно в Крым – «и людей в Мещере бесерменьи нет никого, ино не у кого жити». Москва в этом процессе, судя по всему, не принимала никакого регулирующего участия.

При походе Ширинов на Мещеру в плен бралось не только русское население (опять-таки Москва хранит молчание по вопросу убыли податного населения), но и мусульманское, на что сетует крымский хан, как на вынужденную меру.

Видимо, какая-то часть верхней страты населения Касимова – «Нур-Довлатовы и Касымовы слуги» – «князи городетцкие» – представители четырехклановой позднезолотоордынской системы карачи-беков, аффилиированных изначально с пришедшим из Казани Касимом и выехавшим из Крыма Нур-Даулетом (Ширины и, возможно, другие кланы) и их люди, была недовольна сменой династии в Касимове и хотела возвращения Гиреев.

Интересно, что военные действия против Мещеры не воспринимались великим князем Василием III как действия против подвластной, входящей в юрисдикцию Москвы территории, и не вызывали дипломатических протестов со стороны московского правителя, хотя и формально, и фактически именно он являлся сюзереном данных земель.

Вышеприведенное откровенное заявление крымского хана говорит нам о том, что политическая элита Крыма смотрела на юрт в Мещере как на еще одно татарское владение, на которое определенные линии Джучидов имели потомственные права. Юрт был расположен на территории Московского государства, и великий князь имел власть над ним, однако в то же время он рассматривался как татарский юрт. А в крымских глазах он являлся потомственным владением Ширинов и их сюзерена – крымского хана.

Действительно, этот московский юрт превратился для крымских феодалов в дом-вне-дома, в некую колонию, куда они приезжали на «опочив» и на более постоянное проживание и получали материальную поддержку и возможности военной службы со стороны Москвы. Этот татарский анклав, как и другие подобные «места», становился интегральной частью степной системы «юртов-уделов», точкой взаимосвязи татарского политического мира и Москвы.

По мере ухудшения отношений с Крымом в 1510-х гг. передача этих земель в руки врагов Крыма (после смены династии в Касимове на большеордынскую) означала лишение крымских кланов источников дохода. В то же время для Москвы оставить юрт в руках крымцев означало собственными руками создать «пятую колонну» на своей территории, особенно опасную в случае дальнейших военных действий. Мещерский Городок, расположенный на граничащих со Степью южных территориях, стал бы в таком случае клином, передовой базой для татарских рейдов на Московское государство, если бы он оказался в руках враждебных сил. Москва оказывалась в особо затруднительной ситуации, показывающей, насколько глубоко она была интегрирована в политическую систему Степи [12, l. 107–108].

Расположенность в пограничной зоне, что делало контакты со Степью иногда попросту вынужденными, давнее наличие татарских поселений на данной территории, включая родовые владения Ширинов, правление крымских Гиреев, свободный приезд-отъезд татарской знати в Мещеру и обратно в позднезолотоордынские государства, и, в то же время, верховный сюзеренитет московского великого князя и принадлежность ему как его «вотчины», делало Касимовское ханство своеобразным островком Степи в Московском государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М.М. Начальная генеалогия ширинских князей // Золотоордынское наследие. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 2. С. 191–202.

2. Беспалов Р.А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV – начала XVI веков // Средневековая Русь. М.: «Индрик», 2014. Вып. 11. С. 257–326.

3. Временник Императорскаго Московскаго общества истории и древностей Российских. М., 1851: (Унив. Тип.). Кн. 10. Б.с.

4. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 589 с.

5. Исхаков Д.М. Институт сеййидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Фэн, 2011. 228 с.

6. Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на

примере Казанского и Касимовского ханств XV – сер. XVI вв.) // Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань: Фэн, 2009. С. 123–138.

7. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени. Казань: Мастер Лайн, 1998. 276 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tataroved.ru/publication/etno/9/

8. Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1882: (Тип. Ф. Елеонскаго и К). Т. 35. 869 с.

9. Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1884: (Тип. Ф. Елеонскаго и К). Т. 41. 558 с.

10. Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1895: (Тов-во «Печатня С.П. Яковлева»). Т. 95. 706 с.

11. *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: ЗАО «Гриф и К», 2010. 112 с.

12. *Kennedy C.* The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries / PhD. dissertation by Craig Gayen Kennedy. Harvard University, 1994. 238 leaves.

Сведения об авторе: Булат Раимович Рахимзянов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); bulatraim@mail.ru

Meshcherskii yurt as an area of double influence of Muscovy and the Crimean Khanate

Bulat Rakhimzianov

(Institute of History of the Academy of Science of the Republic of Tatarstan)

Abstract. The article analyses the problem of the so-called “buffer” or “frontier” zones – the territories of frontier. These areas often had a very specific system of government and cooperation with international partners. In some cases they submitted to two or even three influential players of international political scene simultaneously. This aspect has been investigated on the case of Meshchera, or “Meshcherskii yurt” (in authentic diplomatic sources), or “Kasimov Khanate”, or “Kasimov Tsardom” (in historiography). The diplomatic correspondence between Muscovy and the Crimean Khanatecovering the period of late fifteenth – early sixteenth centuries shows us Meshchera as an area of double influence of both Muscovy and the Crimean Khanate: Muscovy possessed lands were Meshchera was situated, and the Crimean representatives ruled in Kasimov at the same time.

Keywords: Golden Horde, Tatar Khanates, Crimean Khanate, Muscovy, Juchids, Girays, vykhod, Tatar departures.

REFERENCES

13. Akchurin M.M. Nachal'naya genealogiya shirinskikh knyazey [The initial genealogy of Shirin princes]. *Zolotoordynskoe nasledie* [The Legacy of the Golden Horde]. Kazan, 2011, vol. 2, p. 191–202.

14. Bespalov R.A. Novosil'sko-Odoevskoe knyazhestvo i Orda v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy v Vostochnoy Evrope XIV – nachala XVI vekov knyazey [Novosil'sko-Odoevskoe princedom and the Golden Horde in the context of international relations in Eastern Europe of the XIV – beginning of the XVI centuries]. *Srednevekovaya Rus'*[Medieval Rus']. Moscow, 2014, vol. 11, p. 257–326.

15. Vremennik Imperatorskago Moskovskago obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh [Collected Works of the Imperial Moscow Society of History and Antiquity of Russia]. Moscow, 1851: (Universitetskaya Tipografiya), vol. 10, no page numbers.

16. Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and Contractual Deeds of the Great and Udel' Princes of the XIV–XVI cenuries]. Moscow and Leningrad, AN SSSR Publ., 1950. 589 p.

17. Iskhakov D.M. *Institut seyyidov v Uluse Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh*[The Institute of Seiids in the Golden Horde and in the Later Golden Horde turko-tatar States]. Kazan, Fan Publ., 2011. 228 p.

18. Iskhakov D.M. K voprosu ob etnosotsial'noy strukture tatarskikh khanstv (na primere Kazanskogo i Kasimovskogo khanstv XV – seredina XVI vv.) [To the Question of Ethnic and Social Structure of the Tatar Khanates (the Case of Kazan and Kasimov Khanates of the XV – middle of the XVI cc.)]. Iskhakov D.M. *Istoricheskie ocherki* [Historical Essays]. Kazan, Fan Publ., 2009, p. 123–138.

19. Iskhakov D.M. *Ot srednevekovykh tatar k tataram novogo vremeni* [From Medieval to Early Modern Tatars]. Kazan, Master Line Publ., 1998. 276 p. Available at: http://tataroved.ru/publication/etno/9/

20. Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collected Works of the Imperial Russian Historical Society]. Saint Petersburg, 1882: (Tipografiya F. Eleonskago i K), vol.35. 869 p.

21. Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collected Works of the Imperial Russian Historical Society]. Saint Petersburg, 1884: (Tipografiya F. Eleonskago i K), vol.41. 558 p.

22. Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collected Works of the Imperial Russian Historical Society]. Saint Petersburg, 1895: (Tovarishchestvo «Pechatnya S.P. Yakovleva»), vol. 95. 706 p.

23. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherk istorii* [The Great Horde – Takhteli. Essay in History]. Tula, Grif and K. Publ., 2010. 112 p.

24. Kennedy C.*The Juchids of Muscovy: a study of personal ties between émigré Tatar dynasts and the Muscovite grand princes in the fifteenth and sixteenth centuries* / PhD. dissertation by Craig Gayen Kennedy. Harvard University, 1994. 238 leaves.

About the author: Bulat Raimovich Rakhimzianov – Cand.Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Science of the Republic of Tatarstan (420014, Kremlin, porch 5, Kazan, Russian Federation); bulatraim@mail.ru

УДК 354.29

Генерал армии Яков Крейзер: портрет в интерьере эпохи

Михаил Стрелец
(Брестский государственный технический университет)

Аннотация. В статье рассматриваются основные вехи жизни и деятельности выдающегося советского военачальника Якова Григорьевича Крейзера. Автор показывает, что генерал армии Я.Г. Крейзер был человеком несгибаемого мужества, с мощным интеллектом, с очевидным стратегическим мышлением. Эта оценка вытекает из тщательного анализа участия вверенных ему подразделений в стратегических операциях. Дивизия под командованием Крейзера внесла неоспоримый вклад в срыв блицкрига. Как командарм он отлично проявил себя в Московской битве, в прорыве Миус-фронта, в Сталинградской битве, в Донбасской операции (13 августа – 22 сентября 1943 г.), Мелитопольской операции (26 сентября – 5 ноября 1943 г.), Крымской наступательной операции (8 апреля – 12 мая 1944 г.), Шяуляйской наступательной операции (5–31 июля 1944 года), Рижской операции (14 сентября – 22 октября 1944 года), Мемельской операции (5–22 октября 1944 г.), Курляндской операции (10 октября 1944 г. – 8 мая 1945 г.). Автор статьи обращает также внимание на то, что данный военачальник является самой яркой фигурой в еврейском сегменте советской военной элиты. Принадлежность к этому сегменту нередко сказывалась на судьбе генерала армии. Он жил в стране, в которой антисемитизм был возведён в ранг государственной политики. Однако Яков Григорьевич никогда не был проводником подобной политики. Более того, дистанцировался от неё. Убедительное свидетельство тому – отказ подписать составленное в ЦК КПСС «Письмо представителей еврейской общественности», суть которого сводилось к тому, что врачей-убийц еврейского происхождения следует лишить жизни.

Ключевые слова: армия, военачальник, военная служба, Крейзер Яков Григорьевич, стратегическая наступательная операция, элита.

4 ноября 2015 года исполняется 110 лет со дня рождения Якова Григорьевича Крейзера. Это – самая яркая фигура в еврейском сегменте советской военной элиты.

Местом его рождения был город Воронеж. Именно с Воронежем связаны детство и юность будущего военачальника, его первые рабочие и военные университеты. Первой ступенькой в военной карьере явилась блестящая учёба в 22-й Воронежской пехотной школе. В отличие от деда и отца, служивших в царской армии и, естественно, присягавших на верность царю, юноша стал делать карьеру в Рабоче-Крестьянской Красной Армии

(РККА). Её первый этап можно определить как довоенный. Стартовая точка этапа – окончание гражданской войны в Советской России, датируемое 1921 годом, финальная точка совпадает с трагическим для советского общества 22 июня 1941 года.

По современным меркам карьерный рост Якова Григорьевича Крейзера на первом этапе был поистине феноменальным. По этим меркам считается нормальным следующий минимальный возрастной порог для занятия командных должностей: командир отделения – 18 лет, командир взвода – 21 год, командир роты – 27 лет, командир батальона – 33 года, командир полка – 36 лет, командир дивизии – 42 года, командир корпуса – 45 лет, командующий армией – 48 лет, командующий войсками военного округа – 51 год. Я.Г. Крейзер оказался на первой и второй из перечисленных командирских должностей, не достигнув 18-летнего возраста. В 33 года он стал командиром дивизии. Первый опыт командования дивизией у Якова Григорьевича связан с Белорусским военным округом. Всё же основной отрезок первого этапа его военной карьеры приходится на Московский военный округ и прежде всего на самую известную в данном округе дивизию – Московскую пролетарскую. Именно командиром Московской пролетарской стрелковой дивизии Я.Г. Крейзер встретит Великую Отечественную войну. Продвигаясь по служебной лестнице, этот человек жадно учился. В пример остальным сослуживцам «грыз» гранит военных наук, отправленный на Стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава РККА «Выстрел» имени Коминтерна комбат, образцово прошёл курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии РККА имени М.В. Фрунзе комдив. Конечно, всё то, что отрабатывается на подобных курсах, на военных учениях, полезно для комсостава. Вместе с тем там невозможно предусмотреть все ситуации, связанные с реальными военными действиями. Военачальник, вовлечённый в театр реальных боевых действий, часто вынужден решать уравнения со многими неизвестными. Об этом убедительно свидетельствует опыт Великой Отечественной войны, полностью совпавшей со вторым этапом военной карьеры Я.Г. Крейзера [3].

Комдив впервые решал подобные уравнения в боях между Березиной и Днепром. В ходе этих боев должен был во многом даваться ответ на следующие вопросы: 1) быть или не быть блицкригу? 2) будет ли выдержан норматив по захвату Москвы, установленный в первоначальных планах германского командования?

Сначала на поставленные вопросы должен был отвечать базисный сегмент личного состава Западного фронта. Однако ещё до конца июня 1941 года на нём был поставлен крест, так как он оказался в плотном кольце окружения. Силы Западного фронта вне кольца окружения были доста-

точно скромными. Речь шла о 16 дивизиях, ни одна из которых не была укомплектована по штатам военного времени. Как минимум один батальон сохранился только в 8 дивизиях. В 8 дивизиях в плане оснащения минусовались автомобильный транспорт, тяжёлое вооружение. Всё, чего не хватало у советских войск, в достатке было у противника. Смоделируем следующую ситуацию. Немцы устанавливают полный контроль над Борисовом и примыкающим к нему предмостным укреплением, преодолевают Березину. Это означает, что нет никаких препятствий для стремительного продвижения противника к Смоленску, для быстрого захвата пространства между Оршей и Могилёвом, и приказывает долго жить намерение Ставки Главнокомандования максимально заполнить данное пространство вторым стратегическим эшелоном. Действовавший на борисовском направлении командир танкового корпуса Гудериан слепо верил в реальность именно такового сценария и психологически настраивал себя на то, что весьма скоро окажется в Москве. Разведка доложила ему, что названные точки защищают совсем слабые силы. Победоносно прошедшей пол-Европы 18-й дивизии противостояли два батальона, составленных в большинстве своём из неопытных бойцов, не имевших возможности накрыть противника мощным артиллерийским огнём.

На деле же сработал иной сценарий, связанный с именем Я.Г. Крейзера. С 30 июня 1941 года вверенная ему дивизия размещается на пространстве, плотно примыкавшем к тому берегу Березины, который никак не был затронут германским присутствием. Плацдарм для наступления находился восточнее Борисова. Расстояние между крайними точками расположения дивизии составляло приблизительно 50 километров.

Первой атакой немцев на воинов дивизии Крейзера была психологическая. Известно, что германские пропагандистские службы внушали солдатам и офицерам вермахта, что среднестатистический советский солдат или офицер – юдофоб. Поэтому они слепо верили, что сработает листовка следующего содержания: «Русские воины! Кому вы доверяете свою жизнь? Ваш командир – еврей Янкель Крейзер. Неужели вы верите, что Янкель спасет вас? Сдавайтесь в плен, а с Янкелем поступайте так, как надо поступать с жидами». Листовка дошла и до воинов, и до Крейзера. Реакция воинов была ни позитивной, ни нейтральной. Они любили и восхищались Яковом Григорьевичем. Последний реагировал так: «Да, дома отец и мама действительно называли меня Янкелем. Хорошее имя. Горжусь им!» [2]. Это был ответ человека, который всю свою жизнь находил разумную меру в сочетании гордости за свой нетитульный этнос с интернационализмом.

Вторая атака на советские войска, в состав которых входили курсанты борисовского военного училища, воины 175-го мотострелкового полка, была чисто военной. Главным аргументом противника явились сто танков.

Этот аргумент плюс сокрушительная бомбардировка с воздуха обеспечили стремительный прорыв к мосту через Березину. Ещё до немецкого прорыва возник вопрос: «Какой из сценариев, предусмотренных командованием Западного фронта, следует реализовывать?» Суть первого сценария: взрыв моста сразу после начала немецкого наступления. Суть второго сценария: через мост проходят солдаты и офицеры, которые несколькими днями ранее безуспешно обороняли столицу БССР, а затем мост взрывают. Реально имела место ориентация на второй сценарий, который не сработал. Состоялся прорыв 18-й танковой дивизии на восточный берег Березины. Курсанты борисовского военного училища, воины 175-го мотострелкового полка храбро защищались, но в конечном итоге германцы установили полный контроль над восточной частью Борисова, березинским левобережьем. Закрепившись на указанном левобережье, противник располагал мощным плацдармом для дальнейших действий и не задумывался над тем, как скоро последует советская контратака.

Пройдёт менее 24 часов, и эта контратака последует. В отличие от курсантов борисовского военного училища, воинов 175-го мотострелкового полка крейзеровцы имели танки Т-34, которые по своим тактико-техническим характеристикам превосходили германские «Леопарды». У гудериановцев не было и адекватных по силе противодействия наземных противотанковых средств. Заметим, что имевший репутацию танкового стратега Гудериан никогда ранее не имел дело с детищем выдающегося советского танкового конструктора Кошкина, который как и Крейзер был евреем. Пространство для контрудара весьма плотно примыкало к автостраде борисовского направления. К сожалению, дивизии Крейзера было нечем ответить на сверхмощную поддержку 18-й танковой дивизии со стороны люфтваффе. У Крейзера создавалось далеко не обманчивое впечатление о том, что над позициями Московской Пролетарской дивизии летают только «мессершмитты» и летают весьма плотно. Через много лет после войны комдив свидетельствовал: «Фашистские самолеты буквально гонялись за отдельными машинами. Было решено более плотно закрыть шоссе, и я отдал распоряжение начальнику артиллерии на перемещение огневых позиций артбатарей с таким расчетом, чтобы вся дивизионная артиллерия могла прямой наводкой уничтожать прорвавшиеся танки врага на автостраде. Туда же были выдвинуты танки для ведения огня прямой наводкой. И тут полетели немецкие самолеты, они шли волна за волной, группами до 12 машин. А затем при поддержке артиллерии вдоль шоссе в атаку двинулись немецкие танки. Наши артиллеристы встретили их мощным огнем и подбили многие из них» [3]. Главное, чего достигли крейзеровцы, – гудериановцы прекратили наступательные действия. Конечно, с учетом реальных ресурсов люфтваффе было очевидно, что они возобновятся.

Едва взошло солнце в третий день второго летнего месяца, и люфтваффе стало предъявлять свои аргументы. Бомбардировка всей оборонительной инфраструктуры Московской Пролетарской мотострелковой дивизии велась по полной программе. Сейчас уже гудериановцы стали плотно примыкать к автостраде борисовского направления, относительно быстро вытесняя оттуда крейзеровцев. Крейзер понимал, что если не предпринять что-то экстраординарное, германские танкисты, пехотинцы довольно быстро окажутся в Лошнице, и их нахождение здесь будет означать опасное стягивание кольца окружения вокруг Московской Пролетарской мотострелковой дивизии. Упоенные успехом германцы никак не ожидали флангового контрудара. Они никак не могли предположить, что он последует со стороны леса. Именно такой контрудар нанесли вверенные советскому комдиву танковый, мотострелковый полки. Схлестнулись в острейшем противостоянии советские и германские танкисты. В сражении на относительно небольшом массиве было задействовано как минимум 300 танков. У той и другой стороны танки после сражения ещё были. Вот только у германской стороны, в отличие от советской, их оказалось гораздо меньше, чем перед сражением. Но главное – целые сутки германцы дальше не двигались.

Германцы стали вновь наступать совсем незадолго до того, как на июльском календаре должен был появиться пятый листок. У крейзеровцев полным ходом пошла работа по укреплению оборонительной инфраструктуры. Эта работа, длившаяся два дня, сменилась блестящей операцией по освобождению Толочина от гудерианцев. Это освобождение было сродни тому, что следует назвать триумфом. Без малого 1000 военнослужащих, присягавших на верность фюреру и рейху, оказались в положении военнопленных. Без малого 350 единиц, подчинённого Гудериану автотранспорта, которые не требовали никакого ремонта, стали полноценно использоваться крейзеровцами. И, наконец, двойной позор для третьего рейха. 47-й танковый корпус лишился боевого знамени. А ведь он был, во-первых, особым корпусом и, во-вторых, берлинским корпусом. Весьма символичным было то, что боевым знаменем берлинского корпуса завладела Московская дивизия. К тому же не следует забывать, что от Толочина до линии фронта было едва ли полтора десятка километров. Ни один советский командир, воевавший на белорусской земле с 22 июня 1941 года до толочинского триумфа Крейзера, не достигал подобных успехов.

Конечно, проницательный читатель, знакомый с дальнейшим ходом событий, не может не задать автору статьи вопрос: не поспешил ли он с констатацией триумфа? Он обязательно напомнит автору, что через 24 часа никак не прослеживались признаки освобождения Толочина советскими войсками, вновь начались бои за Толочин. Естественно, в самом начале крейзеровцы оборонялись, а присягавшие фюреру и рейху военные лётчи-

ки и артиллеристы нападали. Бои вместились в 70 часов. За этот небольшой отрезок времени неоднократно менялись победители в этих боях. Если иметь в виду захват и удержание Толочина, то соотношение было таково: два на два. Если иметь в виду потери, то у германцев их было гораздо больше. Вместе с тем скажем откровенно: и у Московской дивизии они были немалые. Здесь как раз удобный случай, чтобы сказать о том, что Крейзер стремился к минимуму потерь и постоянно ориентировался на соответствующую тактику.

В данном конкретном случае сначала ставилась задача обвести вокруг пальца германскую разведку. В светлое время суток это было довольно сложно и, естественно, подобный вариант исключался. Делалось так, чтобы разведка никак не прознала про отход крейзеровцев приблизительно на два-три километра. Логическим продолжением такого отхода явилось стремительное приведение личного состава в готовность номер один и покрытие всего массива расположения гудерианцев артиллерийским огнём. Тем ничего не оставалось, как лобовая атака. Уточним: атака на что? Пушки, укрепления. Подвижная оборона крейзеровцев срабатывала, ответная атака гудерианцев – нет. Всё это длилось 11 дней и ночей. Ещё раз повторим: 11 дней и ночей перманентного вооружённого противостояния. Если бы не успехи Московской дивизии в этом противостоянии, 18-я дивизия, с которой крейзеровцы впервые столкнулись в районе Борисова, оказалась бы в Орше на 7 дней раньше. А это большой срок с учётом обстановки на Западном фронте.

На скорость продвижения немцев в московском направлении влиял и контролируемый вермахтом плацдарм на реке, которая связывала три субъекта советской федерации: РСФСР, УССР, БССР, воспетом в песнях и сказаниях Днепре. С 12 июля 1941 года крейзеровцы делали всё, чтобы подобный контроль не имел место. В этой связи весьма кстати привести свидетельства самого комдива: «В нервной обстановке 12 июля 1941 года было принято решение нанести удар по прорвавшимся танкам и мотопехоте противника и отбросить их к Днепру. В этом бою я был ранен осколком авиабомбы. Уже в медсанбате ко мне пришло сообщение о том, что части нашей дивизии и 13 июля продолжали успешно контратаковать прорвавшегося через Днепр противника, захватили пленных, боевую технику и на двое суток задержали наступление противника, рвавшегося на Смоленск…» [3].

Герой очерка на весьма короткий срок оказался во власти военных эскулапов. Он буквально рвался из госпиталя на передовую. После выхода из госпиталя комдива ждал целый ряд приятных новостей.

Новость первая: вверенная ему дивизия официально стала Гвардейской.

Новость вторая: появление песни «Дивизия Крейзера». Автор настоящей статьи не знает больше случаев из истории РККА периода Великой

Отечественной войны, когда бы воины дивизии сочиняли песни о своём командире. Можно однозначно утверждать, что и командир, и личный состав были такими же, как в песне. Вот он поистине замечательный напев: «Лавиной сокрушительной пошли бойцы отважные, за дело наше правое, за наш родной народ. Громит врага оружием, дивизия бесстрашная, на подвиги геройские нас Крейзер в бой зовет» [1].

Новость третья: отважный комдив стал командармом, то есть на тринадцать лет (!) раньше указанного выше порога, минуя при этом такую ступеньку как командир корпуса. Я.Г. Крейзеру было поручено командовать 3-й армией Брянского фронта. Хорошо известно, что командарм – это генеральская должность. Вполне естественно, что в РККА в первой декаде августа 1941 года одним генерал-майором стало больше.

Новость четвёртая: 22 июля 1941 года Я.Г. Крейзер пополнил корпус Героев Советского Союза, оказавшись первым офицером-пехотинцем, удостоенным такого звания.

Я.Г. Крейзер – первый еврей, ставший командармом, генерал-майором, Героем Советского Союза военным летом 1941 года, то есть первый в трёх номинациях.

Возглавляемая Яковом Крейзером 3-я армия блестяще проявила себя в ходе Московской битвы. После Московской битвы военачальник в очередной раз повышал квалификацию. На сей раз на курсах Академии Генерального штаба. Повысив квалификацию, генерал-майор Я.Г. Крейзер последовательно имел отношение к четырём армиям. В истории 57-й армии он остался вторым лицом после командующего, а в истории 1-й резервной, 2-й гвардейской армий, 51-й армии – первым лицом. Правда, совсем короткий промежуток времени он был заместителем командующего 2-й гвардейской армией.

Командарм 2-й гвардейской армии вполне мог записать её причастность к Сталинградской битве, освобождению значительной части Ростовской области, решающую роль в прорыве Миус-фронта. Есть смысл процитировать следующую сводку Совинформбюро: «В ходе Сталинградской стратегической наступательной операции войска 2-й гвардейской армии сыграли решающую роль в отражении удара противника, а 24 декабря сами перешли в наступление и вынудили его отойти на юг» [6].

С августа 1943 г. до 9 мая 1945 г. Я.Г. Крейзер, ставший в феврале 1943 года генерал-лейтенантом, командовал 51-й армией. Для дальнейшего изложения для нас опорной будет следующая таблица.

Боевой путь 51-й армии под командованием генерал-лейтенанта Я.Г. Крейзера

Оперативно-стратегическое объединение, в которое входила армия, командующий	**Наименование операции, хронологические рамки**	**Цель операции**
Южный фронт (генерал-лейтенант Ф.И. Толбухин)	Донбасская операция (13 августа – 22 сентября 1943 г.)	Освобождение Донецкого бассейна
Южный фронт (генерал-лейтенант Ф.И. Толбухин) с 20 октября 1943 г. 4-й Украинский фронт (генерал-полковник Ф.И. Толбухин)	Мелитопольская операция (26 сентября – 5 ноября 1943 г.)	Разгром 6-й армии германской группы армий «А» в Северной Таврии
4-й Украинский фронт (генерал армии Ф.И. Толбухин)	Крымская наступательная операция (8 апреля – 12 мая 1944 г.)	Освобождение Крыма
1-й Прибалтийский фронт (генерал армии И.Х. Баграмян)	Шяуляйская наступательная операция (5–31 июля 1944 г.)	Отрезать германскую группу армий «Север» от Восточной Пруссии
1-й Прибалтийский фронт (генерал армии И.Х. Баграмян)	Рижская операция (14 сентября –22 октября 1944 г.)	Рассечь рижскую группировку противника, уничтожить её по частям, выйти на побережье Рижского залива, перерезать пути отхода силам группы армий «Север» в Пруссию
1-й Прибалтийский фронт (генерал армии И.Х. Баграмян)	Мемельская (5–22 октября 1944 г.)	Отсечь германскую группу армий «Север» от Восточной Пруссии
До 1 февраля 1945 г. 1-й Прибалтийский фронт (генерал армии И.Х. Баграмян), с 1 февраля 1945 г. 2-й Прибалтийский фронт (генерал армии А.И. Ерёменко)	Курляндская операция (10 октября 1944 г. – 8 мая 1945 г.)	Ликвидация Курляндской группировки противника

Наиболее значимые моменты касательно участия 51-й армии в перечисленных в таблице операциях таковы.

В процессе участия в Донбасской операции Я.Г. Крейзер поставил крест на намерении противника осуществить тактику подвижной обороны. Гер-

манская сторона никак не могла предположить, что советский командарм сместит центр тяжести в противоборстве с ней на 346-ую стрелковую дивизию. Дивизия в полном объёме выполнила роль субъекта главного удара. Противник смог осуществить только минимальный отход. Стремительно прорвав его оборонительные позиции, крейзеровцы каждый день записывали в свой победный актив 20 километров. И так продолжалось три дня. Территория протяжённостью 60 километров оказалась вне германской оккупации. Режим германской оккупации остался в прошлом как для населённых пунктов, которых обычно можно найти на среднемасштабной карте, так и для гигантского количества деревень, для мелких посёлков городского типа. К первым относились Красный Луч, Ворошиловск, Штеровка и Дебальцево. Сразу после победного триумфа 51-й армии началась атака на германские позиции со стороны 5-й ударной армии. Крейзеровцы своими блестящими победами создали предпосылку для того, чтобы эта атака имела своим логическим продолжением непродолжительное по времени завершение освобождения Донбасса. В противном случае вряд ли бы так быстро произошло освобождение Горловки, Макеевки, Сталино.

В Мелитопольской операции решающим было отличное взаимодействие вверенных Крейзеру войск с 28-й армией. Были освобождены Мелитополь и прилегающий к нему значительный пространственный массив. Главный результат указанного взаимодействия – разгром ключевого сегмента 6-й армии германской группы армий «А» в Северной Таврии. Заметим, что после войны Крейзер стал почетным гражданином Мелитополя, за который подчинённые ему солдаты и офицеры героически сражались 10 дней и ночей.

Определяющим было и участие 51-й армии в Крымской операции. Чтобы оказаться на территории Крымского полуострова, необходимо было пройти через упорно защищаемое отборными, весьма плотно сконцентрированными силами германских танкистов пространство, прилегающее к Аскания-Нова, а также Перекоп. Эти препятствия были преодолены.

Поистине героическим было преодоление Перекопского перешейка. Через двадцать два года командарм свидетельствовал: «На картах Сиваш обозначен приятным голубым цветом. В действительности же это очень коварный залив с вязким илистым дном, исключающим возможность движения машин и лошадей вброд. В заливе бывают сильные штормы. О трудностях переправы можно судить по таким данным. Пеший боец переходил Сиваш за 2–3 часа. 76-миллиметровое орудие на лодке группа солдат перетягивала за 5–6 часов…» [3].

К моменту достижения Сиваша не было необходимых мостов для его оперативного преодоления. По приказу командарма в наикратчайшие сроки было реализовано два строительных проекта. Первый проект – деревянный мост. Второй проект – понтонный мост. В каждый из проектов входило

не только возведение моста как такового, но и соответствующей дамбы. Общее между двумя проектами состояло также в идентичной протяжённости мостов. Она составляла 3000 метров. За выражением «наикратчайшие сроки» стоит практически безостановочный, полный риска для жизни трудовой процесс военнослужащих инженерных войск. Немалая их часть стала жертвой обстрела со стороны солдат и офицеров вермахта. В результате данных обстрелов в той или иной степени выводились из нормального состояния определённые участки будущего моста, и сапёры оперативно добивались возврата к прежнему состоянию.

После Сивашского прорыва крейзеровцы продолжали творить чудеса. Пройдёт менее 48 часов и только одна десятая часть (!) Крымского полуострова останется за германцами. Конечно, в эту десятую часть будет входить и стратегически важный Севастополь. Касательно последнего стоит прибегнуть к сравнению времени на овладение городом со стороны германцев и крейзеровцев. Со стороны германцев это было в 1941–1942 гг., со стороны крейзеровцев – в мае 1944 года. Соотношение по количеству дней просто фантастическое: 250 на 5.

Нельзя пройти мимо следующей цитаты из приказа Верховного Главнокомандующего: «войска 4-го Украинского фронта, перейдя в наступление, прорвали сильно укрепленную оборону противника на Перекопском перешейке, овладели городом Армянском и, продвинувшись вперед до 20 километров, вышли к Ишуньским позициям… В боях отличились войска генерал-лейтенанта Захарова, генерал-лейтенанта Крейзера» [5, с. 142–143].

Шяуляйская наступательная операция отмечена для 51-й армии освобождением Паневежиса, Шяуляем, Елгавы, Рижская операция – успешным достижением Рижского залива, вытеснением германцев из части Латвийской ССР, Мемельская операция – существенным вкладом в изоляцию прибалтийской группировки германских войск [6].

Золотыми буквами в военную историю СССР вписано участие крейзеровцев в Курляндской операции. «Между Тукумсом и Лиепаей войска 51-й армии под командованием генерала Крейзера блокировали 30 вражеских дивизий, капитулировавших в начале мая 1945 г. Касаясь этих событий в своих мемуарах «К берегам Янтарного моря», И.Х. Баграмян назвал Я.Г. Крейзера «наступательным генералом, мастером атак» [1]. Именно в Курляндии герой очерка встретит Великую Победу.

Завершая освещение второго этапа военной карьеры Я.Г. Крейзера, можно и нужно задать следующий вопрос: был ли максимально реализован потенциал данного военачальника в годы войны? Рискнём ответить: нет. Есть все основания утверждать, что из него мог бы получиться весьма успешный командующий фронтом, перманентно готовый к разработке поистине исторических стратегических операций начальник Генерального

штаба, своевременно находящий развязки в казалось бы безнадёжных ситуациях в масштабах театров военных действий заместитель Верховного Главнокомандующего.

Третий этап военной карьеры Я.Г. Крейзера полностью совпадает с поствоенным отрезком его биографии.

Во второй летний месяц 1945 года в РККА стало ещё одним генерал-полковником больше. Герой очерка оказался на тот момент самым молодым генерал-полковником в РККА. Его военная служба продолжалась в Латвии. С 1946 по 1948 гг. она была связана с другим субъектом советской федерации – Армянской ССР. Расположенные в республике войска входили в состав 7-й армии. Ими как раз и командовал генерал-полковник. Его гораздо чаще можно было видеть в войсках, чем в находившемся в столице субъекта федерации штабе. Армия была на хорошем счету у командования Закавказского военного округа.

При ретроспективном взгляде латвийский и армянский отрезки третьего этапа военной карьеры Я.Г. Крейзера были относительно небольшими. Они, вместе взятые, в 7 раз уступают российскому отрезку, стартовавшему в 1948 году.

Этот старт совпал по времени с чёрной меткой в истории советских евреев. В стране развернулась антисемитская по своей сущности кампания по борьбе с безродными космополитами. Последствия этой кампании широко известны. Одним из них было целенаправленное и в то же время широкомасштабное выдавливание евреев из советской элиты. Это выдавливание приобрело ещё больший размах в результате насквозь позорной кампании по так называемому «делу врачей». Названное обстоятельство весьма сильно затронуло военную элиту. В конечном итоге на своих армейских постах осталось то количество генералов еврейского происхождения, которых можно было сосчитать на пальцах одной руки. Среди них генерал-полковник Я.Г. Крейзер. При поверхностном взгляде можно сказать: счастливчик, пронесло! Но попытаемся более глубоко копнуть то, что непосредственно его коснулось.

Во-первых, до середины 1950-х гг. у прославленного героя войны, выдающегося военачальника никак не прослеживается карьерный рост. С 1948 по 1955 гг. он далеко не на первых ролях в Дальневосточном военном округе (ДВО). Никак не бралось в расчёт весьма успешное прохождение Высших академических курсов при Военной академии Генштаба, датируемое 1949 годом.

Во-вторых, если бы не смерть Сталина, его ждали бы тяжелейшие испытания. Ему обязательно припомнили бы следующий факт. В 1953 году на генерал-полковника как гром среди ясного неба свалился срочный звонок из Центрального комитета КПСС. Генерал-полковник срочно летит из ДВО в Москву, мчится на Старую площадь. Ему подсовывают гнусную и

по форме, и по содержанию бумажку «Письмо представителей еврейской общественности». Суть письма: врачей-убийц еврейского происхождения следует лишить жизни. При этом никак не сомневаются, что входящий в номенклатуру генерал-полковник, человек Системы подмахнёт эту бумажку, не задумываясь, поставит свой автограф. Но не тут то было. Крейзер был из тех, кто выдавливал из себя раба. Он ответил категорическим «нет». В условиях партийно-государственного антисемитизма такой поступок был сродни подвигу [3].

В-третьих, генерал-полковнику Я.Г. Крейзеру пришлось 17 лет ждать очередного воинского звания. Заметим, что ни до, ни после Крейзера ни один еврей из числа граждан СССР не становился генералом армии. Более того, в послевоенное время ни один советский еврей не пополнил генеральский корпус.

Конечно, по своим военным заслугам Я.Г. Крейзер должен был стать Маршалом Советского Союза. Известно, что это звание присваивалось А.А. Гречко, К.С. Москаленко, В.И. Чуйкову, бывшими во время Великой Отечественной войны командармами. Командарм Крейзер был во время этой войны не менее успешен, чем они.

В-четвёртых, только в период хрущёвской «оттепели» он становится командующим войсками округа. Но обратим внимание на следующую таблицу.

Я.Г. Крейзер как командующий войсками округов.

Название округа	Годы командования войсками
Южно-Уральский	1955–1958
Забайкальский	1958–1960
Уральский	1960–1961
Дальневосточный	1961–1963

Ни один из перечисленных округов не был приоритетным для высшего советского руководства. Оно хорошо знало, что Крейзер ничем не уступал командующим войсками приоритетных округов. Крейзер семь лет из восьми, проведённых в качестве командующего войсками округов, имел звание генерал-полковник. И это при том, что сама должность требовала звания «генерал армии».

Конечно, по номенклатурной табели о рангах автоматически обозначалась причастность командующего войсками округа к высшим органам законодательной власти, центральным партийным органам. Военачальнику официально выпала честь быть парламентарием на двух уровнях. Он был членом высшего законодательного органа двух субъектов советской федерации: РСФСР, УССР. Один созыв имел точно такое же отношение к союзному парламенту. Официально престижным по меркам советского времени было и членство в Центральной ревизионной комиссии КПСС. Тот, кто ре-

шил обеспечить попадание Крейзера во все перечисленные органы, убивал двух зайцев. Он считался как с номенклатурной табелью о рангах, так и с национальной квотой. Оппонентам советского режима важно было показать, что евреев в СССР не дискриминируют, что здесь объективно оценивают их заслуги перед страной. Однако за официальной престижностью не стояло никаких реальных властных полномочий. Военачальник сидел как статист на сессиях парламентов, на заседаниях Центральной ревизионной комиссии КПСС.

В 1963 году Крейзер перестаёт командовать войсками округов. Находящегося в расцвете сил генерала армии резко понижают в должности. Он будет шесть лет возглавлять Высшие офицерские курсы «Выстрел», которыми должен был командовать максимум генерал-полковник. Последние несколько месяцев жизни, то есть до смерти, последовавшей 29 ноября 1969 года, были отмечены должностью генерального инспектора Министерства обороны СССР [4].

Принципиально важно отметить, что в послевоенный период Я.Г. Крейзер был единственным советским евреем, командовавшим войсками округов.

Боевые заслуги Я.Г. Крейзера были отмечены весьма солидной наградной коллекцией. Главное место в ней, естественно, занимает медаль «Золотая Звезда» № 561. Известно, что высшим орденом в СССР был орден Ленина. Я.Г. Крейзер – единственный еврей, который пять раз (!) удостаивался этого ордена. Вторым по значимости для фронтовиков был орден Красного Знамени. В наградную коллекцию военачальника вошло 4 таких ордена. В ней присутствуют также орден Суворова I-й степени и орден Суворова II-й степени, которыми награждались командиры РККА. Награждался Я.Г. Крейзер и орденом Кутузова первой степени. В любом словаре об ордене Кутузова можно прочитать: «второй после ордена Суворова по порядку учреждения и старшинства «полководческий» орден». Грудь героя войны украшал и третий по престижности «полководческий» орден – орден Богдана Хмельницкого I-й степени [4].

На наш взгляд, указанная коллекция должна была быть большей. Вклад Якова Григорьевича Крейзера в Великую Победу был отнюдь не меньшим, чем дважды и даже трижды Героев Советского Союза, кавалеров ордена «Победа».

Закономерно возникает вопрос: «Сохраняется ли память об этом выдающемся военачальнике?» Улицы, названные его именем, есть в Российской Федерации. Он родился в Воронеже, освобождал Крым. Поэтому вполне объяснимо, что такие улицы есть в Воронеже, Севастополе, Симферополе. Вместе с тем память о Я.Г. Крейзере никак не увековечена в современной Беларуси. Прежде всего об этом следует подумать властям города Борисова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берлявский Л.Г. Непревзойдённый мастер атак генерал Яков Крейзер [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://novocherkassk.net/lavochka/201-3/01/%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB-%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%B7%D0%B5%D1%80/.

2. Горжусь тем, что я – Янкель. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// sem40.ru / warandpeace/military/ ourweapon /3819/

3. Крейзер Яков Григорьевич. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%B7%D0%B5%D1%80,_%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87

4. Крейзер Яков Григорьевич. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=488.

5. Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М.: Воениздат, 1975. 587 с.

6. Тот, кто умел побеждать. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jew-observer.com/zhizn-i-sudba/tot-kto-umel-pobezhdat/

Сведения об авторе: Михаил Васильевич Стрелец – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета (224017, ул. Московская, 267, Брест, Республика Беларусь); mstrelez@mail.ru

Army General Yakov Kreizer: portrait in the interior of the Era

Mikhail Strelets
(Brest State Technical University)

Abstract. The author traces the main milestones of the life and activity of the outstanding Soviet military leader Yakov Kreizer. He shows that Army General Yakov Kreizer was a man of indomitable courage with a powerful intellect and clear strategic thinking. This estimate follows from a thorough analysis of his troops actions in strategic operations. Division under the command of Kreizer made an undeniable contribution to the failure of the blitzkrieg. As a commander,he distinguished himself in the Moscow battle, in a breakthrough Mius-front, in the battle of Stalingrad, as well as in the Donbas operation (August 13 – September 22 1943), Melitopol operation (26 September –

5 November 1943), the Crimean Offensive (April 8 – 12 May 1944), Siauliai offensive (5 – 31 July 1944), Riga operation (September 14 – October 22, 1944), Memel operation (5 – October 22, 1944), Courland operation (10 October 1944 – May 8, 1945). The Author also draws our attention to the fact that the commander was the most prominent figure in the Jewish segment of the Soviet military elite. Belonging to this segment often affected his fate. He lived in a country where anti-Semitism was elevated to the rank of state policy. However, Yakov was never a conductor of such a policy. Moreover, he distanced himself from it. Convincing evidence of this was his refusing to sign the "Letter from the representatives of the Jewish community" written by Central Committee of Communist Party of the Soviet Union. The main idea of that letter was to kill so called doctors-killers of Jewish origin.

Keywords: army, military commander, military service, Yakov Kreizer, strategic offensive operation, the elite.

REFERENCES

1. Berlyavskiy L.G. *Neprevzoydennyy master atak general Yakov Kreyzer* [General Yakov Kreizer as an unsurpassed master of attack]. Available at: http://novocherkassk.net/lavochka/2013/01/%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB-%D1%8F%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%B7%D0%B5%D1%80/

2. *Gorzhus' tem, chto ya – Yankel'* [I am proud that I am Yankel]. Available at: 28. 05. 2015.

3. *Kreyzer Yakov Grigor'evich* [Kreizer Yakov]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D0%B5%D0%B9%D0%B7%D0%B5%D1%80,_%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%93%D1%80%D0%B8%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87

4. *Kreyzer Yakov Grigor'evich* [Kreizer Yakov]. Available at: http://www. war heroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=488

5. *Prikazy Verkhovnogo Glavnokomanduyushchego v period Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza* [The orders of the Supreme Commander in the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Moscow, Voenizdat, 1975. 587 p.

6. *Tot, kto umel pobezhdat'* [The one who knew how to win]. Available at: http://jew-observer.com/zhizn-i-sudba/tot-kto-umel-pobezhdat/

About the author: Mikhail Vasil'evich Strelets – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Socio-political and Historical Sciences, Brest State Technical University (224017, Moskovskaya st., 267, Brest, Republic of Belarus); mstrelez@mail.ru

УДК 323/324

Тюркский мир в истории народов Северного Кавказа

Борис Харсиев
(Ингушский научно-исследовательский институт имени Чаха Ахриева)
Лемка Агиева
(Ингушский научно-исследовательский институт имени Чаха Ахриева)

Аннотация. Значительное влияние Золотой Орды на социальную и культурную истории народов Северного Кавказа обусловлено включенностью этой территории, после разгрома Аланского государства и взятия столицы города Магас, армией Чингисхана в Улус Джучи.

В малочисленных и фрагментарных сведениях по такому важному историческому периоду ничего не сказано о народах Центрального Кавказа, например, об ингушах или чеченцах. Эти народы, автохтоны Кавказа, совершенно проигнорированы и в историографии средних веков. Однако крепости, замки и иные искусно построенные оборонительные сооружения в Горной Ингушетии в XIII–XVII вв. на главных магистралях Северного Кавказа, не дают нам основания говорить о незаметной роли ингушей в средневековой истории.

Целью нашего небольшого сообщения является восполнение информации о процессах этногенеза, культурогенеза народов Северного Кавказа, происходивших в этот исторический период.

Золотоордынский период развития государства являлся не самым популярным для российских историков. Недостаточная изученность этой темы приводила во многих случаях к искажениям исторических фактов.

Задачей современных исследователей истории является поиск, выявление и анализ различных источников средневековья, архивных документов и артефактов относящихся к периоду существования Золотой Орды. В том числе сведений о развитии, расцвете и распаде этой составной части, некогда великой Империи Монголов.

Новые исследования, в том числе научные конференции и форумы, восполнят пробел в вопросах влияния тюркского мира на народы южных окраин России. Позволят найти верные подходы в решении социальных и политических проблем.

Ключевые слова: этническая история, тюркский язык, тюркское влияние, народы Северного Кавказа.

После монгольского завоевания в XIII в. Северный Кавказ становится седьмым улусом Золотой Орды [3, с. 117]. Почти трехвековое золотоордынское владычество (вплоть до полного распада ханства с XII по XVI вв.) оказало большое влияние на этническую историю Северного Кавказа.

«Золотоордынский этап этнополитической, социальной и культурной истории Северного Кавказа, независимо от связанных с ним ассоциаций, остается объективной реальностью, игнорирование которой искажает подлинную картину исторического прошлого нашего региона и его народов» [1]. Этот период способствовал этническому перекраиванию карты Северного Кавказа, развитию этногенетических процессов, окончательному сложению раннефеодальных тюркских народностей Кавказа – кумыков, балкарцев, карачаевцев и других.

В тюркский период, особенно в годы правления хана Узбека (1312–1342 гг.), политический вес и влияние адыгов сильно возросли, чему способствовало то обстоятельство, что сам хан Узбек воспитывался у адыгской знати. К XIV веку место полиэтнической Алании окончательно занимают адыги. Основное население, в том числе вайнахи, в это время обитало высоко в горах Центрального Кавказа.

Необходимость товарообмена, вызванная экономическими потребностями ведения хозяйства, постепенно привела еще вчерашних врагов к налаживанию партнерских отношений, а затем к развитию производственных и военных отношений. В целом, к расцвету тюркской культуры.

Постепенно горцы Северного Кавказа (аварцы, лакцы, чеченцы, кабардинцы, ингуши, некоторая часть осетин) восприняли и золотоордынский язык тюрков как официальный язык делопроизводства и переписки. Говорить и писать по-татарски у горцев на долгие века стало признаком образованности. Во владениях золотоордынских ханов на Северном Кавказе, как и во всей Золотой Орде, возникли и существовали города (Таргу, Эндирей, Татар-и Шехир (Джулат), Маджары (Буденовск) и др.), ставшие средоточиями торговли, исламской учености и просвещения. Здесь в школах велось обучение грамоте, развивалась литература, своя летописная традиция. Были каменные крепости, города, мечети, дворцы князей и купцов, караван-сараи. Тюркский язык, как язык торговли и делопроизводства, становится языком межнационального общения.

Значителен вклад Золотой Орды в этнос и культуру вайнахских народов. Об этом свидетельствует наличие солидного пласта тюркизмов в языке и топонимике Чечни и Ингушетии [4, с. 32], одинаковые тамги и даже такой немаловажный факт, как становление тюркского тотемного животного – волка – тотемным животным чеченцев и ингушей и т.п. [2, с. 52]. Предания чеченцев упоминают о присылке к ним «татарским шамхалом» особых проповедников, «которые вывели у них из употребления последние остатки смешанных с язычеством христианских обрядов и способствовали распространению и утверждению среди них исламской религии».

С окончательным распадом Золотой Орды в XVI–XVII вв. начинается очередной этап борьбы между Османской империей и Ираном за влияние

над народами Северного Кавказа. Османская империя с XV до середины XVIII вв. являлась могущественным государством и покровительствовала Крымскому ханству. До вторжения на территорию Центрального Кавказа объединенной орды Идара Темрюка, кабардинского князя, тестя и вассала русского царя Ивана Грозного, ингушские и чеченские народы тяготели в пользу союза с крымским ханом и Османской империей.

Под влиянием и контролем Османской империи находилось не только Крымское ханство, но и Большая Ногайская Орда и Тарковское шамхальство в Дагестане.

В этот период русское государство было слишком слабым для соперничества даже с Крымским ханством. Но русское правительство принимало эффективные меры для того, чтобы исправить такое положение и твердой ногой стать на Черном и Каспийском морях. Разгром Казанского и Астраханского ханств при Иване Грозном явилось решительной заявкой Русского государства на гегемонию в этом регионе, но показательно, что вслед за этим в 1571 году последовал поход крымского хана Девлет-Гирея, в результате которого Москва была взята и сожжена.

В этих непростых условиях царское правительство Московской Руси переходит к более осторожной и действенной тактике, которая на многие годы обеспечит политический успех для расширения государственного пространства. Царский двор стал использовать и раздувать противоречия между теми народами и их правителями, которые находились под протекторатом или под сильным влиянием Османской империи и Крыма – ногайцами, украинцами, поляками, адыгами. Из-за Волги, на условиях службы русскому царю, переселили калмыков, обещая всяческие выгоды перетянули на свою сторону вольных донских и запорожских казаков. Продвижение на юг было медленным, но верно рассчитанным.

Со второй половины XVI века на политической арене Северного Кавказа появилась еще одна сила – Московское царство.

Взятие Астрахани в 1554 г. и строительство нескольких крепостей вскоре позволили Московской Руси считать своими степи и предгорья на востоке и в центре Северного Кавказа. Теперь южная граница русского государства стала проходить по Северному Кавказу. Уже в 1556 году хан Большой Ногайской Орды Исмаил принял русское подданство вместе с большинством ногайцев.

Часть ногайцев, не пожелавших оказаться под русским владычеством, ушли в Приазовье с ханом Казыем, образовав Малую Ногайскую Орду, но в конце XVIII в. и они присоединились к России.

Русское правительство, всячески поддерживая политическую нестабильность во владениях Крымского ханства на Кавказе, то скрыто, то явно заигрывало с обиженными князьями, которые занимали антикрымскую позицию.

В 1557 году через своего посла князь Темрюк Идаров просил Ивана Грозного помочь ему против кумыкского владетеля шамхала Тарковского. В 1562–1563 гг. Темрюк Идаров, заручившись поддержкой и существенной помощью от ногайского князя Тенехмата и русского царя Ивана Грозного, совершает походы против вайнахов. Тенехмат был женат на дочери князя Темрюка и считал русского царя своим свояком, потому что в качестве жены русского царя Ивана Грозного в кремле находилась дочь князя Темрюка, непризнанная царевна Мария (Гошаней) Темрюковна. Тенехмат снабдил Темрюка ногайской конницей, а Иван Грозный – русскими стрельцами. Огромная орда под командованием Темрюка разграбила и смела с лица земли ингушские поселения. «Только по предварительным данным уничтожили «164 кабака», то есть 164 населенных пункта, почти все население было уничтожено, мало кому удалось спастись, гласит предание. Земли плоскостной Ингушетии до самого Дарьяльского ущелья попали под контроль новых захватчиков» [5, с. 34].

Вплоть до начала XVII века кабардинцы обретаются в низовьях Терека, в Прикаспии, гранича с кумыками и чеченцами, под защитой русской крепости Терки, построенной в устье реки Сунжи. Утвердиться кабардинцам на новых землях не удалось, и они возвращаются на запад, к низовьям Тамани (где и погиб князь Темрюк). Стараясь уйти из-под покровительства крымского хана, кабардинцы поселились в районе г. Пятигорска, а оттуда перешли в Прикумские степи. А в начале XVII в. обосновались в равнинной части современной Кабардино-Балкарии. Но их пребывание и на этой территории оказалось кратким. Поход крымских войск вернул кабардинцев на территорию, подконтрольную Крыму – на реке Уруп.

Несмотря на эти обстоятельства, многие кабардинские князья не прекращали тайных сношений с русскими властями. Намного позже, по приказу Петра I,в начале XVIII-го века калмыцкий хан Аюка вновь вернул их в район Пятигорска, а оттуда – на р. Баксан, на территорию, занимаемую ими ныне.

Западные черкесы присягнули России в 1614–1615 гг., абазины – в 1643–1645 гг. В том же 1645 г. Малая и Большая Кабарда принесли русскому царю присягу. По имеющимся сведениям, в 1747 г. русское правительство разрешило принять в подданство ингушей и осетин. Походы объединенного войска способствовали обеспечению беспрепятственных связей Северного Кавказа с царской Россией, а затем и с Закавказьем через перевалы Центрального Кавказа.

С расширением Российского государства на Кавказ власти начали всё чаще использовать терское и гребенское казачьи войска как иррегулярное войско для закрепления южных границ. Казаки также использовались во всех войнах с горцами.

В 1654 г. войска Запорожского и часть подконтрольной ему территории (Гетманщины) переходят на службу к русскому царю, согласно поданному прощению.

В XVI–XVIII вв. казачье население на левобережье Сунжи и правобережье Терека резко возросло за счет прибывающих сюда из внутренних регионов России новых семей.

В соответствии с условиями Кючук-Кайнарджийского договора с Османской империей, Российская империя получила правобережную Кубань. Уже в 1777 г. был утвержден проект соединения всех русских форпостов на Северном Кавказе в одну укрепленную линию – Азово-Моздокскую, от устья Дона до Терека. В 1783 г. Крымское ханство было упразднено, а в 1784 г. произошло присоединение Крыма к России.

Тюркское влияние на народы Северного Кавказа закончилось с победой русского оружия в XIX в. и присоединением кавказских земель к Российской империи. В новых условиях востребованными стали иные отношения: другой язык, другая религия, другой порядок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алиев Камиль.* Влияние Золотой Орды на этнос и культуру Кавказа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kumukia.ru/article–9429.html

2. *Лайпанов К.Т.* Этногенетические взаимосвязи карачаево-балкарцев с другими народами. Черкесск, 2000. 64 с.

3. *Плано Карпини.* Путешествия в восточные страны. М., 1957. 172 с.

4. *Сулейманов А.* Топонимия Чечни. Нальчик, 1997. 341 с.

5. *Харсиев Б.М.-Г.* Кавказский излом. Назрань, 2010. 159 с.

Сведения об авторах:

Борис Магомет-Гиреевич Харсиев – кандидат философских наук, старший преподаватель Ингушского научно-исследовательского института имени Чаха Ахриева (386001, ул. Д. Мальсагова, 11, Магас, Республика Ингушетия, Российская Федерация); harsievfilial@mail.ru

Лемка Тугановна Агиева – кандидат философских наук, старший преподаватель Ингушского научно-исследовательского института имени Чаха Ахриева (386001, ул. Д. Мальсагова, 11, Магас, Республика Ингушетия, Российская Федерация); 7.lenka777@bk.ru

The Turkic world in the history of the peoples of the North Caucasus

Boris Kharsiev
(Ingush Research Institute of Humanities named after Chakha Ahriev)
Lemka Agieva
(Ingush Research Institute of Humanities named after Chakha Ahriev)

Abstract. A significant influence of the Golden Horde in the social and cultural history of the peoples of the North Caucasusdue toinclusion of this territory, after the defeat of Alania State and taking the city of Magas, the capital of Genghis Khan's army in the Jochi Ulus.

The small and fragmented data, on such an important historical period says nothing about the peoples of the Central Caucasus, for example, about the Ingush or Chechens. These peoples, autochthonous Caucasian are completely ignored in the historiography of the Middle Ages. However, castles and other artfully constructed fortifications in the Mountain Ingushetia of the XIII–XVII centuries, on the main highways of the North Caucasus, do not give us grounds to speak about the invisible role of the Ingush in medieval history.

The aim of our report is to fill in the small amount of information about the processes of ethno genesis, cultural genesis of the peoples of the North Caucasus, which took place in this historical period.

The Golden Horde period of state development is not the most popular topic for Russian historians. Because of insufficient knowledge of this theme led, in many cases, to distortion of historical facts.

The aim of modern history researchers is to find, identify and analyze the various sources of the Middle Ages archival documents and artifacts, relating to the period of the Golden Horde existence. Including also information about the development, bloom and decay of this, once great Empire of the Mongols.

New researches, including scientific conferences and forums should be held to fill in the gaps in the impact of the Turkic peoples of the world on the southern outskirts of Russia. It will help you find the right approach to solving social and political problems.

Keywords: Ethnic History, the Turkic language, Turkic influence, North Caucasus.

REFERENCES

1. Aliev Kamil'. *Vliyanie Zolotoy Ordy na etnos i kul'turu Kavkaza* [Influence of the Golden Horde on the ethnicity and culture of the Caucasus]. Available at: http://kumukia.ru/article–9429.html

2. Laypanov K.T. *Etnogeneticheskie vzaimosvyazi karachaevo-balkartsev s drugimi narodami* [Ethno genetic relationship of Karachai-Balkars with other nations.]. Cherkessk, 2000. 64 p.

3. Plano Karpini. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to the East]. Moscow, 1957. 172 p.

4. Suleymanov A. *Toponimiya Chechni* [Chechnya toponymy]. Nal'chik, 1997. 341 p.

5. Kharsiev B.M-G. *Kavkazskiy izlom* [The Caucasian kink]. Nazran', 2010. 159 p.

About the author:

Boris Magomet-Gireevich Kharsiev – Cand. Sci. (Philosophy), Head of Department of Ethnology, Ingush Research Institute of Humanities named after Chakha Ahriev (386001, D. Malsagov st.,11, Magas, Republic of Ingushetiya, Russian Federation); harsievfilial@mail.ru

Lemka Tuganovna Agieva – Cand. Sci. (Philosophy), Scientific Secretary, Ingush Research Institute of Humanities named after Chakha Ahriev (386001, D.Malsagov st.,11, Magas, Republic of Ingushetiya, Russian Federation); 7.lenka777@bk.ru

УДК 811. 512.145

Алишер Навоининъ «Мухакамат ал-лугъатайн» адлы трактатында тюркий тиллернинъ ролю ве эмиети узеринде фикирлер

Эмине Ганиева

(Къырым муэндислик ве педагогика университети)

Аннотация. Макъале дюньяджа белли олгъан филолог, шаир ве мутефеккир Алишер Навоининъ лингвистик бакъышларыны акс эткен ве тюркий тиллернинъ мукеммеллигини косьтерген «Мухакамат ал-лугъатайн» серлевалы лингвистик трактаткъа багъышлана. Макъсат – бу иште тасвир этильген лингвистик малюматны талиль этмекнен берабер, бу малюматнынъ бугуньки куньде эмиетини косьтермектен ибареттир. Шаирнинъ фикрине коре, дюнья тиллери сырасында арап тили озюнинъ зарифлиги ве меджазийлиги иле дигер тиллерден устюндир. Лякин бу тильден гъайры, даа учь тиль – тюркий, хинд ве фарс тиллери – ильмий ве бедий фикир ве тюшюнджелерни ифаде этмек ичюн зенгин имкянларгъа саиптирлер. Муэллиф тильшынаслыкъкъа аит меракълы грамматик къаршылаштырмалар берип, тюрк тилининъ омонимик ве синонимик имкянларыны къайд эте, терминология, сёз япылувы меселелерине дикъкъат айыра. Мевзуат такъымларына болюнип берильген меслек, къуш, айван, емек адлары айырыджа меракъ догъура.

Трактатта сойдаш олмагъан тиллернинъ къаршылаштырма типологиясы меселелери де ишленильген демек мумкюн. Муэллиф «Мухакамат ал-лугъатайн» серлевалы лингвистик трактатында бильдирильген ильмий-назарий бакъышларынен тюркий тиллернинъ медений ве бедий дегерлерини тасдикълай.

Анахтар сёзлер: тюркий тиллер, арап тили, фарс тили, «Мухакамат ал лугъатайн» серлевалы лингвистический трактат.

Чешит девирлерде эр бир миллетнинъ яшайыш тарзында тиль меселеси меркез ер туткъан. Бу меселени та XV асырда дюньяджа белли олгъан филолог, шаир ве мутефеккир Алишер Навои де озюнинъ эсерлеринде котергени беллидир. Бу вакъытта да джемиетте тильни сакълап къалув меселеси

эсас олгъан, чюнки эр бир саада языгъан ишлер арап ве фарс тиллеринде япылгъан.

XV асырда А. Навоининъ тюрк тилини сакълап къалув огърунда куреши XXI асырда да актуальдир. Бугуньде-бугунь бизлер де тилимизни сакълап къалмакъ, оны шекиллендирмек меселеси муим олгъан бир девирде яшамакътамыз. Бу саада баягъы ишлер япылды ве япылмакъта, лякин япыладжакъ ишлер ве чезиледжек проблемаларнынъ сайысы эксильмей: ильмий ишлеримизде, дерсликлеримизде терминология, имля, къаиделерни анълатув усулиети меселелери, къырымтатар тили функциональ услюплерининъ (хусусан ильмий услюпнинъ) алы ве дигер бу киби меселелер даа проблема олып къалмакътадыр.

Бу меселелер, яни тиль ве эдебиятымызгъа аит меселелер, эджда тларымыз яраткъан тедкъикълер эсасында огренильсе, оларнынъ усулий хусусиетлери япкъан ишлеримизге темель олса, бугуньки япкъан чалышмаларымызда тюркий тиллерге хас олгъан хусусий чизгилер сезилир ве умумтюркий лингвистик аньанелеримизнинъ шекилленмесине ёл ачылар эди, деген фикирдемиз.

И. Гаспринскийнинъ, Б.Чобан-заденинъ япкъан ильмий ишлери, дигер тюркий халкъларнынъ тарихий лингвистик эсерлерининъ къыймети гъает икметлидир. Бу ишлер тильджилеримиз тарафындан даа яхшыджа, эр тарафлама огренильмек, ве терен тарихкъа аит эсерлернинъ огренильмеси аньане олып къалмакъ керектир. Шунынъ ичюн де бу макъалемизни XV асырнынъ намлы филологы А. Навои ве онынъ лингвистик тедкъикълерине багъышлаймыз.

Макъсадымыз онынъ ильмий ишлериндеки лингвистик малюматларны талиль этмекнен берабер, бу малюматларнынъ бугуньки куньде эмиетини косьтермектен ибареттир. Онынъ ильмий ишлери арасында лингвистика меселелерине багъышлангъан «Мухакамат ал-лугъатайн», яни «Эки тильнинъ мухакемеси» («Суждение о двух языках») адлы трактаты айрыджа дикъкъаткъа ляйыкътыр.

1499 (XV асыр) сенеси языгъан трактатнынъ бугуньге къадар белли олгъан дёрт нусхасы бар. Олардан экиси Тюркиеде, Топкъапы сарайынынъ кутюпханесинде, дигерлери исе Париж ве Будапештедир [4, с. 1–2].

Эсер узеринде бу куньге къадар пек чокъ араштырмалар япылгъаны белли. Батыда дикъкъатны чеккен чалышмалардан бириси намлы маджар тюркшынасы А. Вамбериге аиттир. Бундан да башкъа Тюркиеде (И.Р. Ышытман, Ф.С. Барутчу ве диг.), Озьбекистанда (Э.А. Османов, У. Санакъулов ве диг.) чешит девирлерде бу иш узеринде пек чокъ чалышмалар япылгъан [4, с. 2-3]. Эсернинъ русчагъа биринджи терджимеси 1970 сене ленинградлы тюрколог А. Мелехова тарафындан япылгъан [2].

Бу ильмий ишнинъ тили XV асыр тюрк язма эдебияты тилининъ

А. Навои тарафындан яратылгъан янъы бир чешити олып, ильмий эдебиятта бугуньге къадар бир къач терминнен адландырыла. Энъ кенъ даркъалгъан терминлер «тюркù», «чагъатай тили», «эски озьбек тили» [3, с.151]. К. Усеинов (Къонъуратлы) анълаткъанына коре, бу тиль къыпчакъ элементлерининъ Орта Асия тюрк лехчелери элементлеринен къарышылмасы нетиджесинде пейда олгъан тиль олып, А. Навоиден сонъра «чагъатай тили» ве «Орта Асия чагъатайджасы» деп адландырылгъандыр [1, с. 108].

Эсернинъ эсас макъсады тюркче ве фарсчаны тиль бакъымындан къаршылаштырып, тюркченинъ фарсчадан устюнлигини исбатламакъ ве тюрк тилини мюкеммель бир эдебий тиль оларакъ косьтермектир. Муэллиф эсеринде шу макъсатны эсас этип къояркен, сёзнинъ эмиети ве умумен тиль акъкъында меракълы фикирлер бильдире. О, дюньянынъ еди иклиминде ерлешкен девлет, шеэр ве койлерде яшагъан эр бир халкънынъ озь тили олгъаныны анълатып, бутюн тиллер арасында Къуран тилининъ, яни арап тилининъ юксеклигини косьтере ве онынъ эмиетини айрыджа къайд эте, бу тильден сонъ исе учь тильни: тюрк, фарс ве хинд тиллерини эсас тиллер, деп косьтере [2, с. 108–109].

Тюркченинъ фарсчадан устюнлигини исбатламакъ ичюн, муэллиф бу эки тильнинъ сеслер системасыны талиль эте ве тюрк тилинде олгъан созукъ сеслернинъ сайысы фарс тилиндеки созукълардан зияде олгъаныны къайд эте. Тюрк тилинде къулланылгъан созукъ сеслернинъ *vavi* ве *yayi* чешитлери акъкъында малюмат бере. *Vavi* созукълар – шимдики къырымтатар тилинде дудакълы созукъ сеслер (о, ö, u, ü), *yayi* созукълар исе шимдики къырымтатар тилининъ кенъ ве тар, къапантылы ве ачыкъ сеслеридир: а, е, (э), ı, ì (амма бу меселеде эсерде берильген малюмат, фикримиздже, бираз къарышыкътыр).

Муэллиф *сес* сёзюни термин оларакъ къулланмайып, созукъ сеслернинъ чешитлерини анълатмакъ ичюн *vavi ве yayi* сёзлерини къуллана.

Эсерде дудакълы созукъларнынъ къалын (арт сыра) ве индже (ог сыра) фонетик вариантлары барлыгъы бильдириле ве бу фикир *от* (атеш) – *öт* (кечмек), *тор* (агъ) – *töр* (эвнинъ шерефли ери) киби мисаллернен исбат этиле [4, с. 175].

А. Навои тюрк тилининъ сёз япылув имкянларынынъ фарсчадан зенгин олгъаныны да косьтере ве пек чокъ арекет ве ал бильдирген сёзлернинъ, яни фииллернинъ ве исимлернинъ япылышыны анълата. Меселя, тюрк тилинде, арап тилинде олгъаны киби, эки адамнынъ арекетини ичине алгъан фииль шекиллерининъ барлыгъыны косьтерип, бу шекиллер масдаргъа (фиильден япылгъан исим) бир «шин» (ш) арфи къошулып япылгъаныны *чапышмакъ (< чап-ыш-), тапышмакъ (< тап-ыш-), опюшмек (< оп-юш-)* киби мисаллер иле исбатлай (шимдики къырымтатар тилинде фиильнинъ бойле шекиллерине «фиильнинъ ортакълыкъ дереджеси» дерлер). Юкъары-

да косьтерильген фииль шекиллерининъ фарсчада олмагъаны айрыджа къайд этиле. Ондан да гъайры, эсерде кенеде арап ве фарс тиллеринде олмагъан, *югюрт* «чаптырт» (< *югюр-т-), къылдырт* «яптырт» (< *къылдыр-т-), чыкъарт* (< *чыкъар-т-*) киби тюркчеге хас олгъан фииль шекиллерининъ (земаневий къырымтатар тилинде фиильнинъ бу шеклине «фиильнинъ юклетюв дереджеси» дерлер) япылышы да анълатыла [4, с. 177].

Эсерде бир сыра исим япыджы аффикслернинъ вазифелери де косьтериле. Меселя, базы мевсим ве мекян бильдирген сёзлерге бир «каф» (к) арфи къошулып *авлакъ, къышлакъ, яйлакъ* (яйла, язлыкъ ер), *къушлакъ* (къуш чокъ олгъан ер) киби мекян адлары пейда олгъаны, базы сёзлернинъ исе сонъуна *-ч* я да *-чы* къошулып *къушчы* (< *къуш-чы*), *къорукъчы* «къоруджы» *(<къору-чы), къазчы* «къазджы, къаз къушу авджысы» (*<къаз-чы)* киби унер ве меслек адлары япылгъаны анълатыла [4, с. 177-178].

Бундан да гъайры, трактатта сыфатларнынъ къурулышы акъкъында да малюмат бериле. Сыфатларнынъ редупликация (текрарланма) усулынен япылышыны ве сыфатларнынъ бойле шекиллери къуветлендирме мана ифаделегенини къайд эте. Муэллиф бойле сёзлер базы сыфатларнынъ баш арфине *п* я да *м* къошулып япылгъаныны косьтере ве *ап-акъ, къап-къара, къып-къызыл, ком-кок, бом-бош* киби ренк бильдирген сёзлерни мисаль оларакъ кетире [4, с. 178].

Эсерде сёзлернинъ тиль ичиндеки озьара системалы мунасебетлери, яни омонимия (аддашлыкъ), синонимия (манадашлыкъ), полисемия (чокъманалылыкъ) акъкъында да меракълы малюмат тапмакъ мумкюн. Муэллиф тюрк тилинде пек чокъ сёзлер бир къач мана ташыгъанларыны къайд эте ве бу фикирни *ат, ит, сагъын, тюз, кок* сёзлерининъ маналарыны ачыкълап, исбатлай: меселя, *тюз* сёзюнинъ тильде учь манасыны (1.Тюз ер, тюзлюк. 2.Сазны тюзмек. 3.Догъру киши); *кок* сёзюнинъ бир къач манасыны (1.Кок юзю. 2.Ешиллик. 3.Тикишни коклемек ве башкъ.) косьтере (чокъманалы сёзлер ве омонимлер арасындаки фаркъ, эльбетте, о девирде, муэллиф тарафындан анълатылмай) [4, 174-175].

Тюрк тилининъ лексик зенгинлигини косьтермек ичюн, А. Навои тюрк тилинде къулланылгъан 100 фиильни мисаль этип кетире (*алдамакъ, айланмакъ, саврулмакъ, чайкъалмакъ, чыдамакъ, ялынмакъ, къозгъалмакъ, къараламакъ, сызгъырмакъ, сёндюрмек, тёшельмек* киби фииллер) ве бу сёзлер анълаткъан маналарны фарс тилинде анълатмагъа имкян олмагъаныны къайд эте [4, 169-170].

Эсерде чокъ сайыда сой-акърабалыкъ (*агъа, сингиль* – къыз къардаш, *инеке* – сют ана ве ил.), унер ве меслек адлары (*hизанечи* – хазинеджи, *барсчи* – вахший айван тербиеджиси, *hалвачи* – эльваджы, *къойчы* – чобан, *къушчы* ве ил.), «ак ӧй» (эв) парчалары (*босагъа, козюнек* – пенджере ве ил.), дагълыкъ ве тюзлюк ер адлары (*учма* – учурым, *кӧл* – голь, *къыр* ве

ил.), айванларнынъ (*къабан, кийик*), къушларнынъ адлары (*къара къуш* – къартал, *леглек* – лейлек ве ил.), айван сесленмелерининъ (*аткишнемеги* – ат кишнемеси, *ишек инграмагъы* – эшек инъремеси, *ит улумагъы* – ит улумасы ве ил.) адлары, атларнынъ яшларына ве тюрлерине коре адлары (*тай, гъунан* – къунанджы, *тилан* – беш яшында ат ве ил.), емек (*къатлама, къаймакъ, къурут, манту* – манты ве ил.) адларыны тапмакъ мумкюн [4, 176-177].

Тиллер акъкъында малюмат бергенде, арап тилинден алынгъан *сарф* (грамматика), *масдар* (фиильден япылгъан исим), *hарф* (аффикс манасында), *эда* (аффикс манасында), *сыфат, замир, фииль* киби лингвистик терминлернинъ муэллиф тарафындан термин оларакъ ишлетильгенини корьмек мумкюн.

Бойледже, бу лингвистик трактатта тильшынаслыгъымызнынъ деерли эр бир болюгине (фонетика, сёз япылувы, морфология, лексикология) даир малюмат тапа билемиз, шунынъ ичюн де тильджилеримиз оларны мытлакъа огренип, керекли джиэтлерини талиль этип, озь ильмий ишлеринде файдаланмалылар. Ондан гъайры, эсердеки тильшынаслыкъкъа даир малюматлар «Тарихий грамматика», «Тенъештирюв грамматика», «Лексикология» ве «Лексикография» киби дерслерде огренильгени студентлер ичюн гъает меракълы ве файдалыдыр.

ЭДЕБИЯТ

1. Къонъуратлы К. Къырымтатар язы тилининъ тарихчеси. Йылдыз, 2003. № 4. С. 106–119.

2. Навои А. Суждение о двух языках. Перевод А. Мелеховой. Сочинения в десяти томах. Т. 10. Ташкент: Фан, 1970. С. 107-139.

3. Насилов Д.М. Лингвистические взгляды Алишера Навои. История лингвистических учений. Средний восток. Лениград, 1981. 298 с.

4. Sema Barutçu Özönder F. Ali Şir Nevai. Muhakemetül-luġateyn. Ankara: Irmak matbaacılık, 1996. 244 s.

Муэллиф акъкъында малюмат: Эмине Сулеймановна Ганиева – филология илимлери намзети, доцент, тарих, санат, къырымтатар тили ве эдебияты факультетининъ деканы, Къырым муэндислик ве педагогика университети (295015, Учебный арал., 8, Симферополь, Къырым, Русие Федерациясы); emineg59@mail.ru

О роли и значимости тюркских языков в трактате Алишера Навои «Мухакамат ал-лугъатайн»

Эмине Ганиева

(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация. Статья посвящена лингвистическим взглядам великого поэта средневековья, ученого и мыслителя А. Навои, в частности, его известному лингвистическому трактату «Мухакамат ал-лугъатайн» («Суждение о двух языках»), в котором А. Навои показывает художественное совершенство тюркского языка на фоне персидского.

Язык этого исследования, являющийся созданной А. Навои в XV веке разновидностью письменной литературной речи того времени, в научной литературе обозначается несколькими терминами. Наиболее распространенные термины «тюрки», «чагатайский язык», «старый узбекский язык». По мнению отдельных исследователей, этот язык, возникший в результате смешения кыпчакских элементов со среднеазиатскими тюркскими говорами, после А. Навои стал именоваться «чагатайским языком» и «среднеазиатским чагатайским языком».

По мнению автора, из всех языков арабский язык является избранным благодаря своей образности и изяществу. Однако кроме него есть еще три языка – тюрки, фарси и хинди, которые так же являются основными и имеют богатые возможности для выражения научно-художественной мысли. Автор подчеркивает богатые омонимические и синонимические возможности тюркского языка, дает интересные грамматические сопоставления, затрагивает вопросы терминологии, словообразования в тюркских языках. Особый интерес представляют тематические группы слов, объединяющие лексические единицы, обозначающие должности, ремесла, названия пищи, зоонимические номинации др. Можно говорить о том, что в работе так же были разработаны вопросы сравнительной типологии неродственных языков.

Своими научно-теоретическими взглядами, изложенными в «Суждении о двух языках», автор обосновал культурное и художественное значение тюркских языков.

Ключевые слова: тюркские языки, арабский язык, персидский язык, лингвистический трактат «Мухакамат ал-лугъатайн».

Сведения об авторе: Эмине Сулеймановна Ганиева – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета истории, искусств, крымскотатарского языка и литературы, Крымский инженерно-педагогический университет (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Крым, Российская Федерация); emineg59@mail.ru

On the role and importance of the Turkic languages in the treatise of Alisher Navoi "Muhakamat al-Lugatayn"

Emine Ganiyeva
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract. The article is devoted to the linguistic concepts of the great medieval poet, scholar and philosopher Mīr 'Ali-Shir Nava'i. Specifically we will explore his famous linguistic treatise named "Muhakamat al-Lughatayn " ("Judgment between the Two Languages") in which Nava'i shows the richness, precision and malleability of Turkic vocabulary as opposed to Persian.

Language of the research, which was created by 'Ali-Shir Nava'i in the XV century is a kind of written literary language of that time. The scholarly literature determined it by several terms. The most common terms are "Turk", "Chagatai language" and "old Uzbek language". According to some explorers, this language, which has appeared as a result of mixing elements from the Kipchak Turkic with Central Asian dialects thanks to 'Ali-Shir Nava'i had become known as "Chagatai language" and "Central Asian Chagatai language."

According to the opinion of the author, Arabic is an elite language because of its imagery and elegance among all the languages. However, besides it, there are three languages which are also essential and have a rich possibilities for expressing scholar and artistic thought – Turkic, Persian and Hindi.

The author emphasizes the rich homonymous and synonymous power of Turkic language, presents some interesting grammar comparisons and mentions the issue of terminology, word formation in Turkic languages. The most interesting ones are themed groups of words, combining lexical units stand for posts, crafts, food names and terms denoting animal names etc.

It's necessary to say that the work also includes a formulation of issues related to comparative typology of unrelated languages.

With the help of his scholar-theoretical views that were set forth in the "Judgment between the Two Languages", the author has validated the cultural and artistic value of the Turkic languages.

Keywords: Turkic languages, Arabic, Persian, linguistic treatise "Muhakamat al-Lughatayn."

REFERENCES

1. Qonuratli K. Qirimtatar yazi tilinin tarihchesi [The history of Crimean Tatar language writings]. *Yildiz – Star*, 2003, no 4, pp. 106-119.

2. Navoi A. *Suzhdenie o dvuh jazykah*. Perevod A. Melehovoj. Sochinenija v desjati tomah. T. 10. [The judgment of the two languages: Translation A. Melekhova. Works in ten volumes. T. 10]. Tashkent, Fan Publ., 1970, pp. 107-139.

3. Nasilov D.M. *Lingvisticheskie vzgljady Alishera Navoi. Istorija lingvisticheskih uchenij. Srednij vostok* [Linguistic views of Alisher Navoi. History of Linguistic Studies. Middle East]. Lenigrad, 1981. 298 p.

4. Sema Barutçu Özönder F. *Ali Şir Nevai. Muhakemet ül-luġateyn* [Alisher Navoi. Muhakemet ul-luġateyn]. Ankara, Irmak matbaacılık Publ., 1996. 244 p.

About the author: Emine Suleymanovna Ganieva – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Art, Crimean Tatar language and literature, Crimean Engineering and Pedagogical University ((295015, Uchebniy lane, 8, Simferopol, Crimea, Russian Federation); emineg59@mail.ru

УДК 030:811.512

Къырымтатар тилинен багълы лексикографик чалышмалар (XIX асырнынъ экинджи ярысы)

Исмаил Асаноғлу Керим
(Къырым муэндислик ве педагогика университети;
Татарстан Джумхуриет илим академиясы Ш. Марджани адлы тарих Институты)

Анълатма. Макъаледе В. Кодараки (1868), Л. Будагов (1869) ве А. Боданинскийнинъ (1873) лексикографик чалышмалары талиль этильмекте. Лугъатларынынъ лексик теркиби, имлясы, эсас назарий ишлемелери козетиле. XIX асырнынъ экинджи ярысында къырымтатарджанынъ эдебий тили ве онынъ хусусиетлери, белли бир метинлерде къулланма шекиллери бельгилене. Савти ве сарфынынъ базы меселелеринде токътаныла, морфологик сёз япымы ачыкълана. Шиве ве къыйын сёзлер, арапча-фарсидже алынмалар косьтериле. О девирде инсан фаалиетининъ чешит саалярында къуллангъан келимелер земаневий тиль иле къыяслана.

Анахтар сёзлер: XIX асырнынъ экинджи ярысындаки къырымтатар лексикографиясы, В. Кондараки, Л. Будагов, А. Боданинскийнинъ лугъатлары, къырымтатарджада алынма сёзлер, турмуш ве иш-арекетте къулланылгъан лексика.

I

1868 сенеси В. Кондараки озюнинъ «Самоучитель турко-татарского и новогреческого языков» адлы лугъатынынъ кириш сёзюнде бойле язгъан эди: «Юртумызда (Къырымда) яшагъан татар ве урумлар арасында русча бильген адам гъает сийрек булуныр. Омрю бою русча базы керекли бир къач сёзни де огренип оламазлар» [18]. Шимди исе юртумызда бу вазиетнинъ аман-аман там аксини корьмектемиз. Беш-он языджы яхут журналист ве оджалардан маада ана тилимизде инсан-акъыллы лакъырды эткен ве язгъанлар, акъикъатен, сийрек булуныр. Эбет, бу алнынъ йип уджуны анълаткъан Русие империясынынъ асырлар девамында юрюткен шовинист сиясети, халкъымызнынъ сюргюн этилип геноцидге огъратылмасы киби айдын-ачыкъ делиллер бар.

Лякин бугуньде-бугунь халкъымызнынъ дешетли маджерадан сагъ-селямет къалгъан къысмы ветанларына алып баргъан ёлларгъа реван олгъан экен, тилимизни сакъламакъ, оны осьтюрмек, шекиллендирмек, сагъламлаштырмакъ ичюн истек, акъыл-ферасет, ираде ве кучь-къувет тапылмалыдыр.

Занымызджа, тилимизнинъ даима зенгинлешмеси, услюбен тирильмеси, джанланмасы, сагъламлашмасы ичюн биринджи ве эсас менба – чешит кой шивелеримиз ве лехджелеримиздир. Айны бир миллет векиллерини

якъынлыкъ, бири дигерине сыджакълыкъ, хошлукъ, къардашлыкъ ве бирлигине хызмет эткен шейлерден муими де эдебий тилимиздир. Буюк атамыз Гаспринский озь вакътында, башкъа бир мунасебет иле олса да, «лисан-и эдебий» акъкъында бойле язгъан эди: «Азиз къардашлар, шимди бир буюк, бельки энъ буюк, бир иш даха корьмек заманы кельди. Эфендилер, инсанлары рагъбет иден (энъ истенильген) энъ иптида – лисандыр. Маариф ве эдебият, дин ве миллет омюрлерининъ теракъкъиси ичюн иптида ве энъ зору олан васта ве себеп – лисан-и миллий, лисан-и умумий ве эдебийдир. Умумий лисана малик олмаян тайфалар перакенде (бирер-бирер) ёкъ, ёгъалып миллет паесиле (дереджесиле) пай-дар (девамлы) оламазлар. Къылынч ве заман ве месафе иле айрылмыш тайфалары бирлештирен къалем ве лисандыр. Заманлара ве месафелере гъалебе чалан йине къалем иле лисандыр. Эр къавмын ики буюк сермаеси олур: бири – диндир, дигери – лисан-и эдебиесидир» [8].

Бугуньдеки эдебий тилимизнинъ эсас ёнелишини, эсас джерьяныны ресмий суретте та 1924 сенеси Акъмесджитте олып кечкен «Харф, имля, тиль ве элифбе конференциясы» тасдыкълады. Шу конференцияда илери муневверлеримиз Исмаил Леманов, Умер Аджы-Асан, Умер Ипчи ве дигерлери муим марузаларле чыкъышта булунгъан сонъ, конференция эдебий тилимиз хусусында бойле къарар къабул этти: «Къырымда эдебий бир тиль оларакъ Къырымнынъ эм чёль ве эм де ялы тарафларынынъ анълап оладжакъ ве эр эки тарафны да кеттикче якъынлаштыраджакъ орта бир тиль эсас тутулыр» [13].

Википедиянынъ хаберине коре, шимди дюньяда 6000-ге якъын тиль ве шивелер яшамакътадыр. Эбет, эр бир тильнинъ озь хусусиетлери олгъанынен берабер, базыда айны къаиделерге, умумий системагъа ве кетишаткъа бойсунгъаныны коремиз. Меселя, эдебий тиллерде бир шей яхут адисени анълаткъан сёзлер чокъусы къыскъалыкъ, тарманалыкъ, екпарелик ве ахэнкликке тараф мейиль алалар. Бир заманлары эки-учь сёзнен ифаделенген адиселер, эшьялар бугуньде я бирлешип къошма сёзлерге чеврилир, я да яваш-яваш башкъа, даа келишикли ве уйгъун бир сёзнен денъиштирилир. Бугуньде тилимизде къулланылгъан «ашкъазан», «балкъурт», «янардагъ», «чаларсаат», «елькъуван» киби къошма исимлер шу къабильдендирлер.

Эвель-эзельден къырымтатарджанынъ эсас шивелери (чёль ве ялы) чокъ ахэнкли ве озьгюн сёз ве ибарелер иле зенгиндир. Лякин бугуньки эдебий тилимизни шекиллендирир экенмиз, шивелер хазинесинден толу файдаланмагъанымызны коремиз. Бир къач мисаллер кетирейик. Ал-азырда газета ве дергилеримизде базы себзе ве ешилликлер русчадаки киби къулланыла. «Морковь»ни алайыкъ. Шивелеримизде бу себсезенинъ ады «хавуч» оларакъ кечмекте. «Столовая вилка»гъа келиндже, матбуатымызда бунынъ къырымтатарджасыны чешит уйдурмаларнен бермектелер: «сенечик», «чатал». Албу ки, эскиден ялыбойлулар бунъа «перун» дегенлер. Эм бу сёз

В. Кондаракининъ 1868 сенеси бастыргъан мезкюр лугъатында къайд олунмакъта.

Алушта шеэрининъ эски зиялылары хорантасында оськен рахметли Фатма тийземиз (Фатма Афуз Шамрат-къызы: 1906–1986) эр вакъыт бизни бойле тазирлер эди. «Памадор» сёзю сонъ вакъытлар мейдангъа чыкъты, алушталылар онъа эскиден «думатис» дей эдилер. «Хартоп» исе аслында «пататис»тир…

Шивелеримизде «летучая мышь»ни, яни озьгюн бир эхолокациягъа саип олгъан айванчыкъны, «учан сычан», «кёр сычан», «яр къанат», «ель къанат» киби адларнен анъмакъталар. Ама бу къошма сёзлерден гъайры, шивелеримизде бир сёзлю «каравина» келимеси де булуна. Буны биз П.И. Кёппенинъ 1833-34 сенелери тизген къырымтатар тилининъ эльязма сёзлюгинде де растлаймыз [14].

Тилимиздеки базы ибарелерни мана джиэтинден талиль этип бакъсакъ, меракълы алларгъа огърагъанымыз корюне. Тыббиетте къулланылгъан русча «кровопускание» усулы къан басымыны истикъраргъа (стабилизациягъа) кетирильмеси ичюн къулланыла. «Кровопускание» ибаресини къырымтатарджагъа чевиргенде, къаба янълышлыкъкъа огърамакъ хавфы бардыр. Меселя, «къан тёкмек», я да «къан акъызмакъ» деп чеврильсе, инсанны тедави этмек дегиль де, аксине ольдюрмек манасы чыкъар. Белли медениет эрбабы ве лексикографымыз Осман Заатов исе, кендисининъ 1906 сенеси чыкъаргъан русча-къырымтатарджа лугъатында шу ибарени «къан алдырмакъ» шеклинде чевирип, мананы къолай ве там догъру чезген эди [9, с. 44]. Айны шекильде бу ибаре В.Х. Кондаракининъ лугъатында да берильмекте [18, с. 123]. «Сдачи» (возьмите сдачи) келимесини бугуньде «къайтым» сёзюнен чевирмеге чалышкъанлар чокъ. Лякин дженктен эвель эм «Терджиман»да, эм де сонъра «Енъи дюнья» газетлеринде бунынъ къырымтатарджасы «фият усьтю», «пара усьтю» киби ибарелер иле ифаделенмекте эди. Яни кесильген фияттан зияде берильсе, «усьтю» къайтарыла.

* * * * * * *

Бугуньде XIX асырнынъ лугъатлары иле багълы меселелернинъ ачыкъламаларыны девам этерек, айрыджа В.Х. Кондаракининъ лугъаты акъкъында сёз юрютеджекмиз. Электрон ресурсларда Кондаракининъ шахсына аит баягъы малюматлар булунмакъта. Биз оларны къыскъартып бир къач сатыр иле береджек олсакъ, терджиме-и алы бойле корюнмекте.

Василий Христофорович Кондараки 1834 сенеси январь 25-те Акъмесджитте рус ордусынынъ субайы хорантасында догъды. Балалыгъында къырымлы Бюрген адлы шахснынъ озель пансионатында тербиеленди. Хоранталары Кефеге кочькен сонъ, ерли уезд окъув юртунда тасиль алды. Къырымнынъ кечмишинен мерагъы да бу ерде шекилленгени анълашыла.

Хоранталарында акъча къытлыгъындан, алелем, университет тасилинден махрум къалды. Истидатлы генч 1852 сенесининъ апрелинде, 18 яшында экен, Таврия прокурорынынъ канцеляриясына хызметке кире ве сонъра Таврия губернаторынынъ канцеляриясында мемур сыфатында чалыша. Бир къач тиллерни, шу джумледе ерли къырымтатар тилини, балалыгъындан мукеммель бильген Кондараки Кефе карантин идаресине терджиманлыкъ ишине истек бильдире. Тамам бу арада, яни 1857 сенеси июль айында «Санкт-Петербургские ведомости» газетасында онынъ къырымтатарларнынъ турмушынен багълы парчасы нешир этиле. Сонъра «Одесский вестник» ве «Николаевский вестник» газеталарында Ялта ве этрафы, ве ялыбою къырымтатарларнынъ чешит мерасимлери ве адетлери акъкъында макъалелери басыла. Петербургда исе, 17 къысымдан ибарет олгъан 4-томлукъ «Универсальное описание Крыма» серлевалы чалышмасы дюнья юзюни коре. 1883 сенеси Москвада Русие чары Александр III-нинъ маддий дестегинен [24] 10-томлукъ «В память столетия Крыма» ве айны сенеси шу сериядан алынма «Крымские легенды» ве «Крымскотатарские сказки» киби айры китаплары нешир этиле.

Омрю бою этнография иле огърашкъан Кондараки бир арада ерли тыббиетнен де меракълана. Бир къырымтатар кишисинден инсанда тери хасталыкъларынынъ тедави этильмеси рецептини алып 1880-нджи сенелерининъ башларында хэкимлик япа. 1885 сенеси Одессагъа коче, ве о ерде тедавихане ачмасынен огъраша, амма кенди хасталанып 1886 сенеси ноябрь 15-те, 52 яшында экен, вефат эте [11].

В.Х. Кондаракининъ къалдыргъан иджадий-ильмий асабалыгъына козь ташланылса, 20-ден зияде китабы, 70-тен арткъач макъалелери ве атта 2 романы ве 1 нешир олунмагъан пьесасы акъкъында малюмат мейдангъа чыкъа.

Иште, онынъ китапларындан бириси де, айткъанымыз киби, 1868 сенеси чыкъкъан «Къырымтатарджа-юнанджа сёзлешме-лугъаты»дыр. Кириш сёзюнде, рус окъуйыджысына мураджаат этилерек, бойле языла: «Русским нелегко познакомиться с местным языком по неимению самоучителя, писанного русскими буквами… не встречал еще ни одного русского, который поселившись между греками или татарами, достиг бы в продолжении нескольких лет изучения их языка на сколько оно необходимо для понимания друг друга… Выучившись составлять фразы по нашему руководству (русский человек) совершенно может понимать и говорить не только с татарами и греками, проживающими в России, но и турками, и эллинами всего мира. Разница существует только в незначительной примеси: у эллинов – древнегреческий, а у турок – арабский».

Ве кене де кириш сёзюнде лугъаттан догъру файдаланылмасы ичюн гъает муим олгъан бойле малюмат да бериле: «Я писал все слова так, как они выговариваются». Яни лугъатта ялы боюнынъ шивеси базыда бутюн

инджеликлеринен айдынланмакъта: «аста» – «хаста» ерине; «абер» – «хабер» ерине; «мен юрейим» – «мен юрем» ерине; «ягъмур ягъай»; «ахшам олуй»; «бизлер тюшюниймиз»; «джаным сыхылый»; «чохтандан» (издавна) ве иляхри. Ама чёль шивесине аит шекиллер де растланмакъта: «куньтувуш», «джыламакъ», «мен ачман», «авуз» ве дигерлери.

Лугъатнынъ тизилиши акъкъында. Энъ башында 6 параграфкъа айрылгъан келимелер сыралары берильмекте. Сыралар «Аллах» сёзюнден башланмакъта. Дин иле багълы келимелер, Табиат адиселерини анълаткъан сёзлер, Куньлер, Саатьлер, Айлар, Йыл мевсимлери, Хоранта иле багълы сёзлер, Инсаннынъ бедени, Урбалар ве Турмушта къулланылгъан дигер эшьяларнынъ адлары къыскъадан берильмекте. Сонъра буюкче къысымларда: Эв эшьялары; Люзюмий эрзакъ; Себзе ве емиш; Айванлар ве къушлар; Табиат; Иншаатлар; Зенаатлар ве макъамлар; Сыфатлар, дуйгъулар, икътидарлар; Сёз чешитлери арасындан – исимлер.

Булардан сонъ рус тили грамматикасынынъ къаиде структурасына эсасланып къырымтатар грамматикасы (сарфы) акъкъында умумий малюмат берильмекте: къырымтатар тилинде джынс уламы (категория рода) олма-гъаны айрыджа къайд этилип, рус ве юнан тиллериндеки эриль (мужской), дишиль (женский) ве орта [нётр] (средний) уламларынен багълы мисаллер кетириле. Къырымтатарджасында джынс уламларынынъ эпси «бу» ишарет замиринен косьтерильгени анълатыла: «бу адам»; «бу къадын»; «бу таш» ве иляхри.

Грамматиканынъ девамы оларакъ исим ве фииллернинъ тюрленме ве тюсленмелеринден мисаллер. Сонъра сёз чешитлеринден: сыфат, замир, фииль, зарф; ярдымджы сёзлерден: мунасебетчилер, багълайыджылар ве нидалардан мисаллер кетириле.

Лугъатнынъ энъ буюк къысмы (62–132 саифелер) диалоглардан ибареттир. Бу да 43 парчадан къурулгъан чешит мевзулар узериндеки субетлердир.

Меракълы ери де шунда ки, лугъат тиражгъа берильмеден эвель окъулып чыкъылгъан ве чакълангъан хаталарнынъ джедвели япылып сонъки саифелерге ерлештирильген. Яни муэллиф, чаресине коре, ишине джиддий янашмагъа арекет эткен.

Лугъатны башындан сонъунаджек дикъкъатнен окъуп ве ишлеп чыкъкъан сонъ, ашагъыдаки нокъталар ве инджеликлерге эмиет бердик.

Айларнынъ адлары А.Ч. Къырым-Ховаджанынъ лугъатында (1850 с.) берильген адлардан айрыла. В.Х. Кондаракининъ лугъатында бойле берильмекте: «мухаррем» (первый месяц арабского лунного календаря), «сефер» (второй месяц), «ребийульэввель» (третий месяц), «ребийульахир» (четвертый месяц), «джумазульэввель» (пятый месяц), «джумазульахир» (шестой месяц), «реджеп» (седьмой месяц), «шабан» (восьмой месяц), «ра-

мазан» (девятый месяц), «шевваль» (десятый месяц), «зилькаде» (одиннадцатый месяц), «зильхиджде» (двенадцатый месяц).

Къыяс ичюн бундан эвельки макъалемизде А.Ч. Къырым-Ховаджанынъ берген такъвимини текрарен косьтеремиз: «канун-ы сани» (январь); «шубат» (февраль); «март» (март); «нисан» (апрель); «айяр» (май); «хазиран» (июнь); «теммуз» (июль); «аб» (август); «эйлюль» (сентябрь); «тешрин-и эввель» (октябрь); «тешрин-и сани» (ноябрь); «канун-ы эввель» (декабрь).

Ама бу ерде юлиан ве къамер (лунный) такъвимлерини мытлакъ айырмалы. (Григориан такъвими Русиеде 14 февраль 1918 сенесинден къулланылмакъта) [25, с. 526]. А.Ч. Къырым-Ховаджанынъ берген такъвими Къырымда 1917 сенесининъ инкъилябына къадар ишлетильгени акъкъында къайд эткен эдик. Лугъатынынъ бу къысмында В.Х. Кондаракининъ кенди берген бойле изааты да бардыр: «Татаре имеют лунное счисление и потому нет возможности подвести названия их месяцев против наших» [18, с. 4].

Афта арасы куньлери эпси бугуньдеки киби. Ялынъыз джумаакъшамы (четверг) келимеси янында «першенбе» де кирсетильген. Айны келиме, айны манада бугуньде тюркчеде къулланылмакъта.

Йыл мевсимлери де айны бугуньки киби, тек «кузь» мевсими «къасым» оларакъ алынгъан. «Къасым» келимесини «кузь» манасында ишлетильгенини 1920-нджи сенелерининъ эдебиятында да расткетиремиз. Мисаль оларакъ Джемиль Сейдаметнинъ «Къуртлагъан кокюс» икяесини кетирмек мумкюн [16, с. 260].

Эвде къулланылгъан базы эшьяларнынъ адлары: «топлу-ине» – булавка; «кольгелик» – зонтик; «устура» – бритва (устура къабы – футляр для бритвы; устура тутунмакъ – бриться); «гайтан» (къайтан) – шнурок; «хав» (исфендж) – губка; «къав» – огниво; «бурнут» – табакерка; «маша» – щипцы для огня; «шемдан» – подсвечник; «дивит» – чернильница; «интав» – экипаж; мукънадыз (мыкнатыс) – магнит; «демир» – утюг; «кехребар» (кербар) – янтарь; «миндирик» – диван; «фучу» – бочка; «аякъкъап гоню» – подошва; «хаван» (аван) – ступа; «чокъмар» – пест; «текне» – корыто; «люлеташ» – трубка; «къуман» – рукомойник; «юзьбез» – рушник; «къаве йыбрыгъы» – кофейник; «мешрепе» – кружка; «тёшек орьтюси» – покрывало; «астар» – подкладка; «кисе» – кисет; «фильджан» – кофейная чашка; «хал» (килим) – ковёр; «сирке» – уксус.

Къумашлар: «чуха» – сукно; «кетен» – полотно; «йибришим» (йипек) – шёлк [ибришимджи – прядильщик шёлка]; «басма» – ситец.

Кой ишлери ве зираатчылыкъ: «культе» – сноп; «кебен» – стог; «лефе» – жалованье; «сенет» – расписка; «чегерлик» – куст; «ешиллик» – овощи, «багъчеванджы» – садовник. (Бу сонъкисинде фарсидже сёз япыджы «ван» аффиксине даа къырымтатарджа сёз япыджы «джы» аффикси къошулгъаныны коремиз); «дюгу» – пшено; «тары» – просо; «чавдар» – рожь; «арпа»

– ячмень; «джылап» – овёс; «богъдай» – пшеница; «кепек» – отруби; «къартоп» – картофель (бу ерде «картофель» келимесининъ «татарлашкъаныны» коремиз. Айны сёзнинъ къырымтатарджасыны да А.Ч. Къырым-Ховаджа 1850 сенеси озь лугъатында «картофель» оларакъ алгъан эди); «рехин» – заклад; «ясакъ» – подать; «зердали» – абрикос (бугуньде: «зердали» – урюк; «къайсы» – абрикос); «пексимед» – пастила.

Иншаатлар: «хан» (ханазбар) – заезжий двор; «диван хане» – присутственное место; «дарсана» – верфь; «лиман» – залив; «скеле» – пристань; «геми демири» – якорь; «къуле» – башня; «сокъакъ» – улица (1850 сенеси А.Ч. Къырым-Ховаджа «улица»ны «аралыкъ» деп чевирген эди); «къалдырым» – тротуар; «чаршы» – рынок; «салынджакъ» – качели; «магъаз» – погреб; «къаракозь» – театр (аслында Къаракозь ве Аджыват (Аджы-Ваит) кольгелер театрининъ баш персонажлары олып, бугуньде санатымызда «къаракозь» келимеси «кольгелер театри» манасында къулланылмакъта) [17, с. 8-9].

Хасталыкълар ве оларнынъ тедависи: «хабуслыкъ» – затвердение желудка; «сюрей тутту» – меня слабит; «сюреме иляджы» – слабительное; «къызамукъ» – корь; «оксюрик» – кашель; «миде бозукълыгъы» – засорение желудка; «ашлама» – прививка оспою; «хотур» (чыкъы) – прыщ; «байылма» – обморок; «сытма» – лихорадка (малярия); «сюлюк къоймакъ» – поставить пиявок; «шише аджамет» – поставить банок; «ичи янмакъ» – температура; «юреги буланмакъ» – тошнота; «кокюсте санджы» – коль в груди; «тиш сызлай» – зуб ноет; «аякъ чыкъысы» – вывих ноги; «такъат кесильмек» – ослабнуть; «ичи кетмек» – понос; «къылтыкъ» – икота; «тезкере» – рецепт; «эбанай» – повивальная бабка.

Обир дюньягъа ёл: «табут» – носилки для покойника (у мусульман); «олю сандыгъы» – гроб (у христиан).

Табиат адиселери: «хуртхаджа» – радуга; «йылдырым ойнай» – молния сверкает; «кок гудюрдиси» – гром.

Ашерат: «тахта бити» – клоп; «бит» – вошь; «пире» – блоха.

Дюнья тарафлары: «сырт» – север; «къыбла» – юг; «куньбаты» – запад; «куньдогъуш» – восток.

Урба: «дон» (тон) [курк] – шуба; «эльдивен» (къолчакъ) – перчатки; «къондура» – башмаки; «налын» – ходули (для хождения по песку); «елек» – куртка.

Емеклер: «къайгъана» – яичница; «кобете» – мясной пирог; «яхни» – соус; «къавурма» – жаркое; «кебап» (шиш кебабы) – шашлык.

Инсан алы: «феиль» – характер; «айин» (аин) – стыд; «ырызлы» – честный; «хората» – шутка; «оздурмакъ» – провожать; «оздурыджы» (сюрюджи) – проводник; «энъкъаст» – нарочно; «джаны сыкъылмакъ» – скучать; «урькютмек» – пугать; «саатьлер ола» – в добрый час; «ушенмек» – ле-

ниться; «эль дуймасы» – осязание; «джан дуймасы» – чувство; «эйлемек» – желать.

Харидж (тыш): «акъар мемлекет» – чужбина; «хайрат» – подояние; «козь артындан» – заочно.

Башлыкълар, макъамлар, меслеклер: «бей» – князь; «мурза» – дворянин; «агъа» – чиновник; «базиргян» – купец; «зенаатчы» – ремесленник (бугуньде «эснаф» келимеси къулланылмакъта); «сабанджы» – хлебопашец; «суретчи» – живописец; «джынджы» – колдун.

Адлие меселелери: «тефтиш астында» – под следствием; «сенет бермек» – дать расписку; «бу ишнинъ энджамы» – конец этого дела; «тикине лаф сёйлемек» – говорить дерзости; «акъкъындан кельмек» – наказать; «шамар» – пощёчина; «мултукъ» (къуршун) – пуля; «пыштав» – пистолет; «джан алыджы» (ёлбасар) – разбойник; «атым» – заряд; «усьтюне агълашмакъ» – жаловаться (бу сонъкиси айны шекильде ве манада дефаларджа растлана).

Бу къысымда хырсызлыкъ ве хырсызлар акъкъында диалоглар къурулыркен, бойле джумле де кечмекте: «Чагъырынъыз имамы, онлары (ат хырсызларыны) емине кетирмек ичюн». Демек ки, къабаатлылыр Къуран-и-керим иле еминге кетирилир эдилер…

Дин: «яман джын» – дьявол (Л.З. Будаговнынъ лугъатында: «иблис» [5, с. 5]); «кешиш» – монах; «нур» – дух святой; «теспи» – чётки; «балавуз» – воск; «муэзин» – диакон; «мутевели» – староста церковный.

В.Х. Кондаракининъ тизген дин иле багълы диалогларында чокъ меракълы джумлелер растлаймыз. Бу джумлелер санки урумларнынъ дуа китапларындан алынгъандыр: «Аллах кераметли. О горюй эр бир шейи. Авф этер бизи. Насыл ки, бильмейириз генди хызметимизи. Бизлер эр вахыт онуйлен тюшюниймиз, онун учун. Лякин гене гуняха гиреиз. Джумле адамлар ойле яратылмышлар. Бунда ве онда бизлер идих бир тюрлю хуветсиз ве кибирли…». Эгер де буларны профессор А.Н. Гаркавец 1970-нджи сенелери Мариупольде топлагъан материалларынен, ве шу джумледе дуа текстлеринен, къыяс этсек, келимелер теркиби, шивеси, фонетикасы ве услюби джиэтинден аджайип бир якъынлыкъ дуюлмакъта: «Муабет олсанъыз бири-биринъиз илен. Ве нидже бабам мени гондерди, мен сизи гондеририм дюнья юзюне… Алынъыз урухун хуветин. Ве эр кимин гунахларыны авф этсенъиз, авф олунсун… чездигинъиз чезик олсун ве багъладыгъынъыз багълы… Окюм этен мухаддес, Аллах, эсирге бизи, Рабби, бизим юнахларымызы рахм эйле, эфенди, бенамуслугъумузы авф эйле, азиз, мухаддес исмин себебине зайыфлыгъымыза медет эйле, ихсан эйле. Бизим педеримиз, коклерде сакин олан, исмин мухаддес олсун, коклерде эмрин не тарздайса, ерде де о шекиль олсун, куньделик азыгъымызы бугунь бизе вер, ве бизим борчларымызы авф эйле… бизи хаза хатасына верме ве лякин…» [7, с. 365, 616].

Лугъатта меракъ чеккен бойле бир ал да бардыр. Бир сыра келимелернинъ (сёз чешитлери арасындан – исимлернинъ) къыскъартылгъан шекиллери къулланылмакъта. Меселя, «къавехане» ерине «хавене», «дерсхане» ерине «дерсане» ве иляхри. Бугуньде тюркчеде эм агъзавий, эм де языда бу шекиллер сакъланмакъта: «эджзане» (аптека) «эджзахане» ерине («эджзаджы» – аптекарь; «эджзаджы тюкяны» – аптека) [5, т. 1, с. 12], «дерсане»…

О заманда русчадан тилимизге кирген сёзлер сийрек олса да, озьлерине уйгъун ер булып къуллангъанда, ерли тильнинъ фонетикасы ве аффикслерини къабул эте ве кет-кете тилимизге синъип къалалар, о къадар ки, оларны сонъра янъыдан русчагъа чевирмек ихтияджы догъа: «Сиз пек абаротлу!» – вы с гордыней!..

Базы сёзлернинъ терджимелери бугуньде янълыш киби корюнмекте. Меселя: «къарынджа» – комар; «къараджа» – дикая коза; «къаплан» – львица... киби. Ама эр алда буларны да дикъкъатнен араштырмалы ве огренмелидир.

В.Х. Кондаракининъ мезкюр лугъаты къарарнен 1700 сёз ве 1000-ге якъын къырымтатарджа джумледен ибареттир. Онынъ 1875 сенеси экинджи дефа басылгъанына да эмиет бермели. Языкъ ки, китапнынъ узеринде тиражы косьтерильмеген. Онынъ Къырым ичинде ве тышында яйгъынлыгъыны бильмек мумкюн олур эди. Эр алда бу китап озь вакътында къырымтатарджанынъ джанлы шеклини тесбит этмек ичюн джиддий бир адым олгъаныны ачыкъ корьмектемиз. Эм онынъ бугуньде къырымтатар тилининъ тарихий лексикологиясы ве диалектологиясы ичюн де чокъ къыймети менба олгъаныны айрыджа къайд этмели.

II

XIX-нджы асырнынъ девамында Русие ичинде нешир этильген тюркий тиллернинъ лугъатлары арасында энъ эмиетли ве буюк лугъатларындан бири Лазарь Захарович Будаговнынъ 1869-71 сенелеринде басылгъан эки томлукъ «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» адлы лугъатыдыр [5]. Бу лугъатта умумтюрк (шу джумледе къырымтатар) лексикасы топланып бир чокъ инджеликлери ве озьара къыясларынен берильмекте. Къырымтатарджанынъ мисаллери кетирильгенде, 1850 сенеси дюнья юзюни корьген А.Ч. Къырым-Ховаджанынъ лугъатындан да файдаланылгъаны корюнмекте. Меселя, Будаговнынъ лугъатында (1-нджи том) 43-нджи саифеде берильген айнорлы джумленинъ («Шимди докъуз саате он дакъикъа истеюр» / без десяти минут девять) айнысы Къырым-Ховаджада растланмакъта [20, с. 88]. Кене Будаговдаки (1-нджи том, 56-нджы саифе) «секирдчек ат» (джелюли) – (рысак) келимеси де Къырым-Ховаджанынъ лугъатындандыр [20, с. 37]. Бу келимени башкъа тюркий сёзлюклеринде растлаялмадыкъ.

Бир чокъ тюркий тиллерни мукеммель огренген ве балалыкътан татар ве къазах-къыргъыз тиллерининъ шараитинде оськен ве тербие алгъан Л.З. Будагов 1812 сенеси Астрахань шеэринде догъа. Ильк тасилини эрмени окъув юртунда ала. Сонъра Астрахань гимназиясыны битирип, эки бучукъ сене девамында Москва университетинде сербест динълейиджи сыфатында булуна ве шу арада Шаркъ тиллери Лазарев институтында арифметикадан дерс бере. Сонъра Къазан университетининъ шаркъ тиллери болюгине кирип 1840 сенеси оны намзет сыфатында «Хорезмшахлар девлетининъ деврильме себеплери» адлы диплом ишини язып алтын медальнен битире. Тифлисте азербайджан ве фарс тиллери оджасы оларакъ чалыша. 1844 сенесинден Санкт-Петербург университетининъ шаркъ тиллери факультетинде азербайджан тилинден дерс бере. 1864 сенесинден итибарен доцент унванында чалыша [19, с. 54].

Корьгенимиз киби, Будагов тюркий тиллернинъ ильмий унванлы мутехассысы олгъаныидан гъайры, фарсиджени де гузель биле ве бу тильден дерслер де кечире. Умумен алгъанда, 1230 саифели лугъатында къач бинъ сёз олгъаны косьтерильмесе де, базы тедкъикъатларда (суаль ишарети иле) 25200 келимели ракъам акъкъында малюмат бериле [12]. Лугъат башындан сонъунаджек огренильгенде, тюркий тиллернинъ мукеммель бир лексик коллекциясы олгъаны ачыкъланмакъта.

Лугъатнынъ биринджи джылтында баш келимелер ялынъыз арап язысында бериле. Муэллифнинъ хаберине коре, оларнынъ башкъа бир языгъа транскрипциясы япылса, лугъатнынъ колеми даа зияде олып, къарышыкълыкълар пейда олмасына ёл къоюладжакътыр. Бунъа бакъмадан, сийрек олса да, сёзнинъ догъру окъулмасы ичюн айры созукъ сеслер (баш сёз янында) кирилдже бир бельги шеклинде берильмекте. Экинджи джылтында исе, бир чокъ ерлерде арапча языныныъ янында кирилдже транслитерациясы булунмакъта.

Лугъатнынъ умумий шекли бойледир: баш сёзлер озь тамырлары эсасында айры юваларгъа болюнип чешит вариантлары ве сёз япыджы аффикслеринен денъишкининден гъайры, чешит тюркий тиллерде насыл мана ташыгъанлары косьтерильмекте. Лугъаткъа кирсетильген тюркий лексиканынъ буюк къысмы къырымтатарджанынъ айнысыдыр. Эм тамам бу ерде тилимизнинъ зенгинлешме имкянлары ачылмакъта. Меселя, «асма» сёзюнден «асма чубугъы» (ветка винограда); «асма копрю» (висячий мост); «къазан асмакъ» (варить пищу); «дарагъачта асмакъ» (повесить на виселице); «асма къабагъы» (персидская тыква); «асылджакъ» (повеса, бездельник). «Ачыкъ» сёзюнден «ачыкъ ава» (ясная погода); «ачыкъ къашлы» (с отделёнными бровями); «ачыкъ мавы» (светло-голубой); «ачыкъ юзьлю» (с открытым лицом, приветливый); «ачыкъ элли» (щедрый); «аралары ачыкъ» (у них натянутые отношения); «башы ачыкъ» (с непокрытой головой);

«ачыкъ олмакъ» (быть откровенным); «ачкъыч» (ключ); «ачыкъламакъ» (объяснить, сделать ясным); «байракъ ачмакъ» (распустить знамя); «чичек ачмакъ» (расцвесть); «хамур ачмакъ» (раскатать тесто); «дженк ачмакъ» (начать войну); «тюкян ачмакъ» (открыть магазин); «зехни ачылды» (развились способности); «лакъырды ачмакъ» (завести разговор); «фал ачмакъ» (гадать); «къумда савут ачмакъ» (чистить медную посуду песком); «елькен ачмакъ» (распустить парус); «къалем ачмакъ» (очинить новое перо); «ёл ачмакъ» (проложить новую дорогу); «гонъюль ачмакъ» (раскрыть душу); «къапы ачмакъ» (открыть дверь); «котек ачмакъ» (начать драку); «коть ачып юрьмек» (непристойно одеваться); «къылычнынъ тотуны ачмакъ» (вывести ржавчину сабли) киби чешит маналар сырасы пейда олып лексикамызнынъ кенишлиги ве байыма усуллары акс этильмекте.

Будаговнынъ лугъатындан корюнгени киби, базыда айны сёзлер дигер тюркий тиллерде якъын яхут бам-башкъа мана ташымакъталар. Меселя, «азбар» сёзюни алайыкъ. Бизим тилимизде «двор» манасында къулланыла, къыргъызджа исе – «загон для скота». «Азман» келимеси къырымтатарджада «трутень» манасындадыр, тюркчеде исе «буюк» манасыны ташый. «Азгъынламакъ» келимеси бизджесине «капризничать», «недовольствоваться», къыргъызджада – «къавгъа этмек» манасындадыр. Даа къошайыкъ: къырымтатарджада «эшик» келимесини (порог) манасында Осман Акъчокъракълынынъ 1899 сенеси айры китап шеклинде нешир эткен «Ненкеджан ханым дюрбеси» повестинде растлаймыз: «Ехудий къызы къапынынъ эшиги узеринде бираз турды» [2, с. 19]. Белли олгъаны киби, озьбекчеде «эшик» – «къапы» манасындадыр. Бугуньде озьбекчеде «савгъа» келимеси – «хэдие, бахшыш» манасындадыр, ама Къырымда, ханлыкъ заманында, «савгъа» – аскерлер тарафындан арбий сеферлерден кетирильген гъаниметнинъ хан азретлерине берген 10 фаизидир [6, с. 291]. Бизим тилимизде «тазе» келимеси «свежий», озьбек ве казахчасына «чистый» манасындадыр [5, т. 1, с. 332]. Бизим тильде «кучюк» – «младший» манасында олса (меселя, Осман агъанынъ кучюк огълу), озьбекчеде «кучук» деп копек баласына айтыла [27, с. 410]. Къырымда «къалпакъ» – шапка, казахча исе, «къалпакъ»нынъ биринджи манасы – «подать», «дань» [5, т. 2, с. 21]. Бу сонъкиси, эр алда, устьлерине багълангъан харачны къалпакъ ольчюсинен бергенлеринден чыкъкъандыр.

Будаговнынъ кенди де лугъатнынъ кириш сёзюнде анълаткъанына коре, базыда тамам бойле аллар, яни сойдаш тиллер арасындаки айны келименинъ якъын я да башкъа-башкъа маналарда къулланылмасы, эр алда, олардаки алякъадарлыкъны ве якъынлыкъны косьтерип сарих (конкрет) тиль иле багълы анъламны даа зияде мукеммеллештире.

Л.З. Будаговнынъ лугъаты биринджи дефа 1869–1871 сенелери нешир этильгенини анъдыкъ. Янъы фотомеханик усулыле репродукция шекли

Москвада 1960 сенеси чыкъарылды. Тиражы 1500 нусха. Бу ерде академик А.Н. Кононовнынъ кириш сёзю де булунмакъта. Кононовнынъ фикрине коре, ишбу лугъатта керекли сёзни тапмакъ къыйындыр, чюнки бутюн келимелер умумий элифбе сырасындан гъайры, тамырына коре, айры-айры юваларда булунмакъталар. Ве бир де-бир конкрет сёзни булмакъ ичюн ювадаки бутюн сёзлерни козьден кечирмек керек. Ама дигер тарафтан, ювадаки тамырдаш келимелер сырасыны огрениркен, сёз акъкъында баягъы янъы, этрафлы ве файдалы малюмат пейда этмекнинъ имкяны булуна.

Бунынъ мисали оларакъ «сыджакъ» келимесини алайыкъ. Ишбу келимени тамыр ве аффикслерге больгенде, бойле шекиль чыкъа: «сы» + «джакъ». «Сы» сёз тамыры оларакъ анълашылмай. Будагов оны «ысы» (иси)-ден ала. Яни эвельден бу сёз «исиджакъ» шеклинде эди, сонъра къыскъарып «сыджакъ» шеклини алды. Бунынъ исбаты оларакъ бугуньде къырымтатарджада «иситмек» (исинмек) киби сёзнинъ сакъланмасыдыр (меселя: «сув иситмек»). «Сытма» (лихорадка) келимесининъ де «ысытма»дан олгъаны белиртиле. Бугуньде къулланылгъан «къафтан» (антер) келимеси эвельде «къапатан» (къаптан) шеклинде эди [5, т. 2, с. 2]. «Кодекс Куманикус» лугъатынынъ талилинде «япракъ» келимесининъ баштаки шекли «ябулдыракъ», яни ельде саллангъан шей олгъаны акъкъында айткъан эдик [15]. Заманы иле сёз къыскъарып «япракъ» шеклини алгъандыр. Даа бир мисаль, заманымыз ичинде «пытракълы» (ибареде: «бу меселе пек пытракълы», яни къарышыкъ) сёзю чокъ билинген ве къулланылгъан келимедир. Ишбу келименинъ къыскъартылмасындан бугуньдеки «пытакъ» (будакъ) (ветка, сучок) сёзю келип чыкъкъаныны лугъаттан коремиз [5, т. 1, с. 272]. Аслында Будаговнынъ сойады да бу келимеден олгъаны белли – «будакъ» (пытакъ). Тюркченинъ земаневий буюк лугъатларында биле «бутракъ» (пытракъ) сёзю корюнмей, ама «будакъ» эр сёзлюкте бардыр. Яни къырымтатарджасында келименинъ эски шекли де бугунь сакъланмакъта. Бугуньде бойле келимелер грамматик талильде бутюнлигинен бирден тамыр киби алынып, ялынъыз бунъа къошулгъан аффикслер анълатыла, меселя, сёз япыджы аффикс къошулса, бойле болюне: япракъ+чы.

Къырымтатарджада базы айван ве къушларнынъ эркегине «ата» сёзю къошулып айтыла. 1970-нджи сенелери Ташкентте эски зиялыларымыздан Савурчыкойлю Гъани Тевфикъовдан (1904–1988) «атапапий» (селезень) сёзюни язып алгъан эдик. Земаневий лугъатларымызда бойле келимелерде нечюндир «ата» сёзюни огюнден дегиль де, сонъундан къошалар: «къаз атасы», «орьдек атасы» [29, с. 92]. Будаговнынъ лугъатында бунынъ темелли вариантларыны коремиз: «атакъаз» (гусь), «атаборю» (волк), «ататоргъай» ве дигерлери. Къошма сёз, меселя, «бек» сёзю, сонъуна къоюлса, сёзнинъ манасы аксине денъишкенини де коремиз. Меселя, «ары беки» (матка пчёл) [5, т. 1, с. 33]. Бу сонъкиси языджымыз А. Ильмийнинъ 1928 сенеси язгъан

«Къуртчу Бекирчик» повестинде «тамызлыкъ» (дамызлыкъ) шеклинде расткелине [10, с. 148], яни «чокълаштырылмасы ичюн тутулгъан балкъурт» манасында.

Будаговда **«ары» (балкъурт)** сёзюнен багълы бойле сыра берильмекте: «бал арысы» – пчела; «ат арысы» – слепень; «ябан ары» (кийик къурт) – оса; «эшек арысы» – шмель; «ары инеси» (нештери) – пчелиное жало; «ары къуваны» – улей; «ары къулюбеси» (солакъ/лар/) – ячейки, соты; «ары сюрюси» – рой пчёл; «ары къуш» – зелёный дятел. Бу сырада фарсиджеден алынма «зенбур» – (кийик къурт) келимеси де булунмакъта. Бу сёз А.Ч. Къырым-Ховаджанынъ лугъатында да бардыр [20, с. 142]. Демек ки, къырымтатарджасында эки варианты: эм «кийик къурт», эм де «зенбур» келимелери къулланыла эди.

Бугуньде тилимизде «эвджиль» сёзю беллидир: домашний, одомашненный, прирученный (айванлар акъкъында). Будаговнынъ лугъатында «адамджиль» келимесини де растлаймыз. Манасы: привычный к человеку, ручной. Бизге белли «эснемек»тен (зевать) «эснек» сёзюне де огъраймыз, русчасы: намордник, надеваемый на телят и ягнят, чтобы они не сосали матерей [5, т. 1, с. 47]. Белли олгъаны киби, эскиде Къырымда къоюнлар сагъылгъаны ве къоюн сютю чокъ къулланылгъаны ичюн, табий оларакъ, «эснек» де мытлакъ керек эди.

Бугуньде унутылгъан базы сёзлерден келип чыкъкъан аталар сёзлери де унутылгъандыр. Будаговнынъ лугъатында «унка» сёзюни растлаймыз. Ашыкъ (альчик) ойнунда атылгъан ашыкъ кемиги тик тюшсе, онъа «унка» дейлер, ве шу арада оюн токътатылып, ашыкъ янъыдан атыла. Бунъа коре, бойле аталар сёзю бар: «Унка оюн бозар, тентек джыйын бозар».

Будаговнынъ лугъатында тамырдаш сёзлернинъ юваларындан энъ буюги **ат ве атасравджылыкънен багълы лексика**дыр. Бу ерде атларнынъ ренкинден башлап, джынсларына ве къулланма сааларына баргъанджек, онларнен келимелер акс этильмекте. Ренклерине коре, бир къач мисаллер алайыкъ: «торы ат» – гнедой; «чиль ат» – рыже-чалый с проседью; «къара ат» – вороной; «къызыл-боз» – каурый; «къуле» – соловый; «сенхаби» – саврасый; «аладжа» – пегий; «кок» – сивый; «балавуз» – буланый; «кер ат» – мухортый; «чубар» – чубарый; «акъ-боз» – светло-сивый; «къашкъабаш» – с белой отметиной на лбу; «къаплан аладжасы» – тигреневая; «къыр ат» – серая в яблоках; «бакъла къыры» – серая с мушками.

Атларнынъ къулланылмасына коре чешитлери: «тубчыкъ» – енгиль ат, авгъа барылгъанда миниле. Бугунь къырымтатарларында «Тупчик» сойадлары да растланмакъта; «едек ат» – поводная лошадь; «къошу аты» – спортивная лошадь; «дженк аты» – боевая; «алай аты» – для парада; «баш огренир» – выезжанная, манежная.

Атлар иле багълы дигер лексика: «ат огъланы» – мальчик конюшен-

ный; «ат ахыры» – конюшня; «ат йыкъыджы» (йытурыджы) – коновал, тот кто холостит лошадей; «ат бакъыджы» – конюх.

«Ат» сёзюнден келип чыкъкъан дигер келимелер: «ат балыгъы» – гиппопотам; «ат къуйругъы» – лекарственное растение (миде хасталыкъларынынъ шифасы ичюн къулланыла).

Атларнынъ къуйына коре чешитлери: «юваш ат» – смирная; «хэрджин» (бедрам) – недающаяся конюху; «акъуд» – поворачивающаяся всегда на левую сторону; «кишнек» – которая часто ржет; «тепкин» – брыкливая.

Атнен багълы аталар сёзлери де чокътыр. Будаговнынъ лугъатындан бир данесини мисаль кетирейик: «Ат аягъын тай басар».

Бу ерчикте айрыджа къайд этмели ки, атлар иле багълы лексикамызны аджайип оларакъ Кемал оджа Усеинов (Къонъуратлы) да кендисининъ 1984 сенеси бастыргъан буюк бир макъалесинде косьтерген эди [22].

Боджеклер. «Къуту боджеги» – шпанская муха (жук семейства нарывников); «теспиболжек» – сороконожка; «экин боджеги» – жук хлебный; «хамам боджеги» – банный сверчок.

«Илери» (1926–1930) журналыны саифелеркен, растладыгъымыз боджеклернинъ адлары: «дагъ боджеги» – скосари (род жуков семейства долгоносиков); «йипек боджеги» шелкопряд; «фурунбоджек» – таракан; «атешбоджек» – светлячок (Б. Терлекчининъ лугъатында айны шекильде булунмакъта) [26, с. 8]; «чырчырмазин» – сверчок ве дигерлери.

Лугъатнынъ тамырдаш ювларындан бир къач мисаллер кетирейик.

Пармакъ (бармакъ) – палец. Бу сыра сёзлернинъ ичинде: «баш пармакъ» – большой палец; «ишарет» (шаат) пармагъы – указательный палец; «орта пармакъ» – средний палец; «адсыз» (оксюз) пармакъ [юзюк пармагъы] – безымянный палец; «чёнати» (ченати) пармакъ – мизинец.

«Пармакъ» иле багълы аталар сёзлери: «Пармакъ котерди – мусульман олды» (яни Аллагъа ишарет этти); «Пармагъы озюне тараф эгри» (своя рубашка ближе к телу). Будагов бойле бир фразеологик ибаре де косьтере: «пармагъы (къолу) [бир де-бир меселенинъ] ичинде олмакъ» – быть заинтересованным в каком-либо деле.

«Баш» – голова. «Баш тёпеси» – темя головы; «баш чанагъы» – череп; «башлы» – умный; «белли-башлы» – известный; «башлы-башына» – независимый; «башлыджа» – главным образом; «башлыкъ» – глава, начальник; «башсыз» (бибаш) – безголовый; «башсызлыкъ япмакъ» – совершать дурные поступки; «башындан аягъына къадар» – с головы до ног; «баш кийими» – головной убор; «башындан» – сначала; «терзи (дерзи) башы» – глава портных; «баштакъ» – своевольный; «бир баш ве бир аякъ олмакъ» (бир якъадан баш чыкъармакъ) – единодушно, дружно действовать; «баш урмакъ» – бить челом, просить; «башымны урмагъа ер тапмадым» – не знал куда себя деть, не знал куда обратиться; «баш тутмакъ» (кутьмек) –

морочить голову; «баш бермек» – жертвовать жизнью; «баштан чыкъармакъ» – сбить с пути, соблазнить; «баш алдырмакъ» – велеть убить; «баш эгмек» – повиноваться, покориться; «баш тартмакъ» – неповиноваться; «баш къалдырмакъ» – восстать, бунтовать; «башына языгъан» – написано на роду; «баштан-баша» – из конца в конец; «баш усьтюнде» – исполню с удовольствием; «уста башы» – выборный старший в артели ремесленников; «башы тёбен» – с повисшей головой; «юзбашы» – сотник; «башакъ» – колос; «баш чыкъармакъ» – колоситься; «башкъаджа» – иначе; «бам-башкъа» – совсем другие.

Фииллерден мисаль: «кечмек» – пройти, перейти, проникнуть, превзойти; «кечер» – проходящий; «кечюв» – переход; «кечерлик» – лёгкий сбыт; «кечмиш» (кечкен) – прошедший, прошлый; «кеченлерде» – в прошлые дни, на днях; «омюрден кечкен», «дюньядан кечкен», «ере кечкен» – перешедший в мир иной, умерший; «кечип чыкъмакъ» – переплыть; «джандан кечмек» – опостылеть (о жизни); «тахткъа кечмек» – взойти на престол; «къылычтан кечмек» – быть изрубленным мечем; «гунахтан кечмек» – простить грехи; «хатырдан кечмек» – прийти на ум; «акъыллы /сыфатында/ кечер» – считается умным; «сёзю кечер» – его слушаются; «кечмез акъча» – монета неходячая; «омюр кечирмек» – жить, проводить жизнь; «козьден кечирмек» – просмотреть, пробежать глазами.

Къырымтатарджадан мисаллер кетиререк, Будагов кенди лугъатына (бугуньде унутылгъан ве къулланылмагъан яхут чокъ сийрек корюнген) бир сыра меракълы келимелер кирсете. Меселя, «бала къапы» – калитка; «черда къапысы» – полог, занавеска; «къылабдан» – золотая или серебряная нитка ве дигерлери.

Къырымтатарджа келимелернинъ чокъсу бундан эвельки лугъатларда айны вариантларда ве маналарда олсалар да, базыларынынъ янъы вариантлары да берильмекте. Меселя, «Кодекс»те «скатерть» – «тастар» деп берильсе, Будаговда «усьтелик» оларакъ косьтерильмекте [5, т. 2, с. 61].

Умумен алгъанда, лугъат эр тарафлама мукеммеллигинен айрылып турмакъта. Будагов бу лугъат узеринде чокъ сенелер девамында синчиклеп, яни чокъ инджеден янашаракъ, чалышкъаны ачыкъ корюнмекте. Эм тюркий тиллернинъ чешит девирлерге аит лексикасындан ве кениш къулланылгъан арапча-фарсидже алынмалардан файдаланып, чокъ зенгин ве кучьлю бир лисаний темель азырлагъандыр. Тамам бу себептен лугъаттан бугуньде эм Орта Асия, эм Идиль бою, эм Кавказ ве Къырым тюркий халкълары, эм де Тюркие тюрклери сербест къуллана билелер.

Атта техникий джиэттен (озь заманында) гъает мурекеп типография ишлерине бакъмадан, баягъы тюз ве хатасыз (базы уфакъ-тюфек эксиклеринден маада) басылгъаныны да айрыджа къайд этмели. Занымызджа, тамам шунынъ ичюн 1960 сенеси янъыдан нешир этильмейип, ялынъыз факсимилеси чыкъарылгъандыр.

III

А.Ч. Къырым-Ховаджа иле багълы къысымда къырымтатар тили дерс оларакъ Русие девринде 1810 сенесинден Акъмесджиттеки уезд окъув юртунда кечирильмеге башлангъаны акъкъында малюмат берген эдик [32]. 1814 сенесинден исе, къырымтатар тили Кефедеки уезд окъув юртунда, 1835 сенесинден башлап Ор-Къапыда, 1837 сенесинден Багъчасарай ве Къарасувбазар окъув юртларында кечириле. Архивлерде сакъланып къалгъан базы весикъаларда къырымтатарджанынъ оджалары оларакъ о заманларда Арифметов, Шейх-Челеби, Алиев, А.Ч. Къырым-Ховаджа киби шахсларнынъ адлары кечмекте [20, с. 19, 25, 257]. 1850 сенеси исе, къырымтатар тили дерслерини даа сыфатлы кечирильмеси ичюн А.Ч. Къырым-Ховаджанынъ «Татарско-русский разговорник, с присовокуплением к ним пословиц, басен, образцев (!) для склонений и спряжений татарских слов…» адлы китабы нешир этиле.

Иште, миллий-медений тарихымыз ичюн сонъ дередже муим олгъан бу ишнинъ девамы оларакъ Абдурефи Эсадулла Боданинскийнинъ оджалыгъы ве 1873 сенеси Одессада 2000 нусхадаки тиражнен [30, с. 176] нешир этильген «Русча-къырымтатарджа Окъума Элифбеси ве Лугъаты» китабыдыр [4].

А.Э. Боданинскийнинъ терджиме-и алы акъкъында, къыскъадан олса да, академик А.Н. Кононовнынъ биобиблиографик лугъатында малюмат берильмекте [20, с. 51]. Ама бугуньде онынъ аяты ве фаалиети акъкъында энъ толу малюмат торуны Айдын Шемьи-заденинъ макъалесинде булунмакъта [31].

Айдын Шемьи-заденинъ хаберине коре, Боданинскийлернинъ сойады къабилелерининъ топракълары булунгъан «Бадана» коюнинъ адынен багълыдыр. Абдурефи эфендининъ къартбабасы Али-мырза къыпчакъ къабилесинден олып, сойларына та Гирайлар тарафындан Акъмесджит этрафында топракълар айрылгъан эди. Варлыкълы сойдан олгъанындан, Къырым ханлыгъынынъ арбий сеферлеринде силялы, атлы аскерлер айырып иштирак эттилер. Боданинскийлернинъ аилелеринде: «Бизлер тек Гирайларгъа таби ола эдик, башкъа бейлерге бойсунмай эдик» киби лафлар юрьсетиле эди.

Абдурефи Боданинскийнинъ бабасы – Эсадулла-мырза Русие чарына ант этмеге истемегени ичюн Къырымдаки мал-мулькюни ташлап Азав бойларына ташына ве о ерлердеки Буюк-Берди озенининъ кенарында ерлеше. Иште, Эсадулла-мырзанынъ огълу – Абдурефи (Боданинский) 1810 сенеси Бердянскта догъа. 1836 сенеси Ногайсктаки оджалар гимназиясыны битирип, айны окъув юртунда оджа оларакъ ишке къалдырыла. Ама бир къач сенеден сонъра, гимназиянынъ мудириети яш оджа узеринден Таврия губернаторына шикяет яза. Шикяетнинъ эсасында Абдурефи эфенди окъутув эснасында программадан тыш чыкъкъаны акъкъында хабер бериле.

Ве бу шикяет та Санкт-Петербургдаки меркезгеджек еткизиле. Р. Фазыл ве С. Нагаевнинъ «Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы» китабындаки хаберге коре, шикяетнамеде ашагъыдаки сатырлар булунмакъта: «Биздеки бу яш татар оджасыны не япмагъа бильмеймиз, о уставны боза, низамдан тыш чешит арекетлерде булуна, талебелерни къозгъалта, гимназияда аман-аман эр кунь бир чешит шаматалар котере» [30, с. 176].

Айдын Шемьи-заденинъ берген малюматына бакъкъанда, 1843 сенесинден башлап Абдурефи оджа къырымтатар ве рус тили ве эдебиятындан Новороссийск, сонъра Алушта, Багъчасарай ве Акъмесджит окъув юртларында дерс бере. 1864 сенесинден Акъмесджит гимназиясындаки татар болюгининъ оджасы ве мудири вазифесинде булуна. Абдурефи оджанынъ Акъмесджитте (сонъундан пек белли фаалиеткярларымыз) огъуллары Али (1865) ве Усеин (1877) Боданинскийлер догъдылар. Аслында Абдурефи оджанынъ Эмине шерфеге эвлилигинден беш баласы олгъан: Тевиде, Али, Абдулла, Алиме ве Усеин.

Абдурефи Боданинскийнинъ биографиясына аит даа бойле меракълы бир факт да булунмакъта: белли эрбабымыз Исмаил Лемановнынъ къартбабасы ве Абдурефи оджанынъ бабасы догъмуш агъа-къардаш эдилер… [31].

Абдурефи Боданинский сенелер девамындаки оджалыгъы эснасында керекли бильги ве теджрибе топлаяракъ, буларны бир системагъа кетирмеге огъраша. Онынъ русча ве къырымтатарджасы мукеммель олдугъындан, эр эки тильни къыясламакъ, бир тильден экинджи тильге терджиме этмек ве огренильмесини къолайлаштырмакъ ёлларыны араштыра. Ниает, 1870-нджи сенелерининъ башында гъает къыйметли «Окъума Элифбеси ве Лугъат»ыны азырлап нешир этильмеси пешинден юре.

1871 сенеси сентябрь 5-те Одесса окъув округынынъ ихтимамы (попечители) олгъан С.П. Голубцовнынъ адына язгъан мектюби, сонъра чыкъкъан китабында кириш сёз оларакъ къулланылгъан эди. Шу мектюбини А.Э. Боданинский, заманынынъ аньанелерине риает этерек, бойле башлай: «Одесса окъув чевресининъ васили (попечитель) Сергей Платонович Голубцов дженаб-ы-алийлерине». Ве девам эте: «Чокъ вакъыттан берли башлангъыч окъув юртларында оджалыгъым эснасында русларнынъ татар тилини огренмеси ве татарларнынъ рус тилини огренмесинде бир рехбери-къылавуз етишмедигини дуймамакъ къыйын эди.

Бу бошлукъны толдурмакъ макъсадыле чокъ буюк олмагъан бир рехбери-къылавуз узеринде чалышмагъа башладым. Ишим вакътында янъчыкъ окъумагъа башлагъан огренджилернинъ эмеклерини енгиллештирмек макъсадыле татарджанынъ энъ къолай, энъ анълайышлы келимелерини къулланмагъа арекет этип, арапча ве тюркчеден алынма сёзлерден вазгечмеге чалыштым.

Нешрине азырладыгъым Русча-Татарджа Элифбе халкъ мектеплери-

нинъ башлангъыч басамакъларында окъулмасы ичюндир ки, бу ерде русчадан къырымтатарджасына ве аксине бутюн (къулланылгъан) келимелер чеврильгендир.

Ишбу рехбер-и-къылавузны экиге больдим. Биринджи къысмында татар харфлери ве бельгилери акъкъында тафсилятларны изаатлары иле берип, рус харфлеринен къыяс эттим. Эм бу ерде айры сёзлерден гъайры, темиз къырымтатарджа ибарелер, къонушмалар къошып, орта сырада татарджа сёзлерни кирил харфлеринен бердим ки, (рус) окъуйыджыларына татарджа языларны окъумагъа енгиль олсун – дие.

Экинджи къысмында грамматика акъкъында анълайыш, онынъ сёз чешитлерине болюнмелери, тюрленме ве тюсленме мисаллери, бир къач икяе ве темессюллернинъ (басняларнынъ) толу шекильде татарджагъа терджимелеринен ве умумкъулланышта олгъан фииллерден мисаллер кетирдим…». (Русчадан терджиме – И.К.).

Юкъарыда сёйледигимиз киби, мектюп 1871 сенеси сентябрь 5-те языльгъандыр. Цензуранынъ мухюри исе, та 1872 сенеси апрель 28-де урулгъаны акъкъында китапта айрыджа къайд этиле.

64 саифеден ибарет олгъан китап 1873 сенеси 2000 нусха оларакъ нешир этильгенини анъдыкъ. Элифбе умумен оларакъ 21 къысымдан ибареттир. Эр бир къысмы «№» ишарети ве сырадаки ракъамнен айрылмакъта. Табий ки, биринджи къысымда къырымтатар (арап языстле) ве кирил элифбелери ян-яна ерлештирильген олып, кичик окъуйыджынынъ дикъкъатыны ве мерагъыны джельп этмекте. 2-нджи къысымда къырымтатарджа элифбенинъ языльштаки шекли, харфлернинъ сёз ортасында ерлешкен сыфатлары, 3-нджи къысымда харфлернинъ адлары, 4-нджи къысымда къырымтатар харфлерининъ русча харфлернен къаршылаштырылмасы ве сёзлерде къулланма шекиллери ве иляхри. Элифбеде олгъан ве языда озьара багъланмагъан, ве озюнден сонъ кеткенлернен къошулмагъан харфлер де («элиф», «дал», «зал», «ре» «зе», «вав») айры параграфкъа алынгъанлар. Эпси олып он бир къысымда ялынъыз элифбе, онынъ хусусиетлери, озелликлери ве анълатмалары берильмекте. 12-нджи къысымдан башлап созукъ ве тутукъ сеслернинъ къошулып башта эджа япылмасы, сонъра къыскъа (бир эджалы) сёзлернинъ языльшы ве 14-нджи къысымдан башлаяракъ, къырымтатарджа ве русча къыскъа ибарелер ве джумлелер тизильмеси косьтерильмекте. Эм къысымлар арасында, саифе ашагъысында, керекли вакъытта, анълатмалар, оджалыкъ теджрибеси эсасында билинген базы инджеликлерге изаатлар да булунмакъта.

Элифбенинъ лугъат къысмы да 14-нджи номерден башлап базы уфакъ-тюфек аралыкъларнен китапнынъ сонъунаджек девам эте. Лугъатта эпси олып (ашагъы-юкъары) 1200 келиме берильмекте. Къырымтатар тилиндеки келимелер эм арап, эм де кирил харфлериле языла. Ама къырымтатар

сёзлери энъ-эвеля арап уруфатында олмасайды, кирилдже базыда къарышыкъ языгъан шейлер анълашылмай къала биледжек эдилер. Лугъатларымыз иле багълы кечкен парчаларымызда къайд эткенимиз киби, о заманларда къырымтатарджанынъ кирил харфлери иле имлясы ишленмегени ачыкъ корюнмекте.

А. Боданинскийнинъ Лугъатында сёз сыраларынынъ ичинде бир чокъ ерлерде **аталар сёзлери ве айтымлар** кирсетильгендир. Яни сыра иле берильген ве эр бирининъ къаршысында терджимеси олгъан сёзлер бир джумлеге къошулса, аталар сёзлери ве айтымлар чыкъмакъта. Меселя, «балыкъ», «баштан», «сасыр» // «чек», «авны», «чыкъарырсынъ», «балыкъны» // «бабанънынъ», «бычкъысылен», «ойнама» // «язда», «араба», «къышта», «чана», «верилир».

Базыда аталар сёзлери ве айтымлар сёзме-сёз сыраланып дегиль де, бирден берильмекте: «Акъылынъ ве къувветинъ иле макътанма»; «Окъумагъа, язмагъа ве хисап этмеге бильсенъ – буюк бахтлыкътыр»; «Акъчачыкъ хисабы север»; «Чалгъыле чаларлар, оракъле орарлар» (Косою косят, серпом – жнут); «Дёрт кошесиз бина къурулмаз»; «Тенбель диюр – ярын окъурым, бугунь ойнаюм. Мукъайед (тертипли) диюр – ярын ойнарым, бугунь окъуюм»; «Эски тегерчик зияде шыкъырдар»; «Эллер ишлер, баш – беслер»; «Козь кучюк олса да, бутюн дюньяны корер»; «Дудакълар ве дишлер ики къат къапу олса да, диле дур олмаз»; «Килид килидлемек – къапу тутмакъ»; «Яваш кидерсенъ, узакъ кидерсин»; «Сакъалы торба къадар, акъылы ёкъ»; «Диване къуюгъа бир таш быракъыр, къыркъ акъыллы чыкъармагъа олмаз»; «Дилини багълы тут»; «Хэр хораз кенди чёплюгинде отер»; «Бир лаф вардыр: Тельбевни элинъе алгъан сонъ, «кучь иришими» дею сёйлеме»; «Окъув адджжы олса да, емиши оны татлыдыр»; «Илим билен илери кидер, онъа не керек икътиза идер»; «Сокъурын козьлери бармакъларын уджларыдыр»; «Джан корюнмез, ама вуджуда буюрыр»; «Либас (урба) – бир йыллыкъ, вуджудын вадеси вардыр, лякин джан – бакъийдир» (Платье на год, тело на время, душа на век); «Къырмызы идер къыскъачны – (кендининъ) белясы»; «Бош дегирмен айланса да, чекен шийи ёкъдыр»; «Окъудыркен, кендимиз де окъурмыз»; «Дудакъ диване дегиль ве диль курек дегиль – адджжыны ве татлыны билюр»; «Аз белядан къачан, чокъ беляя огърар»; «Хэм омюр эт, хэм окъу».

Лугъатта аталар сёзлери ве айтымларнен берабер акъыл ишлетмек ичюн гъает меракълы **тапмаджалар** да берильмекте:

«Когет (от) ашарым – дишлерим тюйтеленир, къум алырым кене кескин олурым». (Джевабы: оракъ). [Бу тапмаджада «тюйтеленмек» сёзю «затупиться» манасындадыр. Къырымтатарджа «балтанынъ тюйтеси» /терси/ – обух топора];

«Башын кесерим, юрегини чыкъарырым, сув веририм – кене сёйленир».

(Джевабы: къалем). [О заманда къалем оларакъ къаз къанатыны къуллана эдилер. Язмакъ ичюн башта къанатнынъ уджуны (башыны) алмакъ, сонъра ортасыны (юрегини) чыкъармакъ ве мерекепке батырып (сув верип) сёз язмакъ (сёйлендирмек) мумкюн эди].

Грамматикамызнынъ инджеликлерини бильген Боданинский, метатеза адисесини (сёзлердеки фонемаларнынъ ерини денъиштирмесини) къачырмадан базы келимелернинъ айтылыштаки эки вариантыны да акс этмекте: «кольмек – комлек»; «чызма – сыджма».

Бир чокъ **сёзлернинъ диалектик хусусиетлери** ве вариантлары да къачырылмай: «агъыз – авыз»; «мышыкъ – кеди»; «боюнса – моюнса»; «сют – сит»; «чавдар – арыш»; «эю – яхшы»; «юлаф – джылап»; «дюгю – тюй», «ялын – джалын»; «дую – тую»; «немли – лемли»; «уфакъ – юфакъ»

Шиве хусусиетлери сыфатында «нен» мунасебетчисини (послелог) «лен» шеклинде къулланылмасы да корюнмекте: «бычкъысылен» [4, с. 17]; «чалгъылен»; «оракълен» [4, с. 25].

Русчадан чеврильме парчаларында муэллифнинъ кенди къалем сыфаты да айдынланмакъта: «Хорозчыкъ, хорозчыкъ, хорозчыкъ – алтун таракълы хорозчыкъ, ягълы башлы хорозчыкъ, йипек сакъаллы хорозчыкъ, ничюн эрте къалкъасынъ…». Эм бу джумленинъ сонъунда бугуньде бизим тилимизде къулланылмагъан «кезалик» келимеси булунмакъта. Заманымызда бу келиме «ве башкъалары», «ве дигерлери», «ве бунъа бенъзерлер» оларакъ ишленильмекте. Земаневий озьбекчеде исе, «ве» багълайыджысынен «ва хоказо» шеклинде сакъланмакъта [27, т. 2, с. 705], русчасы: «и так далее», «и тому подобное».

Сийректен-**сийрек келимелер**ге келиндже, бугуньде ич бир лугъатта (не арабчада, не фарсиджеде, не тюркчеде, табий ки, не де къырымтатарджада) буламадыгъымыз «эпеб» (араб харфлеринен: «элиф», «пе»,«бе») сёзюдир. Бунынъ янына «этмек» («эпеб этмеги») келимеси къошуларакъ, русчагъа терджимесинде «гриб» дениле. Ве сырада бундан сонъки келиме де «этмегилери» денилип «грибы» оларакъ чеврильмекте. Эбет, буны айрыджа ве тафсилятлыджа огренмелидир. Китапта сийрек сёзлерден «тогъун» – обод; «серке» – козёл кибилери де растланмакъта.

Кечкен парчаларымызда девирлер ичинде **къыскъартылып (кесилип) къалгъан бир сыра келимелер** акъкъында да сёз юрьсеткен эдик. Мисаль оларакъ бойле келимелер кетирильген эди: «япракъ» («ябулдыракъ»тан), «къуршун» («къургъашын»дан), «улакъ» («огъулакъ»тан), «къардаш» («къарындаш»тан) ве дигерлери. Боданинскийде «къошлакъ» сёзюне огъраймыз. Русчагъа «горшок» оларакъ чеврильген. Ве «къошлакъ» сёзю аслында «къош къулакъ»тан къыскъартылып алынгъаны да ачыкъ корюнмекте.

Эски лугъатларны тараркен, «скатерть» сёзюнинъ къырымтатарджасында эки вариантыны корьдик: «Кодекс Куманикус»та «скатерть» – «тастар»;

Будаговнынъ лугъатында – «усьтелик». Боданинскийде исе, учюнджи варианты растлана, яни – «софра бези». Бунъа коре, къырымтатарларнынъ турмушында («юзьбез», «эльбез»ден гъайры) «дюзбез» – покрывало; «дуварбез» – стенной коврик [21, с. 110, 111] ве даа «къуранбез» ве эскиде эвленме дюгюни эснасында киевлернинъ тыраш мерасиминде къулланылгъан «омузбез», «тизбез» киби эшьялар да бар эди [23].

Къулланылгъан **алынма сёзлер** эсасен арап ве фарс тиллеринден олып, чокъсу терджимелерде растлана: «эмельдеш» (Боданинский бу келимени эсасен «голубчик», «кума», «приятель/ница/» маналарында къуллана); «бирадер» – товарищ, любезный; «кемал хавф» – сильный испуг; «тевеккель» – беспечный, надеющийся на авось (Боданинскийде «предаваться воле Божьей» киби чевриле); «акъаид» – вера; «къаст азим эйлемек» – принять твёрдое решение; «къысмет» (метинде «добыча» манасында къулланыла); «шер» – зло, злодеяние, злой умысел; «бихуде» (бейхуде) – напрасный, бесполезный; «мизадж-шерифинъиз нидже» – как ваше здоровье, как вы поживаете; «мути» – покорный, послушный; «мукъайед» – прилежный, аккуратный; «либас» – одежда ве дигерлери.

Эсап меселелерине ер айрыларакъ, «бир»ден «он»гъаджек сайылар берильмекте. Арапча язымызгъа риаэтен, «он» ерине «нокъта» къоюлып бойле анълатыла: «Русчадаки сыфыр (ноль) ерине къырымтатарджада «нокъта» къулланыла. «Бир»ге нокъта къошулса «он» ола, «экиге» къошулса, «йигирми» ола ве иляхри».

Бугуньде эсап ишлемлеринде ич де къулланылмагъан бойле лексика берильмекте: «къараджумле» – сложение; «ихрадж» – вычитание; «зарб» – умножение; «такъсим» – деление.

Заманымызда «къараджумле» келимеси гъает сийрек лугъатларда растланмакъта. 2011 сенеси басылгъан тюркченинъ энъ буюк лугъатларынынъ биринде «къараджумле» сёзю бойле анълатылмакъта: «Арифметикада дёрт ишлем». М.Ш. Эсендалдан бу келиме иле багълы джумле де мисаль оларакъ кетириле: «Хэсабын, бутюн бу дерслерин хэпсининъ усьтюнде олмасы, Умер оджанынъ къара джумлейи эйидже окъутмасындадыр» [28, с. 13-15].

Эсап ишлемлерини тешкермек ичюн «терезе» (теразе) келимеси къулланыла. Боданинскийнинъ кендиси анълаткъаны киби, «терезе» аслында «весы» олса да, эсапта «тешкерме» манасында къулланыла.

Бугуньде къырымтатарджада эсап ишлемлеринде ашагъыдаки лексика ишлетильмекте: «къошма» (топлама) – прибавление; «чыкъарма» – вычитание; «чарпма» (арттырма) – умножение; «больме» – деление.

Афта арасы куньлери там бугуньдеки киби, ама, табий ки, эсап джума кунюнден башлай: «джума куню», «джума эртеси», «базар куню», «базар эртеси», «салы куню», «чахаршенбе» (чаршенбе), «джума акъшамы».

Йылнынъ мевсимлери анълатылгъанда, «мевсим» келимеси ерине

«вакъыт» къулланылмакъта: «бир сенеде дёрт вакъыт олур: «бахарь», «яз», «кузь» ве «къыш» – эр бири учер ай олур».

Айларнынъ адлары там А.Ч. Къырым-Ховаджанынъ лугъатында берильгени кибидир: «Канун-ы сани» (январь) [дикъкъат этмели «канун» сёзюнде «к» йымшакътыр]; «Шубат» (февраль); «Март» (март); «Нисан» (апрель); «Айяр» (май); «Хазиран» (июнь); «Теммуз» (июль); «Аб» (август) [Сурие такъвими боюнджа йылнынъ 11-нджи айы. Табий, Арапча лугъатта да: «аб» – «август» оларакъ косьтерильмекте [32, с. 23]; «Эйлюль» (сентябрь); «Тешрин-и эввель» (октябрь); «Тешрин-и сани» (ноябрь); «Канун-ы эввель» (декабрь).

Сарф ве нахивден (морфология ве синтаксистен) бойле хаберлер бериле: 1. «Исм-и зат» (существительное); 2. «Замир» (местоимение); 3. «Исм-и сыфат» (прилагательное); 4. «Фииль» (глагол); 5. «Зарф» (наречие); 6. «Атыф» (союз); 7. «Харф» [фарсидже: харф-и пишин] (предлог); 8. «Эсма-и тааджюп» (междометие).

Бутюн булардан «Зарф», «Атыф», «Харф» ве «Эсма-и тааджюп» чекильмегенлери, яни тюсленмегенлери, акъкъында айрыджа къайд этильмекте.

Бугуньде сёз чешитлери бойле сыраны тешкиль этмектелер: 1. Исим (существительное); 2. Сыфат (прилагательное); 3. Сайы (числительное); 4. Замир (местоимение); 5. Фииль (глагол); 6. Зарф (наречие).

Булардан гъайры, кунюмизде бойле ярдымджы сёзлер огренильмекте: 1. Мунасебетчилер (послелоги); 2. Багълайыджылар (союзы); 3. Дередженликлер (частицы); 4. Модаль сёзлер; 5. Нидалар (междометия); 6. Такълидий сёзлер (мимемалар).

Боданинский берген сёз чешитлерининъ базыларына сыранен мисаллер кетире, исимлернинъ теклик ве чокълукъта тюрленмелерини косьтере. Фииллернен багълы мисаллерден сонъ, оларнынъ да теклик ве чокълукъта тюсленмелерини, шимдики, кечкен ве келеджек заманларыны анълата. Кене де фииллернинъ хабер ве эмир мейиллерини (далларыны) мисаллернен ачыкълай.

Бу болюмде къулланылгъан арапча «нахв» (нахив) [сёз тизими] келимесине «сиякъ» келимеси де бириктирильген ки, («нахвысиякъ») экинджи арапча къысмы айрыджа «сёздеки уйгъунлыкъ ве тутарлыкъ» манасындадыр. Бу келименинъ бойледжесине чифт шеклини ич бир лугъатта растлаямадыкъ.

Йигирминджи къысмында «Хавас-ы хамсе» (**«Беш дуйгъу»**) адландырылгъан болюкте инсаннынъ беш тюрлю дуйгъусы акъкъында сёз юрютилип «корюв» (козь иле), «эшитюв» (къулакъ иле), «къокъу» (бурун иле), «леззет» (тиль иле) ве «сезюв» (бармакълар иле) киби дуйгъулары акъкъында хабер бериле. Бу ерде де кенишче анълашылсын дие, Къырымнынъ эки буюк шиве далларыны сербест къулланмакъта («тую» – «дую»; «йыл» – «сене»; «билюв вардыр»; «дад»; «диль»).

Китапнынъ сонъки къысымларында Боданинский мектеплилер тарафындан огренильген материалларнынъ пекитильмеси ичюн чешит икяе ве темессюляттан (баснялардан) мисаллер кетире. Онынъ истегине коре, къырымтатарджа текстлер – сёзлер ве ибарелер оларакъ сыраланып, къаршы сырада айны шейлер русча берильмекте. Керекли сёзлернинъ терджимелери башкъалары иле къарышмасын дие къырымтатарджа сырада сёзлернинъ сонъларында усть ракъамлар къойылып, темессюлятнынъ озюнден сонъ берильген лугъат къысмында айны ракъамлар алтында русчасына чевирмелери де бериле.

А. Э. Боданинскийнинъ терджимеджилигини косьтермек ичюн русчадан алынгъан «Тильки ве турна» («Лисица и журавль») къыскъа темессюлятыны мисаль сыфатында кетиремиз:

«Тильки турна иле достлашмыш. Оны эвине мусафирлиге чагъыруп, арпа-курьпесинден баста бишируп, табакъ усьтюне якъуп, сёйледи: «Эй, эмельдеш! Буны кендим биширдим, аш олсун, буюр, достум». Турна исе, бурну иле такъылдатты, бир шей емеге олмады. Тильки дили иле къалдырмаюп ялады (да): «Бирадер, яманлама, халымыза коре этдик». Турна деди ки: «Аллах разы олсун, эмельдеш, бизе де буюрасыз, риджа идерим». Икинджи куню тильки эмельдешине мусафирлиге кельди. Турна да къатты юфакъ этмек кесеклерин бир тар агъызлы бардакъ ичерсине къоюп: «Буюр, эмельдеш, кендим биширдим, гузель емектир, аш олсун» деюп кенди бурнун сокъуп, бардакътан чыкъаруп, емеде олды. Тильки бардагъын этрафыны долашуп, къокълаюп айланды, зира бардагъа башы сыгъмады. Турна исе, бурну иле чыкъаруп ашады. Сонъра деди ки: «Эмельдеш, яманлама, халымыза коре этдик». Тильки ачувындан «тоярым», «тоярым» дею эвине китди, лякин ашын леззетинден хабери олмады. Бундан анълашыла ки, бир адам бир адама не идер исе, оны кендинде булур».

Озюнинъ «Окъума Элифбеси ве Лугъат»ында Боданинский бундан гъайры, даа эки темессюлят кирсете: «Кийик ве арслан» ве «Арслан ве тильки». Буларнынъ экиси де, бундан эвель, 1850 сенеси нешир этильген А.Ч. Къырым-Ховаджанынъ «Татарско-русские разговоры…» китабында растланмакъта. Метинлерини къыяс эттигимиз заман, «Кийик ве арслан»да бир къач сёз башкъаджалаштырылгъаныны коремиз. Меселя, А.Ч. Къырым-Ховаджанынъ метнинде олгъан «йыракъ» сёзю «узакъ» оларакъ, «Танъры» келимеси «Аллах», «недам» исе, «пешиман», «беляя келюр» – «беляя огърар» оларакъ алынгъандыр. «Арслан ве тильки» метнинде базы ибарелер къыскъартылгъан олып, ялынъыз «хатыр» сёзю «хал» оларакъ денъиштирильгенини коремиз.

Умумен алгъанда, А.Э. Боданинскийнинъ 1873 сенеси нешир эткен «Окъума Элифбеси ве Лугъаты» озь заманынынъ гъает эхлиетли (квалификация иле) языльгъан дерслигидир. Бу ерде муэллифнинъ чокъсенелик

оджалыкъ теджрибеси эм назарий, эм методик, эм де амелий джиэтинден юксек дереджеде акс этильгени корюнмекте. Боданинский асрий рус филологиясыны кереги киби менимсеп, онынъ бир чокъ къыйметли ильмий алетлерини, инструментарийсини къулланып, къырымтатар тилининъ мустакъиль шеклине омуз даяндырып, элифбесинден башлап, фонетика, морфология, синтаксис ве лексикологиясыны инджелемеге чалышкъандыр. Бу ерде мантыкъ зынджыры иле къолайындан башланылып, яваш-яваш мureккеп меселелерге якъынлашаракъ, сёз чешитлерининъ эсас къысымлары ве ярдымджы сёзлер инджеликлеринен анълатыла, къырымтатарджанынъ грамматик терминологиясы, шиве хусусиетлери – умумен лексик зенгинлиги айдынлатыла.

А.Э. Боданинскийнинъ «Окъума Элифбеси ве Лугъаты» къырымтатар тилининъ инкъиляптан эвельки лексикографик чалышмалары арасында янъы ве сыфатлы бир адым олгъаны айрыджа къайд этильмели. Бир чокъ унсурлары ве инджеликлери вариетинен бугуньде де файдаланыла билинеджек дурумдадыр.

Ишбу китапнынъ копиясы бугуньде Къырымда бир нусхада булунмакъта. Эм ялынъыз бу дегиль, инкъиляптан эвель чыкъкъан лугъатларымызнынъ чокъсу бу алдадырлар. Ялынъыз 2015 сенесининъ баарь айларында, эсасен 1916 сенеси иши биткен, Билял Терлекчининъ 538 саифели «Къырымтатарджа-русча эльязма лугъаты»нынъ факсимиле шекли нешир олунып, 300 нусхасы шимди буюк кутюпханелерде ве тюкянларда булунмакъта. Яни мезкюр сёзлюкнинъ эльязмасы 100 сене девамында нешир корьмеден ятмакъта эди…

* * * * * * *

P.S. Абдурефи Эсадулла Боданинскийнинъ китабыны Москвадаки Русие меркезий кутюпханесинден сканерлеп бизге ёллагъаны ичюн Рус фольклоры меркезининъ мудир муавини Александр Викторович Ефимовгъа чокътан-чокъ тешеккюрлер бильдиремиз. И. Керим.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. А.Ч. Къырым-Ховаджанынъ лугъаты // Янъы дюнья. 2015. № 24 (1315). Сентябрь 18.

2. *Акъчокъракълы О.* Эсерлер топламы. Акъмесджит: Таврия. 2006. 320 с.

3. Арабско-русский словарь. Составил проф. Х.К. Баранов. Издание четвертое. В двух томах. Том первый. Москва: Советская Энциклопедия. 1970. 592 с.

4. *Боданинский А.* Русско-татарский букварь для чтения в первоначальных народных школах Таврической губернии. Составил: А. Боданинский – учитель Симферопольского Народного Татарского Училища. Одесса: Типография Л. Нитче. 1873. 64 с.

5. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительнейших слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Составил Лазарь Будагов, доцент Восточного факультета С.Пб.-университета и драгоман V класса при Азиатском департаменте. В 2-х томах. / Том 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук. 1869. 820 с.; Том 2. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук. 1871. 416 с.

6. Гайворонский О. Повелители двух материков. В 2-х томах. Том 1. Киев: Майстерня книги. 2007. 368 с.

7. Гаркавец А.Н. Уруми Надазов`я. Історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів`я, писемні пам`ятки. Алма-Ата: Украинский культурный центр. 1999. 624 с.

8. Гаспринский И. Къарийин-кераим хитап (Алидженап окъуйыджыларгъа хитап) // Терджиман. 1906. Сент. 25.

9. Заатов О. Полный Русско-Татарский Словарь. Составил преподаватель Симферопольской татарской министерской школы Осман Заатов. Симферополь: Типография Бр. Нутис. 1906. 120 с.

10. *Ильмий А.* Эсерлер топламы. Акъмесджит: Таврия. 2004. 176 с.

11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.Krymologi.info/index.php

12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: gigabaza.ru/doc/99681.html

13. *Ипчи У.* Харф, имля, тиль ве элифбе конференциясы // Енъи дюнья. 1924. Окт. 28.

14. Керим И. XIX асырдаки сёзлюклеримизден бириси. П.И. Кёппеннинъ лугъаты // Янъы дюнья. 2015. № 20 (1311). Август 21.

15. Керим И.А. «Кодекс Куманикус» – яхут къырымлыларнынъ 700 йыл эвельки джанлы тили // Янъы дюнья. 2015. Апрель 17.

16. *Керим И.А.* Къырымтатар эдебияты. Къулланма дерслик. Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир. 1995. 352 с.

17. Керимова С. Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии. Симферополь: Доля. 2002. 192 с.

18. Кондараки В.Х. Самоучитель турко-татарского и новогреческого языков или Руководство научиться без помощи учителя говорить по-гречески и по-татарски. Николаев: Типография управления николаевского порта Е.С. Павловского. 1868. 135 с.; Экинджи нешри: СПб., 1875.

19. Кононов А.Н. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Москва: Наука. 1989. 301 с.

20. Крым-Ховаджа А.Ч. Татарско-русский разговорник, с присовокуплением к ним пословиц, басен, образцев (!) для склонений и спряжений татарских слов, составленные учителем татарского языка при Симферопольской губернской гимназии Абд-эль-Рахманом Крым-Ховаджа, Казань: Вольная типография Н. Коковина. 1850. 151с.; то же. 1853. 151 с.

21. Культурные ценности из собрания Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, утраченные или перемещенные в результате Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. Составители: И.В. Зайцев, Р.Р. Эминов. Москва-Бахчисарай: Парето-Принт. 2015. 192 с.

22. Къонъуратлы К. «Чал атымнынъ туягъы» // Ленин байрагъы. 1984. Янв. 14, 17, 19.

23. НА ГБУ РК БИКАМЗ. Ф. 16. Оп.1. Д.4. Л. 12.

24. Русие чары Александр lll В.Х. Кондаракиге китап нешри ичюн 10.000 рубле айыргъан эди. О заманда фабрика ишчисининъ айлыгъы 16 рубледен 20 рублеге къадар олгъандыр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://otvet.mail.ru/

25. Советский Энциклопедический словарь. Издание 3. Москва: «Советская Энциклопедия». 1984. 1600 с.

26. *Терлекчи Б.* Крымскотатарско-русский словарь. Факсимильное издание рукописи. Симферополь: Крымучпедгиз. 2014. 538 с.

27. Толковый словарь узбекского языка. Под редакцией З.М. Магруфова. В двух томах. Том 1. Москва: Изд-во «Русский язык». 1981. 632 с.; Том 2. Москва: Изд-во «Русский язык». 1981. 717 с.

28. Тюркче сёзлюк. 11 баскъы. Азырлагъанлар: Ш.Х. Акъалын, Р. Топарлы, М. Аргъуншах ве дигерлери. Анкара: Тюрк диль къурумы. 2011. 2763 с.

29. Усеинов С.М. Къырымтатарджа-русча-украиндже лугъат. Учь томлу. Том 1. Акъмесджит: Оджакъ.– 2006. 416 с.

30. Фазыл Р., Нагаев С. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир. 2001. 640 с.

31. Шемьи-заде А. Абдурефи Эсадулла (Боданинский). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://anaurt.com/qrt/content/abdurefi-esadulla-bodaninskiy

32. Янъы дюнья. 2015. Сент 18. (Керим. И. «Къырым-Ховаджанынъ Къырымтатарджа-русча лугъаты»).

Муэллиф акъкъында малюмат: Исмаил Асаногълу Керим – филология фенлери докторы, профессор, Къырымтатар филологиясы, тарихи ве медениети ильмий-тедкъикъат институтынынъ мудири, Къырым муэндислик ве педагогика университети (295015, Учебный аралыгъы, 8, Симферополь, Къырым, Русие Федерациясы); Татарстан Джумхуриет илим академиясы Ш. Марджани адлы тарих Институтынынъ Къырым ильмий меркези (Бахчисарай, Къырым, Русие Федерациясы); alimes@mail.ru

Лексикографические работы по крымскотатарскому языку (вторая половина XlX века)

Аннотация. В статье рассматриваются лексикографические работы В. Кондараки (1868), Л. Будагова (1869) и А. Боданинского (1873). Анализируется лексический состав, орфография, основные теоретические разработки данных словарных источников. Выявляется специфика крымскотатарского литературного языка, делаются выводы о его характере и функциях в середине XlX века. Частично описывается состояние языка, зафиксированного в определенной группе текстов. Освещаются некоторые проблемы фонетики и грамматического строя. Рассма-

триваются аспекты морфологического словообразования. Выделяются некоторые диалектизмы, историзмы и арабо-персидские заимствования в крымскотатарском языке. В сравнительном плане освещается круг терминообразующих лексем. Анализируются и сопоставляются с современным крымскотатарским языком множество речевых единиц, относящихся к различным отраслям хозяйствования.

Ключевые слова: крымскотатарская лексикография XlX века, словари В. Кондараки, Л. Будагова, А. Боданинского, лексические заимствования в крымскотатарском языке, речевые единицы хозяйственной деятельности.

Сведения об авторе: Исмаил Асанович Керимов – доктор филологических наук, профессор, директор НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры, Крымский инженерно-педагогический университет (295015, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Бахчисарай, Крым, Российская Федерация); alimes@mail.ru

Lexicographical works on the Crimean Tatar language (the second half of the XlX century)

Ismail Kerim
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract. The article deals with lexicographical work by V. Kondaraki (1868), L. Budagov (1869) and A. Bodaninskiy (1873). The lexical composition, orthography, basic theoretical insights of dictionary data sources are analyzed. Some features of the Crimean Tatar literary language are revealed. conclusions about its character and functions in the middle of XlX century are drawn. The state of the language language, fixed in a particular group of texts is partially described. Some problems of phonetics and grammatical structure are highlighted and aspects of morphological derivation are considered. Some dialectal words, historicisms and the Arab-Persian borrowings in the Crimean Tatar language are highlighted as well. Terms-forming tokens are discussed in comparative terms. A plenty of speech units belonging to different sectors of economics are analyzed and compared with data of the modern Crimean Tatar language.

Keywords. Crimean Tatar lexicography of the XlX century. dictionaries by V. Kondaraki, L. Budagov, A. Bodaninskiy, lexical borrowings in the Crimean Tatar language, speech units of economic activity.

REFERENCES

1. A.Ch. Kyrym-Khovadzhanyn lugaty [A.Ch. Krym-Khovadzha's dictionary]. *Yany dyun'ya – New World*, 2015, no. 24 (1315), Sep. 18.

2. Akchokrakly O. *Eserler toplamy* [Collected edition]. Akmesdzhit, Tavriya. 2006. 320 p.

3. Arabsko-russkiy slovar' [Arabic-Russian dictionary]. Sostavil prof. Kh.K. Baranov. Izdanie chetvertoe. V dvukh tomakh. Tom pervyy. Moskva, Sovetskaya Entsiklopediya. 1970. 592 s.

4. Bodaninskiy A. *Russko-tatarskiy bukvar' dlya chteniya v pervonachal'nykh narodnykh shkolakh Tavricheskoy gubernii.* Sostavil: A. Bodaninskiy – uchitel' Simferopol'skogo Narodnogo Tatarskogo Uchilishcha [Russian-Tatar primer for reading in the elementary public schools of the province of Tauride. Compiled by A. Bodaninsky – teacher of Simferopol Tatar People's School]. Odessa, Tipografiya L. Nitche. 1873. 64 p.

5. Budagov L.Z. *Sravnitel'nyy slovar' turetsko-tatarskikh narechiy, so vklyucheniem upotrebitel'neyshikh slov arabskikh i persidskikh i s perevodom na russkiy yazyk. Sostavil Lazar' Budagov, dotsent Vostochnogo fakul'teta S.p.-universiteta i dragoman V klassa pri Aziatskom departamente. V 2-kh tomakh. Tom 1* [Comparative dictionary of Turkic-Tatar idioms, with the inclusion of common words in Arabic and Persian, and translated into Russian. Compiled by Lazar Budagov, Associate Professor at the Faculty of Oriental Studies of the Saint-Petersburg University and translator of the class V at the Asian department. In 2 vols. Volume 1.]. Saint-Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1869. 820 p.; Tom 2. Saint-Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. 1871. 416 p.

6. Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov* [Masters of the two continents]. V 2-kh tomakh. Tom 1. Kiev, Maysternya knigi, 2007. 368 p.

7. Garkavets A.N. *Urumi Nadazov`ya. Istoriya, mova, kazki, pisni, zagadki, prisliv`ya, pisemni pam`yatki* [Urum of Azov sea region. History, language, fairy tales, songs, riddles, proverbs, written artefacts]. Alma-Ata, Ukrainskiy kul'turnyy tsentr, 1999. 624 s.

8. Gasprinskiy I. Kariyin-keraim khitap (Alidzhenap okuyydzhylarga khitap) [Appeal to generous readers]. *Terdzhiman – Translator*, 1906. Sept. 25.

9. Zaatov O. *Polnyy Russko-Tatarskiy Slovar*' [Full Russian-Tatar dictionary]. Sostavil prepodavatel' Simferopol'skoy tatarskoy ministerskoy shkoly Osman Zaatov [Compiled by the lecturer of Simferopol Tatar ministerial school Osman Zaatov]. Simferopol, Tipografiya Br. Nutis. 1906. 120 p.

10. Il'miy A. *Eserler toplamy* [Collected edition]. Akmesdzhit, Tavriya. 2004. 176 p.

11. Available at: www.Krymologi.info/index.php

12. Available at: gigabaza.ru/doc/99681.html

13. Ipchi U. Kharf, imlya, til' ve elifbe konferentsiyasy [Conference on letters, orthography, language and alphabet] // *Eni dyun'ya – New World*, 1924, Okt. 28.

14. Kerim I. XIX asyrdaki sëzlyuklerimizden birisi. P.I. Keppennin lugaty [One of our dictionaries of XIX century. The dictionary by P.I. Keppen]. *Yany dyunya – New World*, 2015, № 20 (1311), August 21.

15. Kerim I.A. *«Kodeks Kumanikus» – yakhut kyrymlylarnyn 700 yyl evel'ki dzhanly tili* [Codex Cumanicus or the living language of Crimeans 700 years ago]. *Yany dyun'ya – New World*, 2015, April 17.

16. Kerim I.A. *Kyrymtatar edebiyaty. Kullanma derslik* [Crimean Tatar literature. Study guide]. Akmesdzhit: Kyrymdevokuvpedneshir, 1995. 352 p.

17. Kerimova S. *Stranitsy istorii krymskotatarskogo dovoennogo teatra i dramaturgii* [Chapters of the prewar history of the Crimean Tatar theater and dramaturgy]. Simferopol', Dolya. 2002. 192 p.

18. Kondaraki V.Kh. *Samouchitel' turko-tatarskogo i novo-grecheskogo yazykov ili Rukovodstvo nauchit'sya bez pomoshchi uchitelya govorit' po-grecheski i po-tatarski* [Self-teaching guide of Turkic-Tatar and Romaic languages or Manual to learn without a teacher to speak Greek and Tatar]. Nikolaev, Tipografiya upravleniya nikolaevskogo porta E.S. Pavlovskogo, 1868. 135 p.; Ekindzhi neshri [Second edition]: Saint-Petersburg, 1875.

19. Kononov A.N. *Biobibliograficheskiy slovar' otechestvennykh tyurkologov. Dooktyabr'skiy period* [Biobibliographic dictionary of domestic turcologists. Pre-October period]. Moscow, Nauka, 1989. 301 p.

20. Krym-Khovadzha A.Ch. *Tatarsko-russkiy razgovornik, s prisovokupleniem k nim poslovits, basen, obraztsev dlya skloneniy i spryazheniy tatarskikh slov, sostavlennye uchitelem tatarskogo yazyka pri Simferopol'skoy gubernskoy gimnazii Abd-el'-Rakhmanom Krym-Khovadzha* [Tatar-Russian phrasebook with added proverbs, fables, samples for declension and conjugation of Tatar words, composed by the Tatar language teacher at the Simferopol provincial gymnasium Abd el-Rahman Krym-Hovadzha], Kazan', Vol'naya tipografiya N. Kokovina, 1850. 151 p.; the same, 1853. 151 p.

21. Kul'turnye tsennosti iz sobraniya Bakhchisarayskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeya-zapovednika, utrachennye ili peremeshchennye v rezul'tate Velikoy Otechestvennoy voyny. Sbornik dokumentov i materialov [Cultural properties from the collection of the Bakhchisaray Historical and Cultural and Archaeological Museum-Reserve, lost or displaced as a result of the Great Patriotic War. Collection of documents and materials.]. Sostaviteli: I.V. Zaytsev, R.R. Eminov. Moskva-Bakhchisaray, Pareto-Print. 2015. 192 p.

22. Konuratly K. «Chal atymnyn tuyagy» [«My roan horse's hoof»]. *Lenin bayragy – Lenin's standard*, 1984, January 14, 17, 19.

23. NA GBU RK BIKAMZ [Scientific Archiv of State Organization of the Republic of Crimea «Bakhchsarai historical and cultural and archaeological museum»]. F. 16. Op.1. D.4. L. 12.

24. Rusie chary Aleksandr lll V.Kh. Kondarakige kitap neshri ichyun 10.000 ruble ayyrg"an edi. O zamanda fabrika ishchisinin aylyg"y 16 rubleden 20 rublege kadar olgandyr [Russian Czar Alexander III allocated Kondaraki for the publication of his book 10 thousand rubles. In those days, the monthly salary of factory workers ranged from 16 to 20 rubles]. Available at: http://otvet.mail.ru/

25. Sovetskiy Entsiklopedicheskiy slovar'. Izdanie 3 [Soviet Encyclopedic Dictionary. 3-rd edition]. Moskva, «Sovetskaya Entsiklopediya», 1984. 1600 p.

26. Terlekchi B. Krymskotatarsko-russkiy slovar'. Faksimil'noe izdanie rukopisi [Crimean Tatar-Russian dictionary. Facsimile edition of the manuscript]. Simferopol', Krymuchpedgiz, 2014. 538 p.

27. Tolkovyy slovar' uzbekskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Uzbek language]. Pod redaktsiey Z.M. Magrufova. V dvukh tomakh. Tom 1. Moskva, Izd-vo «Russkiy yazyk», 1981. 632 s.

28. Tyurkche sezlyuk. 11 basky [Turkic dictionary. 11 ed.]. Azyrlaganlar: Sh.Kh. Akalyn, R. Toparly, M. Argunshakh ve digerleri. Ankara, Tyurk dil' kurumy, 2011. 2763 p.

29. Useinov S.M. *Kyrymtatardzha-ruscha-ukraindzhe lugat* [Crimean Tatar-Russian-Ukrainian dictionary]. Uch' tomlu. Tom 1. Akmesdzhit, Odzhak, 2006. 416 p.

30. Fazyl R., Nagaev S. *Kyrymtatar edebiyatynyn tarikhy* [History of Crimean Tatar literature]. Akmesdzhit, Kyrymdevokuvpedneshir, 2001. 640 p.

31. Shem'i-zade A. *Abdurefi Esadulla (Bodaninskiy).* Available at: https://anaurt.com/qrt/content/abdurefi-esadulla-bodaninskiy

32. Yany dyun'ya – New World, 2015, no. 24 (1315), Sep. 18.

About the author: Ismail Asanovich Kerimov – Dr. Sci. (Philology), Professor, Director of the Scientific Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of the Crimean ethnos, Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebniy lane, 8, Simferopol, Crimea, Russian Federation); Leading Researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of AS RT (Bakhchisaray, Crimea, Russian Federation); alimes@mail.ru

УДК 494.3+4кр (470+571)

Конгломерация как этнический и лингвистический фактор формирования тюркских языков Крыма

Ахтем Мазинов
(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация. В работе исследуется состояние конгломератизации – совокупность этнических групп, их культур, языков, соседствующих на определённой местности, контактирующих, воспринимающих себя и своих соседей как нечто единое, но не смешивающихся, сохраняющих фенотипическое (генетическое), языковое и конфессиональное своеобразие.

Причиной появления конгломератизации как этноязыкового явления выступают географические, исторические, политические и другие факторы.

Описываемый процесс конгломератизации часто является следствием полиэтничности. В интересующей нас зоне – на Крымском полуострове до 1944 года сохранялись этнические группы индоевропейского, тюркского и другого происхождения, пользовавшиеся, до определённого времени, собственными языками и диалектами.

Сохранение фенотипического разнообразия и, как следствие, своеобразия отдельных деревень крымских татар и полная языковая унификация свидетельствует о формировании единого языкового и культурного пространства при сохранении этнической изоляции. Этническая конгломератизация сохраняется до 1944 года, до момента депортации и, по инерции, некоторое время существует и в местах депортации крымских татар.

Сроки и временные пределы языковой конгломератизации различны в южнобережном, горном, предгорном и степном регионах Крымского полуострова. В южнобережном субэтносе крымских татар, при общей собственно его конгломеративной самостоятельности, можно отметить неоднородность и самостоятельность судакской, алуштинской, ялтинской и балаклавской групп говоров и говорить о внутренней конгломеративности. Конечный этап языковой конгломератизации горной крымской народности – XV–XVI века, когда в наиболее полно письменно зафиксированном языке группы говоров района горы Ай-Петри происходит замена готской лексики лексикой говоров среднего диалекта крымскотатарского языка.

Более общий уровень самостоятельности, межъязыковой конгломеративности в Крыму – своеобразие языка и культур урумов, караимов и крымчаков. Преодоление языковой конгломеративной изолированности с сохранением этнических особенностей происходит как на внутренних уровнях крымскотатарского языка, так и на внутрикрымском межъязыковом уровне. Большую роль играет также конфессиональный фактор. Принятие ислама при наличии одного из диалектов крымскотатарского языка вводило человека и его семью в единый весьма разнообразный народ – крымские татары или крымцы.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, этническая и языковая конгломератизация.

Формирование и развитие того или иного языка – сложный, многосторонний процесс, включающий различные виды изменений и состояний, связанных с местом, временем и условиями, в которых формируется и существует народ – его носитель. Цель предпринятого исследования – описание одного из видов этнического и языкового состояния, определяемого нами термином – конгломерация или конгломератизация (от конгломерат, лат. conglomeratus – скрученный, уплотнённый) – соединение разнородных единиц (предметов, понятий и т.д.). Под конгломератизацией в нашей работе подразумевается совокупность этнических групп, их культур, языков соседствующих на определённой местности, контактирующих, воспринимающих себя и своих соседей как нечто единое, но не смешивающихся, сохраняющих фенотипическое (генетическое), языковое и конфессиональное своеобразие.

Причиной появления конгломератизации как этноязыкового явления выступают географические, исторические, политические и другие факторы. Первый из выше перечисленных факторов – географический наиболее заметен и устойчив при выявлении описываемого явления. Горные массивы в той или иной местности часто являются основным условием сохранения малых народов, отдельных этнических групп. Этническое и языковое многообразие Северного Кавказа, сохранение на Памире и Западном Тянь-Шане памирцев и других малых народностей – подтверждает данный тезис.

Описываемый процесс конгломератизации часто является следствием полиэтничности. Эта проблема рассматривалась в предыдущих наших работах [3, 4]. В статьях была описана индоевропейско-тюркская этноязыковая контактная зона, отличающаяся большим количеством этносов и этнических групп и языков их обслуживавших. Вместе с тем, конгломератизация является одной из причин сохранения полиэтничности, так как изоляция и самоизоляция этноса продлевает его существование и способствует накоплению этнических групп в определённой местности. На Крымском полуострове до 1944 года сохранялись этнические группы индоевропейского, тюркского и другого происхождения, пользовавшиеся до определённого времени собственными языками и диалектами. Наиболее разнообразна в этническом и языковом отношении была горная часть полуострова, где наряду с готским, аланским языками функционировал ряд других языков.

Во второй половине II тысячелетия происходит постепенное преодоление языковой конгломеративной изолированности с сохранением этнических особенностей. Этот процесс наблюдается как на внутренних уровнях собственно крымскотатарского языка, так и на внутрикрымском межъязы-

ковом уровне. При этом большую роль играет конфессиональный фактор. Принятие ислама при использовании одного из диалектов крымскотатарского языка вводило человека и его семью в единый мультиэтничный народ – крымские татары или крымцы, хотя и в этом случае сохранялись этнически выделяющие себя группы мусульманских народов: турков, казанских татар, представителей кавказских народов.

Следует оговорить сроки, временные промежутки существования этнической и языковой конгломератизации. Это явление сохраняется до 1944 года, до момента депортации и по инерции некоторое время существует и в местах спецпоселений крымских татар. Как его остаточный факт можно рассматривать сохраняющееся поныне у части крымцев стремление жениться/выходить замуж на/за бывших односельчан, или жителей бывшего «своего» района. Это явление усиливается в районах так называемых «своеобразных деревень»: весь ряд озенбашских деревень, деревня Ускут. Элемент изоляции в данных районах сохраняется до сих пор и определяет их фенотипическое и языковое своеобразие. Существование такой конгломеративной изолированности отразилось в фольклоре и юморе крымских татар. Иллюстрацией указанного явления может служить сказка «Учкюндюр акъай», герой которой, оказавшись за пределами своего села, становится совершенно беспомощным.

Сохранение фенотипического разнообразия и, как следствие, своеобразия отдельных деревень крымских татар и полная языковая унификация свидетельствует о формировании единого языкового и культурного пространства при сохранении этнической изоляции. Косвенным свидетельством этнической изолированности, составлявшей основу конгломератизации наряду с фенотипическим разнообразием следует расценивать существование обычая крымских татар не жениться на родственниках вплоть до седьмого колена во избежание генетических заболеваний и наличие института свах – *къудалар*, игравшего большую роль в функционировании крымскотатарского общества.

Сроки и временные пределы языковой конгломератизации различны в южнобережном, горном, предгорном и степном регионах Крымского полуострова. В южнобережном субэтносе крымских татар, при общей собственно его конгломеративной самостоятельности, можно отметить неоднородность и самостоятельность судакской, алуштинской, ялтинской и балаклавской групп говоров, и говорить о внутренней конгломеративности. Причиной этого, на наш взгляд, является полиэтничность южнобережного населения Крыма (при доминировании греческой составляющей) и функционирования в этом регионе нескольких греческих, а затем турецких диалектов. Утрату языковой конгломеративной составляющей следует определить периодом с XV до XVIII века, когда южнобережные и горные

районы Крымского полуострова входили с состав Турецкой империи. Происходила постепенная замена или вытеснение греческой и другой лексики турецкими говорами. Тем не менее, как остаточный факт языковой и этнической конгломеративности следует рассматривать село Ускут и его жителей крымских татар. По некоторым данным, около трёхсот семей вернулось в родное село. В языке жителей этой деревни до сих пор сохраняется наибольшее количество греческой лексики при сравнении его с другими крымскотатарскими говорами. По свидетельству жителей близлежащих поселений (город Алушта, село Тувак) вплоть до начала XX века отличался также костюм ускутцев. В нём сохранялись до самого последнего времени широкие штаны турецкого образца, что часто служило причиной насмешек горожан. Данный факт является ещё одним свидетельством конгломеративной изолированности.

Конечный этап языковой конгломератизации горной крымской народности – XV–XVI века, когда в наиболее полно письменно зафиксированном языке группы говоров района горы Ай-Петри происходит замена готской лексики лексикой говоров среднего диалекта крымскотатарского языка. В самом тексте записей, составленных бароном Авгиером Бусбеком в 1562 году, по которым наиболее точно можно судить о структуре языка говоров этого региона, указывается на наличие в готской речи послов из Горного Крыма единиц и элементов тюркской лексики [1, 5]. Существование до XV века пяти христианских епархий в Горном Крыму, связанных с отдельными этническими группами, составляло основу конгломеративного многообразия этого региона. При этом княжество Феодоро выступало как единое государственное образование, объединявшее греческую, готскую, аланскую и другие составляющие. Преодоление языковой изолированности формирующейся горной крымской народности происходило за счёт влияния двух тюркских диалектов: с юга – огузированных говоров балаклавской и судакской групп говоров южного диалекта, с севера – бахчисарайской и других групп говоров среднего диалекта. В результате этого влияния на западе, востоке и в южной части горной гряды кыпчакские говоры вытесняются южными огузированными говорами.

Отдельной группой, сохраняющей до 1944 года этническое и языковое своеобразие, являлись носители степного диалекта крымскотатарского языка. Свидетельством этого была, проходившая условной дугой, граница Евпатория – Буюк-Онлар – Феодосия, разделявшая ногайцев и собственно татар (носителей среднего диалекта, потомков кыпчакско-половецких или западнокыпчакских племён). Северная часть Крымского полуострова носила название «ногъайлыкъ», средняя полоса – «татарлыкъ». Своеобразие проявлялось не только в языке, но и в музыке, одежде и еде.

Более общий уровень самостоятельности, межъязыковой конгломе-

ративности в Крыму – самостоятельность и своеобразие языка и культур урумов, караимов и крымчаков. Как отдельное явление – ромейский язык, формировавшийся на основе диалектов греческого языка и сохранявший своеобразие за счёт пополнения, притока греческого населения вплоть до XVII века.

Отличия урумского языка – результат двухсотлетней самостоятельности и консорционной изолированности в Приазовье. Хотя, по мнению А.Н. Гаркавца, существуют некоторые ранние факторы первичной, дозападнокыпчакской, хазаро-булгарской тюркизации урумского языка [2]. Эти формы особенно отчётливо просматриваются в ранних источниках фиксации урумского языка. Возможно, их следует искать среди готской лексики в текстах, зафиксированных австрийским послом в Турции бароном Авгиером Бусбеком [1, 5].

Следует также добавить, что не всегда понятия конгломеративность и изолированность совпадают полностью. Можно констатировать конгломеративность крымскотатарских субэтносов и относительную конфессиональную изолированность караимов и крымчаков. Изолированность позволяет сохранить этническую самостоятельность караимам и крымчакам. Отсутствие или минимальное количество межэтнических браков позволило сохранится этим малым народам до сегодняшнего времени. Меньшая степень изолированности урумов привела к их консолидации, при сохранении конгломеративной обособленности. При выселении христианского населения в Приазовье, оставшейся часть этого этноса в Крыму приняла ислам и превратилась в горную крымскую народность крымских татар. Выехавшая часть урумского населения в результате консорционной изолированности сохраняет конфессиональное, культурное и, отчасти, языковое своеобразие в местах компактного проживания, центрами которых являются города Мариуполь и Мелитополь. Как отмечалось выше, язык горной крымской народности основан на среднем диалекте крымскотатарского языка с существующими некоторыми особенностями в крайних зонах её расселения: Байдарской долине и в горной части судакского района. В этих районах происходит переход к огузированным говорам по мере приближения к Балаклаве и Судаку соответственно.

Итак, на основании проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1. В различных регионах сосуществуют самостоятельные в языковом и культурном отношении этносы.
2. Сохраняя самостоятельность, они зачастую сближаются, составляя единый конгломерат, и воспринимаются как отдельный этнос.
3. Наиболее ярко явление конгломеративности проявилось в Крыму, где до 1944 года в составе единого народа сохранялись самостоятельные

этнические группы, объединённые языком, верой, но имевшие фенотипические, психологические и другие черты своеобразия.

4. Как более общий уровень конгломеративной изолированности можно рассматривать сосуществование в едином крымском языковом и культурном поле крымскотатарского, караимского, крымчакского и урумского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ганина Н.А*. Крымско-готский язык. СПб.: Алетейя, 2011. 288 с.
2. *Гаркавец А.Н.* Тюркские языки на Украине (развитие структуры). К.: Наукова думка, 1988. 176 с.
3. *Мазинов А.С.* Тюркские языки Крыма с моно- и полиэтничной основой в восточноевропейской этноязыковой контактной зоне. Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, 2014, Том 27 (66) № 4, ч. 1, филология. С. 318-323.
4. *Мазинов А.С.* Этнолингвистическое исследование контактных языковых зон. Культура народов Причерноморья, 2009. № 158. С. 90–92.
5. *Тищенко К.М.* Етномовна історія прадавньої України. К.: «Аквілон-Плюс», 2008. 480 с.

Сведения об авторе: Ахтем Сеит-Аметович Мазинов – кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, Крымский инженерно-педагогический университет (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Крым, Российская Федерация); ahtemmazinov@mail.ru

Conglomeration as ethnic and linguistic factor of Turkic languages formation in the Crimea

Ahtem Mazinov
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract. In this work the condition of conglomeratization is studied. Itisacomplexof Turkicgroups, theircultures, languages neighboring on territory of a definite-country, contacting, considering them selves and their neighbors to be like something unified, but they aren't mixed, keeping their pheno-typical (genetic), language and confessional originality.

Main causes of conglomeratization occurrence being ethno-linguistic phenomenon are geographic, historic, political and other factors.

Describedabove process of conglomeratization is often a result of polyethnicity.

Ethnic groups of Indo-European, Turkic and of other origin were on the territory of

the Crimean peninsula up to 1944 year. They used their own languages and dialects up to a certain time.

Preservation of pheno-typical diversity and, as a result, identity of some Crimean Tatars' villages, total language unification tells about formation of common linguistic and cultural space at the conditions of ethnic isolation keeping.

Ethnic conglomeratization was preserved till 1944, up to the moment of deportation and during some time, being a habit, it was noticed on the territory of Crimean Tatars' outgoing.

Terms and time limits of linguistic conglomeratization are different in the south-coast, mountain, piedmont and prairie regions of the Crimea peninsula.

In case of its total conglomerated independence at south– coast subethnos of the Crimean Tatars, one can notice heterogeneity and self-sufficiency of Sudak, Alushta, Yalta and Balaklava groups of dialects and to describe the process of internal conglomeration.

Final stage of linguistic conglomeratization of mountain Crimean nation is XV-XVI centuries, when Gothic vocabulary was changed on lexical units of dialects of middle one of the Crimean Tatars' language, and it was done in the most completely written language of the dialects group of Ai-Petri mountain region.

More common level of heterogeneity, intra-linguistic conglomeration in the Crimea is independence and diversity of the language and culture of Urums, Karaims and Krymchaks.

Overcoming of linguistic conglomerated isolation with preserving of ethnic features takes place both on the internal levels of Crimean Tatars' language and on the internal – Crimean intra-linguistic one. Confessional factor also plays a great point here.

In case of speaking on one of the Crimean Tatarian dialects,adoption of Islam introduces a person and his family in united rather diverse nation – Crimean Tatars or Kryimtsi.

Keywords: Crimean Tatarian language, ethnic and linguistic conglomeratization.

REFERENCES

1. Ganina N. A. *Krimsko-gotskiy yazik.* [Crimean Gothic language]. Saint-Petersburg, Aleteya. 2011. 288 p.
2. Garkavets A.N. *Tyurkskie yazyki na Ukraine (razvitie struktury)*. [Turkic languages in Ukraine (development of the structure)] Kiev, Naukova dumka, 1988. 176 p.
3. Mazinov A.S. Tyurkskie yazyki Krima s mono– i polyetnicnoy osnovoy. [The Turkic languages of the Crimea with mono – and polyethnic basis in the Eastern European ethno-linguistic contact zone. Culture of people of the Black Sea coast] 2014. no. 4. pp. 318-323.
4. Mazinov A.S. Etnolingvisticheskoe issledovanie kontaktnykh yazykovykh zon. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya – Ethno-linguistic study of language contact zones. Culture of people of the Black Sea coast*, 2009, no. 158, p. 90 – 92.
5. Tishchenko K.M. *Etnomovna istoriya pradavn'oï Ukraïni* [Ethno-linguistic history of ancient Ukraine] Kiev, Akvilon-Plyus, 2008. 480 p.

About the author: Ahtem Seit-Ametovich Mazinov – Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor of the Department of the Crimean Tatar and Turkish Linguistics, Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebniy lane, 8, Simferopol, Crimea, Russian Federation); ahtemmazinov@mail.ru

УДК 811.512.162

О роли азербайджанского языка в быту и культуре кавказских народов в XIX веке

Тахир Шахбазов
(Институт археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана)

Аннотация. Азербайджанский язык является одним из старописьменных языков Востока, и это давно научно доказано. Так, замечательный памятник азербайджанской (тюркской) литературы «Китаби-Деде Горгуд» по меньшей мере относится к периоду распространения ислама (VIII-IX вв.) в Азербайджане. Совершенство художественного языка этого памятника свидетельствует о том, что до появления «Китаби-Деде Горгуд»а азербайджанский язык должен был пройти длительный этап историко-литературного развития. Обогатившийся на протяжение всего средневековья, уже к началу XIX в. азербайджанский язык играл роль «лингва франка» для народов всего Кавказа. Но в начале XIX века – после включения Кавказа и Северного Азербайджана в пределы Российской империи, царизм проводил жесткую политику государственного языка, и вследствие этого азербайджанский язык был вытеснен из основных сфер государственной и общественной жизни. Несмотря на это, азербайджанский язык выполнял роль языка-посредника в межэтническом общении и по существу являлся основным способом сношений между всеми народностями края. Органы царской власти также посредством азербайджанского языка в восточных и юго-восточных провинциях империи строили политические и дипломатические отношения, создавали экономические и торговые связи. Азербайджанцы в языковом отношении оказывали большое влияние не только на представителей бесписьменных языков, но и на русских, живущих в различных регионах Азербайджана. Они знали азербайджанский язык и этим пользовались не только в отношениях с азербайджанцами, но даже в разговоре между собой. Многие дагестанские, грузинские и армянские ашуги пели и творили именно на азербайджанском языке. Неслучайно роль азербайджанского языка на Кавказе многими авторами оценивалась на уровне роли французского в Европе. В статье привлечены к исследованию и другие вопросы, связанные этими проблемами.

Ключевые слова: Азербайджанский язык, «Китаби-Деде Горгуд», Кавказ, Дагестан, торговля, Е. Вейденбаум, торговые соглашения, Баку, Шеки.

Язык составляет один из важнейших компонентов национального бытия, поскольку он является не только коммуникативным средством, но и выполняет весьма существенные сигнификативные функции, выступая в качестве условного знака принадлежности его носителей к определенной

этнической общности. Неслучайно, в научной литературе при определении основных признаков как этнических образований вообще, так и отдельных их типов, язык уже давно неизменно выдвигается на первое место, и для этого есть достаточное основание [4, с.111].

Язык – это зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира. Он хранит культурные ценности в фольклоре, в художественной и научной литературах, в формах письменной и устной речи, передает ее из поколения в поколение. С этой точки зрения и азербайджанский язык не является исключением. История азербайджанского (тюркского) языка – одного из старописьменных языков мира, неразрывно связана с древней и богатой историей азербайджанского народа, он формировался на базе, главным образом, огузских и отчасти кыпчакских диалектов. Несмотря на то, что некоторые исследователи формирование азербайджанского литературного языка относят к XIII веку, тщательный анализ словарного состава и грамматической системы самых ранних памятников, а также некоторые факты позволяют сделать вывод о том, что азербайджанский язык сложился значительно раньше XIII века [5, с. 5]. Замечательный памятник азербайджанской (тюркской) литературы «Китаби-Деде Горгуд» по меньшей мере относят к периоду распространения ислама (VIII–IX вв.) в Азербайджане. Поэтому совершенство художественного языка этого памятника лишний раз свидетельствует о том, что для появления «Китаби-Деде Горгуд»а, азербайджанский язык должен был пройти длительный этап историко-литературного развития [3, с. 7].

На протяжении средневековой истории в азербайджанский язык проникли элементы персидского и арабского языков. Тем не менее, в достаточно сложных исторических условиях азербайджанцы сумели сохранить и усовершенствовать свой родной язык. Именно благодаря широким народным массам в устной форме азербайджанского языка всегда преобладала общенародная основа, под благотворным воздействием которой к началу XVI в. и в письменном литературном языке усилилась тенденция замены арабо-персидских заимствований исконно азербайджанскими словами. Усилиями Мухаммеда Физули и Шах Исмаила Хатаи эта тенденция была особенно заметна в художественно-литературном стиле азербайджанского языка, в котором ведущее место занимал стихотворный жанр [3, с. 8-9].

В начале XIX века, точнее, после включение Кавказа и Северного Азербайджана в пределы Российской империи, языковая политика царизма оказала существенное влияние на дальнейшее развитие языковой ситуации в стране. Так, отвергая равноправие языков, царизм проводил жесткую политику государственного языка, которая заключалась в насильственном на-

вязывании населению своих колоний русского языка в ущерб их родным языкам. Колониальные власти создавали многочисленные препятствия для развития родного языка азербайджанцев, печати, литературы, театра и других форм культурной жизни, функционировавших на национальном языке [3, с. 12]. Весьма характерным в этом отношении является реакция начальника Главного управления по печати царской России Соловьева на просьбу известного азербайджанского публициста, педагога и общественного деятеля Магомед аги Шахтахтинского (1846–1931), который пытался получить разрешение властей на издание газеты «Тифлис» на азербайджанском языке. М. Шахтахтинскому в удовлетворении этой просьбы было отказано, в официальном же ответе Соловьева было сказано: «…Сближение носителей других языков с русскими может происходить исключительно на базе распространения просвещения на русском языке. Появление общемусульманского периодического издания не сблизит, а наоборот, разъединит мусульман с русскими. Желание М. Шахтахтинского издать газету на тюркско-азербайджанском языке может дать толчок к изданию собственной журналистики народа, до сих пор не имевшего печати на родном языке, и в конечном итоге, к скорому отделению азербайджанцев от России» [10].

Кроме того, переселенческая политика, проводимая царскими властями на протяжении XIX века, также служила русификации и христианизации Южного Кавказа. Так, начиная с 1817–1818 годов на территорию Азербайджана были переселены вютембергские немцы, которые в начале XIX века вообще отсутствовали в этнической номенклатуре края. А в начале XX века их в стране уже было 15.990 человек, и они составляли 0,41% населения [7, с. 261]. Вслед за ними началось массовое переселение из Ирана и Турции армян. Всего до конца XIX века царским правительством на исторические азербайджанские земли было переселено в общей сложности около 1 миллиона армян [3, с. 22]. Весьма интересны высказывания Н. Шаврова по этому поводу. В 1911-м году он писал: «...Из 1 млн. 300 тыс. душ, проживающих ныне в Закавказье армян, более 1 млн. не принадлежит к числу коренных жителей края и поселены нами…» [14, с. 60-61]. Начиная с 30-х гг. XIX века в Азербайджан переселялись и русские сектанты, и раскольники – молокане, духоборы, субботники и др., в количестве примерно 2 109 семейств. А в начале XX века русских в Северном Азербайджане уже было 249.779 человек, и их удельное количество достигало 6,65 % местных жителей [7, с. 261].

Несмотря на это, авторы, специально изучавшие языки народов Кавказа и Дагестана, также подтверждали факт того, что по всему Дагестану тюркско-татарский (азербайджанский) язык считался интернациональным [9, с. 71]. Этот язык в XIX в. играл роль «лингва франка» не только для народов Южного, а также для народов Северного Кавказа. Русский язык, возведенный в ранг государственного, все-таки еще не мог эффективно вы-

полнять аналогичную миссию в крае. Как указывал Н. Зейдлиц, азербайджанский язык, который был вытеснен из основных сфер государственной и общественной жизни, по прежнему выполнял роль языка-посредника в межэтническом общении и по существу являлся основным «способом сношений между всеми народностями края» [14, с. 48]. Эта особенность была отмечена и другими авторами XIX века. Например, по словам Е.Г. Вейденбаума, совершившего путешествие на Кавказ в 80-е годы XIX века, наречие азербайджанских тюрков, именуемых азербайджанскими татарами, на Западе соприкасается с наречием османлы (турецким языком) населения Карской области. Вверх по Куре оно доходит до Тифлиса, стоящего на рубеже грузинского и тюркского населения. Простота и доступность для изучения сделали азербайджанское наречие международным языком для всего Восточного Закавказья [6, с. 120]. Известный декабрист А. Бестужев-Марлинский писал, что с языком закавказских татар (азербайджанцев – Т.Ш.), как с французским в Европе, можно пройти из конца в конец всю Азию [22, с. 114]. Великий русский поэт М.Ю. Лермонтов, изучавший азербайджанский язык во время ссылки на Кавказе, отмечая его преимущества, писал: «…Начал учить татарский (азербайджанский – Т.Ш.) язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе…» [19, с. 523–524].

Прибывший на Кавказ знаменитый немецкий путешественник Августфон Гатсгаузен, в свою очередь, писал: «…Армяне сочиняют свои песни не на армянском, а на татарском языке, ибо есть язык сообщения, торговли и взаимного разумения между народами на юге Кавказа. В этом отношении его можно сравнить с французским языком в Европе. В особенности же он язык поэзии, и это, вероятно, одна из причин, почему так мало писаных стихотворений на армянском языке» [24, с. 238–239].

Кстати, определение азербайджанского языка автором как «языка торговли» не было случайным. Так, император Александр I, учитывая преимущества и широкую распространенность этого языка среди кавказских народов, для использования тюркоязычными народами империи подписанных в 1817 году торговых договоров и указов, давал предпочтение в тюркских переводах именно материалам на азербайджанском языке [10, с. 35].

Отметим также, что «патриарх» российского востоковедения, великий азербайджанский ученый Мирза Казым-бек считал необходимым для 5 слушателей, предназначенных к службе в Закавказье, знание местного азербайджанского наречия, составляющего единственный общенародный язык Закавказья. Он выдвинул предложение о преподавании этого наречия (азербайджанского тюркского языка) в Казанском Университете [25, с. 134]. Видный исследователь истории и культуры Дагестана XIX века Г.А. Сергеева пишет, что в XIX – начале XX века основными вторыми языками, или языками-посредниками, по литературным и полевым сведениям, являлись азербайджанский для южных

районов Дагестана, аварский – для западных, кумыкский – для центральных и восточных. Среди этих языков в целом по Дагестану наибольшее распространение получили кумыкский и азербайджанский, принадлежащие к тюркской группе. Эти языки стали языками общения неслучайно. Уже с давних пор между горцами и жителями равнины и предгорий – кумыками и азербайджанцами сложились устойчивые межэтнические связи как результат их хозяйственных контактов. Главными из этих контактов были сдача земель в аренду населению горного Дагестана, соответственно арендование горных пастбищ, привлечение горцев в стадную пору для земледельческих работ, обмен продуктами хозяйства и ремесла [26, с. 91–92].

Далее автор отмечает, что из-за важности знания азербайджанского языка в контексте взаимных производственно-культурных отношений горцы, чтобы обучить детей этому языку специально отправляли их на довольно долгий срок в татарские села. Потому что знание этого языка являлось одним из необходимых условий для существования горца [26, с. 92].

Тушины-овцеводы также с детства обучали мальчиков азербайджанскому языку, определяя их для этого обычно на год в семьи своих кунаков-азербайджанцев. Почти в каждой семейной общине тушин имелся, по крайней мере, один член, знающий азербайджанский язык. Такой член общины назывался «мене» (специалист по языку). Он помогал общине устанавливать взаимоотношения с соседними народами [7, с. 169]. По словам К. Гана, обогащение словарного запаса рутульского языка азербайджанскими словами происходило параллельно с распространением среди рутульцев азербайджанского языка, знание которого стало необходимым для сношений не только с азербайджанцами, но и с населением Южного Дагестана – лезгинами, цахурами, частично с лакцами, где этот язык также получил широкое распространение [9, с. 71]. С помощью азербайджанского языка рутульцы общались также и с русской администрацией [17, с. 142].

Языковые контакты особенно интенсивно происходили и в табасарано-азербайджанской зоне, которая являет собой пример того, как второй язык (азербайджанский) постепенно завоевывал у соседнего народа такую прочность, что в ряде случаев даже вытеснял родной (табасаранский). Как отмечал в 1876 г. Г. Бекнер, тюрко-азербайджанское наречие произвело ощутимое влияние на некоторые горские языки, а табасаранцы, живущие поблизости к Дербенту, забывают все более родную речь [21, с. 42]. Как пишет Г. Сергеева, «для табасаранцев азербайджанский язык был не только языком близкого соседа, с которым поддерживались экономические и семейно-бытовые связи (часто отмечались национально-смешанные браки, т.е. табасаранцы женились на азербайджанках) и через территорию которого проходил их торговый путь, но и языком-посредником, помогавшим им общаться в торговых делах с дербентскими азербайджанцами» [26, с. 107–108].

В межрегиональной дагестано-азербайджанской этноконтактной зоне знание языка соседнего крупного народа – азербайджанцев, являлось для дагестанцев жизненной необходимостью, так как основные зимние пастбища, куда они отгоняли свой скот, располагались в Северном Азербайджане. С наступлением осени мужчины (особенно цахуры и рутульцы), иногда с семьями и стадами, проходили через горные перевалы в Азербайджан. Кроме того, Азербайджан являлся местом отхода, куда из Дагестана шли на заработки, а также для расширения торговых отношений [18, с. 5–9]. Азербайджанские города – Куба, Шеки, Баку и другие были местом, где дагестанские крестьяне и ремесленники сбывали свою продукцию.

Особый интерес представляет мнение исследователя М. Магамедханова о роли и положении азербайджанского языка среди дагестанских народов. По его словам, «социально-коммуникативные функции лезгинского языка среди народов Южного Дагестана были ограничены сферой бытового межэтнического общения. Показателен в этой связи пример почти полного отсутствия сочинений на лезгинском языке, созданных табасаранцами, рутульцами, цахурами, агулами. Более того, по сложившейся традиции доминирующие позиции в культурной жизни лезгин принадлежали тюркскому (азербайджанскому) языку и тюркской письменности» [20, с. 346–347]. Причем армяне и евреи, проживавшие на территории Южного Дагестана, нередко между собой общались на азербайджанском языке [23, с. 168]. Вплоть до 30-х годов XX века, т.е. до создания дагестанских национальных письменностей, языком обучения в школах Дагестана являлся азербайджанский язык. В моллаханах, медресе – духовных семинариях и других учебных заведениях Дагестана преподавали азербайджанские ученные – Хасмагамед Ширванлы, Абдулла Агдаши и другие. В школах и высших учебных заведениях Азербайджана получили образование многие дагестанские поэты, писатели и общественные деятели [27, с. 17].

Подлежит особому вниманию и тот факт, что азербайджанцы в языковом отношении оказывали большое влияние не только на представителей бесписьменных языков, но и на русских, живущих в различных регионах Азербайджана. Так, в конце XIX века в селе Ивановка Геокчайского уезда Бакинской губернии русские также знали азербайджанский язык, и они этим языком пользовались не только в сношениях с азербайджанцами, но и даже в разговоре между собой [16, с. 274]. Жизнь в тесном окружении азербайджанцев, экономическая, производственная и общественная связь с ними приводила не только к усвоению азербайджанского языка со стороны определенной части русских переселенцев, но и наложила определенный отпечаток на лексику их языка. В словарный состав русских переселенцев проникало много азербайджанских слов. Хотя необходимо признать, что по сравнению с другими народами региона, масштабы использования русски-

ми азербайджанского языка для межэтнического общения в то время были ограниченными [3, с. 33].

Ведущая роль азербайджанского языка была очевидна в различных областях искусства, в частности, в музыкальном творчестве и в поэзии кавказских народов. Известный лезгинский ашуг, классик лезгинской литературы Саид Кочхюрский создавал свои произведения как на родном, так и на азербайджанском языках, развивал азербайджанскую ашугскую импровизацию. Многие лезгинские ашуги (Ашуг Раджаб, Гонагбек, Тагирбек, Таймирза, Халил, Алихан, Эфенди Гара Гарун, Мемирза Арслан, Мирзабек, Шахбан, Агабек, Алибек, Балай, Эмир, Элхан, Нурмугамед, Агаширин, Абдулхадир и др.) знали и исполняли отрывки из таких известных азербайджанских произведений как «Книга моего деда Коркута», «Короглы», «Ашыг Гериб», «Асли и Керем», «Алихан и Пари» и др. [1, с. 40]. Азербайджанские мугамы – крупные вокально-инструментальные произведения и теснифы также были очень популярны среди населения и Южного, и Северного Кавказа.

Видный дагестанский ученый и поэт Гасан Алкадари воспитывался в духе азербайджанской культуры, отлично владел азербайджанским языком, знал культуру, обычаи и нравы азербайджанского народа. В 1905-ом году он превратил свое медресе в светскую школу, где начал вести преподавание на азербайджанском языке. Он был большим поклонником М.Ф. Ахундова, А. Бакиханова, писал свои научные трактаты, стихи, оды, газели и элегии на азербайджанском языке. Г. Алкадари дружил с Гасан-беком Зардаби, был корреспондентом газеты «Экинчи», учредителем которого был Г. Зардаби. Етим Эмин – видный дагестанский поэт, воспитанный на традициях азербайджанской классической литературы и народного творчества, Мирзаальи-Ахти, Гаджи Эфенди ал-Ахти, Мазали Али и многие другие также наряду со своим родным языком творили на азербайджанском. Популярный по всему Кавказу сатирический журнал «Молла Насреддин», издателем которого был великий азербайджанский писатель Джалил Мамедкулизаде, распространялся по всему Дагестану и прославился среди его многочисленных народов. А после установления советской власти в Дагестане на азербайджанском языке издавались такие органы печати как газета «Самур фугерасы» и журнал «Маариф йолу» [11, с. 30–37].

Как нам известно, в XIX веке Тифлис являлся не только крупным административным центром Российской империи на Кавказе, а также культурным центром, местом общения представителей интеллигенции южнокавказских народов. Здесь собирались передовые прогрессивные деятели разных национальностей, сближались и учились языку друг друга. Армянские и грузинские ашуги хорошо знали азербайджанские народные эпосы («Асли и Керем», «Кероглы», «Ашуг Гариб») и песни. Поэтому в сохранившихся тетрадях тифлисских ашугов начала XIX в. значительное чис-

ло записей составляют песни из азербайджанских народных дастанов, что указывает на большой интерес тифлисского населения к азербайджанскому фольклору [2, с. 54]. Песни Кероглы настолько широко были известны в Грузии, что многие знали их наизусть.

Азербайджанские песни получили признание также среди грузин и армян. По этому поводу И. Евлахов (Евлахашвили) писал: «Татарские (азербайджанские – Т.Ш.) песни поются всюду, на каждом пиршестве, нередко грузин или армянин в разгаре пира или минуту одиночества заливается от души татарскою песнею…» [15].

Известный грузинский поэт А. Чавчавдзе был большим любителем азербайджанских песен, прекрасно владел азербайджанским языком и дружил со знаменитым азербайджанским певцом того времени Аллаверди [2, с. 65]. Гр. Орбелиани, Н. Бараташвили и многие другие представители грузинской литературы также владели азербайджанским языком и с большой любовью относились к азербайджанской поэзии.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что, несмотря на давление и все искусственные препятствия, создаваемые царскими властями, в XIX веке азербайджанский язык продолжал свою ведущую роль в социально-политической и культурной жизни, а также в межэтнических связях Кавказского региона. Неслучайно к концу века в стране появилась целая плеяда поэтов и писателей, творивших на азербайджанском языке, которые пользуясь широкими художественными и техническими возможностями этого языка, подарили большое число образцов мировой литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азербайджанцы (историко-этнографические очерки). Баку: Элм, 1998. 300 с.
2. *Алиева Д.* Из истории азербайджано-грузинских литературных связей. Баку: Изд-во Академии Наук Азерб. ССР, 1958. 175 с.
3. *Балаев А.* Этноязыковые процессы в Азербайджане в XIX-XX вв. Баку: Нурлар, 2005. 328 с.
4. *Бромлей Ю.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 411 с.
5. *Будагова З.* Азербайджанский язык (краткий очерк). Баку: Элм, 1982. 139 с.
6. *Вейденбаум Е.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. 434 с.
7. *Вердиева Х.* Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане (XIX – начале XX вв). Баку: Алтай, 1999.298 s.
8. *Волкова Н.* Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – нач. XX) // Кавказский Этнографический Сборник (КЭС). 1989. Т. IX. С. 159-215.
9. *Ган К.* Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 года) // Сборник

материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). 1902. Вып. XXXI. Отд. 2. С. 49-96.

10. Государственный архив Грузинской Республики. Ф. 480. Оп.1. Ед. хр.1358. Л. 2.

11. *Джабраилова Ф.* Из истории азербайджано-дагестанских литературных связей. Автореф. дисс. на соиск. канд. фил. наук. Баку, 1963. 46 с.

12. *Джахангиров М.* Возникновение азербайджанского национального литературного языка. Т. I. Баку: 1978.234 с.

13. *Зейдлиц Н.* Этнографичесий очерк Бакинской губернии // Кавказский календарь на 1871 год. Отд. 4. Тифлис: Типография Главного Управления Главного Наместника, 1870. с. 1-45.

14. История Азербайджана по документам и публикациям (под ред. академика З.М. Буниятова). Баку: Элм, 1990, 384 с.

15. Кавказ (газета). 1850. № 64-65.

16. *Калашев Н.* Селение Ивановка, Геокчайского уезда, Бакинской губернии // СМОМПК. Вып. 13. Отд. 2. С. 238-288.

17. *Лавров Л.* Рутулцы в прошлом и настоящем // КЭС.М-Л: Изд. Акад. Наук СССР, 1962. С. 110-157.

18. *Лавров Л.* Роль естественно-географических факторов в истории народов // КЭС. 1989. Т. IX. С. 4-15.

19. *Лермонтов М.* Полное собрание сочинений. В 4 томах. Т. IV. М.: Госполитиздат, 1957. 594 с.

20. *Магомедханов М.* Языковая идентичность в условиях этнического смещения // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Батуми: 7-8 сентября 2006 г.

21. *Магамедханов М.* Дагестанцы: Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М.: ООО «ДИНЕМ», 2008. 272 с.

22. *Марлинский А.* Полное собрание сочинений. Т. I. Ч. 2. СПб, Тип. Министерст. Гос. имуществ., 1847. 160 с.

23. Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношениях. Ч. 3. СПб, Типография департамента внешней торговли. 1836. 392 с.

24. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом (по рассказам путешественников, поэтическим произведениям А. Пушкина, М. Лермонтова, Я. Полонского и ученым исследованиям). СПб, 1869. 413 с.

25. *Рзаев А.* Очерки об ученых и мыслителях Азербайджана XIX века. Баку: Маариф, 1969. 142 с.

26. *Сергеева Г.* Межэтнические связи народов Дагестана во второй половине XIX-XX вв. (этноязыковые аспекты) // Кавказский Этнографический Сборник (КЭС). Т. IX. М:, Наука, 1989. С. 89-136.

27. *Ярахмедов М.* Азербайджано-дагестанские литературные связи (XIX-XX вв). Авт. дисс. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук). Баку: 1992. 33 с.

Сведения об авторе: Тахир Сеидали оглы Шахбазов – доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан); sh-tahir@rambler.ru

About the role of the Azerbaijani language in the life and culture of the Caucasian peoples in the nineteenth century

Tahir Shahbazov
(The Institute of Arceoholoji and Etnoqrafiy Azerbaijan National Akademy of Sciences)

Abstract. Belonging of the Azerbaijani language to the oldest written languages of the East has long been scientifically proven. The first written monument of this language, which reached to the present day, the epic "The Book of DedeKorkut" is the memory of pre-Islamic period, even if we take the latest one of the time when Islam began to be spread in Azerbaijan. The level of the epic's language shows that, the Azerbaijani language had passed a long period of historical-literary formation before the creation of the epic, developed and enriched throughout the medieval centuries and served as the primary means of communication at the end of the eighteenth – XIX centuries for the peoples of the Caucasus region. Ashygs of Dagestan, Georgia and Armenia created and sang in the Azerbaijani language. In addition, the authorities of the tsarist Russia established political and diplomatic relations with the eastern and south-eastern provinces of the Empire through the Azerbaijani language, and created economic and trade relations. The fact was repeatedly mentioned in the sources and works of various authors of the period and therole of the Azerbaijani language in the Caucasus was assessed as the role of the French language in Europe. This and other related issues have been involved to the investigation in the article.

Keywords: Azerbaijani language, The Book of Dede Korkut, the Caucasus, Dagestan, trade, E. Veydenbaum, trade agreements, Baku, Shaki

REFERENCES

1. Azerbaydzhantsy (istoriko-etnograficheskie ocherki) [Azerbaijanis (historical and ethnographic essays)]. Baku, Elm, 1998. 300p.
2. Alieva D. *Iz istorii azerbaydzhano-gruzinskikh literaturnykh svyazey* [From the history of the Azerbaijani-Georgian literary relations]. Baku, Publishing house of the Academy of Sciences of Azerbaijan. SSR, 1958. 175p.
3. Balaev A. *Etnoyazikovye protsessy v Azerbaydzhane v XIX-XX vv.* [Ethnolinguistic processes in Azerbaijan in the XIX-XX centuries]. Baku, Nurlar, 2005. 328p.
4. Bromley Yu. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. Moscow, Nauka, 1983. 411 p.
5. Budagova Z. *Azerbaydzhanskiy yazyk (kratkiy ocherk*) [Azerbaijani language (brief sketch)]. Baku, Elm, 1982. 139 p.

6. Veydenbaum E. *Putevoditel' po Kavkazu* [Guide-book on the Caucasus]. Tiflis, 1888. 434p.

7. Verdieva Kh. *Pereselencheskaya politika Rossiyskoy imperii v Severnom Azerbaydzhane (XIX – nachale XX vv)* [Resettlement policy of the Russian Empire in Northern Azerbaijan (XIX – early XX centuries)]. Baku, Altai, 1999. 298 p.

8. Volkova N. Etnokul'turnye kontakty narodov gornogo Kavkaza v obshchestvennom bytu (XIX – nach. XX*)* – [Ethnocultural contacts in everyday life of the people of highland Caucasus (XIX – early XX centuries) mountain peoples of the]. *Kavkazskiy Etnograficheskiy Sbornik (KES) – Caucasian Ethnographic Collecti*on, 1989, vol. IX, p. 159-215.

9. Gan K. Puteshestvie v Kakhetiyu i Dagestan (letom 1898 goda) [The travel on Cahetia and Dagestan (summer 1898)]. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza (SMOMPK)– Collection of materials on description of places and tribes of the Caucasus (SMODPTC)*, 1902, issue XXXI, section 2, p. 49-96.

10. Gosudarstvennyy arkhiv Gruzinskoy Respubliki [State Archives of the Republic of Georgia], f. 480 c.1, ed. chr.1358 l. 2.

11. Dzhabrailova F. *Iz istorii azerbaydzhano-dagestanskikh literaturnykh svyazey* [From the history of Azerbaijani-Dagestan literary relations] Avtoref. diss. na soisk. kand. fil. nauk [Author's abstract of PhD's thesis in philological sciences]. Baku, 1963. 46 p.

12. Dzhakhangirov M. *Vozniknovenie azerbaydzhanskogo natsional'nogo literaturnogo yazyka. t. I.* [Emergence of the Azerbaijani national literary language. Vol. I]. Baku,. 1978. 234 p.

13. Zeydlits N. *Etnograficheskiy ocherk Bakinskoy gubernii* [Ethnographic sketch of Baku province] Kavkazskiy kalendar' na 1871 god. Otd. 4. [Caucasian calendar of 1871. Sec. 4.] Tiflis, Publishing House of the Central Administration of the Chief Governor-general, 1870, p.1-45.

14. Istoriya Azerbaydzhana po dokumentam i publikatsiyam (pod red. akademika Z.M. Buniyatova) [The history of Azerbaijan on documents and publications (Edited by Academician Z.M. Bunyadov)]. Baku, Elm, 1990. 384 p.

15. *Kavkaz (gazeta) – The Caucasus (newspaper)*, 1850, no. 64-65.

16. Kalashev N. Selenie Ivanovka, Geokchayskogo uezda, Bakinskoy gubernii [The village Ivanovka, Goychai district (uyezd), Baku province]. *SMOMPK – SMODPTC*, vol. 13, sec. 2, p. 238-288.

17. Lavrov L. Rutultsy v proshlom i nastoyashchem. [Rutuls in the past and today] *KES [CES]*. Moscow-Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1962, p.110-157.

18. Lavrov L. Rol' estestvenno-geograficheskikh faktorov v istorii narodov [The role of natural and geographical factors in the history of peoples] *KES[CES*]. Moscow, vol. IX, 1989, p. 4-15.

19. Lermontov M. *Pol'noe sobranie sochineniy. V 4 tomakh, t. IV* [Complete works. In 4 volumes, vol. IV]. Moscow, Gospolitizdat, 1857. 594 p.

20. Magomedkhanov M. Yazykovaya identichnost' v usloviyakh etnicheskogo smeshcheniya [Linguistic identity in terms of ethnic intermingling]. *Arkheologiya, etnologiya, fol'kloristika Kavkaza – [Archeology, ethnology, folklore study of the Caucasus]*. Batumi, 7-8 September, 2006.

21. Magomedkhanov M. *Dagestantsy: Etnoyazykovye i sotsiokul'turnye aspekty samosoznaniya* – [Dagestanis: ethnolinguistic and sociocultural aspects of self-consciousness]. Moscow, 2008. 272 p.

22. Marlinskiy A. *Polnoe sobranie sochineniy. t. I, ch. 2* – [Complete Works. vol. I, p. 2], Saint-Petersburg, Publishing house of the Ministry of State Property., 1847. 160 p.

23. Obozrenie Rossiyskikh vladeniy za Kavkazom v statisticheskom, etnograficheskom i finansovom otnosheniyakh. Ch. 3 [Overview on Russian possessions beyond the Caucasus in regard of statistics, ethnography and finance. B 3]. Saint-Petersburg, Printing house of the Department of Foreign Trade. 1836. 392 p.

24. Priroda i lyudi na Kavkaze i za Kavkazom (po rasskazam puteshestvennikov, poeticheskim proizvedeniyam A. Pushkina, M. Lermontova, Ya.Polonskogo i uchenym issledovaniyam) [Nature and people in the Caucasus and beyond the Caucasus (On the stories of travelers and poetic works of A. Pushkin, M. Lermontov, Y. Polonsky and scientist researches)]. Saint-Petersburg, 1869. 413 p.

25. Rzaev A. *Ocherki ob uchenykh i myslitelyakh Azerbaydzhana XIX veka* – [Sketches about the scientists and thinkers of Azerbaijan in the XIX century]. Baku, Maarif, 1969. 142 p.

26. Sergeeva G. Mezhetnicheskie svyazi narodov Dagestana vo vtoroy polovine XIX-XX vv. (etnoyazykovye aspekty*)* [Interethnic relations of Dagestan peoples in the second half of the XIX and XX centuries. (ethnolinguistic aspects)] *Kavkazskiy Etnograficheskiy Sbornik (KES) – Caucasian Ethnographic Collection (CEC)*, vol. IX. Moscow, Nauka, 1989, p. 89-136.

27. Yarakhmedov M. *Azerbaydzhano-dagestanskie literaturnye svyazi (XIX-XX vv).* [Azerbaijani-Dagestan literary relations (XIX-XX centuries)] Avt. diss. na soisk. uch. step. dokt. filol. nauk [Author's abstract of dissertation for Doctor of Philological Sciences]. Baku, 1992. 33 p.

About the author: Tahir Seidali oglu Shahbazov – Ph.D (history), Leading Research Fellow in the Institute of Archeology and Ethnography of Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Azerbaijan); sh-tahir@rambler.ru

УДК 792.071:792/09:792.02”1937-1938”

Крымский государственный татарский театр оперы и балета 1937-1938 гг.: опыт создания (по материалам архивов)

Исмет Заатов
(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос опыта создания в 1937–1938 годах в Симферополе Крымского государственного татарского театра оперы и балета. В данной статье, впервые в искусствоведческой литературе, на основании данных архивных документов рассматриваются причины и история создания советским государством в тридцатые годы прошлого века крымскотатарской национальной оперы и балета в Крыму. Предпринята попытка показать в условиях каких политических реалий происходил процесс создания крымскотатарского театра оперы и балета, а также раскрыть роль отдельных политических и творческих деятелей той эпохи в деле становления искусства оперы и балета в Крыму.

Ключевые слова: Крымская АССР, Ильяс Тархан, Сервер Трупчу, Лев Книппер, СНК Крыма, Томский, Резникович, Умер Ипчи, Асан Рефатов.

Параллельно с усилением репрессивного аппарата сталинского режима в СССР, возможно, в качестве некой моральной компенсации по отношению к чаяниям творческой интеллигенции национальных республик, входивших в Советский Союз, развернулась партийная кампания по созданию национальных театров оперы и балета в столицах союзных и автономных республик. Коснулась непосредственно эта кампания и Крымской Автономной Советской Социалистической Республики.

Согласно установившегося в СССР порядка, этим процессом в республиках руководили партийные функционеры высокого ранга. В Крыму эта честь выпала на долю второго секретаря Крымского областного комитета ВКП (б), двадцатидевятилетнего уроженца Ялты Сервера Трупчу.

В историю развития крымскотатарского сценического искусства опыт

создания в Симферополе Крымского государственного татарского театра оперы и балета вошел отдельной главой. Днем основания крымскотатарского театра оперы и балеты следует считать дату принятия Советом народных комиссаров Крымской АССР постановления за номером 1029 (протокол № 16) от 20 июня 1937 года [1].

Все события, связанные с организацией в национальных республиках национальных опер, происходили планово, в русле решений центральных и местных партийных органов по поднятию уровня культуры среди трудящихся союзных и автономных национальных республик Советского союза.

Для некоего сравнения и воссоздания атмосферы развернувшегося в стране советов процесса культурного строительства, выступившего фоном создания крымскотатарской оперы, ниже приводится хроника создания национальных опер в братских для Крымской АССР союзных и автономных республиках Советского союза. В первую очередь на примере организации национальных опер в тюркских и других восточных национальных государственных образованиях бывшего СССР.

В 1937 году при Московской консерватории была создана оперная студия, выпускники которой сформировали труппу будущего казанского оперного театра. Татарский государственный театр оперы и балета был создан в 1939 году, на два года позже Крымскотатарского театра оперы и балета. Открылся он постановкой татарской оперы «Качкын» («Беглец) Н. Жиганова. В 1945 году им был показан первый татарский балет «Шурале» («Леший») Н. Яруллина.

В 1932 году была создана башкирская оперная студия. 14 декабря 1938 года после двух лет подготовки выпускники башкирского курса оперного отделения Московской консерватории, которые составили костяк труппы будущего национального башкирского оперного театра, сыграли премьеру своего дипломного спектакля, оперы на башкирском языке итальянского композитора Джовани Паизиелло «Прекрасная мельничиха». Этот день считается днем рождения Башкирского театра оперы и балета. Через два года, 8 февраля 1940 года на сцене театра состоялась премьера первой башкирской оперы — «Хакмар» М. Валеева, а через несколько месяцев, в декабре, поставлена национальная опера «Мергэн» А. Эйхенвальда [17].

Казахский государственный академический театр оперы и балета имени Абая был основан в 1933 году в Алма-Ате первоначально как Музыкальная студия. После поставленной ею в 1934 году музыкальной комедии «Айман-Шолпан» (музыкальное оформление И.В. Коцыка, обработка народных казахских песен) студия была преобразована в Казахский музыкальный театр. В 1935 году в театре была сформирована русская оперная труппа, первой постановкой которой явилась «Кармен». С 1936 года театр носил название Государственный объединённый театр казахской и русской оперы, и с 1937

года – Казахский государственный театр оперы и балета, которому в 1945 году было присвоено имя Абая. В 1934 году театр поставил первую национальную оперу «Кыз-Жибек» Брусиловского, вслед за ней были поставлены национальные оперы «Жалбыр» (1935) и «Ер-Таргын» (1937) Брусиловского. В 1938 году балетная труппа осуществила постановку первого национального казахского балета «Калкаман и Мамыр» Великанова [19].

В 1929 году в Ташкенте Мухиддином Кари-Якубовым при участии Тамары Петросянц (Тамара ханум) был создан Узбекский музыкально-драматический театр. Премьера первой узбекской оперы «Буран», поставленной режиссером Эмилем Юнгвальдом-Хилькевичем 11 июня 1939 года дала толчок к развитию национального музыкального театра, который в этот же день был преобразован в Государственный узбекский театр оперы и балета. В 1948 году театр получил название «Государственный театр оперы и балета имени Алишера Навои». С 1959 года театр назывался «Государственный Академический Театр оперы и балета имени Алишера Навои». В 1966 году театр был преобразован в Государственный Академический Большой Театр оперы и балета имени Алишера Навои [22].

Первоначально Киргизский государственный театр оперы и балета открыт в 1937 году во Фрунзе (ныне Бишкек) в качестве Киргизского музыкально-драматический театра, созданного, в свою очередь, на базе Киргизского государственного театра, в котором шли драматические и музыкальные спектакли. Сразу после своего открытия Киргизским театром оперы и балета были поставлены национальные музыкальные драмы – «Алтын кыз» («Золотая девушка») Власова и Фере (1937) и «Аджал ордуна» («Не смерть, а жизнь») Власова, Малдыбаева и Фере (1938). В 1939 году театр ставит первую киргизскую оперу «Айчурек» («Лунная красавица») Власова, Малдыбаева и Фере. Организованная в 1939 году балетная труппа театра осуществила в 1940 году постановку первого национального киргизского балета «Анар» Власова и Фере. Впоследствии театру было присвоено имя Адыласа Малдыбаева [14].

В 1937 году в столице Туркменской ССР – городе Ашхабаде – была создана оперная студия с вокальным и балетным отделениями. В 1941 году на базе оперной студии был открыт Туркменский театр оперы и балета. В том же году была поставлена первая национальная опера «Судьба бахши», музыка композитора Георгия Кахиани, либретто Тамары фон Адеркас. В 1956 году театр был назван именем Махтумкули Фраги.

Несомненно, пионерами в деле создания национальной оперы являлись деятели искусств Азербайджана. В 1907 году азербайджанским композитором Узеиром Абдул-Гусейн оглы Гаджибековым была написана первая азербайджанская национальная опера «Лейля и Меджнун» (азерб. Leyli və Məcnun) [25], явившаяся одновременно и первой оперой в истории искус-

ства тюрко-исламского мира. Сам театр оперы был создан в мае 1920 года Декретом правительства Азербайджанской ССР. На сцене театра шли оперные, балетные, драматические спектакли как на азербайджанском, так и на русском языке, ставились также и оперетты [29].

В сезоне 1924–1925 гг. балетная и оперная труппа театра были выделены в самостоятельный коллектив. В сезоне 1924 года были поставлены опера «Лейля и Меджнун» Узеира Гаджибекова, опера «Шах Исмаил» Муслима Магомаева, в 1925 году опера «Ашуг Гариб» Зульфугара Гаджибекова и оперетта «Аршин-мал-алан» Узеира Гаджибекова [15].

Первая чувашская опера «Шывармань» («Водяная мельница») Ф. Васильева была поставлена на сцене Чувашского музыкально-драматического театра в 1960 году. Коллектив возглавил Борис Семенович Марков. В 1967 году осуществлена этапная постановка оперы «Нарспи» Г. Хирбю, отмеченная Государственной премией Чувашской АССР им. К. Иванова, а также показан первый балетный спектакль — «Жизель» А. Адана. В 1969 году музыкальная труппа была выделена в самостоятельный Чувашский музыкальный театр, преобразованный в 1993 году в Чувашский государственный театр оперы и балета [20].

Государственный театр оперы и балета Республики Саха – Якутия им. Д.К. Сивцева-Суоруна Омоллоона был создан в г. Якутске в 1991 году. Постановлением Совета народных комиссаров Мордовской АССР от 7 января 1937 года Русский театр музыкальной комедии в Саранске был реорганизован в передвижной театр, но в июне того же года его ликвидировали. Вместо него в Саранске был создан Мордовский государственный театр оперы и балета.

На первых порах шефство над молодым коллективом взял Большой театр, который предоставил декорации и костюмы. Театральный сезон 1937 года был открыт оперой П.И. Чайковского «Евгений Онегин». Партию Гремина исполнил первый профессиональный мордовский певец — Илларион Максимович Яушев. Знаковой страницей в истории Мордовского государственного театра оперы и балета стала постановка музыкальной драмы «Литова» в 1943 году. Мордовский поэт Никул Эркай написал либретто по драме П.С. Кириллова, а исследователь и пропагандист народной песенной культуры мордвы Л.П. Кирюков сочинил музыку.

Государственный академический театр оперы и балета Монголии (Монгол Улсын дуурь бүжгийн эрдмийн театр) был создан в Улан-Баторе 15 мая 1963 года в здании, где с 1931 года размещался Национальный центральный театр, заложивший основу театрального искусства Монголии. 18 мая 1963 года театр провёл церемонию открытия, поставив оперу Чайковского «Евгений Онегин».

В 1938 году в Бурятском драматическом театре была поставлена пер-

вая национальная музыкальная драма «Баир» П. Берлинского на текст Г.Ц. Цыдынжапова и А. Шадаева. Во многих национальных театрах СССР того времени музыкальная драма являлась переходным жанром к опере. 20 декабря 1939 года Президиум ЦИК Бурят-Монгольской АССР принял постановление о реорганизации национального драматического театра в музыкально-драматический. 20 октября 1940 года в Москве началась I Декада бурят-монгольского искусства в Москве. Театр показал музыкальные драмы «Баир» П.М. Берлинского и «Эржен» В. Морошкина и первую бурятскую оперу «Энхэ-Булат батор» по мотивам национального эпоса. В 1948 году из состава музыкально-драматического был выведен музыкальный театр, на базе которого был создан Бурятский театр оперы и балета, и поставлена бурятская опера «На Байкале» Л.К. Книппера [24, 23, 30].

Национальный театр оперы и балета Республики Молдова имени Марии Биешу был основан на базе созданного в 1980 году Молдавского государственного театра оперы и балета, выведенного в 1957 году из состава Молдавского театра оперы, балета и драмы, который был в свою очередь создан в 1955 году на основе Молдавского музыкально-драматического театра. Первый молдавский оперный спектакль – «Грозован» Гершфельда состоялся в 1956 году, первый балет — «Бахчисарайский фонтан» Асафьева – в 1957 году [21, 31]. Хронологический анализ вышеприведенных данных свидетельствует о том, что Крымский государственный татарский театр оперы и балета был организован в стране одним из первых.

На момент создания Крымского государственного татарского театра оперы и балета на полуострове действовали Крымский государственный татарский драматический театр, Севастопольский городской театр им. Луначарского, Евпаторийский драматический театр им. Пушкина, Крымский государственный театр юного зрителя, Крымский Еврейский колхозный театр (был организован 1-го марта 1937 года), Крымский государственный русский драматический театр. Помимо функционировавших вышеперечисленных театров в Управлении по делам искусств Совета народных комиссаров Крымской АССР на тот момент обсуждалась тема создания театра оперетты на базе евпаторийского театра и драматических театров в Керчи и Феодосии.

Поневоле возникает вопрос: насколько злободневным являлся вопрос открытия тогда татарского театра оперы и балета в Симферополе? С одной стороны, на тот момент в Крымскотатарском драматическом театре уже существовал музыкальный оркестр, на достаточно неплохом уровне ставились национальные музыкальные спектакли, и существовало явное желание представителей крымскотатарской интеллигенции, отдельных крымскотатарских творческих работников и артистов иметь свою национальную оперу и балет. С другой стороны, Крымская АССР не располагала на тот период достаточными для осуществления столь грандиозного творческо-

го проекта материальными, техническими и, самое главное, творческими ресурсами. Руководство крымской культуры, в отличии от своих татарских или башкирских коллег, не удосужилось вовремя предусмотреть вопрос о подготовке высокопрофессиональных национальных исполнительских кадров, который заключался в открытии оперной студии и специального крымскотатарского курса в главной кузнице вокальных творческих кадров страны – в Московской государственной консерватории. Настроенным по-большевистски «шапкозакидательски», на прорыв, очень поверхностно отнесшимся к столь значительному и сложному делу, крымским руководством основные надежды в деле создания Крымского татарского театра оперы и балета ошибочно возлагались на абсолютно не подготовленных к столь высокоуровневой творческой работе студентов и выпускников бывшей студии при Крымскотатарском театре, преобразованной на тот момент в Крымский татарский театральный техникум (училище), а также приглашенных из Москвы и других театральных и музыкальных учреждений Крыма специалистов. Помимо всего этого, в некоторых консервативных и схоластических кругах крымскотатарского сообщества продолжало бытовать некое неприятие идеи создания национальной оперы и балеты, рассматривавших в этом деле угрозу разрушения религиозных и народных устоев. Основным движителем процесса создания Крымского государственного татарского театра оперы и балета являлся человек с непростой судьбой (во время голода 1921–1922 гг. в возрасте 13 лет потерял отца, четверых братьев и сестер, после чего воспитывался в детдоме), выпускник Института красной профессуры в Москве (1932–1937), направленный в апреле 1937 года на родину в Крым на должность второго секретаря обкома партии – Сервер Трупчу [18, с. 180]. Согласно негласных партийных порядков, в годы СССР в национальных республиках, как в союзных, так и автономных, традиционно первыми секретарями обкомов и рескомов партии назначались представители некоренного населения. Вторыми же секретарями этих парторганизаций, как правило, назначались представители титульных национальностей этих советских государственных образований. В основные должностные обязанности вторых секретарей обкомов, в первую очередь, входила идеологическая работа.

Будучи человеком широчайшей эрудиции, Сервер Трупчу, помимо вопросов подъема национального образования (выпуск учебной литературы, двуязычных словарей, изучение и публикация крымскотатарского литературного наследия), развернул активнейшую деятельность интенсификации развития крымскотатарской культуры. Под его настойчивым руководством было ускорено строительство здания Крымского государственного татарского драматического театра, которое было начато согласно постановлению Президиума Крым ЦИК от 20 мая 1933 года, для чего был отведён уча-

сток по Советской улице возле кинотеатра «Большевик» (бывший «Баян», а ныне кинотеатр им. Т.Г. Шевченко – И.З.) [16] и вскоре превратилось в «социалистический долгострой». Особая заслуга Серверу Трупчу принадлежала в деле организации Крымского государственного театра оперы и балета, который был создан в рекордно кратчайшие сроки благодаря исключительно его личному упорству и настойчивости. Даже преподаватели Московской консерватории для работы с артистическим составом крымскотатарской оперы были приглашены им лично [18, с. 181]. В апреле 1937 года он только принял дела в обкоме партии, а уже в июне того же года было подготовлено и принято правительственное постановление об организации крымскотатарского оперного театра, текст которого имеет смысл привести полностью:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

СНК Крымской АССР.

№ 1029 (протокол № 016) от 20 июня 1937 г.

«Об организации в Крыму Государственного Татарского театра оперы и балета»

Сов Нар. Ком. Крым АССР – ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Организовать в Крыму Государственный Татарский театр оперы и балета.

Имеющееся Крымское татарское театральное училище к концу учебного года реорганизовать, подчинив учебные планы училища создающемуся Крымскому Государственному Татарскому театру оперы и балета.

Учащихся театрального и балетного отделений училища, имеющих данные для работы во вновь создающемся Крымском Государственном Татарском театре оперы и балета передать последнему.

Предложить НКФ Крыма тов. Байбулатову имеющиеся ассигнования на оперу «Арзы-Кыз» в сумме 42 т.р. переключить на финансирование организационных расходов, и кроме, того выделить 200 т.р. в процессе исполнения бюджета на это мероприятие.

Поручить Наркомфину Крыма тов. Байбулатову изыскать необходимое количество музыкальных инструментов для Крымского Государственного Татарского театра оперы и балета из госфонда.

Председатель СНК Крыма – пдп – (А.Самединов).

Управделами СНК Крыма – пдп – (Лоссовский) [1].

Одним из соратников Сервера Трупчу в деле организации крымскотатарской оперы выступил племянник супруги А.П. Чехова, актрисы О.Л. Книппер-Чеховой, известный московский композитор и одновременно агент НКВД Лев Книппер [28, с. 186]. Вероятно, их знакомство состоялось в годы учебы С. Трупчу в Москве, где с 1936 года Л. Книппер работал руководителем музыкальной части Театра народов Востока [16, с. 216]. О

периоде деятельности Л. Книппера по организации крымскотатарского оперного театра в литературе какие-либо сведения отсутствуют. В биографической литературе его нахождение в 1937 году в Крыму подтверждает лишь факт завоевания Л. Книппером звания чемпиона Крыма по теннису в 1937 году [26]. В фондах архива Крыма хранятся материалы с упоминаниями его имени и фамилии в контексте эпизодов, связанных с рассматриваемой в данной работе тематикой. Следует заметить, что в биографии композитора творческое сотрудничество в области музыкального искусства восточных народов занимает особое место. Им были записаны сотни образцов курдской, таджикской, бурятской, туркменской, киргизской, ассирийской народной музыки. В 1948 году он написал музыку к бурятской опере «На Байкал».

Под размещение крымскотатарского оперного театра было выделено помещение в центре Симферополя по адресу: улица Желябова № 17 [2]. По всей видимости, подготовка к созданию в Симферополе оперного театра началась еще в конце 1935 года. Об этом свидетельствует данное официальное обращение главы Крымской АССР, председателя Совета народных комиссаров республики Ильяса Тархана к председателю Азербайджанской ССР Рахманову:

№ Р–234 от 16 сентября 1935 г. в СОВНАРКОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СНК – тов. РАХМАНОВУ.

УВАЖАЕМЫЙ тов. РАХМАНОВ.

Тов. РЕФАТОВ Асан работает в Азербайджанском Радиокомитете и консерватории, Крымский композитор по нашей просьбе изъявил желание перейти для работы в Крымскую республику.

В виду начала сезона работ, как в театре, так и в учебных заведениях, прошу Вас оказать содействие и не препятствовать в освобождении тов. РЕФАТОВА от занимаемых им работ.

Председатель ЦИК Крым АССР – подпись – /ТАРХАН/. (орфография и стиль сохранены в оригинале – И.З.) [7].

Речь в письме крымского руководителя шла о крымскотатарском композиторе Асане Рефатове (1902–1938). Родившийся в музыкальной семье бахчисарайского учителя Мамута Рефатова, Асан явился автором первой национальной оперы, написанной по мотивам одноименного крымскотатарского народного эпоса «Чора-Батыр» (премьера состоялась 23.09.1923 г. на сцене Клуба красноармейцев в Симферополе) [27, с. 7]. Внес он также определенный вклад и в развитие музыкального искусства Азербайджана. Его учениками были Кара Караев, Тофик Сеид и другие выдающиеся азербайджанские композиторы. Он написал ряд серьезных крупных музыкальных произведений для азербайджанской сцены, в том числе оперу «Гяве». В 1934 году А. Рефатов стал первым председателем созданного в Баку Со-

юза композиторов Азербайджанской ССР [13, с. 96]. Согласно хронике культурной жизни Крымской АССР за 1936 год, композитор А. Рефатов закончил «Татарский марш» для симфонического оркестра и готовит к своему отчетному концерту классическое произведение «Сюита на крымские темы» [18, с. 160]. В это же время за очень короткий срок он пишет музыку к спектаклям Юсуфа Болата «Той девам эте» («Свадьба продолжается»), Эльтона «Насреддин оджа» («Ходжа Насреддин») и Ильяса Тархана «Уджум» («Атака»). Судя по этому списку можно сделать вывод о том, что в 1936 году он уже вернулся в Крым. На это также указывает и год открытия в Симферополе музыкального техникума (училища) (1936 г.), в который он был приглашен и дал согласие преподавать теоретические дисциплины [18, с. 160]. Можно также предположить, что в это время композитор уже начал работу над заказанной ему правительством республики Крым оперой «Арзы къыз» («Девушка Арзы») для создаваемого крымскотатарского оперного театра. Во всяком случае, об этом можно косвенно сделать вывод из пункта № 3 вышеуказанного текста постановления правительства Крыма о создании Крымского государственного татарского театра оперы и балета. В этом пункте наркому финансов Крымской АССР тов. Байбулатову поручается имеющиеся ассигнования (по-видимому, ранее выделенные на написание данной оперы – И.З.) на оперу «Арзы къыз» в сумме 42 тыс. руб. переключить на финансирование организационных расходов, связанных с открытием крымскотатарского оперного театра. О том, что он работает над написанием оперы «Арзы къыз» и планирует ее закончить к 20-летию Октябрьской революции, говорил сам композитор в своем докладе на отчетном собрании 24 апреля 1937 года в музыкальном техникуме [13, с. 98; 27, с. 8]. Дождаться выхода правительственного постановления о создания оперного театра Асану Рефатову не хватило 52 дней. Его арестовали 28 апреля 1937 года из номера гостиницы, в которой он все это время проживал. Был реабилитирован 10 октября 1957 года. В справке о его реабилитации указано на то, что композитор умер в 1938 году в заключении. Можно допустить мысль, что организм композитора не выдержал тяжести пыток.

Начиная с 1931 года республикой руководил выходец из южнобережного крымскотатарского села Корьбек (ныне Изобильное) Ильяс Тархан (1900 –17.04.1938). Он являлся выпускником Зынджирлы медресе, был членом партии большевиков с 1919 года, участник партизанского движения против белых в Крыму и коммунистического подполья в Турции. С 1921 по 1925 годы руководил комсомолом и молодежной газетой «Яш къувет» («Молодая сила») [18, с. 172]. Несмотря на занятость И. Тархан, будучи талантливым литератором и драматургом, все свободное от основной деятельности время посвящал драматургии и театральному делу в Крыму. В 1933 году он явился инициатором начала строительства отдельного здания Крымского

государственного татарского драматического театра [6]. В 1934 году был избран председателем Союза писателей Крыма. И. Тархан является автором известных драматургических произведений: пьес «Уджюм» («Атака») (1932) и «Москва айта» («Говорит Москва») (1934). Его пьесы ставились как в Крыму, так и в Москве, Ташкенте и других городах Советского Союза. В этом ряду можно также упомянуть и о таком малоизвестном факте из творческой биографии И. Тархана. Во время работы в фондах Крымского государственного архива Республики Крым нами была выявлена рабочая записка следующего содержания: « № Р – 118 от 3 ноября 1935 г. ИСТПАРТ при ОК ВКП (б). В связи с тем, что тов. ШАХОВСКОМУ поручена работа по составлению секций кинокартины по либретто тов. ТАРХАНА, отражающей историю гражданской войны в Крыму, – просит допустить тов. Шаховского для ознакомления с некоторыми материалами. – Управделами ЦИК Кр. АССР пдп /УМЕРОВ/» [8].

Именно в период руководства Крымом Ильясом Тарханом наблюдается некое оживление кинематографа в республике. В 1935 году в Крыму и Москве активно обсуждался вопрос о создании на полуострове «киногорода» по прообразу Голливуда. О масштабах этого проекта можно судить по некоторым цифрам из письма Постпреда Крымского ЦИК при Президиуме Всесоюзного ЦИК М. Асманова за № 9/15 от 11 декабря 1935 года, на имя Председателя Крымского ЦИК Тархана «О предполагаемом строительстве киногорода на Южном берегу Крыма». В третьем пункте письма приводится цифра предполагаемой численности киногородка в 50-70 тысяч человек.

В четвертом пункте говорится, что производственная мощность киногородка рассчитана «…на 800 к/картин в год, как в Америке в год». Данные приводимые в письме М. Асманов записал в ходе его беседы с Шумяцким – председателем Главного Управления Кинофотопромышленности СССР [9].

С первых дней своей работы в качестве руководителя республики Тархан активно включился в дело строительства национального театрального дела в Крыму. Принятие решения об открытии в Крыму оперного театра проходило при его непосредственном контроле и, вероятно, по его личной инициативе. Ввиду того, что Сервер Трупчу на тот момент только появился в Крыму, скорее всего он, как и председатель Совета народных комиссаров Крымской АССР Абдураим Самединов, по распоряжению которого было подготовлено постановление о создании в Крыму оперного театра, как и все остальные участники дела создания крымской оперы, выполнял волю Ильяса Тархана.

Ильясу Тархану повезло больше нежели Асану Рефатову. Ему удалось увидеть первые творческие шаги Крымского государственного татарского театра оперы и балета. Его арестовали через 79 дней после принятия вышеуказанного постановления 8 сентября 1937 года. Осужден выездной

сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР 17 апреля 1938 года и приговорен к расстрелу. Виновным себя ни в чем не признал. Казнен в тот же день [18, с. 173]. Реабилитирован 24 ноября 1956 года.

Сервера Курт Сеита Трупчу, непосредственно руководившего процессом создания оперного театра в Крыму, арестовали через два месяца с небольшим после ареста Тархана 23 ноября 1937 года. Расстрелян был он в один день со своим идейным руководителем 17 апреля 1938 года. Был реабилитирован за отсутствием состава преступления 22 марта 1958 года [18, с. 181]. В марте 1938 года был арестован подписавший постановление о создании оперного театра, уроженец южнобережного крымскотатарского села Лимена, председатель Совета народных комиссаров Крымской АССР с 1931 года по 1937 год Абдураим Абдураман Самединов (1900–17.04.1938). К смертной казни его приговорили в один и тот же день, что и его товарищей, 17 апреля 1938 года. В тот же день его вместе с 40 другими представителями крымскотатарской интеллигенции расстреляли [32].

Крымский государственный татарский театр оперы и балета приступил к организационной деятельности 1 июля. Свою профессионально-творческую работу оперный театр начал 5 сентября 1937 года [4]. По причине отказа после выхода постановления СНК Крымской АССР о создание театра оперы и балета возглавить театр Л. Книппера, временно исполняющими должности директора и художественного руководителя театра были назначены соответственно Томский и Резник [5]. Крымский государственный театр оперы и балета располагался в Симферополе по двум адресам: улица Горького, 10/15 и улица Желябова, 17 [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 10. Д. 33. Л. 15.
2. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 11. Д. 11. Л. 2.
3. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 11. Д. 11. Л. 203.
4. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 11. Д. 11. Л. 52.
5. ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 11. Д. 11. Л. 6.
6. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 5. Д. 93. Л. 2.
7. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 7. Д. 453. Л.2.
8. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 7. Д.108. Л. 12.
9. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 7. Д.108. Л. 14.
10. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 7. Д.108. Л. 4.
11. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 7. Д.108. Л. 5.
12. ГАРК. Ф. Р-663/5. Оп. 93. Л. 1.
13. *Şamil A.* Qırım sevgisi: qırımtatar halkqnın belli erbapları aqqında. Simferopol: QCİ “Qırımdevoquvpedneşriyatı”, 2012.
14. *Алагушов Б.*, *Каплан А.С.* Музыкальная энциклопедия. М., 1982.

15. Большая Советская Энциклопедия. Т. 1. А-Ангоб. 1969. 608 стр., илл.; 47 л. илл. и карт, 1 отд. л. табл.

16. Гайдамович Т.А. Лев Книппер. Годы жизни. М.: Композитор, 2003.

17. Галина Г.К. 75-летию Башкирского государственного театра оперы и балета: страницы истории // Ватандаш. 2014. № 2.

18. Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): Биобиблиографический словарь. Симферополь: Доля, 1999.

19. Ерзакович Б.Г. Музыкальная энциклопедия. М., 1982.

20. Заломнов П.Д. Марков Борис Семенович. Чувашский государственный театр оперы и балета и ведущие мастера его сцены. Чебоксары, 2002. С. 25-26.

21. Киртока А., Мануйлов М. Молдавский государственный театр оперы и балета. Кишинёв, 1960.

22. Корсакова А.Ф. Узбекский оперный театр. Ташкент, 1961; Пеккер Я. Узбекская опера. М., 1963; История узбекской советской музыки. Т. 2. Ташкент, 1973.

23. Куницын О.И. Музыкальный театр Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. 254 с.

24. Куницын О.И. Бурятская опера. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. 198 с.

25. Музыкальная энциклопедия. Т. 1. А-Гонг. 1072 стр. с илл. М.: Советская энциклопедия, 1973.

26. Книппер – Чехова О.Л. Воспоминания и переписка. Т.2. М.: Искусство, 1972.

27. Стенограмма воспоминаний сестры Асана Рефатова – Айше Рефатовой. Личный архив И. Заатова.

28. Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка – Кремль (1930–1950 годы). М.: Олма пресс. 1997.

29. Театральная энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, А-«Глобус». 1961, 1214 стр. с илл., 12 л. илл.

30. Цыдынжапов Г.Ц.: материалы и воспоминания: (к 100-летию со дня рождения). Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005.

31. Шехтман Н.И. Молдавский театр оперы и балета // Большая советская энциклопедия. Т. 16. С. 446.

32. 32. *Эмир Аблязов.* Расстрельный список // «Голос Крыма». № 15 (1005) от 15.04.2013.

Сведения об авторе: Исмет Аблятифович Заатов – доктор философии в арт-критицизме, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Бахчисарай, Крым, Российская Федерация); заместитель министра культуры Республики Крым (295005, пр. Кирова, 13, Симферополь, Крым, Российская Федерация); zaatov@gmail.com

Crimean State Opera and Ballet in 1937–1938, experience of creation (archive materials)

Ismet Zaatov
(Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

Abstract. This article examines the creation experience of the Crimean Tatar State Opera and Ballet Theatre in 1937-1938, in Simferopol. In this article, for first time in the literature of art criticism, on the basis of archive materials, the reasons of creation and history of National Theatre of the Crimean Tatars by the Soviet State will be considered. The article was written on the basis of archival documents of the thirties, last century. There also will be made an attempt to show the political realities, in which the process of creating the Crimean Tatar Theatre of Opera and Ballet took place, as well as to reveal the role of different individual political and artistic personalities of that era in the formation of the art of opera and ballet in the Crimea.

Keywords: Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, Ilyas Tarhan, Server Trupchu, Lev Knipper, SNK Crimea, Tomskiy, Reznikovich, Umer Ipchi, Asan Refatov.

REFERENCES

1. GARK. F. P. –652. Op. 10. D. 33. L. 15.
2. GARK. F. P.–652. Op. 11. D. 11. L. 2.
3. GARK. F. P.–652. Op. 11. D. 11. L. 203.
4. GARK. F. P.–652. Op. 11. D. 11. L. 52.
5. GARK. F. P.–652. Op. 11. D. 11. L. 6.
6. GARK. F. P.–663. Op. 7. D. 453. L. 2.
7. GARK. F. P.–663. Op. 5. D. 93. L. 2.
8. GARK. F. P.–663. Op. 7. D. 108. L. 12.
9. GARK. F. P.–663. Op. 7. D. 108. L. 14.
10. GARK. F. P.–663. Op. 7. D. 108. L. 4.
11. GARK. F. P.–663. Op. 7. D. 108. L. 5.
12. GARK. F. P.–663 / 5. Op. 93. L. 1
13. Shamil A. *Kırım sevgisi: kırımtatar halkının belli erbapları akkında.* Simferopol, 2012. [Love to the Crimea: about famous Public Figures and Artists of the Crimean Tatar people]. Simferopol, 2012.
14. Alagushev B., Kaplan A. S. *Muzykalnnaya entsiklopediya* [Musical encyclopedia]. Moskva, Sovetskaya entsiklopediya, 1973 – 1982
15. Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya [The Large Soviet Encyclopedia]. 3-e izdaniye. Vol. 1. 1969.
16. Gaydamovich T. A. *Lev Knipper. Godi zhizni*. [Leo Knipper. The years of life]. Moscow, Kompozitor, 2003.

17. Galina G.K. *K* 75-letiyu Bashkirskogo gosudarstvennogo teatra opery i baleta: stranitsy istoriyi [Bashkir State Opera and Theatre: pages of history]. *Vatandash – Compatriot*, 2014, no. 2.

18. Deyateli krimskotatarskoy kulturi (1921–1944 gg.): Biobibliograficheskiy slovar. [Public Figures and Honored Artists of the Crimean Tatar culture: Biobibliography dictionary]. Simferopol, Dolya, 1999.

19. Erzakovich B.G. *Muzykalnnaya entsiklopediya* [Musical encyclopedia]. Moscow, 1982.

20. Zalomnov P.D. *Markov Boris Semenovich. Chuvashskiy gosudarstvenniy teatr operi i baleta I veduschiye mastera yego stseni* [Markov Boris Semenovich. Chuvash State Theatre of Opera and Ballet and the leading master of its stage]. Cheboksari, 2002.

21. Kirtoka A., Manuylov M. *Moldavskiy gosudarstvenniy teatr operi i baleta* [Moldova State Theatre of Opera and Ballet]. Kishinev, 1960.

22. Knipper – Chehova O. L. *Vospominaniya i perepiska* [Memories and correspondence]. Vol. 2. Moscow, Iskusstvo, 1972.

23. Korsakova A.F. *Uzbekskiy operniy teatr* [Uzbek Opera Theatre]. Tashkent, 1961.; Pekker Ya. Uzbekskaya opera [Uzbek Opera]. Moscow, 1963.; Istoriya uzbekskoy sovetskoy muziki. Vol. 2, Tashkent, 1973.

24. Kunitsin O. I. *Buryatskaya opera* [Buryat opera]. Ulan-Ude, Buryatskoye knizhnoye izdatelstvo, 1984.

25. Kunitsin O.I. *Muzikalniy teatr Buryatiyi* [Musical Theatre of Buryatia]. Ulan-Ude, 1988.

26. Muzykalnnaya entsiklopediya. [Musical encyclopedia]. Ed. Yu.V. Keldisha. V. 1. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1973, 1072 str. s ill.

27. Stenogramma vospominaniy sestri Asana Refatova – Ayshe Refatovoy. Lichniy arhiv I. Zaatova. [Short hand reports and recollections of Asan Refatov`s sister – Ayshe Refatova. The private archive of I. Zaatov].

28. Sudoplatov P. *Spetsoperatsiyi. Lubyanka –Kreml 1930 – 1950 godi* [Special operation. Lubyanka – Kremlin]. Moscow, Olma press, 1997.

29. Teatralnaya entsiklopediya [Theater encyclopedia]. Ed. S.S. Mokulskiy. Vol. 1. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1961.

30. Tsidinzhapov G. Ts.: materiali i vospominaniya (k 100 – letiyu so dnya pozhdeniya) [Materials and memories: To 100 anniversary since the birthday]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, 2005.

31. Shehtman N.I. Moldavskiy teatr operi i baleta [Moldova State Opera and Ballet Theatre]. *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya – Big Soviet Encyclopedia*, Vol. 16.

32. Emir Ablyazov. Rasstrelniy spisok [The list of those being shot]. *Golos Krima – The Voice of the Crimea*, no. 15 (1005) at 15.04.2013.

About the author: Ismet Ablyatifovich Zaatov – Doctor of Philosophy in Artcriticism, Cand. Sci. (Art history), Leading Research Fellow of the Crimean Scientific Center of Sh.Marjani Institute of history, Academy of Sciences of the Republic Tatarstan (Bakhchisaray, Crimea, Russian Federation); Deputy Minister of Culture of the Republic Crimea (295005, Kirova av., 13, Simferopol, Crimea); zaatov@gmail.com

УДК 811.512.19: 81’373.46

Kırım Tatar dilinde dikiş, nakış ve halı ile alâkalı terimler

Nariye Seidametova
(Kırım Mühendislik ve Pedagoji Ünivesitesi)

Özet. Kırım Tatar kültüründe, özellikle dokuma ve nakış sanatlarında çeşitli kültürlerin etkisi duyulmaktadır. Kırım Tatarlarda dokuma ve nakış sanatları daha Kırım hanlığı zamanında biliniyordu. Osmanlı döneminden ta XX yüzyılı başlarına kadar Kırım ve Türkiyenin kültür haytlarında ortak konuların olduğu Kırım Tatar dekoratif sanatının türlü formlarında, şu sırada dikiş, nakış, halı gibi formlarında yansılanıyor. Kırım Tatar dilinde bu zenaatlar ile alâkalı terminoloji kelimeler ve ibareler çoktur. XX yüzyılında ekonomik durumun değişmesi, bilim ve teknikte yeniliklerin hayata geçmesi hem de Kırım Tatarların sürgün olunması geleneksel esnafların kaybolmasına getirdi. Bir çök terimler kayboldu ya da kullanımdan çıktı. 1944 yılı Kırım Tatarların sürgününden sonra nakış ve dokuma sanatı aman-aman tamamen kayboldu. Yalnız 1995 yılından başlayıp Kırım Tatar sanatçılarının gayretleriyle bu eski sanat canlanıp başladı ve Kırım kilimleri hem nakışları yeniden yapılmaya başladı. Kırım Tatar el sanatında kullanılan her bir dikişin, her bir örneğin kendine has parlak adlanması vardır. Zanımızca, esnaf terimlerini yeniden derlemek, onları her taraflama incelemek, anlamlarını açıklamak çok aktüeldir. Kırım Tatar dilinde bir çok dokumacılık ve nakış terimleri benzetme (mecaz) yoluyla yapıldığını görmek mumkün. Dokumacılık ve nakış terimlerin anlamlarına göre sınıflandırılması dokumaların, kilimlerin, iplerin çeşitleri, dokuma ve dikiş usüllerin çeşitlerin, dokuma ve dikiş aletlerin çeşitlerin, istihsal edilen eşyaların çeşitlerin olmasına esaslanıyor. Terimlerin çoğu kuruluşuna göre bileşik olup, kelime grupları esasında şekillenmişler. Genetik açıdan Kırım Tatar dilinin dokumacılık ve nakış terimlerin çoğu türkî kökenli sözlerden oluşuyor. Aynı zamanda arap, fars dillerinden alınma kelimeler de karşılanıyor. Terimlerin çoğu türk kökenli kelimeler olduğu Kırım Tatarlarda dokumacılık ve nakış sanatları çok eski olduğuna, bu sanatlar türk halklarının kendilerine ait olduğuna kanıt gösteriyor.

Anahtar kelimeleri: Kırım Tatar Dili, el sanatları, terimler, el sanatları terimleri, terminoloji.

Kırım’ın coğrafik yerleşiminden, Kırım Tatar halkının tarihî takdirinden dolayı Kırım Tatar halkı yerli ehalinin türlü türlü taraflardan gelip Kırım toprağında asırlarca kalıp yerleşmiş olan halklar ile karışmasından şekillenmiştir. Ondan dolayı de Kırım Tatar kültüründe, özellikle dokuma ve nakış sanatlarında çeşitli kültürlerin etkisi duyulmaktadır.

Kırım Tatarlarda dokuma ve nakış sanatları daha Kırım hanlığı zamanında

biliniyordu. Kırım hanlarının yarlıklarında, kadiasker sakka defterlerinde türlü esnaflar hakkında bilgi bulunıyor [3, s. 67–85].

18 yüzyılının sonunda Kırımın Rusye eline geçmesi Kırım Tatar geleneksel sanatların kaybolmasına getirdi. 20 yüzyılının başında Bahçesaray'da sadece bir dokuma esnafı vardı, o da torbacılar esnafıydı. H. Bodaninskî bildirdiğine göre 1927 yılı Bahçesaray müzesine eski zamanlardan kalan bir çok kilimler verilmişti [3, s. 67–85]. Kilimlerin örnekleri ve çeşitleri Hüseyin Bodaninskî ve P.Ya. Çepurina gibi sanatşinaslar tarafından öğrenilip tasvir olundu [7, s. 72]. 20. yüzyılının birinci yarısında Kırım'ın bir çok köylerinde kilim ve dokuma sanatı daha bulunabilirdi[4], 1944 yılı Kırım Tatarların sürgününden sonra bu sanat aman-aman tamamen kayboldu. Yalnız 1995 yılından başlayıp Kırım Tatar sanatçılarının gayretleriyle bu eski sanat canlanıp başladı ve Kırım kilimleri hem nakışları yeniden yapılmaya başladı. Mahmut Çurlu, L.V. Petrova, O. Jeltuhina gibi araştırmacılar eski kilimlerin örneklerini, kilim dokumak için gerekli olan tezgahları öğrenip, bir kaç kişiye kilim dokumak öğretmişler. Son zamanları Kırım Tatarlarının eski el sanatların öğrenilmesine ilgihep artıyor [6; 8]. M. Çurlu, O. Jeltuhina, L.V. Petrova, I. Zaatov, N. Akçurina-Muftiyeva gibi araştırmacılar dokumaların, kilimlerin, nakışların türlerini, örneklerini, kompozisyon özelliklerini inceliyorlar [1; 2; 5; 6; 8]. Bu araştırmacıların yazılarında dokumacılık ve nakış ile ilgili bir çok terimler de veriliyor. Buna rağmen dokumacılık ve nakış terimleri dilbilgisi açısından öğrenilmemişler, onların kuruluşu, anlamları, etimolojisi mahsus incelenmemiş. Ekonomik durumun değişmesi, bilim ve teknikte yeniliklerin hayata geçmesi hem de Kırım Tatarların sürgün olunması geleneksel esnafların kaybolmasına getirdi. Bir çök terimler kayboldu ya da kullanımdan çıktı. Zanımızca, esnaf terimlerini yeniden derlemek, onları her taraflama incelemek, anlamlarını açıklamak çok aktüeldir.

Demek gerektir ki, terimler dilde var olan kelimeler esasında oluşur, kelimelerin anlamları biraz değişir, onlar yeni anlamda kullanıla başlarlar. Böylece, terimler anlam göçürülmesi yoluyla oluşur. Kırım Tatar dilinde bir çok dokumacılık ve nakış terimleri benzetme (mecaz) yoluyla yapıldığını görmek mumkün. Örneğin, *tavuq ayağı, sülük, burma suv, qırqayaq, qısqaç* gibi kelimeler kilim örneklerinin adlanmaları olarak, hayvanlara, tabiattaki şeylere benzetilip yapılmışlar. Kilimlerin örnekleri etraftaki tabiatla, halkın her günlük yaşamıyla, örf-adetleri ve inançlarıyla bağlıdırlar, genellikle halkın dünya görüşünü yansıtıyorlar. Bu ilişkiler tabi ki, esnaf terimlerinde de görünüyor. Hüseyin Bodaninskî'in sözleriyle 'Kırım'ın güzel hem çeşitli tabiatı: güneşin parlak nurlarıylaışıldayan çölleri, gök dağları, vadîleri, denizi, bitki örtüsüKırım Tatar halk sanatında, özellikle nakış ve dokumalarda derin iz bırakmış. Onları kendilerin hayallerinden geçirirken hem zarif şekil verirken kilimci ve nakışçı kadınlar Kırım Tatar el sanatının özel bir usülünü yaratmışlar. Onda her bir dikişin, her bir örneğin kendine has parlak adlanması vardır'' [3, s. 74].

Kırım Tatar dokumaları, kilimleri, nakışları hakkında yazı ve sözlüklerden yararlanarak, 250den çok kelime bulduk ve şu kelimeleri anlamları hem morfolojik kuruluşlarına göre inceledik.

1. Dokumaların çeşitlerini bildiren kelimeler.

ala, alaca – renkli pamuk ya da ipek çizgilidokumanın türü; *şam alaca* – Şamdan (Suryadan) getirilen renkli pamuk ya da ipek çizgilidokumanın türü; *albaş atma* – bezler için atmanın türü; *asma santraç atma* – sofra örtüsü, bezler, mahramalar için atmanın türü; *atma (bez keten, toquma)* – basit bir dokuma; *atma suv, atma yolaq* – enine çizgileri olan basit bir dokuma (bezler, mahramalar, çarşaflar için); *basma* – örnekli pamuk dokuması; *bez* – dokumanın bir türü; *bugasa* – pamuk dokumanın bir türü; *burumçıq, pullu*; *dülbent*– ince dokuma; *yolaqlı* – çizgili dokuma; *kebe* – kalın yün dokumanın bir türü; *kemha*– ipek dokumanın bir türü; *kereke atma* – boyuna çizgileri olan dokuma, anter ve gömlek dikmek için kullanıyordu; *kereke kenar atma* – kenarlarında boyuna çizgileri olan dokuma, bezler, çarşaflar, iç gömlekler için kullanıyordu; *keten* – keten iplerinden dokuma; *kiyiz, keçe*; *şerit* – altın ya da gümüş ipler ile işlenmiş dar uzun kumaş; *çatma* – altın iplerle işlenmiş kadife kumaş; *seraser* – altın iplerle işlenmiş parça kumaşı; *qutna* – al ve beyaz çizgileri olan atlas; *soqma* – kalın, kaba yün kumaşı (giyim, divan örtüleri, ferece, mahrama, çorap yapılırdı); *qadife; qolan* – geniş bir şerit, kadife kuşak; *toquma* – kalın kumaş.

2. İplerin çeşitlerini bildiren kelimeler.

Boyamış– kalın renkli ip, *tahtalı* dokuma usulünde kullanılırdı; *dambra* – kalın burma ip; *daşburdu yolaq* – kalın pamuk ip, *qalabdan* – 'mıqlama' dikiş usulünde kullanılan demir ip; *kanitel* – nakış için kullanılan ince demir altınlı ya da gümüşlü ip; *yipekli burma, yipek sıra burma, bozma yipek* – burma ipek ipi; *şire* – dokumacılıkta kullanılan ipek ip, *al baş* – kilim dokumak için kullanılan renkli ip; *dombra boyamış* – kilim dokumak için kullanılan renkli ip; *burma–atma* dokumak için kullanılanince, pek sıkı burulmuş ip; *melez* – az burulmuş ip.

3. Kilimlerin çeşitlerini bildiren kelimeler.

Kilim, *orta, köbekli orta, namazlık* – kilimlerin çeşitleri; *maqat, halı* – kısa hem sık tüylü dokumalar, *çilter*; *parohet* – örneği üstüne yapıştırılmış kilimin bir çeşiti.

4. Dokuma usullerin çeşitlerini bildiren kelimeler.

Yolaqlı atma, taraqlı, Qıbrız atma, tahtalı atma, köterilgen tahtalı, töpeli –örnekli dokumacılığın türleri. *Tahtalı atma* dokumalardan*baş örtüsü (mahrama), uçqur, öglük, örtü, perde, bezler* yapılırdı. *Töpeli* uslüyle yapılan dokumalar *kıbrız atma, tahtalı* dokumalarına benziyorlar.

5. Dikiş usüllerin çeşitlerini bildiren kelimeler.

Qasnaq – örnekli dikiş uslü, *mıqlama (sımakeç)* – kalın kumaşlar üzerinde altın ya da gümüş iplerle yapılan nakışlar; *noğay tikiş; tatar işleme* – iki taraflı nakış türü, *telli* – dar maden kaplamalar ile örnekli dikiş uslü (evciyar, mahra-

malar bezetilirdi); *bükme* – telli ipler ile dikiş uslü; *esap işleme (osmanlı işleme)* – nakış türü; *pul* – küçük tel kaplamalar ile dikiş türü.

6. Dokumacılık ve nakış aletlerini bildiren sözler.

Cilde– bükme ve *mıqlama* usulleriyle nakışlar yapmak için bir alet; *kergef – tatar işleme* ve *hesap işleme* usulleriyle nakışlar yapmak için bir alet; *kerya* – örmek için bir alet; *tezya, tezgah* – dokumak için bir alet.

7. Dokumacılıkta kullanılan boyaların adları.

Kıbrız zacı (saç kıbrız); renkli şap.

8. Nakışlarda kullanılan dikişlerin adları.

Altmış aqıl, bülbül qafes, bülbül yuvası, incili qafes, muşambaq, doğru muşambaq, esap, yılan yımırtası – hesap işleme nakış türün dikişleri; *yades, yades köbekli, alın tersli yades, peksimetli yades, peksimetli yades yip sıra şaşırma, peksimetli yades sıra şaşırma,analı-qızlı yades*; *baqlava, analı-qızlı baqlava, tekiye analı-qızlı baqlava, baqlava dört yüzümçik, biberçikli baqlava*; *civanqaş, analı-qızlı civanqaş, civanqaş köbekli, şeytan yolu civanqaş, civanqaş peksimet*; *peksimet, analı-qızlı peksimet, arpaçıqlı peksimet, arpaçıq peksimet yip şaşırma, peksimetli arpaçıq sıra şaşırma, peksimetli sıra şaşırma, qırathanlı peksimet*; *analı-qızlı yip sıra şaşırma, analı-qızlı sıra şaşırma, şekli analı-qızlı sıra sıra şaşırma, analı-qızlı qasır tikiş yip sıra şaşırma, analı-qızlı tavan töpesi, arpaçıqlı analı-qızlı, tek arpaçıq, arpaçıqlı sıra, şeytan yolu arpaçıq; arslan ağız, balıq pulu (solaq), bilezlik tikiş (revent inesi, borozna), borozna arpaçıq; deniz dalğası; ögüz siydik, ögüz siydik köbekli; yol yip şaşırma, yip şaşırma, sıra şaşırma; yılan bağır; kedi bacağı; lam-elif; köklem; kökleme (teyşuv); örmele; qasır tikiş; sarma; sıçan tişi, sıçan soqağı; taarleme; tavan töpesi; tavuqköt; tarleu (ilmek ayuv); tayaq çatlaq; tek burçaq; tuz sıra; gögercin tobuğı; çoban ırğağı; şekerpare; curme, emeruv curme, dülber dudaq; qavun aşı.*

Bitkilere benzetilirken oluşan adlandırmalar: *qavun aşı; arpaçıq; revent inesi.*

Hayvanlara benzetilirken oluşan adlandırmalar: *gögercin tobuğı; tavuqköt; sıçan tişi, sıçan soqağı; yılan bağır; kedi bacağı; ögüz siydik, balıq pulu; arslan ağız, bülbül yuvası.*

Yemeklere benzetilirken oluşan adlandırmalar: *şekerpare; tuz sıra; peksimet, baqlava.*

Eşyalara ve tabiata benzetilirken oluşan adlandırmalar: *curme, emeruv curme, çoban ırğağı; tek burçaq; tayaq çatlaq; tavan töpesi; deniz dalğası.*

9. Dokuma ve nakışlı şeylerin adları.

velense – yün örtüsü, *verlecek (testmal)* – divarları bezetmek için bez; *duvar yastıq qapı, yedek* – kına gecesinde damada verilen bez, *qalama* – örtünün bir türü, quran qapı, *qıbrız* – evi bezetmek için dokuma bez, *marama, tolu marama, yengil marama, ferece marama, yün marama*; *örtü; perde, köşege* – gelin evine asılan altın dikişli perde; *peşkir* – sofra başında oturanların dizlerine koyulan bez; *peştimal, öglük; saçma* – divarları bezetmek için bez; *sergi* – atmada yapı-

lan set örtüsü; *silecek* – örnekli bez; *uçqur; fırlanta (bürkençik), çerik fırlanta; çevre* – köşelerinde nakış olan mendil; *çedek* – kenarlarında nakış olan bez; *çilter* – geometrik örnekli kilim türü; *çorap bavı; şalvar; şemaldaq* – yatak önünde perde; *şerbenti; evcıyar* – ev içini bezetmek için kullanılan kıbrız örnekli bez;*eğbe, eybe* – çizgili ya da santıraç kumaştan yapılan çanta; *kebe* – örnekli kiyizden yapılan set örtüsü.

10. Dokumacılıkta ve nakışlarda kullanılanörneklerin adları.

Bitkilere benzetilirken oluşan adlandırmalar: *armut, badem, qoş badem, baqla, zanbaq, izi çiçek, islimi, yıldız çiçegi, qaranfil*, *lale, mantar çiçegi, nar, ömür ağaçı (dünya ağaçı), sarmaşıq, suv lâlesi, nilüfer, terek, çan çiçegi, çerep çiçek, yüzüm çerep çiçek, selbi çerep çiçek, çöl çiçegi, egri dal, yüzümçik (qavun aşı), selbi, gül, yarım gül, gül gönce, qabaq çegirdegi, top melevşe, papadiye, zambaq, tepsi çiçek, cilek, qarpız, fındıq;*

Hayvanlara benzetilirken oluşan adlandırmalar: *aqrep, balıq quyruq, bayquş, bota/pota köz, gögercin tırnağı, yengeç, kekirik/ kikirik, taraq, kekel/kökel, köz, qartal, qaz ayaq, quş, qırqayaq, qısqaç, ögüz siydigi, ögüz köz, tavuq, tavuqayaq, tavus quşu, tuurlıq köz, horaz, yadesli suv, deve qatır qafla;*

Yemeklere benzetilirken oluşan adlandırmalar: *loqum, baqlava;*

Eşyalara ve tabiata benzetilirken oluşan adlandırmalar: *ay ve yıldız: alem, bayraq, baqır tas, gügüm, gül çerep, deniz tolqun, suv tolqun, dilpuş, dürbe örnegi, mihrab, kök quşağı, küneş, kün közü, quman, nalband tezyası, senekli, sernikli, suv, baş suv, çek suv, taraq, taraqlı, çardaqlı, çıraqlı, raf ayağı, eki taraflı balta, elyele, atlav baş, burma suv;*

Geometrik örnekler: *girih, dörtköşe, mürabbe, ince bel, köbek, meyin, eşkenar, oyma, örnegi sepme, üçköşe / üçköşelik, peraşlı.*

Dokumacılık ve nakış terimlerin çoğu mecaz esasında yapılmıştır. Esnafçı örneği ona tanış olan bir şeye benzetiyor ve örneği şu şeyi adlandıran kelimeyle adlandırıyordu: *taraq, nalband tezyası, raf ayağı ve başkaları.*

Bir sıra terimler ise isim ya da fiillerden ekler yardımıyla türetilmiştir: *at**ma**, toqu**ma**, bas**ma**, soq**ma**, bük**me**, mıqla**ma**; tahtalı, töpe**li**, yolaq**lı**, köbek**li**, arpaçıq**lı***ve diğerleri.

Terimlerin çoğu kuruluşuna göre bileşik olup, kelime grupları esasında şekillenmişler.

İzafe tamlamalarından: *qaz ayaq, balıq quyruq, raf ayağı, kün közü, gül çerep, tavan töpesi; qavun aşı* ve b.

Sıfat tamlamalarından: *dülber dudaq; tek burçaq; ince bel,yolaqlı atma* ve b.

Fiil tamlamalarından: *sıra şaşırma, yıp şaşırma, emeruv cürme.*

Bileşik terimler arasındi iki, üç, dört kısımdan oluşan adlamalar mevcüt:

İki kısımlı: *çerep çiçek, egri dal, yipekli burma;*

Üç kısımlı: *ögüz siydik köbekli; yol yip şaşırma, eki taraflı balta, deve qatır qafla;*

Dört kısımlı: *peksimetli yades sıra şaşırma, arpaçıq peksimet yip şaşırma* v.b.

Dokumacılıkta ve nakışlarda kullanılan örneklerin sembolik anlamları da vardır. Mesela, *gül* örneği sevgi, güzellik, zariflik, idrak, sırr, güneş, yıldız gibi şeylerin timsali olıyor. Aynı zamanda gül çiçeği müslümanlıkta Allahın yedi isminin belgisi gibi de bellidir. *Qaranfil* örneği sadıklık, devamlılıknın sembolü olarak geliyor. *Köbek (baqlava, eşkenar, meyin)* örneği tertip, hakikat, yer sembolüdur, ömür ağacının bir elementi; *üçköşe* örneği doğurmak güçü,kadın ya da erkek sembolleri gibi geliyor. Kırım Tatar sanatında esas örneklerden birisi – *ömür ağaçı* örneğidir, bu örneğin bir türü *çiçek çerep*tir. *Horaz* örneği bereket, zenginlik, ömür, güneş, ışık anlamları bildiriyor. *Küneş* örneği ömür, ışık, zenginlik sembolüdür. Kırım Tatar örneklerin sembolik anlamları daha ayrıca incelenmelidir [8, s. 53–54], [1, s. 265–266].

M. Çurlu, N. Akçurina-Muftiyevagibi araştırmacıların fikirince, Kırım Tatar kilimlerinde ve nakışlarında kullanılan bir çok örnekler diğer türk halkları, özellikle Azerbaycan, Özbek, Tatar, Türkmen halklarının dokumacılık sanatında geniş yayılmıştır. Böyle örnekler sırasında *ömür ağaçı, arslan ağız, suv, köbek* örnekleridir. Bir çok örnekler ise Ukrayna kilim ve nakışlarindaki örneklere benziyor [8, s. 54], [1, s. 94–121, 266].

Genetik açıdan Kırım Tatar dilinin dokumacılık ve nakış terimlerin çoğu türkî kökenli sözlerden oluşuyor: *suv, taraq, köz, terek, yılan bağır, sıçan tişi, sıçan soqağı, balıq quyruq, bayquş, bota/pota köz, gögercin tırnağı, yengeç, mıklama, töpeli, atma, bükme, yolaqlı, toquma, kiyız* ve diğerleri. Aynı zamanda arap, fars dillerinden alınma kelimeler de karşılanıyor: *dilpuş, mahrama, ferece, raf, mihrab, tezya, dülbent, qadife* ve diğerleri. Terimlerin çoğu türk kökenli kelimeler olduğu Kırım Tatarlarda dokumacılık ve nakış sanatları çok eski olduğuna, bu sanatlar türk halklarının kendilerine ait olduğuna kanıt gösteriyor.

Dokumacılık ve nakış terimlerini farklı türk lehçelerinde karşılaştırmalı öğrenilmesi onların anlam ve etimolojisini daha derin açıklamaya yardım etecektir.

KAYNAKLAR

1. Акчурина-Муфтиева Н. Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV – первой половины XXвв. Симферополь, 2007. 392 с.

2. Акчурина-Муфтиева Н. Терминологический словарь крымскотатарского декоративно-прикладного искусства. Симферополь, 2007. 120 с.

3. Баданинский У. Производство шерсти у крымских татар // Крым. М.-Л., 1928. № 1 (16). Вып. 11. С. 67-85.

4. Гинзбург М. Декоративное творчество // Забвению не подлежит. Казань, 1992. С. 222–227.

5. Изидинова С.Р. Об искусстве орнаментального тканья крымских татар. Севастополь, 1995. 24 с.

6. Петренко И.В. О техническом виде крымскотатарского ткачества «тепели» // Къасевет. 2000. № 27. С. 34–35.

7. *Чепурина П.Я.* Орнаментальное тканье крымских татар // Известия истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. 3 (60). С. 72.
8. *Чурлу М.* Крымскотатарский килим // Къасевет. 2010. № 36. С. 47–55.

Yazar hakkında: Nariye Seydametova – doktor (filoloji alanında), Kırım Tatar ve Türk Dilbilimi bülümünün öğretim üyesi, Kırım Mühendisliık ve Pedagoji Ünivesitesi (295015, Uçebnıy sokağ aralığı, 8, Simferopol, Kırım, Rusya Federasyonu); arslanqiz@yahoo.com , nariye@mail.ru

Термины ковроткачества и вышивания в крымскотатарском языке

Нарие Сейдаметова
(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация. Крымскотатарская культура, в особенности, искусство ковроткачества и вышивания, отражает влияние различных культур. Этот вид ремесла у крымских татар был распространен со времен Крымского ханства. Культурное влияние Османской империи, продолжавшееся вплоть до начала XX века, нашло отражение в различных формах декоративного искусства, в том числе и в искусстве вышивания и ковроткачества. В лексике крымскотатарского языка сохранилось довольно много терминов и терминосочетаний, относящихся к данной отрасли. Изменения в экономической жизни в XX веке, внедрение в жизнь достижений науки и техники, а затем и депортация крымских татар привела к исчезновению традиционных ремесел. Утрачены либо вышли из употребления многие термины и профессионализмы. После депортации крымских татар в 1944 году ковроткачество и вышивание практически исчезли. Только начиная с 1995 года, усилиями нескольких народных мастеров это искусство стало возрождаться. Каждый узор, каждая техника вышивания и тканья имеет свое оригинальное название в лексике крымскотатарского языка. Сбор и систематизация терминов ковроткачества и вышивания, их всесторонний анализ и прояснение семантики представляется особенно актуальным. Многие термины образованы путем метафоризации общеупотребительных слов. Лексико-семантическая классификация терминов производится в соответствии с имеющимися в крымскотатарском языке номинациями видов тканей, ковров, нитей, способов вышивания и тканья, инструментов, изготавливаемых изделий. Большинство рассматриваемых терминов являются сложными по структуре и образуются на основе словосочетаний различных типов. С генетической точки зрения крымскотатарские термины ковроткачества и вышивания являются тюркскими по происхождению. В то же время встречаются термины арабского и персидского происхождения. Преобладание терминологии тюркского

происхождения свидетельствует о древних корнях искусства ковроткачества и вышивания у крымских татар, о национально-специфическом характере этого искусства у тюркских народов.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, термин, термины декоративно-прикладного искусства, терминология.

Сведения об авторе: Нарие Сеидмаметовна Сейдаметова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, Крымский инженерно-педагогический университет (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Крым, Российская Федерация); arslanqiz@yahoo.com, nariye@mail.ru

The terms of carpet weaving and embroidery in the Crimean Tatar language

NariieSeidametova
(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract. Crimean Tatar culture, the art of carpet weaving and embroidery in particular, reflects the influence of different cultures. The art of carpet weaving and embroidery has been extended among the Crimean Tatars since the time of the Crimean Khanate. The cultural influence of the Ottoman Empire lasted until the beginning of the twentieth century and was reflected in various forms of decorative art including the art of embroidery and carpet weaving. The lexicon of the Crimean Tatar language preserved a lot of terms and term combinations related to the industry. Changes in the economic life in the twentieth century, introduction of scientific and technological innovations, and then the deportation of Crimean Tatars led to the disappearance of traditional crafts. Many terms and professionalizms were lost. After the deportation of the Crimean Tatars in 1944, carpet weaving and embroidery virtually disappeared. Just since 1995, due to the efforts of several masters this art began to revive. Each pattern, each technique of embroidery and weaving has its original name in the lexicon of the Crimean Tatar language. Collection and systematization of the terms of carpet weaving and embroidery, their comprehensive analysis and semantic clarification are particularly of great importance. Many terms of carpet weaving and embroidery are formed by metaphorization of common words. Lexical-semantic classification of terms of carpet weaving and embroidery is done in accordance to the nominations of different kinds of fabrics, carpets, threads, sewing and weaving techniques, tools, manufactured products existing in the Crimean Tatar language. Most of the terms are complex in structure and are formed on the basis of different types of word-combinations. From a genetic point

of view the Crimean Tatar terms of carpet weaving and embroidery are of Turkic origin. At the same time there are the terms of Arabic and Persian origin. The predominance of the terminology of Turkish origin means the art of carpet weaving and embroidery of the Crimean Tatars has the ancient roots and national specific character of the Turkic peoples.

Keywords: the Crimean Tatar language, term, terms of arts and crafts, terminology.

REFERENCES

1. Akchurina-Muftiyeva N. *Dekorativno-prikladnoye iskusstvo krymskih tatar XV–pervoy poloviny XX vv.* [Decorative and applied arts of the Crimean Tatars of the XVth – the first half of XXth centuries]. Simferopol, 2008. 392 p.

2. Akchurina-Muftiyeva N. *Terminologicheskiy slovar' krymskotatarskogo dekorativno-prikladnogo iskusstva* [Terminological dictionary of the Crimean Tatar decorative and applied arts]. Simferopol, 2007. 120 p.

3. Badaninskiy U. Proizvodstvo shersti u krymskih tatar [Wool production of the Crimean Tatars]. *Krym – The Crimea*. Moscow-Leningrad, 1928, no. 1 (16), issue11, pp. 67–85.

4. Ginzburg M.Dekorativnoye tvorchestvo [Decorative creative work]. *Zabveniyu ne podlezhit* [Can not be forgotten]. Kazan, 1992, p. 222–227.

5. İzidinova S.R. *Ob iskusstve ornamental'nogo tkan'ya krymskikh tatar* [About the art of ornamental weaving of the Crimean Tatars]. Sevastopol, 1995. 24 p.

6. Petrenko L.V. O tekhnicheskom vide krymskotatarskogo tkachestva 'tepeli' [On the technical form of the Crimean Tatar weaving "tepeli"]. *Qasevet – Worry,* 2000, no. 27, pp. 34–35.

7. Chepurina P.Ya. Ornamental'noye tkaniyo krymskikh tatar [Ornamental weaving of Crimean Tatars]. *Izvestiya tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii* [The news of Taurida society of history, archeology and ethnography]. Simferopol, 1929, vol. 3 (60), p. 72.

8. Churlu M. Krymtatarskiy kilim [The Crimean Tatar kilim]. *Qasevet – Worry,* 2010, no. 36, pp. 47–55.

About the author: Nariie Seidmametovna Seidametova – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, the Department of the Crimean Tatar and Turkish Linguistics, Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebniy lane, 8, Simferopol, Crimea, Russian Federation); arslanqiz@yahoo.com, nariye@mail.ru

УДК 069(091):39(477.75)

История формирования коллекций Государственного Дворца и Музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае (1922–1944)[1]

Рустем Эминов
(Фонд поддержки межмузейного коммуникационного пространства и культурно-образовательных программ «Связь эпох»)

Аннотация. В статье исследована начальная коллекция Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника. Впервые подробно рассмотрена история формирования фондов Государственного Дворца и Музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, являвшихся предтечей современного музея-заповедника. В настоящий момент существует ряд проблем, связанных с историей поступления и атрибуцией значительного количества музейных предметов из довоенного фонда музея-заповедника. Эту задачу помогают решить довоенные инвентарные книги дворца-музея. Основными источниками для исследования послужили документы из архива музея-заповедника и Государственного Архива Республики Крым.

Ключевые слова: музейные собрания, история Крыма, этнография, крымские татары, охрана памятников, Бахчисарайский дворец-музей.

История формирования коллекций Государственного Дворца и Музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае[2] неразрывно связана с основателем и первым директором музея Усеином Абдурефиевичем Боданинским (1877–1938). Его усилия, направленные на сохранение материальной культуры крымских татар, собирание коллекций и увлечение краеведением, воплотились в создании музея в бывшем Ханском дворце в Бахчисарае. В фондах дворца-музея была сформирована самая крупная в мире этнографическая коллекция крымских татар, в частности, декоративно-прикладного искусства и народных промыслов. Собрание включало в себя также коллекции восточного оружия и нумизматики, мусульманских, отчасти караимских рукописных и старопечатных книг, а также предметов археологии периода Золотой Орды, Крымского ханства и др.

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда (РГНФ). Проект «История создания и формирования коллекций Бахчисарайского дворца-музея: 1917–2014 гг.», № 15–31–10132.

2 В настоящее время ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник».

После официального учреждения в 1917 году Национального крымскотатарского музея в бывшем ханском дворце [28, с. 51], который возглавил У.А. Боданинский, музей целенаправленно приобретал предметы, относящиеся к истории и этнографии крымских татар, культуре ислама. К сожалению, часть коллекции была утрачена [21] или перемещена в другие музеи после депортации крымских татар и насильственного удержания их в ссылке в период 1944–1988 годов [18]. Другая часть этой, безусловно, ценной коллекции сегодня входит в состав фондов ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» (БИКАМЗ).

Несмотря на наличие ряда работ по истории Бахчисарайского дворца-музея [4; 20; 22–25], где уже затрагивалась тема формирования его коллекций, отдельного исследования, раскрывающего данную проблематику, не публиковалось. Следующие работы были посвящены непосредственно музейным коллекциям из фондов БИКАМЗ. Так, в 2007 году был опубликован указатель рукописных и старопечатных книг, как части книжного фонда музея-заповедника, переданного в Российскую национальную библиотеку. Данное издание было составлено Н. Абдульваапом, который исследовал эту коллекцию в фонде РНБ [16]. Статьи и каталоги сотрудников Бахчисарайского музея-заповедника продолжили данную тематику, авторы попытались классифицировать и систематизировать некоторые музейные коллекции из фондов БИКАМЗ. Это работы О.Н. Алпашкиной и А.Ю. Полкановой [19], Э.Н. Аметова и Г.Д. Остапенко [3; 26], С.Н. Абдурамановой [1] и в соавторстве с Акчуриной-Муфтиевой [2], а также Л.З. Чубукчиевой [27]. В своих публикациях авторы кратко рассмотрели историю формирования исследуемых коллекций по тематике и по типам предметов из фондов музея-заповедника. Г.И. Золотова в своей статье кратко изложила передачи предметов из фондов Бахчисарайского заповедника в другие музеи [18]. В 2015 году И.В. Зайцевым и Р.Р. Эминовым был опубликован сборник документов, имеющих отношение к утратам Бахчисарайского дворца-музея в годы ВОВ, который позволит выявить и атрибутировать все предметы из довоенного фонда музея, утраченные в этот период [21].

Наиболее значительной работой, затрагивающей историю формирования фондов дворца-музея, является монография У.К. Мусаевой, посвященной У.А. Боданинскому, в которой была рассмотрена деятельность Бахчисарайского дворца-музея [24]. В данном исследовании были использованы документы из архивов Москвы и С.-Петербурга, в большей степени годовые отчеты музея, а также некоторые материалы Бахчисарайского дворца-музея, отложившиеся в фондах БИКАМЗ, в частности, дневники музея (1923–1926), которые вел директор У.А. Боданинский [31–33]. Дневники были частично опубликованы в данном издании, но, к сожалению, с некоторыми неточностями, а также безсоответствующей научной обработки этого важного источника по истории музея и фор-

мированию его коллекций. Автором были затронуты вопросы комплектования фондов музея в части организации и участии его сотрудников в археологических и этнографических экспедициях, что являлось одним из важных направлений работы учреждения по формированию коллекций, но далеко не единственным. Обнаруженные нами инвентарные книги музея [29] и целый ряд ранее неизвестных документов из архива БИКАМЗ [30], позволяют более полно и подробно проанализировать все этапы формирования коллекций Бахчисарайского дворца-музея, а также ознакомиться с наиболее ценными и уникальными предметами из его фондов, в том числе, к сожалению, уже утраченными.

После окончательного утверждения Советской власти в Крыму, в январе 1921 года на основании приказа Крымревкома, бывший Ханский дворец в Бахчисарае и Национальный музей крымских татар[3] были взяты на учет Бахчисарайским ОХРИСом. Вопрос о создании татарского музея в Бахчисарайском дворце был положительно рассмотрен 18 марта 1922 года на заседании Президиума СНК Крыма [28, с. 54.] Новое учреждение первоначально именовалось «Бахчисарайский Дворец и Музей»[4]. Директором был назначен заведующий Бахчисарайским ОХРИСом У.А. Боданинский. Музей находился в подчинении НКП РСФСР и с 1926 года получил наименование – «Государственный дворец и музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае»[5].

Несмотря на страшный голод, разразившийся в Крыму в 1921–1922 годах и унесший жизни двух сотрудников музея, его фонды продолжают пополняться. Из Коккозкого (Юсуповского) дворца по актам от 18.08 и 12.10.1922 года поступил ряд предметов исламского искусства: медный кувшин XVIII века под № 233/326[6] (кп 804–52)[7] – «чеканной работы с узорами в виде рыбной чешуи» [12, л. 77]; две медные курильницы «ажурной работы в персидском стиле» под № 280/1512а,б[8] (кп 795–43) [9, л. 11]; два деревянных подсвечника «персидской высокохудожественной работы» под № 221/339, № 221/340 (кп 711–37; кп 712–38) [9, л. 9]; «части кальяна в персидском стиле» под № 345/1534 (кп 1349–125); серебряные, чеканной работы подставки для кофейных чашек –

3 Вернее его коллекции, так как музей практически прекратил свое существование в конце 1919 года, в этот период музей именуется «Татарский художественно-исторический музей» [29, с. 54].

4 Это наименование фиксируют документы музея с 1923 по 1926 годы [25, с. 48–49].

5 В документах музея с 1926 года: на печатях и штампах надпись – «Государственный дворец-музей татарской культуры», но на типографских бланках до 1928 года всегда – «тюрко-татарской» [35].

6 Первая цифра – номер из инвентарных книг 1925–1929 годов [9; 10], вторая – из последующих инвентарных книг 1929–1937 годов [12; 13].

7 Здесь и далее в скобках – номер предмета в фондах БИКАМЗ в настоящее время.

8 Сохранилась только одна курильница, другая – «ваза» была передана в Центральный музей Тавриды по акту от 21.06 1931 года [12, л. 45].

«зарф» под №№ 356/383/842[9], 364/1554[10], 366/1555/845[11], 368[12] – все не сохранились [9, л. 13–14]; «оклык» – колчан «из красного сафьяна» под № 514/592 (кп 1340–150) [12, л. 125.], а также фрагмент изразца[13] «с изображением воинов в персидском стиле» под № 425/2141/573 [9, л. 16].

Как и прежде, музей приобретает предметы у коллекционеров. По акту № 4а от 29.09.1922 года было куплено несколько предметов у известного бахчисарайского коллекционера – бакалейщика Бахшиша Бахшишева: № 81 – ковер кавказский с изображением кисти руки[14], занавесь для камина «оджак-ятмак» – из бархата с рельефным тканным рисунком под № 159/1574/[15], «бохча»[16] – № 196/894 из домотканой белой ткани с вышитыми геометрическими узорами XIX века (кп 632–520)[17] [9, л. 3–8]; «стиль» – медный луженный подвесной умывальник с чашей XIX века № 1323/236 и 1324/253 (кп 1326–172; кп 1327–173) [13, л. 20], а также медный сосуд-кувшин XVIII века в виде голубя под № 258/329 (кп 873–103) [9, л. 10].

Как известно, в настоящее время в фондах БИКАМЗ существует проблема правильной атрибуции значительного количества предметов из довоенного фонда [29, с. 81–82]. Связано это с утратой связи между старыми довоенными номерами и новыми в инвентарных книгах 1945 годов. С 1960-х годов во вновь заведенных инвентарных книгах не фиксировались старые довоенные номера, более того, наименования и описания предметов, связанных с этнографией крымских татар были изменены в 1945 году, чтобы скрыть наличие подобных предметов в фондах после насильственного выселения народа в 1944 году и «политизации» этого вопроса. Проблема корректной атрибуции довоенного фонда

9 Предмет передан вместе с другим под №366/1555/845 в Киевский исторический музей согласно Пр. МК УССР № 1777 от 26.10.1955 года [35].

10 Украдена 01.07.1934 года – акт №46 [13, л. 54].

11 Третья цифра в номерах предметов – номер из инвентарной книги фонда Бахчисарайского музея 1929–1932 годов [11].

12 Изъята из фондов – акт № 34 от 09.08.1930 года [9, л. 14].

13 Утрачен – акт № 1 от 1944 года [21,с. 40].

14 Позднее был передан Госторгу по акту № 28 [9, л. 3].

15 Подобные занавеси для камина, только из парчи в количестве 11 единиц уже находились в фондах музея – все они были из имущества Ханского дворца. В 1944 году занавеси были переданы в «этнографический склад» и выведены из основных фондов, за исключением одной № 1577 (кп 637–525). В дальнейшем большая их часть была утрачена. Как и другие сохранившиеся предметы из данного "склада", уцелевшие занавеси были поставлены на учет только в период с 2010-го по 2013-е годы.

16 Первоначально была записана как «пешкир», затем вписана «бохча» – специальная ткань, обычно квадратной формы с нарядно украшенной вышивкой – служила для связывания в «узел» предметов одежды свадебного подарка («докузлама») от невесты жениху.

17 В настоящее время в фондах БИКАМЗ ошибочно атрибутирована как «скатерть» из Парижской выставки 1925 года.

решается с помощью инвентарных книг 1945 года, где старые и новые номера указаны вместе. Чтобы показать, как применить на практике этот метод, рассмотрим еще один предмет, приобретенный, как указывает довоенная инвентарная книга, в 1922 году у жителя Симферополя Сеита Мамута Эбу Саида. Это «каве-куту – кофейница медная для хранения молотого кофе овальной формы с гравированными рисунками – изображениями носорога, птиц, рыб и арабскими надписями». В инвентарной книге 1929–1937 годов данный предмет имеет № 1271/208 [12, л. 9], в инвентарной книге 1945 года этому номеру соответствует № 814/1271 (кп 814–62) и описан предмет следующим образом: «кастрюля медная луженная с крышкой, закрывающейся на планку. Гравирована рисунками. На крышке носорог, птицы, рыбы, цветы и надписи. На кастрюле: медальоны с геометрическими рисунками и надписи». Как видим, «кофейница» превратилась в «кастрюлю», источник же поступления указан как предмет «из имущества бывшего Коккозского дворца в 1924 году», что является несомненной ошибкой [14, л. 28]. Таким образом, следуя вышеуказанной методике, сегодня многим предметам довоенного фонда БИКАМЗ можно вернуть их оригинальные довоенные названия и описания, а также истинный источник поступления.

К концу 1922 года фонды музея насчитывали 1835 единиц хранения (ед. хр.), включая небольшой книжный фонд – 30 старинных печатных книг и 62 рукописи. Дополнительно 153 книги были приняты на учет из дворцовой мечети Буюк хан джами, но предметы не перемещались в фонды музея и не были записаны в инвентарные книги, а передавались в пользование мусульманской общине, как и все имущество Хан джами по договору от 5 апреля 1924 года, обязывающий общину сохранять вверенные предметы в целостности. Отдельно внесены в список два рукописных Корана. Один – 1075 года хиджры (1664/65), уникального значения и высокохудожественной работы, оформленный переписчиком и рисовальщиком Хаттатом Дервиш-Али, другой – XVIII века, подаренный Батыр-беем [30, с. 326]. В 1923 году книжный фонд пополняется за счет поступления рукописных и старопечатных книг из Зынджирлы медресе, как записано в дневнике Музея в следующей комплектации: «1. Рукописных книг – 115 экз[емпляров]. 2. Печатных книг, имеющих историко-библиограф[ическую] ценн[ость] – 75 экз[емпляров]. 3. Рукописных альбомов (каллиграфических) – 8. Отдельных рукописей – 11» [33, с. 7]. Как видим, всего в количестве – 209 ед. хр. Однако, по инвентарным книгам фиксируется только 157 наименований (всего с дублирующими – 176 книг) из библиотеки «Зынджирлы медресе», поступивших в фонды музея по акту № 11 от 28.12.1923 года дополнительно к 68 книгам, которые уже хранились в музее [9, л. 37–48]. Таким образом, книжный фонд составлял к этому времени всего 244 ед. хр.

В этот период с книжной коллекцией дворца-музея был ознакомлен вы-

дающийся востоковед И.Ю. Крачковский, результаты его работы были опубликованы в 1924 году в Известиях Российской Академии наук [24, с. 57].

В дневниках Музея, которые вел У. Боданинский, за 1923–1924 года содержатся подробные сведения о фонде Музея:

«В Музее 2254 истор[ических] предмета

из коих	к концу 1922 года	прибавилось	значится с 1 окт. 1923 [г.]
тканей и вышивок	293	48	341
утварь (мебель и предм[еты] обихода)	257	2	259
оружие	86	1	87
фрагм[енты] скульпт[уры] и живописи	109	—	109
Манускрипты (рукописи)	62	15	77
Нумизматика	560	—	560
Зол[отые] и серебр[яные] изделия	61	5	66
Стар[инные] книги печатные	30	—	30
Разное	377	—	377
Кладбище при дворце:			
Саркофагов цельных	—	87	87
Тоже разбит[ых] без намог[ильных] камней	—	35	35
Скульпт[урные] фрагм[енты]	—	3	3
Б[ольшое] Турбе в Эски-Юрте			
Намог[ильных] камней	—	3	3
Саркофагов	—	2	2
Скульпт[урные] фрагм[енты]	—	11	11
Б[ольшая] Мечеть при дворце			
Ковров стар[инных]	—	42	42

Подсвечников медн[ых] с серебр[яной] насечкой (уникальн[ального] знач[ения])	—	2	2
Книг рукописн[ых]	—	153	153
Кафедр дерев[янных] с инкрустацией	—	2	2
Всего	1835	411	2254» [33 с. 1–3].

Учитывая ошибку при общем подсчете, в 1923 году в Бахчисарайском Дворце-музее хранилось 2246 единиц хранения.

В дневниках имеются сведения о формировании коллекции музея в рассматриваемый период. Из записи от 31-го марта 1924 года известно, что У.А. Боданинский получил для Бахчисарайского музея выбранные им музейные предметы из фондов Центрального Музея Тавриды (ЦМТ), а также принял экспонаты дворца-музея, которые экспонировались на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве, проходившей в 1923 году. С 3-го по 9-ое апреля Усеин Абдурефиевич принимал предметы в Коккозском дворце и отправил их в ЦМТ, а в середине месяца дворец-музей приобрел «ряд коллекций» из Восточного Музея, через ЦМТ, включая «большой Кызыл-Аякский ковер» [24, с. 46–47]. Помимо упомянутого в дневнике ковра[18], по инвентарным книгам можно выяснить, какие именно предметы поступили из указанных музеев. По акту № 15 от 15.04.1924 года из Восточного Музея (Ялта) поступили предметы оружия. Это инвентарные №№ с 1043 по 1052, включая следующие предметы: стрелы из бамбука[19] – 6 шт., ударное оружие из металла «гурс» с боевой частью в виде головы быка в количестве трех единиц[20] и защитное снаряжение из меди: два наруча

18 Ковер фиксируется в довоенной инвентарной книге отдельно под № 1236 как «текинский ковер из Восточного Музея Ялты», в 1926 году 1/2 часть ковра была отрезана и украдена из музея злоумышленниками, затем разрезана на 3 части, которые, позднее, были найдены. В 1929 году все 4 части ковра были переданы в Госфонд – акт от 26.01.1929 года [9, л. 75]; акт о краже № 9 от 10 мая 1926 года [5, л. 7].

19 В фондах БИКАМЗ сохранились три стрелы (кп 1333–262; кп 1334–148; кп 1335–149). Одна из стрел под № 1044/590 – была обтянута змеиной кожей со стальным наконечником, была утрачена [21, с. 129].

20 Булава («гурс») из орехового дерева под № 1047/603 была утрачена в 1944 г. [21, с. 129], остальные – металлические, сохранились в фондах БИКАМЗ (кп 1222–137; кп 1221–136).

(кп 1211–126; кп 1212–127); два шлема[21] (кп 1204–122) и щит (кп 1382–152) – с растительным орнаментом и надписями арабицей, нанесенными золотой и серебряной насечкой, а также кольчуга (кп 1205–123) [9, л. 57–58].

Из Центрального Музея Тавриды по акту № 19 от 18.04.1924 года поступили предметы этнографии крымских татар, инвентарные №№ с 948 по 1042 [9, л. 48–57]. Всего вместе с идентичными (дублетными) предметами – 135 ед. хр. Это – предметы быта и кухонная утварь, различная керамическая (глиняная) и медная с лужением посуда: тазы, котлы-кастрюли («казан»), блюда-миски («мертабене», «каравана»), кувшины («гугум», «куман»), кофеварки («джезве»), подносы («сни»), специальная посуда с крышкой для чебуреков («саан»), а также ножи («пичак») и т.п. Среди предметов также мужская и женская одежды: шаровары («дон»), куртки («елек», «комзол»), рубашка («кетен-кольмек»), головные уборы – женские («фес») и мужские («калпак»), носки («чорап»), обувь – туфли без задников («папич»), а также на двух высоких подставках («налын») и др. Кроме этого фонды музея пополнились предметами декоративно-прикладного искусства. Это – ювелирные изделия: серебряные браслеты («блезлик»), серьги («купе»); предметы с золотым, серебряным шитьем и шелком: полотенца «юзбез», кисейные головные покрывала («шербенти»), манжеты («антеркапак»), тканные мужских пояса («учкур»), а также на кисеты («кисе»). К сожалению, значительная часть предметов, поступивших по данному списку, к настоящему времени утрачена [21, с. 33–151].

Позже из ЦМТ по акту № 32 от 4.06.1924 года в Бахчисарайский Дворец-музей поступило еще 13 предметов, ранее переданных в Симферополь из Ялтинского ОХРИСа. В инвентарной книге эти предметы зафиксированы с № 1489 по № 1501. Среди предметов находились ювелирные изделия из серебра: три пряжки от женского пояса[22], налобное украшение «баш-алтун» № 1493/111[23], серьги «зильф-аскы» № 1494/108 (кп 984–132; кп 985–133) и брошка («булавка») – «алтын-сургуч» № 1492/139 (кп 994)[24]. В списке также различные предметы с нарядной вышивкой золотом, серебром и шелком: кисет – «киев кисе» № 1496/56[25], три полотенца «юзбез»[26], платье

21 Один шлем под №1050/651 был передан в ЦМТ по акту от 21.06.1933 года [9, л. 57].

22 В фондах БИКАМЗ сохранились две пряжки (кп 946–117) и (кп 949–119 ДС 508) – одна часть, вторая часть № 314б была украдена в довоенное время – акт № 46 от 01.06.1934 года [12, л. 74], третья пряжка была передана в Киевский исторический музей – Пр. МК УССР № 165 от 20.05.1967 года [35].

23 Утрачена, акт утраты № 1 от 22 июня 1940 года [12, л. 30].

24 Передана в Киевский исторический музей согласно Пр. МК УССР № 1777 от 26.10.1955 года [35].

25 В настоящее время сохранилась только крышка от кисета (кп 345–236).

26 В фондах сохранилось только одно полотенце (кп 497–388).

«фистан» из лилового бархата № 1501/981 (кп 291–198) и прихватка для горячей посуды – «туткуч-без» под № 1498/1503 крымской работы XVIII века. В настоящее время хранится в фондах БИКАМЗ под № кп 421–312 и наименованием «покрывальце для Корана», что является несомненной ошибкой [10, л. 24–25].

Центральный музей Тавриды, несмотря на отсутствие постоянного здания, был главным музеем Крыма, именно в его фонды поступали реквизированные Советской властью предметы, имеющие музейную ценность, также учреждение выполняло функции по комплектации музейными предметами фондов других музеев Крыма в зависимости от их профиля.

В дневниках У.А. Боданинским отражены сведения о получении музейных предметов из ЦМТ, например, запись от 18 февраля 1925 года: «В Центральном Музее Тавриды отбирал [предметы] с Эрнстом и Голландским. Передана в Бахчисарайский музей большая коллекция татарских исторических предметов: платья, деревянные инкрустированные изделия, серебряные украшения, женская обувь, расшитая серебром, оружие и монеты» [32, с. 177]. Эти сведения из дневника подтверждаются наличием записей в инвентарной книге. По нашим подсчетам, за период 1924–1925 годов из ЦМТ поступило 264 предмета, только по актам от 4.03., 25.03. и 30.03.1925 года фонды Бахчисарайского Дворца-музея пополнились на 200 предметов, переданных из ЦМТ – №№ 1575 по 1744, включая 90 старинных медных и серебряных монет, среди них; византийские, арабские, персидские, золотоордынские и монеты Крымского ханства, 58 образцов восточного холодного и огнестрельного оружия, остальное – предметы этнографии крымских татар [10, л. 33–40].

Выше мы уже указывали на поступления предметов из бывшего дворца князя Феликса Юсупова в селении Коккоз (Коккозкий дворец) в 1922 году. Как следует из записи в дневнике Боданинского – после ликвидации дворца-музея в Коккозах в октябре 1925 года все имущество и экспонаты были переведены в Бахчисарайский дворец-музей [24, с. 72]. Имущество Коккозкого дворца передавалось в Центральный фонд КрымОХРИСа, но фактически предметы находились на хранении Бахчисарайского ОХРИСа, собственно его функции выполнял сам дворец-музей, на территории которого ОХРИС и размещался. Документы свидетельствуют, что только часть предметов Коккозкого дворца поступила в фонды Бахчисарайского дворца-музея по описи № 172 от 28.01.1928 года – всего 17 предметов, прочие были распределены по другим музеям, а имущество Юсуповского дворца, не имеющего музейного значения, было передано госучреждениям в Коккозах и Бахчисарае. В инвентарных книгах музея отражена история поступления предметов из имущества Коккозского дворца еще одним, более ранним актом № 22 от 21.04.1924 года. По этому акту в фонды поступило

19 предметов. Среди них два предмета холодного оружия: сабля «клыч» с ножнами[27] турецкой работы – № 1151/619 (кп 1091–35), а также шашка № 1152 – «не старинная с деревянной ручкой» и датой 1908 год, в последствии она была списана в 1929 году [9, л. 67]. Шесть предметов – «диварястык» подушки из синего шелка с вышивкой турецкой работы XVII века[28] – фиксируются в инвентарных книгах под № 1369–1374 без указания номера акта [13, л. 27], в настоящее время в фондах сохранилась только одна подушка (кп 229–138). Кремневое ружье тульских мастеров 1837 года под № 2545/979 (кп 1169–87) было по ошибке отнесено к имуществу Коккозкого дворца. Это случилось еще в довоенный период при переписывании из более ранней инвентарной книги, где отмечено, что данное ружье под № 2183 поступило от Мемета Бараша в дар из деревни Улу-Сала в 1927 году [11, л. 91]. Остальные вещи №№ 2223–2229 – предметы быта крымских татар: различная посуда, столик «курсю» и деревянная шкатулка инкрустированная костью и перламутром [13, л. 127–128]. Таким образом, из Коккозкого дворца поступило 48 предметов[29].

В 1924 году из дома-музея Гаспринского в фонды дворца-музея поступило 19 медных и серебряных монет, среди них: византийские, золотоордынские, Крымского ханства, Российской империи и одна «татарская, с изображением рыбы, чеканная в Тифлисе» [9, л. 72–73], позже еще 29 старинных монет, включая серебряный арабский дирхем эпохи «абассидских халиф[ов]», а также персидские и китайские монеты [10, л. 26–27].

Несмотря на наличие в фондах музея изначально целого ряда предметов археологии[30], все же целенаправленное формирование археологической коллекции музея началось после археологических исследований в Эски-Юрте в 1924 году. В результате этих раскопок фонды музея пополнились 25 мусульманскими намогильными памятниками золотоордынского периода [11, л. 97–99]. В 1925 году в фонды музея поступила часть находок из археологических изысканий в Старом Крыму на месте древнего золотоордынского города Солхат. Это различные архитектурные фрагменты из мрамора

27 В настоящее время сабля хранится в фондах БИКАМЗ вместе с ножнами. Ножны кп 1120/619 «из имущества Коккозкого дворца» в инвентарной книге 1945 года ошибочно отнесены к данной сабле, в настоящее время принадлежность их установить невозможно, т.к. они были переданы в Каховский краеведческий музей. Пр. МК УССР № 178 от 26.10.1959 года [35].

28 В настоящее время в карточке учета данного предмета в фондах БИКАМЗ значится XVIII век.

29 В фондах БИКАМЗ сохранилось 38 предметов из Коккозкого дворца.

30 В большей степени, это часть предметов из археологических раскопок на Мангупе в дореволюционный период, а также несколько архитектурных фрагментов декоративной отделки разрушенных строений Ханского дворца. Данные предметы были включены в первоначальную опись инвентаря, которую принял первый директор У. Боданинский при вступлении в должность в 1917 году.

и известняка, цветные изразцы, части мраморных намогильных памятников и керамической посуды, а также монеты золотоордынских ханов и др. [13, л. 85–88].

Наибольшее количество предметов этнографии крымских татар поступило в фонды музея после проведения Всемирной Парижской выставки современных и декоративных промышленных искусств, проходившей в 1925 году, на которой были представлены данные экспонаты. Как известно, Бахчисарайский дворец-музей удостоился бронзовой медали за крымские вышивки и кружева, соответствующий диплом хранится сегодня в фондах БИКАМЗ. Сохранился акт сверки, датированный 1928 годом, с перечнем предметов, поступивших в музей в 1926 году по трем актам. Актом № 1 предметы передавались через Центральный Музей Тавриды от ГлавВыставкома Парижской выставки 1925 года, акт № 2 от Центрального кустарного Музея ВСНХ СССР и акт № 3 от Комитета Отдела СССР на Парижской выставке [8, л. 1–36]. Данный документ включает 423 наименования предметов, всего вместе с идентичными предметами – 771 ед. хр. Из них 141 предмет на тот период был не музейного значения: 50 – современные книги на крымскотатарском языке, 68 – фотоснимки (крымские татары и виды Крыма), 8 – газеты на крымскотатарском языке, 15 – плакаты и афиши (видимо с выставки). Остальные 630 ед. хр. – это предметы декоративно-прикладного искусства крымских татар и кустарных промыслов, в основном, Бахчисарая. Данный массив документов архива существенно дополняет сведения о музейных предметах, отобранных для экспонирования на Всемирной Парижской выставке 1925 года современных и декоративных промышленных искусств, в последствии поступивших в фонды Бахчисарайского дворца-музея. Список также включает и предметы, предоставленные на выставку Кустарно-промышленным техникумом Бахчисарая, общим количеством 40 единиц. От жителей г. Бахчисарая на выставке участвовало 6 предметов (Б. Бахшышев – 3 предмета, У. Гафарова, И. Мансурская, И. Марцышевский – по одному). Все эти предметы были возвращены владельцам. Еще 8 предметов, временно экспонировавшихся, по окончании выставки в Париже в Центральном Музее ВСНХ (Московский Кустарный музей) поступили в фонды дворца-музея в 1928 году. В акте сверки отдельно выделены 5 предметов из «парижской» коллекции, украденные на Бахчисарайской сельскохозяйственной выставке в 1926 году, и один предмет – кисет вышитый золотной и серебряной нитью, «пропавший» на Юбилейной выставке в Москве. Из всего списка непосредственно в фонды поступил 71 предмет, а 309 наименований (499 ед. хр.) были определены в т.н. «музейный фонд». Таким образом, всего в фонды музея поступило 380 наименований предметов или 570 ед. хр. (с дублетными предметами). Что представлял из себя «музейный фонд», нам помогли определить инвентарные книги Двор-

ца-музея тюрко-татарской культуры, а именно «Инвентарная книга фонда Бахчисарайского музея», где и были зафиксированы предметы из описи Парижской выставки с теми же самыми номерами, обозначенными в отдельной графе. Как уже отмечалось, это были, в основном, предметы декоративно-прикладного искусства крымских татар: ювелирные изделия из серебра, различные вышивки, выполненные золотной и серебряной нитью, а также предметы из дерева – столики «курсю» с инкрустацией разными породами дерева, перламутром и костью [11, л. 1–36]. В дальнейшем, все предметы из «музейного фонда» были записаны в инвентарные книги основного фонда.

В этот же период часть предметов поступила в музей из Центрального хранилища Государственного музейного фонда[31] по акту № 84/350 от 01.07.1925 года общим количеством 33 предмета – с № 1745 по № 1777: оружие, монеты, восточные ткани, а также медные восточные вазы, кувшины и курильницы [10, л. 44–46].

Еще одним важным и значительным пополнением в фонды были предметы, выявленные и собранные в ходе этнографических экспедиций. Из дневников музея известно об одной такой экспедиции, проведенной в 1925 году, по всей вероятности, самой крупной за всю историю музея, организаторами, помимо музея, выступили КрЦИК и СНК Крыма. В дневнике У. Боданинским отражена следующая запись: «Собрали до 150 этнограф[ических] предметов и 50 эпиграф[ических] памятников в виде отдельных рукописей и рукописных книг» [31, с. 235]. Согласно данным в инвентарных книгах всего из экспедиции, по нашим подсчетам, по акту №167 в фонды музея поступили 184 предмета [10, л. 66–88]. Среди них: из села Ускут старинные с/х орудия – деревянный плуг, серп и др., из Старого Крыма – ткацкие станки и различные приспособления для вышивания: небольшие станки «джильде», крючки и т.п. [12, л. 1–6]. В ходе экспедиции большую часть предметов крымскотатарской этнографии музей выкупал у населения. В основном, помимо сельхозинвентаря, это были предметы одежды и быта, а также старинные монеты.

Действительно, подавляющее количество предметов, пополнивших фонды в 1925–1927 годах, было результатом скупки предметов у населения, впрочем, это относится ко всему периоду деятельности Государственного Дворца и Музея тюрко-татарской культуры с 1922 по 1944 годы. В основном, предметы приобретались у жителей Бахчисарая и Бахчисарайского района, частично Симферополя и его района. Значительное количество поступивших в музей предметов были куплены в ходе этнографической экспедиции у жителей северо-западной части степного Крыма, в частности,

31 Центральное хранилище Государственного музейного фонда Главнауки Наркомпроса РСФСР (1922–1929).

в селении Кучук-Асс Ак-Шеихского района, в Судакском районе – в подавляющем большинстве в селении Ай-Серез, еще предметы приобретались в селении Капсихор, а также в селении Ускут Ялтинского района, кроме того в Карасубазаре. В Старом Крыму у населения были куплены монеты золотоордынского периода. Цены в инвентарных книгах фиксировались в отдельном столбце, но не всегда[32], и колебались от 70 копеек, например, за орнаментированную резьбой ложку из кости и до 294 рублей, за ручной работы ковер из расчета от 15 до 50 рублей за м^2 [10, л. 59–60], предметы с золотной и серебряной вышивкой были куплены в пределах от 5 до 25 рублей, платье из дамасского шелка – 20 рублей. Музею также удавалось приобретать семейные реликвии у жителей Крыма. Так, за вполне символическую плату, например, старинную мужскую верхнюю рубаху «камзол» из дамасского шелка № 2076/1158 (кп 279–186), сшитую в 1822–1824 годах к свадьбе Молла Дервиш (родился в 1776 году) из Бахчисарая, музей приобрел у его внучки Селиме Молла Абдулла в 1926 году всего за 5 рублей [10, л. 76].

Еще одним источником поступления в Музей были мечети и медресе. Предметы поступали в музей в основном из мечетей Бахчисарая, общее их количество снизилось с 36 до 27 мечетей к середине 1920-х годов, которые и вовсе были закрыты в 1928–1929-х годах. Среди поступивших предметов преобладают старинные ковры XVII–XVIII веков, медные изящные подсвечники XVII–XIX веков, рукописные и старопечатные книги. В основе своей это предметы из дворцовой мечети Буюк Хан-джами (22 ед.) [5, л. 14], Текие Накшбенди (18 ед.) [5, л. 1–3.] и мечети Янган джами (12 ед.) [10, л. 55–56].

Согласно отчету музея за 1927–1928 годы, к 1 октября 1927 года в фондах числилось 1909 единиц хранения, без учета книжного фонда, а к 1928 году – 2062 предмета. [6, л. 2].

В конце 1927 года книжный фонд музея, включающий 700 рукописных и старопечатных книг на арабице XIII–XVIII веков, был переведен в созданную при музее Научную библиотеку, где наряду с редкими печатными европейскими книгами XVIII–XIX века, имеющими отношение к истории Крыма, составили к октябрю 1928 года свыше 2242 ед. хр. [24, с. 90].

Таким образом, по нашим подсчетам в инвентарных книгах, наибольшее количество предметов за период 1920-х годов в фонды музея поступили из следующих источников:

от ГлавВыставкома Парижской выставки 1925 года – 570 (380 наименований);

из ЦМТ – 264;

32 Цены на предметы были отражены только в ранних инвентарных книгах 1925–1929 годов.

из этнографической экспедиции 1925 г. – 180;

из археологической экспедиции в ходе раскопок в Старом Крыму (Солхат) в 1925 году – 123 монеты золотоордынского периода;

из мечетей в обмен на ковры и др. имущество – 84;

из Коккозкого дворца – 48;

из Центрального хранилища Государственного музейного фонда – 33;

из раскопок в Эски-Юрте в 1924 году – 25;

из Дома-музея Гаспринского – 8 (не учтены книги, поступившие после закрытия дома-музея в библиотеку дворца-музея);

археология (надмогильные плиты и др.) и фрагменты архитектурных форм дворца (плафоны потолков) – 14;

ковры из Ливадийского дворца – 7 (поступили фабричные ковры, которые позже были обменены на старинные из мечетей).

К 1929 году в музее насчитывалось 2463 ед. хр.[33], книжный фонд, числившийся в библиотеке, составлял – 2802 ед. хр. [24, с. 89–90].

По группам предметы были разделены следующим образом:

1. Ткани и вышивки – 704.
2. Утварь и мебель – 543.
3. Стекло и фарфор – 102.
4. Ювелирные изделия – 126.
5. Оружие – 194.
6. Нумизматика – 162.
7. Скульптура – 224.
8. Орудия народной техники – 34.
9. Музейный фонд – 374.

Всего – 2463 предмета.

Фонды музея не учитывали весь археологический материал, который был найден в ходе экспедиций музея в Старый Крым и на Чуфут-Кале. В 1929 году музеем были устроены специальные хранилища, где был собран неучтенный археологический материал: на Чуфут-Кале – 378 единиц, в Старом Крыму – 319 единиц [24, с. 89].

Позднее предметы из Музейного фонда были переписаны в основные инвентарные книги. Всего, если исключить книжный фонд, в 1920-е годы в музей поступило около 1500 предметов. Из них, свыше 100 – предметы дарения от жителей Крыма, в большей степени от жителей Бахчисарая и его района. Среди дарителей были также сотрудники музея – У.А. Боданинский, А.Н. Боданинская-Фомина, В.К. Яновский, М.В. Шейхзаде, В.О. Пенкальский, а также дары от деятелей культуры и искусства, например, от выдающегося крымскотатарского ученого-тюрколога и поэта

33 Без учета идентичных (дублетных) и парных предметов, которые в настоящее время в фондах БИКАМЗ имеют отдельные номера.

Бекира Чобан-заде (1893–1937) и известного на тот период живописца Симонова Александра Корнеевича (1875–1957).

С начала 1930-х годов деятельность музея практически по всем направлениям была свернута, в том числе и в деле формирования фондов. Связано это было с изменением политики властей по отношению к музеям. Как известно, Первый Всероссийский музейный съезд в 1930 году прошел под лозунгом «Музеи на службу социалистическому строительству и культурной революции» [17, с. 198], теперь музеи должны были активно в своей деятельности придерживаться этих норм. В большей степени это негативно отразилось на деятельности краеведческих и этнографических музеев, их экспозиции должны были всецело отражать новую политику. Борьба властей против национальных уклонов в республиках усугубило это положение. Видные музейные работники подверглись репрессиям, в том числе директор Государственного Дворца-музея татарской культуры У.А Боданинский и другие сотрудники учреждения [28, с. 60].

Исходя из документов музея 1944–1945 годов, в его фондах в довоенный период насчитывалось 2795 предметов. Таким образом, за весь период, начиная с 1930-х годов и вплоть до ликвидации Государственного Дворца-музея татарской культуры в 1944 году, т.е. почти за 15 лет, фонды музея пополнились всего лишь на 332 предмета. Утраты в довоенное время составили – 189 предметов, в большинстве случаев – это перемещения в другие музеи и учреждения, а также несколько краж. Количество утрат предметов музея в военное время от действий фашистских оккупантов составил – 281 предмет[34]. После сверки 1945 года выяснилась пропажа еще 495 предметов, на которые не было никаких актов изъятия. 605 предметов были изъяты из фондов в «этнографический склад», как предметы этнографии спецпереселенцев – крымских татар. Затем 47 предметов были списаны по причине их ветхости. Итого сохранилось всего лишь 1178 предметов, записанных в довоенных инвентарных книгах, но в новые инвентарные книги 1945 года были внесены 1740 ед. хр., так как были найдены неучтенные предметы, находившиеся в музее – в основном живопись и монеты [28, с. 61].

Собрание Бахчисарайского дворца-музея включало в себя уникальные и редкие предметы. Это относится не только к предметам, относящихся к культуре Крыма и к крымским татарам, в частности, в фондах музея хранились предметы исламского искусства, которые также относились к категории редких и уникальных, по крайней мере в границах музейного пространства СССР. Сотрудники Государственного Музея Восточных культур

34 В настоящее время по уточненным данным – 313 предметов (вместе с парными предметами). В 2009 году 63 предмета были возвращены музею-заповеднику австрийским правительством.

(ГМВК), откомандированные в Бахчисарай, определили уникальные экспонаты Бахчисарайского дворца-музея по своему профилю. В документе, обнаруженном в архиве ГМВК, его руководство в 1935 году ходатайствовало перед Музейным Отделом НКП РСФСР о передачи в свои фонды следующих предметов:

«1. Коран 1309–1314 гг. Редкий по датировке и художественному оформлению памятников восточного каллиграфического искусства. Богатая орнаментация и художественное выполнение текста делают этот памятник уникальным образцом искусства рукописи XIV века[35].

2. Ковры восточные XVI–XVIII веков. Образцы ковров этого периода являются довольно значительною редкостью особенно XVI–XVII веков.

В Бахчисарайском музее, по сведениям ГМВК, имеются следующие ковры XVI–XVIII веков: Кашгарский[36] – XVI века (инв. № 558), Ферган[ский] – XVII века (инв. № 559), Азербайджанский – XVII века (инв. № 1012), Дамасский –XVII века, (инв. № 1539), Турецкий – XVII века (инв. № 2493)[37], Курдский – XVIII века (инв. № 1005), СреднеАзиатский – XVIII века (инв. № 1006), Курдский – XVIII века (инв. № 1007), Казах[ский] – XVIII века (инв. № 1008), Турецкий – XVIII века (инв. № 1009), Азербайджанский – XVIII века (инв. № 1010), Перебедиль[38] –XVIII века (инв. № 1011), Турецкий намазлык – XVIII века (инв. № 1095), Кавказкий – XVIII века (инв. № 1540)[39], Кавказкий – XVIII века (инв. № 1544), Персидский – XVIII века (инв. № 1545)[40], Персидский – XVIII века (инв. № 1546), Паласы крымские – XVIII века (инв. № 1609–1610), Турецкий – XVIII века (инв. № 1612–1619)[41].

3. Турецкие ткани: покрывало XVII века (инв. № 1329), занавес XVIII века (инв. № 1606).

35 Коран XIV века из соборной мечети Джума (Хан) Джами (Евпатория) под №377 хранился в библиотеке дворца-музея – погиб в Керчи 27 октября1941 года при бомбардировке фашистами эвакуируемых особо ценных предметов музеев Крыма [21, с. 152; 156; 167 – 170].

36 Все наименования предметов в тексте изменены в соответствии с их новой атрибуцией, предложенной сотрудниками ГМВК.

37 Сдан в «этнографический склад» в 1945 г., акт – дальнейшая судьба не известна [28, с. 61].

38 Село в Шабранском районе Азербайджана известное своим ковроткачеством, один из видов ковра носит его наименование.

39 Список утрат – акт № 1 от 1944 года – «немецкая оккупация» [21, с.38].

40 Список утрат – акт № 5 от 1945 года – «не обнаруженные предметы» [21, с. 130].

41 Ковер под №1612 был сдан в «этнографический склад» в 1945 г. – дальнейшая судьба не известна, ковер под № 1615 по отметкам в инвентарной книге был найден в 1945 г., но в новых инвентарных книгах этот номер не обнаруживается [13, л. 64].

4. Изделия из материала: турецкий поднос XVIII века (инв. № 825), подсвечник XVIII века (инв. № 1508)[42], сосуд персидский XVIII века (инв. № 1509)[43], персидская ваза XVIII века (инв. № 1512), кальян персидский XVIII века (инв.№1534), турецкий кумган XVIII века (инв. № 418).

5. Подсвечник персидской работы XIV века (инв.№ 350)[44] и персидский поднос с изображением зверей (инв. №344) – уникальные по датировке и художественной ценности экспонаты.

6. Рукопись «Искандер-наме» – XVI века, редкий иллюстрированный миниатюрами экземпляр.

7. Дальневосточные вещи: фигура китайского бога (инв. № 2235), ваза (инв. № 2236), сосуд китайский (инв. № 2238)[45], китайская бляха (инв. № 2248), Будда из меди (инв. № 2250).

Музей Восточных культур считает целесообразным передать из Бахчисарайского музея в ГМВК самые ценные по своему музейному значению предметы» [15, л. 25, 25 об.].

Отметим, что предметы в тот период не были переданы. Значительная часть их сохранилась в фондах БИКАМЗ, и лишь два уникальных подсвечника под № 704/350 и № 706/1508 из данного списка были переданы в 1966 году в Эрмитаж [35; 21, с. 167].

Таким образом, в довоенные годы в Государственном Дворце-музее тюрко-татарской культуры были собраны ценнейшие предметы истории и культуры крымских татар, а также культуры ислама. Утраты предметов из фондов музея – невосполнимая потеря не только для Бахчисарайского музея-заповедника и музейного фонда Крыма, но и для всего общемирового музейного собрания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдураманова С.Н.* Традиционная крымскотатарская вышивка из фондов КРУ БИКЗ // Творчество Баки Урманче и актуальные проблемы национального искусства: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию со дня рождения Б.И. Урманче, Казань 21–22 февраля 2012 года. Казань, 2012. (Искусство тюркского мира; вып. 2.). С. 347–353.

2. *Абдураманова С.Н., Акчурина-Муфтиева Н.М.* Крымскотатарское головное покрывало в коллекции Бахчисарайского музея-заповедника. Каталог. Симферополь: «Издательство Доля», 2015. 96 с.

42 Предмет под новым № 706 передан в Государственный Эрмитаж – Пр. МК УССР № 19 от 27.01.1966 года [35].

43 Предмет передан в ЦМТ по акту 21.03.1933 года [13, л. 45].

44 Предмет под новым № 704 передан в Государственный Эрмитаж – Пр. МК УССР № 19 от 27.01.1966 года [35], обнаружен в каталоге выставки Государственного Эрмитажа под инв. № ИР–1980 [21, с. 167].

45 Список утрат акт № 5 от 1945 года – не найденные предметы [21, с. 132].

3. *Аметов Э.Н., Остапенко Г.Д.* Коллекция ятаганов собрания Бахчисарайского заповедника // Культура народов Причерноморья. 2013. № 257. С. 111–114.

4. *Асанова У.А.* Створення нових експозицій у кримських музеях (перша половина 20-х рр. XX століття) // Краєзнавство, 2011. № 2. С. 198–207.

5. Архив Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БИКАМЗ). Ф. 4, оп. 1, д. 1.

6. Архив БИКАМЗ. Ф. 4, оп. 1, д. 7.

7. Архив БИКАМЗ. Ф. 4, оп. 1, д. 9.

8. Архив БИКАМЗ. Ф. 4, оп. 1, д. 10.

9. Архив БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 1.

10. Архив БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 2.

11. Архив БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д.. 3.

12. Архив БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 4.

13. Архив БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 5.

14. Архив БИКАМЗ. Ф. 16, оп. 1, д. 12.

15. Архив Государственного музея Востока (ГМВ). Оп. 1, д. 106.

16. Бахчисарайская книжная коллекция в Российской национальной библиотеке: Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, сост., вступ. ст., комм. Н.Р. Адульваапа. Симферополь: Доля, 2007.

17. *Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А.* Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела России // Вестник Томского гос. ун-та. История. Томск, 2013. № 6. С. 193–198.

18. *Золотова Г. И.* История передвижения экспонатов из фондов Бахчисарайского музея // Сборник докладов научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня основания Бахчисарайского музея. Симферополь: Доля, 2007. С. 53–57.

19. Крымские караимы. Материалы по истории и культуре в Бахчисарайском заповеднике. Каталог. сост. А.Ю. Полканова, О.Н. Алпашкина. Симферополь, 2013. 116 с.

20. *Козлов В.*[*Ф.*] Музей директоры // Йылдыз. 1987. № 4. С. 112–125.

21. Культурные ценности из собрания Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, утраченные или перемещенные в результате Великой Отечественной войны / Подгот. текста, сост. И.В. Зайцева, Р.Р. Эминова. Вступ. ст., пер., указ. И.В. Зайцева. М.: Кучково поле, 2015. 192 с.

22. *Мусаева У.К.* Исследования в области этнографии Всеукраинской научной ассоциации востоковедения (1926–1930 гг.) // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер.: «История». 2002. Т. 15 (54). № 1. С. 89–99.

23. *Мусаева У.К.* Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 гг.: историографические очерки. Симферополь, 2004. 214 с.

24. *Мусаева У.К.* Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского. Серия: «Биобиблиография крымоведения». Вып. 9. Симферополь: «СГТ», 2007. 240 с.

25. *Непомнящий А.А.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX − начало XX в.): биобиблиогр. иссл. Симферополь, 2000. 360 с.

26. *Остапенко Г.Д.* Коллекция восточного холодного оружия из фондов Бах-

чисарайского заповедника // Культура народов Причерноморья. 2013. № 261. С. 82–85.

27. *Чубукчиева Л.З.* Ювелирное искусство крымских татар в коллекции Бахчисарайского музея-заповедника: Каталог. Симферополь: «Издательство Доля», 2015. 64 с.

28. *Эминов Р.Р.* Первый национальный музей крымских татар // Восточный архив. 2011. № 2 (24). С. 48–64.

29. *Эминов Р.Р.* Материалы Государственного Дворца и музея тюрко-татарской культуры (1917–1944 гг.) как источник по истории и этнографии крымских татар // Восточный архив. 2015. № 2 (32). С. 75–83.

30. *Эминов Р.Р.* Документы Бахчисарайского дворца-музея из архива КРУ «БИКЗ» // Мир Бекира Чобан-заде: Сборник материалов II Крымской международной тюркологической конференции. Белогорск (Карасубазар) 22–24 мая 2013 г. Симферополь, 2013. С. 316–322.

31. Фонды Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (БИКАМЗ). Кп 9521–380.

32. Фонды БИКАМЗ. Кп 9522–381.

33. Фонды БИКАМЗ. Кп 9569–386.

34. Фонды БИКАМЗ. Кп 10942–409.

35. Фонды БИКАМЗ. Приказы.

Сведения об авторе: Рустем Русланович Эминов – заведующий отделом специальных проектов, Фонд «Связь Эпох» (105082, Бакунинская улица, 77, стр. 3, помещ. 2б, Москва, Российская Федерация); rustem.eminov@gmail.com

The history of formation of the collections in the State Palace and Museum of the Turko-Tatar culture in Bakhchisarai (1922–1944)

Eminov Rustem
(Foundation for the support of communication among the museumsand of cultural and educational programs "The Links of Epochs")

Abstract. In the article was investigated the initial collection of the State Palace and the Museum of Turko-Tatar culture in Bakhchisarai. For the first time was given a detailed study of formation`s history of the Crimean Tatars National Museum`s first funds, which were the precursor to the modern Museum. At present there are some problems concerning the ways of entering of the considerable number of museum`s items from the pre-war period. This task could be settled only by means of inventory books of the

Palace Museum. The main sources of the research were the documents from the archives of the Museum.

Keywords: museum collections, the history of the Crimea, ethnography, the Crimean Tatars, the protection of monuments, Bakhchisarai Palace Museum.

REFERENCES

1. Abduramanova S.N. Traditsionnaya krymskotatarskaya vyshivka iz fondov KRU BIKZ [Crimean Tatar traditional embroidery of the museum fund KRU BIKZ]. *Tvorchestvo Baki Urmanche i aktual'nye problemy natsional'nogo iskusstva: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 115-letiyu so dnya rozhdeniya B.I. Urmanche* [Creativity Urmanche Bucky and Challenges of National Art: Materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 115th anniversary of B.I. Urmanche]. Iskusstvo tyurkskogo mira. Issue 2. [The art of the Turkic world]. Kazan, 2012, pp. 347–353.

2. Abduramanova S.N. Akchurina-Muftieva N.M. Krymskotatarskoe golovnoe pokryvalo v kollektsii Bakhchisarayskogo muzeya-zapovednika [Crimean Tatar head cover collection Bakhchsarai Museum Reserve]. Katalog. Simferopol, Izdatel'stvo Dolya Publ., 2015. 96 p.

3. Ametov E.N., Ostapenko G.D. Kollektsiya yataganov sobraniya Bakhchisaraysk-ogo zapovednika [Yataghans from the collection of the Bakhchisaray reserve]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya – Culture of the Black Sea*, 2013, no. 257, pp. 111–114.

4. Asanova U.A. Stvorennya novikh ekspozitsiy u krims'kikh muzeyakh (persha polovina 20-kh rr. XX stolittya) [Creation of new exhibitions in the Crimean museums (the first half of the 20's. XX century)]. *Kraeznavstvo –Regional studies*, 2011, no. 2, pp. 198–207.

5. Arkhiv Bakhchisarayskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeya-zapovednika (BIKAMZ) [Archive of Bakhchisaray historical, cultural and archaeological museum-reserve]. F. 4, op.1, d. 1.

6. Arkhiv BIKAMZ. F. 4, op.1, d. 7.

7. Arkhiv BIKAMZ. F. 4, op.1, d. 9.

8. Arkhiv BIKAMZ. F. 4, op.1, d. 10.

9. Arkhiv BIKAMZ. F. 16, op. 1, d. 1.

10. Arkhiv BIKAMZ. F. 16, op. 1, d. 2.

11. Arkhiv BIKAMZ. F. 16, op. 1, d. 3.

12. Arkhiv BIKAMZ. F. 16, op. 1, d. 4.

13. Arkhiv BIKAMZ. F. 16, op. 1, d. 5.

14. Arkhiv BIKAMZ. F. 16, op. 1, d. 12.

15. Arkhiv Gosudarstvennogo muzeya Vostoka (GMV)[Archives of the State Museum of Oriental Art]. Op. 1, d. 106.

16. Bakhchisarayskaya knizhnaya kollektsiya v Rossiyskoy natsional'noy biblioteke Ukazatel' rukopisnykh i staropechatnykh knig, peredannykh v 1976 g. iz Bakhchisarayskogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya v Gosudarstvennuyu Publichnuyu biblioteku im. M.E. Saltykova-Shchedrina [Bakhchisaray book collection in the National

Library of Russia. Index of manuscripts and early printed books, transferred in 1976 from the Bakhchisaray Historical and Archaeological Museum in the State Public Library named after M.E. Saltykov-Shchedrin], sostavitel', vstupitel'naya stat'ya, kommentarii N.R. Adul'vaapa. Simferopol, 2007.

17. Dmitrienko N.M., Lozovaya L.A. Pervyy muzeynyy s'ezd kak faktor evolyutsii muzeynogo dela Rossii [The first congress of the museums as a factor in the evolution of Russian museum work]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Bulletin of the Tomsk State. Univ. History*, 2013, no. 6, pp. 193–198.

18. Zolotova G. I. Istoriya peredvizheniya eksponatov iz fondov Bakhchisaraysk-ogo muzeya [History of exhibits movement from the funds of Bakhchisaray museum]. *Sbornik dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya osnovaniya Bakhchisarayskogo muzeya* [Collection of reports of scientific-practical conference, dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Bakhchisaray museum]. Simferopol, 2007, pp. 53–57.

19. Kozlov V.[F.] Muzey direktory [Director of the Museum]. *Yyldyz – Star*, 1987, no. 4, pp. 112–125.

20. *Krymskie karaimy. Materialy po istorii i kul'ture v Bakhchisarayskom zapovednike* [Crimean Karaites. Materials on the history and culture in the Bakhchisarai Reserve] Katalog, sostaviteli A.Yu. Polkanova, O.N. Alpashkina. Simferopol, 2013, 116 p.

21. Kul'turnye tsennosti iz sobraniya Bakhchisarayskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeya-zapovednika, utrachennye ili peremeshchennye v rezul'tate Velikoy Otechestvennoy voyny [Cultural property from the collection of the Bakhchisaray Historical and Cultural and Archaeological Museum-Reserve, lost or displaced as a result of the Great Patriotic War]. Podgotovka teksta, sostavlenie I.V. Zaytseva, R.R. Eminova. Vstupitel'naya. stat'ya, perevod, ukazateli I.V. Zaytseva. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2015. 192 p.

22. Musaeva U.K. Issledovaniya v oblasti etnografii Vseukrainskoy nauchnoy assotsiatsii vostokovedeniya (1926–1930 gg.) [Studies in the field of Ethnography in the Ukrainian Association of Oriental research (1926–1930)]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: «Istoriya» – Scientific notes of Taurida National University named after V.I. Vernadsky. Ser.: "History"*, 2002, vol. 15 (54), no. 1, pp. 89–99.

23. Musaeva U.K. Podvizhniki krymskoy etnografii, 1921–1941 gody: istoriograficheskie ocherki [The Devotees of the Crimean ethnography, 1921–1941's historiographical essays]. Simferopol, Taurida National University named after V.I. Vernadsky Publ., 2004.

24. Musaeva U.K. *Narodnyy uchitel': Dokumental'nyy ocherk deyatel'nosti vydayushchegosya krymskotatarskogo prosvetitelya Useina Bodaninskogo* [National Teacher: Feature Story activity of the outstanding Crimean Tatar educator Usein Bodaninsky]. Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya». Issue 9. Simferopol, SGT Publ., 2007. 240 p.

25. Nepomnyashchiy A.A. *Muzeynoe delo v Krymu i ego starateli (XIX − nachalo XX v.)* [Museology in the Crimea and its ascetics of (XIX − early XX century)]. Simferopol, 2000. 360 p.

26. Ostapenko G.D. Kollektsiya vostochnogo kholodnogo oruzhiya iz fondov Bakhchisarayskogo zapovednika [The Collection of Eastern bladed weapons from the funds

of Bakhchsarai reserve]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya – Culture of the Black Sea*, 2013, no. 261, pp. 82–85.

27. Chubukchieva L.Z. Yuvelirnoe iskusstvo krymskikh tatar v kollektsii Bakhchisarayskogo muzeya-zapovednika: Katalog. Simferopol, Izdatel'stvo Dolya Publ., 2015. 64 p. [The Jewelry art of the Crimean Tatars in the collections of the Bakhchisaray museum reserve]

28. Eminov R.R. Pervyy natsional'nyy muzey krymskikh tatar [The first national museum of the Crimean Tatars]. *Vostochnyy arkhiv – East archives*, 2011, no. 2 (24), pp. 48–64.

29. Eminov R.R. Materialy Gosudarstvennogo Dvortsa i muzeya tyurko-tatarskoy kul'tury (1917–1944 gg.) kak istochnik po istorii i etnografii krymskikh tatar [Materials of the State Palace and the Museum of Turkic-Tatar culture (1917–1944) as a source on the history and ethnography of the Crimean Tatars]. *Vostochnyy arkhiv – East archives*, 2015, no. 2 (32), pp. 75–83.

30. Eminov R.R. Dokumenty Bakhchisarayskogo dvortsa-muzeya iz arkhiva KRU "BIKZ" [Documents of Bakhchisaray Palace–Museum archive KRU "BiKZ"]. *Mir Bekira Choban-zade: Sbornik materialov II Krymskoy mezhdunarodnoy tyurkologicheskoy konferentsii* [World of Bekir Choban-zade: Collection of materials and the Crimean Turkological international conference, Belogorsk (Karasubazar), 2013]. Simferopol, 2013, pp. 316–322.

31. Fondy Bakhchisarayskogo istoriko-kul'turnogo i arkheologicheskogo muzeya-zapovednika (BIKAMZ) [Funds of Bakhchisaray historical, cultural and archaeological museum-reserve]. Kp 9521–380.

32. Fondy BIKAMZ. Kp 9522–381.

33. Fondy BIKAMZ. Kp 9569–386.

34. Fondy BIKAMZ. Kp 10942–409.

35. Fondy BIKAMZ. Prikazy.

About the author: Rustem Ruslanovich Eminov – Head of the Department of Special Projects, Foundation for the support of communication among the museums and of cultural and educational programs "The Links of Epochs" (105082, Bakuninskaya Street, 77, p. 3, is placed. 2b, Moscow, Russian Federation); rustem.eminov@gmail.com

Osmanlı belgelerinde Kırım hanlığı / Крымское ханство в записях Османских документов

Рефат Абдужемилев
(Крымский инженерно–педагогический университет;
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

В 2013 г. в г. Стамбул (Турция) при содействии Генеральной Дирекции Государственных Архивов Министерства Турецкой Республики была издана книга «Osmanlı belgelerinde Kırım hanlığı» («Крымское ханство в записях Османских документов»). Координатор издательского проекта – генеральный директор Государственных Архивов, профессор Угур Унал. Книга представляет собой сборник османских документов, содержание которых охватывает османско-крымские взаимоотношения. Количество документов – 112 единиц.

Виды записей включают: императорские указы (ферманы) и императорские письма (наме-и хумаюны), подготовленные Императорским Советом (Диван-ы Хумаюн) и его канцеляриями от имени султана; указы (бераты) ханов и калгаев; императорские приказы (хатт-ы хумаюн), содержащие мнения и одобрения султанов в связи с предложениями и решениями великих визирей; расходные документы османских финансов для крымских ханов, султанов и послов; «бумаги новостей» («хавадис кягъытлары»), позволяющих узнать сведения из Крыма.

Тематика переписки: военное сотрудничество в деле поимки беглых преступников и восставших; регулирование морской торговли; укрепление мест, которые пострадали от продуктовой нехватки; строительство и ремонт крепостей и иных фортификационных сооружений для обеспечения прибрежной безопасности.

Императорские письма (наме-и хумаюн) имеют большую значимость как знаки взаимных намерений. В них отводятся привилегии Крымскому ханству от Османского государства. Главные темы императорских писем (наме-и хумаюн): торжества по случаю восшествия на трон нового султана или рождения султана (шахзаде) в Крыму; взаимные поздравления по случаю победы в войне; выражение шахской похвалы султанов после отправления текста берата на ханство и калгайство.

В документах есть сведения о требованиях Крымского ханства, которые подавались на одобрение Стамбулом: повышение доходов на выполнение некоторых заданий, назначения главных военных судей (казаскер), духовных лидеров (имамов), проповедников (хатипов), предоставление им жалований. Согласно документам, назначения на некоторые должности бейлер-беев и командования над крепостями,

которые имели стратегическое значение для региона, осуществлялись Стамбулом в соответствии с советами ханов.

DEVLET GİRAY HAN'IN KIRIM'DAN İZMİR'E GÖNDERDİĞİ GEMİYE ENGEL ÇIKARILMAMASI

Yazıldı.
Yayabaşı Süleyman Çavuş'a verildi.
Fî 15 Safer, sene: 975

İstanbul kadısına

Devlet Giray Han Dergâh-ı Mu'allâma mektub gönderüp; "İzmir meyvesinün envâ'ından matbahı levâzimi içün Muhammed nâm reis ile bir gemi irsâl edip mezbûr reis tahmil edip alup gitmek istedükde kimesne mâni' olmamasın" rica etmeğin buyurdum ki,

Mezbûr reis müşarünileyhin zikrolunan gemisine İzmir meyvesinün envâ'ından tahmil edip ol cânibe gitmek istedükde kimesne mâni' olmaya.

[21 Ağustos 1567]

[Osmanlı Belgelerinde Kırım hanlığı. Istanbul, 2013. S. 21]

Не чинить препятствие судну, отправленному из Крыма в Измир ханом Девлет Гераем

Писано.
Дано Яябаши Сулейман Чавушу.
15-го дня месяца Сафер, год: 975

Кадию Стамбула

Хан Девлет Герай, отправив письмо к Великим Воротам (Стамбулу); «разных сортов Измирских фруктов, необходимых для приготовления кушаний, отправил одно судно во главе с реисом[1] по имени Мухаммед. Сей упомянутый реис загрузил судно и пожелал перевезти груз. При этом с просьбой никому не оказывать препятствие, повелеваю: вышеупомянутый реис загрузил в уже сказанное судно различных сортов Измирских фруктов, и пусть никто не препятствует ему при отправке груза на другую сторону».

[21 августа 1567].

Перевод с османского языка: Р. Абдужемилев

1 Реис – глава, капитан небольшого судна

RODOS'A GÖNDERİLEN KIRIM HANİ'NA GÖRÜŞME YASAĞIGETİRİLDİĞİ

Yazıldı.
Sinân Kethüdâ'ya verildi.
Fî 21 Safer, sene: 975

Rodos beyine ve kadısına hüküm ki

Bundan akdem Rodos'da hıfzolmak içün irsâl olunan Kırım Han kendü hâlinde olmayup ol cânibe mektub gönderüp fitne vü fesâda mübâşeret etdiği ilâm olmağın buyurdum ki,

Vusûl buldukda, mezkûra haricden kimesneyi ihtilât etdirmeyüp tenbih ü tekid eyleyesin ki, kendü hâlinde olup ve gelüp gidenleri hufyeten yoklayup anun gibi eğer kendü kâğıdı eğer öteden gelen kâğıd elegelürse ilâm eyleyesin.

[27 Ağustos 1567].

[Osmanlı Belgelerinde Kırım hanlığı. Istanbul, 2013. S. 23]

Наложение запрета на встречи крымскому хану, сосланному на остров Родос

Писано.
Дано Кетхуда[2] Синану.
21 дня месяца Сафер, год: 975

Постановление бею и кадию[3] Родоса:

Прежде отправленный на остров Родос с целью безопасности крымский хан, лишенный собственных полномочий, послал письмо на ту сторону (Крым). Уведомляю о начале смут и раздоров, и повелеваю:

Добравшись к месту, не позволяйте кому-либо со стороны вмешиваться в дела вышеупомянутого. Напутствуйте ему и присматривайте за ним. Да поставьте нас в известность в случаях совершения тайных к нему визитов. И вместе с тем осведомите о получении им письма с той стороны в ответ на собственное письмо, с использованием собственных (ханских) полномочий.

[27 августа 1567]

Перевод с османского языка: Р. Абдужемилев

2 Кетхуда – придворный распорядитель

3 Кадий – мусульманский судья-чиновник, назначаемый правителем и вершащий правосудие на основе шариата.

SEFERE ÇIKACAĞI ZAMAN DEVLET GİRAY HAN'A GEREKLİ DESTEĞİN VERİLMESİ

Yazıldı.
Kapa çavuşlarından Süleyman Çavuş'a verildi.
Fîgurre-i Rebiiilâhir, sene: 975

Kefe beyine, Mankub ve Suğdak kadılarına hüküm ki

Hâliyâ Devlet Giray Han mektub gönderüp; "Küffar-ı hâksâr üzerine varmak lâzim geldükde Mankub ve Suğdak Kadılıklarından atları ve donları ile iki yüz nefer tüfenk-endâz zimmî verilügelüp ammâ; ol mikdâr kifâyet etmeyüp; "Dahi ziyâde lâzimdür" deyu; "Cümle beş yüz nefer zimmî verilmek" içün hükm-i hümâyûn inâyet oluna" deyu arzetmeğin buyurdum ki,

Vusul buldukda, anun gibi müşârünileyh küffâr-ı hâksâr üzerine varmalu olup zikrolunan kadılıklardan tüfenk-endâz kefere taleb etdikde âdet-i kadîm üzre kifâyet mikdârı tüfenk-endâz zimmî ihraç edip gönderesiz.

[5 Ekim 1567].

[Osmanlı Belgelerinde Kırım hanlığı. Istanbul, 2013. S. 25]

Оказание необходимой помощи хану Девлет Гераю во время отправления в поход

Писано.
Дано Сулейман-Чаушу[4] из капы-чаушей
В начале месяца реби-уль-ахир; год: 975

Кефинскому бею, кадиям[5] Мангупа и Судака повелеваю:

Ныне хан Девлет Герай отправил письмо; «При необходимости выхода в поход на разбросанных всюду неверных, Мангубскому и Судакскому кадылыкам следует отправить лошадей и доны[6] (тоны?), и должны прибыть двести стрелков зимми[7]. Только: не ограничившись тем числом; и молвив «Нужно еще больше»; сказав «Хумаюново[8] повеление есть милостью с тем, чтобы отправить всех пятьсот зимми». И повелеваю (султан):

Добравшись к месту, с намерением совершить поход на вышеуказанных неверных, при предъявлении (ханского) требования о получении кефере[9] из упомянутых кадылыков, согласно древним обычаям выделите им необходимое число стрелков-зимми к отправлению.

[5 октября 1567].

Перевод с османского языка: Р. Абдужемилев

4 Чауш – старший офицер, придворный надзиратель
5 Кадий – шариатский судья
6 Доны – одежда под низ, тон – шуба
7 Зимми – христианские подданные
8 Хумаюново – султанское, благословенное, от птица Хума – райская птица
9 Кефере – неверные

KIRIM HANI'NIN ÇERKES-RUS İTTİFAKI HAKKINDA BİLGİ GÖNDERDİĞİ

[Yev]mü'l-erba'a, fî 13 Rehîiilâhir, sene: 975
Yazıldı
Âdemlerinden Sinan'a verildi

Han hazretlerine nâme-i hümâyûn ki

Hâliyâ südde-i seniyye-i saâdet-medâr ve atebe-i aliyye-i gerdûn-iktidarnnuz'a -ki, melâz-i havâkîn-ı zaman ve melce-i selâtin-ı devrândur– mektub-ı muhâlesat-üslûbunuz vârid olup; "serîr-i saltanat-ı Osmanî mukârenet-i inâyet-i Yezdânî ile zât-ı ma'delet-sıfatımuza müyesser olduğun tehniye edip andan mâ-adâ Çerâkise-i menhûs ile Rus-ı devlet-ma'kûsün ittifâk-ı nifâk-encâmların ve sükûn u karar eden Nogay Tatarları gönderilmek mümkin olmaduğın" bildürüp andan gayrı dahi her ne tahrir olunmış ise alâ-vechi't-tafsil pâye-i serîr-i izzet-masîrimüze arzolunup ılm-i şerîf-i âlem-şümûl-i hüsrevânemüz muhît u şâmil olmuşdur. Gerekdür ki,

Nâme-i şerifim vusûl buldukda, sevâlif-i sinîn ü ezmân ve sevâbık-ı [şü]hûr ü ahyândan ilâ-hâze'1-ân Âsitân-ı muhalledü'l-iclâl [ve] dûdmân-ı müşeyyedii'l-erkânımuz ile olan sadâkat ü ihlâs mûcebince dîn bâbında ve Devlet-i ebed-peyvend-i hüsrevânemize müteallik olan umûrda envâ'-ı mesâî-i cemîlenüz zuhûr u bürûz edip etraf u cevânibdcn ve şâir a'dâ taraflarından lâyıh olan ahbâr u âsârı atebe-i ulyâmıza ilâm ü iş'ârdan hâlî olunmaya ki, bâ'is-i izdiyâd-ı kavâid-i ülfetdür.

[17 Ekim 1567].

[Osmanlı Belgelerinde Kırım hanlığı. Istanbul, 2013. S. 27]

Извещение крымским ханом о черкесско-русском союзе

Среда, 13 числа месяца реби-уль-ахир; год: 975
Писано
Дано Синану

Хумаюново письмо хазрет-хану

Ныне к великим воротам, ключу к счастью и Высокому Порогу, силе вселенной – к прибежищу правителей времени и прибежищу султанов эпох – доставлено письмо, написанное в дружественном тоне; «да ниспошлет Аллаh милость на трон Османского султаната, благословившего наш лик справедливости. Слово мое о том, что бесславные черкесы заключили союз с противником – Русским государством, что привело в конце к раздорам, и не было возможности отправить спокойных и решительных ногайских татар». И уведомили Вас. Помимо всего прочего, что написано, для решения мы пожелали узнать подробности причин долгих событий. Наши падишахские благословенные знания охватывают и распространяются на все вокруг. Необходимо, чтобы:

Когда мое благословенное письмо будет доставлено, согласно верности и искренности, проявленным в прошлые года, минувшие месяца и времена до

сего дня Порогу Вечного Величия и нашему высокому роду, в наших шахских повелениях, исходящих из врат религии и государства, да продлится оно вечно. Разные подобающие дела пусть проявляются и будут известными, да отовсюду и с других вражеских земель пусть приходят очевидные вести, а дела будут ведомы нашему Высокому Порогу и донесены до нашего сведения. Коль причина приумножится, правила станут привычкой.

[17 октября 1567].

Перевод с османского языка: Р. Абдужемилев

HAZİNE'NİN DEMİRKAPU'DAKİ OSMANLI ORDUSU'NA ULAŞTIRILMASI İÇİN KIRIM HANI İSLÂM GİRAY'A YARDIMCI OLUNMASI

Han hazretlerinin kaptı kethüdası Mehmed'e verildi

Fî 19 B. sene [9J94

Istimâlet emridir

Çerâkise'den Taman beylerbeyine hüküm ki

Hâliyâ Demirkapu'da olan asâkir-i nusret-me'serim içün hazine gönderilmek lâzım ve mühim olmağın Kırım Hanı cenâb-ı emâret-meâb İslâm Giray Han *dâmet me'âlîhiye* lâzım olan hazine irsâl olunup mahalli memura iletmek bâbında fermân-ı şerifim sâdır olmuşdur.

Gerekdir ki sen dahi dergâh-ı saâdet-destgâhıma ubudiyyet ve ihtisâsın mûcebince kendine tâbi olan Tatar-ı adüv-şikâr ile müşârünileyh Han'ın yanına geliip hâzineyi alıp gitmek bâbında müşârünileyh vech ü münasib gördüğü üzere hizmette bulunasın, mûmâileyh Han'ın sözüne muhâlefet etmeyüp mu'accelen kalkup yanına cem' olup hizmetinde ihmal etmeyesin. Înşâallâhu teâlâ hizmetün mukâbelesinde envâ'-ı inâyet-i aliyye-i Padişahâneme muhassılü'l-âmâl olursun, ana göre ımıkayyed olasın, deyu emir yazılmışdır.

Bu dahi

Bu dahi Bir sûreti	Bu dahi Bir sûreti Jana beyi Mehmed Bey'e	Bu dahi Bir süreti Baradak Bey'e	Bu dahi Bir sûreti Kemirgöylü beyi Subuh Bey'e
Bu dahi Bir sûreti Kemirgöylü beyi Sürzef Bey'e	Bu dahi Bir sûreti Baslenay beyi Zorbey Bey'e	Bu dahi Bir sûreti Kabartay beyi Kaplan Bey'e	Bu dahi Bir sûreti Kanari beyi Soluh Bey'e
Bu dahi Bir sûreti Yunus Bey'e Saltanay beyi	Bu dahi Bir sûreti Kumuk beylerinden Karabudak Bey'e	Bu dahiBir sûreti Kumuk hâkimi Şamhalinenâme	Bu dahi Bir sûreti Kumuk beylerinden Mehmed Bey'e
Bu dahi Bir sûreti Halil Bey'e	Bu dahi Bir sûreti Kaylak beyi Rusumi Bey'e		

Bu zikr olunan sûretlerden müstakil evâmir-i şerife yazılmışdır.
[6 Temmuz 1586]
[Osmanlı Belgelerinde Kırım hanlığı. Istanbul, 2013. S. 29]

Содействие крымскому хану Ислам Гераю в деле доставки казны Османскому войску в Демир-Капу

Дано капу-кедхудасы[10] хазрет хана Мехмеду
19 числа В. год [9]94
Право пользования

Повеление Таманским бейлербеям[11] из Черкессии

Ныне важно и нужно отправить казну моему победоносному войску, находящемуся в Демир-Капу. Необходимая казна отправлена его величеству, крымскому хану, Ислам Герай хану с целью передачи местному распорядителю. И в сей части издан мой благословенный ферман.

Нужно, дабы ты согласно служению (связи) и знаниям моей обители, источнику счастья, вместе с подчиненными тебе татарами, охотниками за врагами, прибыл к вышеупомянутому хану. Да оказал сообразно обстоятельствам подобающую службу вышеупомянутой особе в части транспортировки казны. И не перечь словам вышеназванного, встрепенитесь и все вместе прибудьте к нему, своей службой помогите им в погрузке казны. По воле Всевышнего Аллаha, в ответ на твою службу будешь одарен всякими милостями от моего высокого падишахского отношения к тебе, и пожелания будут исполнены. По сему прими меры осторожности. С такими словами написано сие повеление.

Это

Это Одна копия	Это Одна копия Бею Жана Мехмед Бею	Это Одна копия Барадак-бею	Это Одна копия Кемиргойскому бею Субух бею
Это Одна копия Кемиргойскому бею Сюрзеф-бею	Это Одна копия Басленайскому бею Зорбей-бею	Это Одна копия Кабартайскому бею Каплан бею	Это Одна копия Канарийскому бею Солух-бею
Это Одна копия Юнус бею Салтанай-бею	Это Одна копия Из Кумыкских беев Карабудак-бею	Это Одна копия Кумыкскому хакиму Шамхалу письмо	Это Одна копия Их Кумыкских беев Мехмед-бею
Это Одна копия Халил-бею	Это Одна копия Кайтакскому бею Русуми-бею		

10 Капы-кетхудасы – староста

11 Бейлербей (бей над беями) – наместник в Османской империи, подчинявшийся только монарху, соединявший в своих руках гражданскую и военную власть.

Из этих перечисленных копий писано единое эвамир-и шерифе[12].
[6 июля 1586].
Перевод с османского языка: Р. Абдужемилев

Сведения об авторе перевода: Рефат Рустем огълы Абдужемилев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Крым, Российская Федерация); младший научный сотрудник Крымского научного центра института истории им. Ш. Марджани (Бахчисарай, Крым, Российская Федерация); refatimus@gmail.com

About the translator: Refat Rustem ogly Abduzhemilev – Cand. Sci. (Philology), Leading Research Fellow of the Scientific Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of the ethnic groups of Crimea, Crimean Engineering and Pedagogical University (295015, Uchebniy lane, 8, Crimea, Simferopol, Russian Federation); junior researcher of The Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Bakhchisaray, Crimea, Russian Federation); refatimus@gmail.com

12 Эвамир-и шерифе – благословенные повеления

Всадники султана. Военная роль крымских татар в Османской империи

Лейля Сейтхалилова
(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Перевод по изданию:
Brian Glyn Williams "The Sultan`s Raiders. Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire"
Published in the United States by
The Jamestown Foundation 1111 16th St. N.W.
Suite 320 Washington, D.C. 20036
http://www.jamestown.org
The Jamestown Foundation, May 2013 pp.1-54

Введение

С XIV по XVII века христианские народы Европы и персы были вынуждены защищать свои земли от притязаний всё более расширяющейся Османской империи. Государства, чья внушающая страх машина войны, временами оказывалась достаточно сильной, чтобы поглотить своих непосредственных соседей. Во времена этих кампаний большая часть Европы представлялась миру Востока, как Османские гази (святые воины) из Азии, расселившиеся от Балкан до Центральной Европы.

Окружение Султана, этнически разнообразное, составляли люди, которых можно условно объединить понятием представители Великой тюркской этнически разнообразной цивилизации. Турки, арабы, черкесы, курды, магребы, боснийцы, помаки, албанцы и множество других народов, о существовании которых Западная Европа даже и не подозревала бы, если бы они не воевали под флагом Султана. Одной из наиболее интересных и эффективных в военном отношении групп, используемых Османской империей в своих войнах, были татары с Крымского полуострова.

За свою трёхсотлетнюю службу крымские татары внесли больший вклад в развитие Османской военной школы, чем любой другой, не тюркский народ, подвластный Султану, и обзор ведения военной службы татар у Султана является наиболее интересной и необычной главой в истории Европы. Этот труд исследует роль крымских татар в военных походах Османской империи против соседей, предпринимается попытка заглянуть вглубь противоречивых отношений между этими государствами и, соответственно, народами.

География взаимоотношений

Чтобы наиболее полно понять специфику взаимоотношений между крымскими татарами и османами, необходимо заглянуть в историю Золотой Орды, на осколках которой возникло Крымское ханство. Золотая Орда, основанная внуком Чингисхана, Бату-ханом, охватывала большую часть территории нынешних России и Украины, включая Крымский полуостров. После смерти Бату-хана, Крым на столетия стал пристанищем для неудачливых претендентов на престол Орды.

К 1443 году одному из претендентов на престол Хаджи Гераю удалось получить независимость от Золотой Орды и укрепиться в качестве независимого правителя над частью крымских степных территорий. Династия Гераев правила Крымом до конца XVIII века.

В 1453 году Османская империя во главе с Мехмедом Завоевателем добилась одного из крупнейших успехов и утвердилась в Константинополе. Это произошло 10 лет спустя после основания Крымского ханства. Крымские татары стали обращаться к Османской империи за содействием в борьбе с ханами Золотой Орды. С падением Константинополя османы взяли под контроль Босфор и Дарданеллы. Одним из первых шагов Султана по установлению контроля над Чёрным морем, были действия, направленные против генуэзских торговых форпостов на южном побережье Крыма. Летом 1454 года Османский флот в 56 судов вошёл в Чёрное море, с целью усиления влияния в этом регионе, которое позднее будет известно как «Османское Озеро».

Хаджи Герай хан привёл семитысячное войско татар в помощь османам в осаде Каффы, крупнейшего прибрежного генуэзского торгового центра [1].

Хотя объединённое военное сотрудничество не увенчалось тогда успехом, для обеих сторон это стало прецедентом дальнейших взаимоотношений между двумя государствами.

В последующие десять лет Хаджи Герай и Мехмед посвятили собственным насущным проблемам, и две державы оставались на относительно отдалённом расстоянии друг от друга.

Османская империя не имела отношений с Крымом вплоть до 1466 года. В тот год при таинственных обстоятельствах умер Хаджи Герай, возможно отравленный лидерами татарской знати, которые завидовали его всё растущему влиянию и мощи [2].

После смерти Хаджи Герая началась борьба за престол двух его сыновей, Нурдевлета и Менгли. Во время этой войны возросла роль влиятельных крымских беев. В 1475 году глава клана Ширинов Эминек вовлек Султана Мехмеда II в эту гражданскую войну. Мехмеда II легко было убедить в выгоде, которую принесет вмешательство во внутренние дела Крыма. Он увидел в этом возможность получить влияние на крымских татар, а также нанести удар по Каффе, которая тоже была вовлечена в эти раздоры.

19 мая 1475 года османский флот взял курс на Крым, вступив в борьбу за престол и завоевание генуэзских торговых городов на полуострове. Спустя две недели командующий войсками османов Гедик Ахмет паша собрал знаменитые турецкие пушки под стенами Каффы и начал вторую осаду города. Через четыре дня интенсивной осады Каффа безоговорочно капитулировала.

Жители Каффы жестоко поплатились за сопротивление османам. Большая часть населения города была порабощена и отправлена в Стамбул. Османы, не удовлетворённые одним лишь захватом Каффы, продолжили вторжение на южный берег Крыма и окончательно захватили генуэзские города Инкерман, Керчь, Балаклава, Судак и стратегическую крепость Азов в бассейне реки Дон.

Так южный берег Крыма попал под юрисдикцию османов, и татарам пришлось делить полуостров с новым, чрезвычайно могущественным соседом – Османской империей. Османы также успешно повлияли на результат междоусобной войны между Менгли Гераем и Нурдевлетом. К 1478 году они посадили своего ставленника Менгли Герая на крымский престол. За оказанную помощь Менгли Герай обещал Мехмеду «быть врагом твоего врага и другом твоего друга» [3].

Султан в Крыму получил обширные права за оказанную помощь. Главным было право утверждения кандидатуры хана избранного влиятельными родами татар.

Существует множество письменных источников, касающихся содержания соглашения между Султаном и Крымским ханом. Есть также существенное противоречие относительно сути взаимоотношений между двумя союзниками. Несомненно, что османы были старшими партнёрами в соглашении между Менгли Гераем и турецким султаном Мехмедом II. Например, Виктор Остапчук, проанализировавший большое количество корреспонденции из Крымского ханского двора в Стамбул, пишет в «Турчика» («Turcica»):

«Уникальность и значение крымских писем в Порту становится особенно очевидной, когда они сравниваются с крымскими письмами в не мусульманские государства, такие как Москва, Польша, Трансильвания, империя Габсбургов, Дания и другие. Дипломатия этой корреспонденции была в прошлом проанализирована. Блестящими туграми (королевская печать) и длинным списком, перечисляющим титулы подданных хана, эти документы, по содержанию текста, часто причисляют к ярлыкам, или ханской печати, они похожи на послания могущественных, суверенных государств. В отличие от этого, как правило, письма того времени в [Османской] Порте имели недостаток внешних атрибутов власти, включая тугру и титулатуру, в то время как печать хана почти всегда располагалась в конце докумен-

та» [4]. Однако не надо ошибаться, переоценивая власть османов в Крыму. Особенно когда речь идёт о ранних стадиях контактов между двумя государствами. Историки, которые говорят о «завоевании» османами ханства в XV веке, преувеличивают влияние Султана в Крыму. В своей работе «Казаки» Альберт Ситон (Albert Seaton) делает подобную ошибку, когда пишет:

«Приблизительно в это время перед татарами возникла угроза появления османских турков, которые пришли на Дон в 1471 году и захватили важнейший венецианский порт Тану (Azov)» [5].

Османы вошли в Крым не как угроза крымским татарам, а как союзники, чтобы урегулировать внутренний конфликт и, по некоторым источникам, для помощи ханству в его борьбе против Золотой Орды. Османо-Татарское содружество было во многом аналогично Польско-Литовской унии, которое начало координировать свои действия в степи приблизительно в то же самое время [6].

Предположение Генри Ховарта (Henry Howorth), что ханство может рассматриваться как «Египет и Тунис в современном мире, т.е. как провинции, во многом зависимые от Османской империи, хотя и имеющие огромный резерв независимости», является, вероятно, наиболее точным отражением положения Крымского ханства по отношению к Османской империи [7].

Как пишет об этом Уильям Мансон (William Munson) в книге «Последний крестовый поход» (The Last Crusade):

«То, что ханы Крыма ни в коей мере не были «просто марионетками, которых можно было сместить в любое желаемое Портой время», можно увидеть из того факта, что штандарт Крымского хана имел знак отличия в пять конских хвостов» [8].

Лесли Бланш (Lesley Blanch) приписывает даже большую важность Крымскому хану, уверяя что, на самом деле, на штандарте он имел шесть конских хвостов, что ставило его на уровень самого Султана. [9].

Султан также признавал притязания ведущего клана Крыма – Гераев на королевскую родословную, и они при обращении к крымскому хану использовали титул «Чингизид». По Алану Фишеру (Alan Fisher): «По всем вопросам, имеющим место у Османских султанов, крымские ханы имели свою позицию, истекающую из особой важности своей генеалогии» [10].

Когда Султану была необходима помощь в военных кампаниях, он посылал хану Крыма и его подданным, являющимся официальными лицами при дворе, приглашения и подарки. Лично сам хан получал меч, украшенный драгоценностями, почётную парадную одежду (чекмень) и плату, называемую «ценой колчана». Перед началом кампании, по прибытии в османский лагерь, хану оказывалась честь проведения парада при полной парадной форме. Считалось, что крымский хан занимает более высокое положение по иерархии, чем сам великий визирь.

Со временем османы усилили влияние на Крымское ханство, как это будет видно далее, но, нужно помнить, что крымские татары никогда не были зависимыми подданными, подобно сербам или грекам. Они являлись скорее подчиняющимися союзниками. Хотя историки могут спорить в отношении природы османо-татарских отношений. Но противоречий, по поводу вклада Мехмеда II в обеспечение безопасности обеих сторон, нет. В своей работе о завоеваниях Османской империи Дональд Притчер (Donald Pritcher) описывает успехи Мехмеда II в Крыму:

«Крымский союз, хотя и получил сравнительно небольшое внимание у историков (исключая российских исследователей), был, несомненно, одним из наиболее важных и дальновидных начинаний Завоевателя, и он оказался взаимно выгодным как для сюзерена, так и для вассала» [11].

Франц Бабингер (Franz Babinger) автор биографии Мехмеда II, подчеркивает важность успехов Завоевателя в черноморском регионе и преподносит их в более широком контексте. Бабингер утверждает, что:

«Не будет преувеличением сказать, что даже открытие новых Атлантических торговых путей с решающими последствиями для экономической жизни Запада было частично результатом экспансии османов в районе Черного моря. Путешествия в Новый Свет были предприняты в поиске возможности создания нового, обходного пути в Индию и Среднюю Азию» [12].

Определив сферу будущего сотрудничества крымских татар и османов, нам предстоит дать краткий анализ образа жизни крымских татар и особенно, их манеры ведения войн. Это поможет нам продемонстрировать суть военной помощи, которую крымские татары в состоянии были оказывать своему новому союзнику. И, наконец, разнообразные фронты османов, каждая со своими особенностями, неприятелем и своей историей. Всё это будет проанализировано отдельно.

Ареалы участия крымских татар в совместных с османами войнах распространяются с востока на запад: Кавказский фронт против Персии, Русский фронт, Польский фронт и Западный фронт, который включает действия против Габсбургской Австрии, Молдавии, Трансильвании и Валахии. Эти зоны, которые никогда не были чётко определены и во многих регионах пересекались друг с другом, использованы здесь условно.

Военная организация Крыма

Метод ведения крымскими татарами боевых действий представлял собой опыт сражений в условиях степи на протяжении тысячелетий. Их тактика мало чем отличалась от боевых действий Аттилы и его гуннов тысячелетием ранее. Нижеследующее описание гуннов, сделанное почти за тысячелетие до возникновения крымского ханства, удивительно сходно с более поздним описанием татар, и это свидетельствует о том, как была не-

изменна и однообразна жизнь степных кочевников (это утверждение мало чем отличается от описания татар, данного ниже в этом разделе Уильямом Итоном) (William Eton).

«Будучи спровоцированными, они иногда воюют врозь, но вступают в бой в тактическом порядке, в то время как дикий гул голосов создаёт яростный фон полю боя. И так как для быстроты действий и неожиданности появления, они легко экипированы, то преднамеренно разбиваются на разбросанные в степи небольшие отряды и атакуют, бросаясь в полном беспорядке в разные стороны. И вследствие своей исключительно высокой скорости передвижения, устраивают ужасное побоище. Их трудно рассмотреть во время, когда они врываются за крепостной вал или устраивают разбой в лагере неприятеля. По этой причине вы, без всякого сомнения, назовёте их самыми ужасными воинами, потому что они воюют на расстоянии, используя метательное оружие, имеющее вместо обычного заточенного конца, острую кость на наконечнике, прикреплённую к древку с удивительным мастерством. Затем они галопом проносятся оставшееся между ними и неприятелем пространство и сражаются уже врукопашную, мечами, не щадя своей жизни» [13].

Приученная воевать в жёстких условиях степи татарская молодёжь обучалась верховой езде и военному искусству с ранних лет таким же образом, как и гунны в IV веке нашей эры. В татарском обществе не было разницы между простым жителем и солдатом. Каждому человеку, способному ездить верхом, предполагалось принимать участие в ханских военных кампаниях. Неповиновение часто каралось казнью, как свидетельствует указ, изданный Менгли Герай ханом в 1501 году.

«Как повелевает мне Аллах, я хочу оседлать коня моего, а вы все должны быть готовы воевать рядом со мной. На пять человек необходимо иметь при себе одну телегу и три лошади на каждого, … а также большое количество оружия и пищи. Никто не смеет оставаться дома, за исключением тех, кому ещё нет пятнадцати лет. Тот, кто останется дома, более не слуга мне, моим сыновьям или моим беям (принцам). Грабьте и убивайте такого человека» [14].

Ханский вооружённый отряд, описывается как *«ополчение,* хотя и ополчение кочевников, с детства привыкших охотиться с луком, ездить верхом и совершать дальние переходы». Это отряд, который можно было собрать в кратчайший промежуток времени, за две недели. Этот фактор, давал татарам определённое преимущество над своим, более медленно организуемым противником [15].

Оценивая численность крымской армии, историки разделяются во мнениях. Алан Фишер в своих суждениях консервативен и заявляет, что хан мог собрать в «лучшем случае не более 40-50 тысяч всадников лёгкой кавалерии» [16].

Другие авторы утверждают, что «хан мог собрать до 80 тысяч воинов» [17].

Исаак Масса (Isaac Massa), западный летописец XVI века в Москве, заявляет, что хан имел 400 000 человек войска, когда атаковал Москву [18].

Эта оценка, несомненно, преувеличена, А. Демидов пишет, что «хан мог собрать армию в 200 тысяч человек без нанесения ущерба своей стране» [19].

Определить точную численность армии Крыма не представляется возможным, поскольку ханская армия обычно поддерживалась многочисленными кочевыми племенами степняков – ногаев. (Ногаи – потомки Золотой Орды, которые после распада Золотой Орды в 1502 году двинулись на Кубань и степные земли к северу от Крыма). Они вели более примитивный кочевой образ жизни, чем их родичи в Крыму, и официально не подвергались учету.

Масса (Isaac Massa) можно простить за преувеличение численности армии хана, поскольку свирепый вид татарских воинов часто пугал европейцев, незнакомых с образом жизни кочевников. Нижеследующее описание татарского контингента XVII века типично для всех западных источников:

«Многие выглядели скорее как цыгане, чем воины. Самые жалкие существа, которые только можно видеть, были татары <…> Это необузданные, грубые люди и, кажется, ещё и плохие воины. Вместо знамени, впереди войска они несли конские хвосты на длинных шестах. У них не было другого оружия, кроме как кинжалы и секиры, а музыки не было вообще. Их командиры имели вообще самое невообразимое оружие, а их эмблемой или символом являлись копья, наподобие тех, что носят свинопасы» [20].

То, что европейцы, привыкшие к стилю ведения войны в Европе, могли по ошибке принять татар за цыган – неудивительно. Татарский воин обычно носил вывернутый халат из овечьей шкуры, известный как чапан, плотные бриджи и в холода меховую шапку (къалпакъ). В качестве доспехов воин надевал обработанный кожаный полушубок (тон), состоятельные имели жилет-кольчугу и остроконечный шлем. Его оружием являлся составной лук, который он носил при верховой езде с несравненной аккуратностью. Кривая сабля, короткое копьё и арканы из конского волоса (чтобы сбросить противника с коня) тоже использовались татарами с впечатляющим эффектом.

Татары не особо владели огнестрельным оружием, которое они считали слишком неудобными в степи при быстрых верховых атаках. У татар-степняков бытовал какой-то страх перед огнестрельным оружием. Оно было впервые внедрено в обращение в этом регионе Менгли Гераем, обратившимся к русским с просьбой об одолжении этого оружия для борьбы против войск Золотой Орды.

«Пошли мне на Дон какую-нибудь артиллерию, чисто для формальности, враг улетучится, как только её увидит» [21].

Татары также могли чувствовать, как это предполагает Брент (Brent), «что такое механическое устройство умаляло чисто человеческий элемент личной отваги, которое всегда должно превалировать на войне» [22].

Выбор татарами оружия и стиля одежды не был единственным аспектом ведения боевых действий, который отличал их от Запада. Согласно Пэрри (Parry), «Татары воевали в манере, которая, если когда-либо и существовала в Западной Европе, то давным-давно исчезла» [23].

Уникальный стиль боевых действий татар был продуктом их быта. Приученные к жёстким условиям жизни степных пастухов, где набеги за скотом и за невольниками, неожиданные атаки и племенная манера военных действий, были прописными истинами, татары считали ведение войн нормой жизни.

Западные народы, привыкшие к более «цивилизованным» методам ведения войн, ужасались, казалось бы, бессмысленной ожесточённости татар, что видно из свидетельства Итона (Eton) об их тактике:

«Манера воевать у татар не имела никаких аналогов с европейской тактикой. Это сплошная сцена неразберихи, гула и суматохи, хотя она и даёт возможность проявлению величайшего проворства и незаурядного боевого искусства кочевников. Попеременно налетая и приближаясь раздельными группами, многие виды оружия демонстрировались одновременно; сабли, копья и огнестрельное оружие, всё пускалось в ход, и они сражались одинаково хорошо верхом или пешие, хотя верхом была их излюбленная манера.

Европейская тактика военных действий сильно повлияла на относительно мягкое отношение к побеждённым. В беспорядочном ведении боевых действий давалась воля страсти каждого индивидуума, личная ярость каждого была составляющей всего ужаса происходящего действия, врага не щадили, исключение составляли только не пострадавшие и пригодные для того, чтобы стать ценным невольником» [24].

Практика проведения татарами широкомасштабных набегов за невольниками во время походов ужасала жителей Запада, один из которых оставил яркое описание обращения татар со своими пленниками:

«Старые и немощные люди, за которых на невольничьих рынках не могли получить дорого, отдавались татарской молодёжи (точно так же, как зайцев отдают щенкам, чтобы они приобрели первые навыки охоты) или, чтобы их закидали камнями, или убили любым другим способом, какой их только устроит» [25].

Добыча и невольники для многих татар были целью военных действий, они часто старались избежать дорогостоящих военных действий, которые не давали бы им возможности получения воинской добычи.

Стремительные группы татар, известные как чамбулс (chambuls), обладали изумительной способностью преодолевать препятствия, например, реки,

которые остановили бы обычную армию – это их искусство, вместе с исключительной, поражающей скоростью, делало их почти непобедимыми.

Отчёт Масса (Massa) о татарских набегах – это, возможно, самое лучшее описание тактики, используемой татарами, для преодоления препятствий, которое остановило бы большую часть других армий.

«Как только москвитяне убеждались в отходе врага, они кидали большие отряды кавалерии для предотвращения поджога всего того, что попадало неприятелю на их пути. Прибыв в Серпухов, они узнали, что татары в этот день уже пересекли Оку. Это казалось просто невероятным. Они едва могли поверить, что такая огромная армия всего лишь за одну ночь и половину дня, да ещё и летом, могла совершить бросок в 28 миль и пересечь великую реку.

Однако это было именно так, поскольку неприятель был наделён невероятной скоростью в передвижении, так как во время военных действий они не обременяли себя снаряжением и съестными припасами. Татары, которые обычно во время похода питались кониной, брали двух лошадей на одного человека; когда один из коней уставал, воин перескакивал на второго, а первый конь следовал за хозяином, как собака, кони обычно были приучены к этому.

Когда человек погибал, товарищи убивали его коней. Каждый из них отрезал себе ломоть мяса, который они клали под седло, нижняя часть седла была сухая. Там это мясо становилось мягче; когда оно становилось достаточно нежным, они смаковали его восхитительные кусочки.

Кроме того, набег снабжает их достаточным количеством живности для существования. Когда они прибывают к берегу реки, каждый воин привязывает коней друг к другу хвостами и уздечками, забрасывает свой лук из древесины и сухожилий на спину коней так, чтобы они не разбухали от контакта с водой и, держась между двух коней, пересекает реку, плывя с невероятной скоростью. У этих татар, одетых с ног до головы в медвежью или овечью шкуру, был вид настоящих дьяволов» [26].

Когда дело доходило до схватки с врагом, татарин становился таким же хорошим воином, как и рейдером. В сражении татары очень быстро совершали манёвры, следуя приказам ханского знаменосца, который использовал визуальную сигнальную систему коммуникации и регулировал конные формирования.

Татары, чтобы прорвать позиции неприятеля, обычно полагались на фланговые атаки и неожиданные нападения. Будучи атакованы вражеской кавалерией, татары часто рассеивались по полю и имитировали ложное отступление, стреляя из лука прямо с седла, затем быстро перегруппировывались и опять атаковали вражеские формирования, которые зачастую в это время растягивались в погоне за неприятелем.

Столкнувшись лицом к лицу с плотным строем, татары осыпали стрелами ряды неприятеля, изматывали противника, отрезая путь отступления

солдатам, зачастую изматывая силы сопротивления даже у гораздо более сильной армии.

Вот такова была боевая сущность новых союзников Мехмеда II, крымских татар. Начиная с 1478 года, Османская империя могла полагаться на помощь отважных татарских наездников, которые обеспечивали Султана прекраснейшей в мире кавалерией. Османская армия, большей частью состоящая из «сипахов» (тяжелая кавалерия), использовала лёгкую кавалерию гораздо чаще, чем её европейские оппоненты, и в рядах султанских войск всегда была нужда в легкой коннице.

Подразделения кавалерии в османской армии играли гораздо более значительную роль, чем это отражено в исторических исследованиях. Значение кавалерии намного превосходило легендарных «янычар» (пехота, состоящая из невольников), чья роль была явно преувеличена. Историк XVII века писал, что османский султан «собрал сто пятьдесят тысяч прекрасно вооружённых наездников. Такую огромную кавалерию ни один другой повелитель с годовым содержанием в четырнадцать миллионов золотом обеспечить не мог» [27].

Крымские татары обычно предоставляли османской армии 20000 наездников, чтобы усилить грозную армию. Их войска быстро собирались для похода и, не в пример османским «сипахам», они не требовали земельной гарантии от османского правительства в обмен за свои услуги. Однако, Мехмед II имел некоторые сомнения относительно использования помощи татар. Ведь было известно, что уход крымцев с поля боя во время сражения у Анкары в 1402 году закончился гибелью его деда, Султана Баязида I и почти привёл к разрушению Османской империи» [28].

То, что крымские татары способны эффективно воевать в условиях степи было вне всяких сомнений. Насколько же эффективной была их помощь османам на различных фронтах, начиная от Каспия и до Вены? Ответу на этот вопрос посвящается данная работа.

Кавказский фронт

Войны Османской империи с Персией завершались незначительными приобретениями для обеих сторон. Некоторые историки считают их лишь тратой ресурсов обеих мусульманских держав. Начиная с 1514 года, эти дорогостоящие войны велись по нескольким причинам. Наиболее очевидной причиной являлись религиозные трения между шиитами Персии и суннитами Османской империи. Интонация письма, посланного Селимом I иранскому шаху Исмаил Султану, свидетельствует об этом. Селим писал:

«Улемы (образованный класс мусульманских правоведов) и наши преподаватели юриспруденции приговорили тебя [Шах Исмаил] к смерти, лжесвидетельство и богохульство стезя твоя. Они наложили на каждого доброго мусульманина священную обязанность взять в руки оружие для

защиты религии и для уничтожения ереси и неблагочестия лично в тебе и в людях, которые следуют за тобой».

Персидские войны велись также по политическим мотивам: желание обеих держав доминировать в горных княжествах Кавказского региона. Большая часть войн между османами и сефевидами происходила именно в этом спорном регионе. Для османов было естественно вызывать своих союзников – татар, для содействия, которое на этом фронте для османов часто оказывалось решающим.

Крымские татары, оказывающие эффективную помощь османам, имели ряд благоприятствующих им на этом фронте факторов. Они воевали в этом регионе с самого возникновения Золотой Орды, и крымские ханы после развала Золотой Орды получили контроль над несколькими черкесскими племенами северного Кавказа, были хорошо знакомы с местностью и населением данного региона. Черкесы состояли на службе в ханской армии, телохранители хана были обычно также из племени черкесов. Годы пребывания татар на Кавказе очень помогли им в османских походах в этом регионе. Их силы были особенно эффективны в степях Кубани (Северный Кавказ) и на равнинах Южного Кавказа.

Во время Персидской войны 1578–1590 годов крымские татары фактически укрепляли свои позиции в Черкесии, в которой они планировали утвердить своих соплеменников – ногаев, чтобы защищать регион от набегов калмыков и казаков [30].

Присутствие татар в этом регионе было на руку османам из-за Южного Кавказа, за который османы и персы начали враждовать в конце XVI века.

По этой причине в 1578 году в начале наступления на горные провинции Персии, Ширван и Азербайджан османы призвали татар на помощь. Этот поход осман и татар на персидском фронте подробно проанализирован в работе Карла Кортепитера (Carl Max Kortepeter) «Османский империализм в период Реформации». Мотивы участия татар в этом походе были разнообразны, но в большей степени исходили из желания получить добычу в северных провинциях сефевидов.

Укрепление русских сил в степи привело к тому, что набеги на русские территории становились всё менее прибыльными для татар. Персы же оказались в этот период значительно ослаблены. Это позволяло татарам получать неплохую прибыль при совершении походов в этом направлении, к тому же татары, должно быть, были вдохновлены и искренним религиозным рвением, принимая решение участвовать в походах против еретиков, шиитов Персии, которых считали угрозой суннитскому исламу оба союзника: и османы, и крымские татары.

Как бы то ни было, анализ роли татар в данном походе раскрывает роль, которую татары сыграли на этом фронте, а также демонстрирует виды боевой тактики, используемые ханским войском против сефевидов.

Османы вторглись в Кавказские провинции Персии в 1578 году. Сефевиды в тот период только восстанавливались после гражданской войны и были слишком разобщёнными и слабыми, чтобы противостоять армии османов.

Генерал (сердар), которому было поручено вести наступление – Мехмед Паша, был опытный полководец, ранее воевавший на Кавказе и знавший людей и этот край очень хорошо. Мехмед осознавал жёсткость характера кавказцев и ожидал от них столько же проблем, сколько и от сефевидов, которые осуществляли контроль над различными племенами и княжествами региона. Поэтому не удивительно, что в начале османского наступления в апреле 1578 года он вызвал татар себе в поддержку.

В силу собственных проблем татары изначально не были в состоянии помочь войскам османов. Они были заняты действиями против Польши, которая не могла удержать своих казаков от нападения на крымские территории. Только в сентябре великому визирю удалось организовать перемирие между Польшей и крымскими татарами и, таким образом, дать возможность татарам прийти на помощь османам на Кавказе.

Османская армия атаковала удерживаемую Персией Грузию, и в боях при Чылдыре (Childir) и Алазане (Alazan) Мехмед Паша добился успеха, разбив выступившие против него численно превосходящие персидские военные силы. К концу похода османы получили незначительный контроль над Грузией и Ширваном. Поскольку Мехмед Паша собирался выводить свою армию, он ещё раз вызвал татар на помощь. Ханские военные силы были необходимы, чтобы поддержать сравнительно слабые оккупационные силы в 8000 человек, оставленные в зимний период в новых владениях империи.

Только к середине октября татарское подразделение в 15 000 человек под командованием калги (наследник трона) Адиль Герая, отправилось в Закавказье. Марш-бросок татар на юг проводился в спешке, потому что армия сефевидов, приблизительно в таком же количестве, тоже двинулась навстречу военным силам османов, стоявшим в это время в городе Ареш.

Превосходящие военные силы сефевидов, под командованием Арас Хана к месту боевых действий прибыли первыми и стремительно вступили в сражение с османами, храбро сопротивлявшимися целых три дня. На третий день, когда казалось, что оборона османов готова распасться, прибыл гонец и сообщил уже павшим духом воинам, что татарское войско подошло на расстояние всего лишь одного перехода.

Услышав новость, османские воины собрали все свои силы и продержались до прибытия татар, которые присоединились к ним к концу того же дня. Кортепитер (Kortepeter) пишет, что отважные татары моментально вступили в бой с неприятелем, несмотря на то, что, несомненно, были уставшими после длительного марша [31].

Усталость татар, казалось, не повлияла на их воинские умения, и в последо-

вавшей битве персы были разгромлены войском Адиль Герая. Своевременно прибывшая помощь татарского войска, безусловно, спасла османов от явного поражения, но войска Адиль Герая в ответ получили только скупые слова благодарности от Осман Паши, нового командующего турецкой армией.

Мало того, что благодарность Осман Паши была скудной, после сражения он запретил татарским войскам брать военную добычу с подконтрольной территории. Конфликт между Адиль Гераем и османским командующим из-за этих ограничений был улажен только после того, как Осман Паша нашёл достаточно заманчивое задание для татар. Остатки разбитых персидских войск отступали на юг от османских позиций, и у отступавших воинов было много добра, награбленного в провинциях. Татар легко убедили в преимуществах, которые можно получить от тяжело нагруженного богатством противника, и они кинулись атаковать персидский лагерь.

Татары ещё раз одержав победу над сефевидами, получили свои трофеи таким образом, что это оказалось более выгодно для османов, чем грабеж только что завоёванных владений. Согласно некоторым свидетельствам, татары были абсолютно счастливы, они оказались владельцами такого большого числа невольников и добра, что едва могли все это унести [32].

Эти победы над сефевидами оказались не долговечными. Они позволяли силам османов только выиграть время, поскольку персы собирались выдворить немногочисленные войска султана. Уже в ноябре визирь Шаха Сельман Хан лично повёл армию в 30-40 тысяч воинов на Кавказ, чтобы разбить объединённые татаро-османские силы. Сельман Хан направил небольшую часть своей армии таким образом, чтобы окружить войско Осман Паши, который удерживал город Шемакла, в то время как основные силы он повёл против мобильной армии Адиль Герая.

Тридцатого ноября армия Сельман Хана встретилась с армией Адиль Герая на открытой равнине к востоку от города Аксу и стремительно вступила в сражение, которое длилось три дня. На третий день татары получили явное преимущество над численно превосходящими силами сефевидов. Но когда внезапно разразился шторм и смёл всё с поля сражения, татары были вынуждены на время выйти из боя, так как их маневренность ограничивали дождь и грязь. Ситуация усугублялась ещё и тем, что их наиболее эффективное оружие – их луки, деформировались от влаги.

Осман Паша решил прорваться сквозь вооружённые ряды сефевидов и направиться к крепости Дербент, намереваясь разбить там зимний лагерь.

На следующий год татары ещё раз помогли османам, на этот раз под командованием хана Мехмед Герая, которому было присвоено звание командующего османскими силами в Дагестане в награду за оказанную османам поддержку [33].

Татары служили отлично в походе 1579 года, помогая османам в составе

кавалерийских объединений, а также во время набегов на отдалённые территории. Один из татарских командиров, которому вскоре надлежало стать ханом – Гази Герай, служил в этом походе с особым рвением. Его наиболее замечательным успехом был разгром лагеря персидской армии во время внезапного ночного нападения.

Помощь татар оказывалась решающей ещё в ряде других внезапно возникавших военных стычках, и османский командующий во время войны очень рассчитывал на наездников крымского хана. Помощь татар в Персидской войне 1578–1590 годов, несомненно, стала весомым вкладом в борьбу за влияние османов и могла быть даже решающим фактором в успешном исходе войны в пользу Султана. По договору 1590 года сефевиды уступили победителям, османам провинции Азербайджана Ширван, Дженье (Genje), Грузию и часть Курдистана.

Контроль османского государства в этих районах Кавказа, однако, оказался не долгим. В 1603 году шах Аббас Великий повёл вновь объединённую Персию на войну за возвращение утерянных провинций. Татары вновь оказали помощь османам в сражении против Шаха, об этом пишет Джон Малкольма (John Malcolm), который упоминает о поражении турок и их союзников «Татар Кипчака» (“Tatars of the Kapchak”) [34].

Однако, несмотря на помощь, османы потеряли контроль над большей частью так тяжело им доставшихся завоеваний к 1612 году.

Теперь османы контролировали лишь небольшую часть своих завоеваний в Дагестане вплоть до середины XVII века и то только с помощью татарских ханов. Османы продолжали поставки в этот восточный регион, используя кубанскую степь. Путь от крымского порта Каффа до Тамани (западный Кавказ) и через Кубань в Дербент (Восточный Кавказ) был единственным маршрутом, открытым на Восточный Кавказ после завоевания шахом Аббасом Грузии, Армении и Карабаха, что отрезало южные линии снабжения османов. Черкесские и ногайские племена, кочующие по степи, контролировались Крымским ханом, право которого осуществлять власть в этом регионе было ранее признано османским султаном [35].

Татары продолжали помогать османам в походах на территории сефевидов и участвовали ещё в нескольких меньших походах на Кавказ в 1618, 1635 и 1639 годах. Однако в 1725 году они внесли ещё один очень значительный вклад в победы османов на персидском фронте. Анализ этого похода демонстрирует эффективность военной силы татар даже в столь поздний период.

В 1722 году династия сефевидов рухнула под натиском яростной атаки афганской армии. Османы решили, что настало время для экспансии на Кавказ. У Порты была еще одна причина для экспансии: они стремились остановить русских, которые воспользовались слабостью Персии и продвигались вниз к восточному побережью Кавказа в районе Дербента.

Смерть Петра Великого в 1725 году остановила российскую экспансию на юг, а продвижение османов продолжалось с удивительным успехом. К 1727 году Ереван, Гянджа, Нахичевань, Маранд, Урмия и большая часть Азербайджана, включая Тебриз, перешли под власть османов.

Контроль Порты над этим районом оказался эфемерным, и с возникновением вновь объединённой Персии под руководством Надир шаха, османы опять были вынуждены перейти к обороне. С 1730 по 1735 год Надир шах воевал за контроль над Кавказом и Курдистаном с переменным успехом.

При описании вновь созданной военной мощи Надир шаха, В. Дж. Пэрри (V.J. Parry) утверждает, что: «несомненно, это была самая могущественная армия в западной Азии XVIII века» [36].

Османский командующий, Топал Осман, назначенный защищать новые завоевания султана от неприятеля, почувствовал жизненно важную необходимость вызвать крымских татар на помощь.

Крымский хан Каплан Герай, в ответ отправил отвлекающую экспедицию под руководством калги Фетих Герая на Кавказ. Фетих Герай начал поход, направив вооружённые силы крымских татар, черкесов и ногаев через Кубань, где им подчинились несколько племён калмыков и черкесов.

Затем Фетих Герай последовал в Дагестан, где ему подчинились эмиры и кади (судьи) многих районов, и пошёл далее вглубь, на юг вплоть до Ходада (Khodad) в окрестностях Дербента [37].

Его успех просто замечателен, если вспомнить, как долго русские пытались завоевать этот район в XIX веке, и это является свидетельством искусства татар в умении воевать и договариваться на Кавказе.

Успехи татар пробудили тревогу не только в Персии, но и в России. Во время правления Ивана Грозного Россия начала экспансию на Кавказ. Наблюдая за продвижением татар, она воспринимала их успех как ущемление своих прав в осуществлении контроля над территориями этого региона. В предыдущие годы татарам и османам удавалось довольно успешно предотвращать экспансию русских в данном регионе. Но всё стало меняться в начале XVIII века, а в период вторжения Фетих Герая влияние царя среди ногайских и калмыцких племён в регионе северной Кубани было особенно сильным.

Аграханское казачество, которое было создано русским правительством с целью контроля вышеупомянутых племён, было постоянным напоминанием о растущем влиянии русских на Кавказе [38].

Этого влияния, однако, было не достаточно для того, чтобы остановить такую сильную армию, как у калги и, при попытке препятствовать продвижению татар, они были полностью разбиты.

По мнению Роберта Олсона (Robert Olson) российское правительство в 1734 и 1735 годах осуществляло дипломатическое давление на Порту с

целью не позволять татарам пересекать российскую территорию, однако безуспешно [39].

В 1736 году российское правительство решило применить силу против татарской угрозы и организовало армию под командованием графа Миниха, с целью вторжения на полуостров. Вторжение Миниха оказалось успешным, и русская армии явно преуспела в прорыве через татарские северные укрепления у Перекопа и в грабеже Бахчисарая, столицы ханов Крыма [40].

Хан, во время вторжения русских в Крым, участвовал в походе против Персии. Если бы хан не воевал на Кавказе вместе с османами и большей частью своих войск, весьма сомнительно, что нападение русских на Крым было бы столь успешным.

Хотя ущерб нанесённый ханству, был восполним, тем не менее, вторжение явилось огромным психологическим ударом по системе управления и хана и Султана. В последующие годы Порта использовала крымских татар более тонко и разумно, привлекая их в основном как политических представителей между ногаями и черкесами.

Выводы

Историки далеко не единодушны в оценке эффективности поддержки, которую крымские татары оказывали османам на Персидском фронте. Кортепитер (Kortepeter), например, очень позитивно оценивает вклад крымских татар. Согласно этому источнику, если бы татары не пришли на помощь османским войскам в походах 1579–1590 годов, армия Султана, без сомнения, в некоторых случаях была бы разбита. Пэрри (Parry) не столь щедр в своей оценке помощи, оказываемой татарами в этом походе, и вспоминает о нём кратко, мимоходом. Пэрри едва упоминает, что «Татарский хан уклонился от обязанности вассала Султана, отказавшись отправлять своих наездников воевать на Кавказ» [41].

Детальный анализ этого вопроса показывает, что помощь крымских татар была и благом, и в то же время приносила неприятности командованию османов на Персидском фронте. Анализ эффективности крымских татар на Кавказе необходимо начать с обзора деятельности их противников – персов.

В персидскую армию входила по большей части кавалерия, состоящая из туркменских племён. Эти нерегулярные воинские образования различных персидских провинций обычно проявляли больше лояльности к эмирам своих племён, чем к шаху. Шах Аббас во время своего правления пытался преодолеть эту опасную тенденцию, создавая отряды из аркебузиров (аркебуза – фитильное ружьё) и артиллерии. То, что персы эффективно использовали огнестрельное оружие против своих степных противников в гораздо более ранний период можно заключить из факта, что шах Тахмасп (Tahmasp) использовал пушки, чтобы разгромить узбеков в 1528 году [42].

Персидская армия в основном состояла из кавалерии, и татарам было

удобно воевать с таким противником, несмотря на то, что персы в некоторых случаях использовали пушки. В 1578 году, например, татарское соединение совершило набег на персидский лагерь, обороняемый и пушками, и окопами [43].

Конечно, татар зачастую использовали просто в коротких стычках, но в некоторых случаях они участвовали и в генеральном сражении против гораздо более мощных сил персидской армии. Крымские татары служили в своём лучшем амплуа – в качестве наездников, но их наиболее ценным вкладом на персидском фронте, была защита османских линий снабжения и обозов от набегов быстрых туркменских всадников персидской армии.

Помощь татар на Кавказе, так же как и на других фронтах, имела и свои негативные стороны. Отношения между османами и их необузданными татарскими союзниками были не всегда доброжелательны. Одной из главных причин конфликта между османским командующим и татарами на персидском фронте было пристрастие татар к получению военной добычи с населения на территориях, находящихся под контролем османов. Татары не делали разницы между крестьянами на завоёванных османами новых территориях и теми, кто был на вражеских территориях. Это часто вело к конфронтации между предводителями татар и османскими генералами, на которых возлагалась задача привлечения населения на сторону османов.

Простым османским солдатам также не нравилось, что крымским татарам в конце похода, как награда за службу, обычно доставалась львиная доля добычи. Тенденция татар отводить войска по окончании похода обратно домой для обеспечения безопасности Крыма, также пробуждало неприязнь в османских войсках, которых оставляли в качестве гарнизона по охране новых завоеваний империи. Командующие османскими войсками осознавали, что от татар было мало пользы, если оставлять их как гарнизонные войска, но и их отбытие, тем не менее, понижало моральный дух османских войск, которым приходилось оставаться и служить во время суровых зимних месяцев.

Перед османскими лидерами на персидском фронте стояла также проблема привлечения татарских ханов для участия в походах. Татарские ханы зачастую не желали посылать свои войска воевать на Кавказ. Причины были различные, но происходили они, по большей части, от нежелания оставлять Крым без защиты от нападения казаков, а позднее и русских. Также необходимо отметить, что крымские беи менее всего были склонны участвовать в широкомасштабных походах в районы, которые только что были опустошены в результате предыдущих походов.

Вопреки всему Осман паша, один из видных генералов Османской империи, явно оценил важность поддержки крымских татар, как это можно видеть из его заявления о том, что «единственным хорошим средством

удержания владений, вновь приобретённых у Персии, было получение полной поддержки и сотрудничества хана Крыма». Вероятно, его квалифицированный анализ может быть окончательным и неоспоримым мнением о ценности помощи крымских татар на этом фронте.

ENDNOTES

1. Alan Fisher, The Crimean Tatars. (Stanford: University of Stanford Press, 1978), p. 5.
2. Ibid, p.7.
3. Ibid, p.10.
4. Victor Ostupchuk, "The Publication of the Documents on the Crimean Khanate in the Topkapi Saray" Turcica. (1987), p. 256.
5. Albert Seaton, The Horsemen of the Steppe. (London: The Bodely Head), p. 24.
6. W. F. Reddaway, The Cambridge History of Poland. (London: Cambridge University Press), p. 253.
7. Henry Howorth, History of the Mongols Part II (London: Longman, Greenand Co., 1880), p. 456.
8. William Munson, The Last Crusade. (Dubuque, Iowa: William Brown Co., 1969, p. 29.
9. Lesley Blanche, The Sabres of Paradise. (New York: The Viking Press, 1960), p. 20.
10. Alan Fisher, The Russian Annexation of Crimea 1772-1783. (London: Cambridge University Press, 1970) p. 13
11. Donald Pitcher, An Historical Survey of the Ottoman Empire. (Leiden: E. J. Brill, 1972), p. 96.
12. Franz Babinger, Mehemed the Conguerer and His Time. (Princeton University Press, 1978), p. 96.
13. Otto Maenchen-Helfen, The World of the Huns. (Berkeley: University of California Press, 1973), p. 201.
14. V.J. Parry, War and Technology in the Middle East. (London: Oxford Press, 1975), p. 258.
15. Ibid, p. 259
16. Allen Fisher, The Russian Annexation of the Crimea 1772-1783. (Cambridge: Cambridge University Press, 1970), p. 15.
17. V. J. Parry, Warand Technology in the Middle East. (London: Oxford Press, 1975), p. 260.
18. Isaac Massa, Massa's Short History of the Muscovite Wars. (Toronto: University of Toronto Press, 1982), p. 27.
19. Anatole Demidoff. Travelsin Southern Russia and the Crimea. (London: John Mitchell, 1853), p. 302.
20. Thomas Barker, Double Eagle and Crescent. (Albany: State University of New York Press, 1967), p. 185.
21. Henry Howorth, History of the Mongols Part II. (London: Longman Green and Co., 1880), p. 345.
22. Peter Brent, The History of the Mongols. (London: Routledge E. Keegan Paul, 1971), p. 199.

23. V. J. Parry, War and Technology and Society in the Middle East. (London: Oxford University Press, 1975), p. 20.
24. William Eton, A Survey of the Turkish Empire. (Gregg International Publishers Ltd. 1972), p. 341.
25. Henry Howorth, History of the Mongols Part II. (London: Longman Green and Co., 1880), p.475.
26. Isaac Massa, Massa's Short History of the Muscovite Wars. (Toronto: University of Toronto Press, 1982), p. 29.
27. Brandon Beck, From the Rising Sun: English Images of the Ottoman Empire to1715. (New York: Peter Lang, 1978), p. 59.
28. Hilda Hookham, Tamburlaine the Conqueror. (London: Hodder and Stoughton,1962), p. 251.
29. Rouhollah Ramazani, The Foreign Policy of Iran. (Charlottesville, University Press of Virginia,1966), p. 17.
30. Alan Fisher, The Crimean Tatars. (Stanford: Stanford University Press, 1978), p. 25.
31. Carl Max Kortepeter, Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and the Caucasus. (New York: New York University Press, 1972), p. 58.
32. Ibid.
33. Ibid, p. 63.
34. John Malcolm, The History of Persia Vol. 1. (London: John Murray, 1829), p. 358.
35. Alan Fisher, The Crimean Tatars. (Stanford University Press 1978), p. 25.
36. V. J. Parry, War and Technology in the Middle East. (London: Oxford Press, 1975), p. 24.
37. Henry Howorth, History of the Mongols Part II. (London: Longman, Green and Co., 1980), p. 578.
38. Albert Seaton, The Horsemen of the Steppe. (London: The Bodely Head, 1985), p. 128.
39. Robert Olson, The Siege of Mosul and Ottoman Persian Relations 1718-1743. (Bloomington: Indiana University, 1975), p. 28.
40. Alan Fisher, The Crimean Tatars. Stanford: Stanford University Press, 1978, p. 50.
41. M. A. Cook, A History of the Ottoman Empire to 1730. (London: Cambridge University Press, 1976), p. 115.
42. V. J. Parry, War and Technology and Society in the Middle East. (London: Oxford University Press, 1973), p.207.
43. Carl Max Kortepeter, Ottoman Imperialism during the Reformation: Europe and the Caucasus. (New York: New York University Press, 1972), p. 59.

BIBLIOGRAPHY

1. Abdul Gaffar, Umdetu Tevarih. Istanbul, Turk Tarih Encumeni Mecmuasi, Howe XI, 1924.
2. Akiner, Shirin, Islamic Peoples of the Soviet Union. London: KPI, 1983.
3. Alton, Donelly S. The Russian Conquest of Bashkiria. New Haven: Yale Univ. Press, 1968.
4. Allen, W.E.D. Problems of Turkish Power in the Sixteenth Century. London: Central Asian Research Center, 1963.
5. Franz Babinger, Mehemed the Conguerer and His Time. Princeton University Press, 1978.

6. Thomas Barker, Double Eagle and Crescent. Albany: State University of New York Press, 1967.

7. Beck Brandon, From the Rising Sun: English Images of the Ottoman Empire to1715. New York: Peter Lang, 1978.

8. Blanche Lesley, The Sabres of Paradise. New York: The Viking Press, 1960.

9. Blease, Lyon. Suvorof. London: Constable and Company Limited, 1920.

10. Brent Peter, The History of the Mongols. London: Routledge E. Keegan Paul, 1971.

11. Brodie Bernard. From the Crossbow to the H-Bomb. New York: Dell Publishing Co., Inc., 1962.

12. Burghardt. Andrew F. Borderland: An Historical and Geographical Study of Burgenland, Austria. Madison: University of Wisconsin Press, 1962.

13. Cacavelas, Jeremiah. The Siege of Vienna by the Turks in 1683. London: Cambridge University Press, 1925.

14. Cassels, Lavender. The Struggle for the Ottoman Empire, 1717-1740. London: John Murray, 1966.

15. Coles, Paul. The Ottoman Impact on Europe. London: Harcourt Brace and World, Inc. 1968.

16. Cook, M. A. A History of the Ottoman Empire to 1730. London: Cambridge University Press, 1976.

17. Davies, Norman. God's Play ground: A History of Poland. New York: Columbia University Press, 1962.

18. Demidoff, Anatole de. Travels in Southern Russia and the Crimea. London: John Mitchell, 1853.

19. Douney, Fairfax, The Grande Turke. London, Stanley Paul and Co., 1982.

20. Esper, Thomas. "Military Self-sufficiency and Weapons Technology in Muscovite Russia." Slavonic Review., 1969.

21. Eton, William. A Survey of the Turkish Empire. London: Gregg International Publishers Limited, 1972.

22. Eversley, George. The Turkish Empire. New York: Dodd, Mead & Company, 1917.

23. Fischer-Galati Stephen A. Ottoman Imperialism and German Protestantism. 1521-1555. New York: Octagon books, 1972.

24. Fisher, Alan. The Crimean Tatars. Stanford: Stanford University Press, 1978.

25. Fisher, Alan. "Muscovy and the Black Sea Slave Trade."Canadian American Slavic Studies, 1972.

26. Fisher, Alan. The Russian Annexation of the Crimea, 1772-1783. London: Cambridge University Press, 1970.

27. Foster, Edward S. The Turkish Letters of Oaier Ghiselinde Busbea. Oxford: Clarendon Oxford Press, 1963.

28. Godkin, Lawrence. The History of Hungary and the Magyars. London: John Cassele, Ludgate Hill, 1853.

29. Graham, Stephen. Ivan the Terrible .New Haven: Yale University Press, 1933.

30. Groot, A. H. de. The Ottoman Empire and the Dutch Republic. Leiden: Netherlands Historisch-Archaeologisch Institut, 1978.

31. Halecki, Oscar. Borderlands of Western Civilization. New York: The Ronald Press Company, 1952.

32. Halecki, Oscar. A History of Poland. New York: Roy Publishers, 1961.

33. Hindus, Maurice. The Cossacks. New York: Doubleday, Doran and Company Inc., 1945.

34. Hoffman, Paul. The Viennese. New York: Anchor Press, 1988.

35. Hookham, Hulda. Tamburlaine the Conqueror. London: Hodder and Staughton, 1962.

36. Howorth, Henry H. History of the Mongols. Part II. London: Longman, Green and Co., 1880.

37. Hughes, Basil. Firepower: Weapons Effectiveness on the Battle field. 1630 –1850. London: Arms and Armour Press, 1974.

38. Imber, Colin, The Ottoman Empire 1300 – 1481. Istanbul: Isis Press, 1990.

39. Iorga, Nicolae, A History of Roumania. London: T. Fisher Unium Ltd., 1925.

40. Ischbolden, Boris. Essayson Tatar History. New Delhi: New Book Society of India, 1963.

41. Komjathy, Anthony T. A Thousand Years of the Hungarian Art of War. Toronto; Rakoczi Foundation, 1982.

42. Kortepeter, Carl Max. Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and the Caucasus. New York: New York University Press, 1972.

43. Krasinski, Henry. The Cossacks of the Ukraine. New York: AMS Press, 1985.

44. Kurat, Akdes. “The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal.”The Slavonic and East European Review.40 (1961).

45. Lamb, Harold. Suleiman the Magnificent. Garden City NY, Double Day, 1951.

46. Latham, John. Saracen Archerv. London: The Holland Press, 1970.

47. Lemercier-Quelquejay, Ch. Turco-Tatar Past. Soviet Present. Paris; Editions Peeters, 1986.

48. Lewis, Bernard, Encyclopaedia of Islam New Ed. I-V. Leiden: E. J. Brill, 1965.

49. Maenchen-Helfen, Otto. The World of the Huns. Berkeley: University of California Press, 1973.

50. Malcolm, John. The History of Persia Vol. 1. London: John Murray, 1829.

51. Markham, Clements. History of Persia. London: Longmans, Green and Co., 1977.

52. Massa, Isaac. Massa’s Short History of the Muscovite Wars. Toronto: University of Toronto Press, 1982.

53. Massie, Robert K. Peter the Great: His Life and World. New York: Alfred A. Knopf, 1980.

54. Maroger, Dominique. The Memoirs of Catherine the Great. London: Hamesh Hamilton, 1955.

55. Mc Neill, William H. Europe’s Steppe Frontier 1500-1800. Chicago: University of Chicago Press, 1964.

56. Merriman, Roger B. Suleiman the Magnificent. Cambridge, Harvard Univ. Press, 1944.

57. Munson, William. The Last Crusade. Debuke: William C. Brown Book Co., 1969.

58. Olson, Robert W. The Siege of Mosul and Ottoman-Persian Relations, 1718-1743. Bloomington: Indiana University Press, 1975.

59. Ostapchuk, Victor. “The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapi Saray.” Turcica, 1987.

60. Parry, V. J. War, Technology and Society in the Middle East. London: Oxford University Press, 1975.

61. Pitcher, Donald E. An Historical Geography of the Ottoman Empire. Leiden: E. J. Brill, 1972.

62. Ramazani, Rouhollah K. The Foreign Policy of Iran. Charlottesville: University Press of Virginia, 1966.

63. Reddaway, W. F. The Cambridge History of Poland. London: Cambridge University Press, 1950.

64. Rycaut, Paul. The Present State of the Ottoman Empire. New Ed. Westmead: Gregg International Publishers Limited, 1972.

65. Scanlon, George T. A Muslim Manual of War. Cairo: University at Cairo Press, 1961.

66. Seaton, Albert. The Horsemen of the Steppe. London: The Bodely Head, 1985.

67. Spencer, Captain. Turkey. Russia The Black Sea and Circassia. London: George Routledge and Co., 1854.

68. Stoye, John. The Siege of Vienna. London: Collins, 1964.

69. Teleki, Paul. The Evolution of Hungary and Its Place in European History. New York: The Macmillan Co., 1923.

70. Tihany, Leslie C. A History of Middle Europe. Rutgers: Rutgers University Press, 1976.

71. Vaughan, Dorothy M. Europe and the Turk. Liverpool: Liverpool University Press, 1954.

72. Wilkinson-Lathan, Robert. Antique Weapons and Armour. Oxford: Phaidon Press, 1981.

73. Wojcik, Zbigniew. “Some Problems of Polish Tatar Relations in the 17th century: The Financial Aspects of the Polish-Tatar Alliance in the Years 1654-1666.”Acta Poloniae Historica, 1966.

Продолжение – в следующем номере «Крымского исторического обозрения».

Сведения об авторе перевода: Лейля Сейтхалиловна Сейтхалилова – старший преподаватель английского языка, старший лаборант-исследователь, Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Бахчисарай, Крым, Российская Федерация); lilya_crimea@mai.ru

About the translator: Leylya Seytkhalilovna Seytkhalilova – Senior English teacher, Senior laboratory assistant on the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Bakhchisaray, Crimea, Russian Federation); lilya_crimea@mai.ru

Новый уровень исторического крымоведения

Рец. на кн.: Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 936 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения; вып. 25»)

Григорий Кондратюк
(Крымский инженерно-педагогический университет;
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Поиски нового пути современной крымской исторической науки постоянно нуждаются в определении насущных, актуальных задач и формулировании соответствующих качественных целей. Выход в свет ретроспективного библиографического указателя «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)», автором которого является доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Андрей Анатольевич Непомнящий, сам по себе претендует на статус неординарного события. Важно здесь то, что данное издание – продолжение уже начатой добрых два десятка лет назад работы по скрупулезному сбору, проверке, анализу и обобщению огромного массива самой разнообразной и противоречивой крымоведческой информации. Не меньшее значение несет и сама идея: собрать под одной обложкой информацию о прошлом региона во всем многообразии и неповторимости. А.А. Непомнящий облегчил жизнь нескольким поколениям крымоведов вперед: теперь вместо часов у каталогов в библиотеках или перед описями в архивах у исследователей есть возможность воспользоваться действительно исчерпывающим указателем.

Особенностью издания является наличие обширной авторской вступительной статьи. В ней дана непредвзятая оценка состоянию библиографического крымоведения за последние два с половиной десятилетия. Нельзя отрицать неоспоримого факта: критерии качества определены, и определены они высоко, а, следовательно, все те, кто считает себя крымоведами,

должны обращать на это внимание, и, как говорится, «сверять часы». Отрадно отметить, что озвучивание актуальных проблем, с которыми столкнулась крымская историческая наука, не носит характера жалоб, это – приглашение к дискуссии, в каком-то смысле – ее стимулирование. Расширение же обсуждения проблемы, вовлечение новых участников только открывает новые возможности, умножает и выводит на другой уровень сам характер проблемы.

А.А. Непомнящему удался редкий для научного издания прием: книга содержит однозначно научный материал, имеет все соответствующие атрибуты научного издания, однако читать ее (точнее сказать – работать с ней) интересно, а значит информация, которую должен донести автор, будет усвоена читателем куда охотнее и лучше.

Любое издание подобного рода должно иметь богатый источниковый базис. В этом контексте автор может предъявить целый букет отношений и ксерокопий из самых разных архивных ведомств ряда городов и стран: от северного Санкт-Петербурга до южного Еревана, от Москвы до Праги. И география научных командировок – это не только объективная разрозненность документальных собраний, это и свидетельство того, что в очень разных профессиональных сообществах прошлого был жив и актуален интерес к Крыму. Сложно найти тему, которая осталась вне поля зрения историков, археологов и этнографов периода становления Крымской АССР. Исследовательская активность была связана с осуществлением специальной культурно-идеологической акции «коренизации» системы государственного аппарата в целом и гуманитарных профилей работы в частности. Первое двадцатилетие Советской власти в Крыму стало временем поиска, увлечения новыми концепциями, которые впоследствии могли быть отброшены, забыты, несправедливо оболганы. Именно с этой целью в указателе торжествует интернациональный принцип равенства всех национальностей и плюрализма взглядов и исследовательских позиций. И такая постановка вопроса крайне актуальна именно в условиях современного Крыма.

Безусловно, актуальным является то, что в указателе применен новаторский прием соединения опубликованных и архивных источников. Не секрет, что в годы советского режима был силен тотальный идеологический контроль, а значит, далеко не все мысли и работы ученых могли свободно дойти до читателя. Учитывая объективную сложность для работы исследователей в архивах в нынешнее время, наличие структурированного указателя по такой широкой теме с указанием точных «адресных данных» той или иной рукописи уже позволяет не тратить время на поиск, а непосредственно реализовывать свои исследовательские планы. Для молодых исследователей это экономия и времени, и средств, для опытных – повод дополнить свои сведения, удостовериться, что процесс познания не может считаться

законченным пока не выявленным и не внесенным в анналы истории будет последний неопубликованный документ.

Конечно, указатель «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)» охватывает слишком разнообразный материал. От машинописей и монографий в несколько сотен листов до незаметных глазу заметок на последних страницах газет (наука и культура и в те времена были на «остаточном принципе» интереса государства и общества). Разное содержание, разные авторы, разное значение… Но для каждой такой работы характерна одна общая черта – это неравнодушие к Крыму, беспокойство за его судьбу, стремление поставить ту или иную проблему, сообщить о чем-то новом, поделиться открытием, распространить знание. Не зря замечено, что именно два первых советских десятилетия были крайне противоречивым временем: при становлении тоталитарного режима, который совсем скоро перейдет к репрессиям и погрузит страну в атмосферу всеобщего страха, наблюдался удивительный оптимизм и готовность преодолеть любые преграды для достижения цели. В изучении Крыма этот период, вне всякого сомнения, можно окрестить романтическим, крымоведение именно в эти годы стало самостоятельной и динамичной отраслью науки. Жаль, что на смену искреннему созиданию пришли «воронки» и лагеря, из которых многие не вернулись, либо, вернувшись, не смогли вернуться к привычной работе.

Для передачи содержания эпохи А.А. Непомнящий применил в указателе очень удачный метод: многие публикации сопровождаются краткими аннотациями, причем в них не передается личное отношение автора указателя, наоборот, из текста видно, что предпринята попытка передать оригинальный стиль тех публикаций, взгляд авторов тех лет на проблемы, которые ими затрагивались. Такая бескорыстная научная добросовестность автора указателя заслуживает отдельного упоминания и уважения. Ведь с одной стороны, сложно представить себе, насколько усложнился процесс работы над указателем, с другой – вот она, палитра крымоведческих интересов и устремлений в самом нецензурированном (насколько это можно обеспечить сейчас) виде. Вот он, голос крымоведов тех лет, вот их аргументы и выводы. Условная «перекличка», устроенная на страницах указателя – это очень нужная современному крымоведению, страдающему от дилетантизма и откровенной халтуры, проверка на «знак качества». И если в относительно далеком прошлом это качество определялось не только мнением партийных органов, но и сообществом профессионалов, то, как актуальны такие критерии и сейчас. Пример, поданный А.А. Непомнящим в этом контексте, крайне поучителен и важен сам по себе.

Появление библиографического указателя А.А. Непомнящего продолжает основанную им научную книжную серию «Биобиблиография крымо-

ведения». В определенном смысле – это отправная точка и для всей научной школы исторического крымоведения, сформированной и уже официально зарегистрированной благодаря неустанной работе ее основателя – профессора А.А. Непомнящего. Таковы краткие результаты за два десятилетия: более двух десятков защитившихся исследователей и книжный ряд на два с половиной десятка наименований – не просто приятная статистика, а показатель востребованности упорного труда исследователя-крымоведа. А это значит, что региональные штудии в Крыму вышли на качественно новый уровень развития, и дальнейший их прогресс зависит только от готовности ученых следовать установленным высоким профессиональным критериям. Автора указателя, всех крымоведов и тех, кому дорог Крым, остается лишь поздравить с выходом поистине масштабного издания. Для научного пространства это событие, несомненно, будет иметь колоссальное значение.

Сведения об авторе: Григорий Николаевич Кондратюк – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Крым, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Бахчисарай, Крым, Российская Федерация); kondratjukkipu@gmail.com

Рецензия на книгу: Ломакин Д. А. Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние / под ред. А.А. Непомнящего. Симферополь: Соло-Рич, 2015. 240 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 23)

Вадим Майко
(Институт археологии Крыма)

Авторитетная книжная серия «Биобиблиография крымоведения» пополнилась очередным научным изданием. В качестве 23 выпуска серии презентована монография молодого крымского исследователя, кандидата исторических наук Д.А. Ломакина «Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние». Книга состоит из двух вступительных статей, четырех глав, послесловия и приложений (список литературы и архивных материалов, список сокращений, именной указатель). Наиболее объемная глава по истории изучения памятников города разделена на три раздела и три подраздела.

Во вступительной статье доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, основателя и редактора упомянутой выше книжной серии, А.А. Непомнящего представлена научная школа по историческому крымоведению, оформившаяся благодаря его стараниям и подвижничеству в течение уже более десяти лет. К представителям данной школы в полной мере можно отнести и Д.А. Ломакина. Автор статьи указал на актуальность работы: «Д.А. Ломакину удалось раскрыть историю изучения памятников на протяжении почти 150 лет. Основой для его разработок стали архивные документы рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН – бесценный кладезь информации по истории крымоведения, до настоящего времени так мало востребованный историками и археологами. <…> Изданная книга хороший показатель научной коммуникации» (с. 6). А.А. Непомнящий также справедливо подчеркнул, что «нелепой представляется практика, когда защищенные работы хранятся в двух экземплярах в специальных отделах библиотек и малоизвестны потенциальным исследователям» (с. 6). В связи с этим логичными и уместными видятся приведенные слова классика исторического крымоведения А.И. Маркевича: «Надо думать и надеяться, что с восстановлением успокоения снова быстрым ходом пойдет исследование истории Тавриды и ее памятников древности, и

многовековой музей древностей – Таврида быстро пойдет вперед в деле его пополнения и изучения» (с. 6).

Во вступительной статье кандидата исторических наук, одного из рецензентов издания, Е.А. Айбабиной («…Старый Крым под слоем пыли в самом деле стар» (с. 7–10) в сжатой форме рассмотрены основные этапы накопления научных знаний о древностях Старого Крыма. Автор справедливо заметила: «Как показала история изучения Солхата-Крыма в последние десятилетия XX и начала века XXI, идет период накопления материала и процесс этот далек от завершения, но наступил и момент «сортировки» этих знаний, время их осмысления» (с. 9). И действительно, через два года будет отмечен (об этом можно говорить с огромной долей вероятности, так как вряд ли у маститых исследователей из Государственного Эрмитажа иссякнет интерес к неизученному полностью городищу средневекового Солхата, где работа далека от завершения) солидный юбилей Старокрымской/Золотоордынской экспедиции под руководством доктора исторических наук М.Г. Крамаровского. Работы ведутся непрерывно с 1978 года. При этом результаты археологических изысканий в полной мере не введены в научный оборот. Отдельные публикации руководителя экспедиции, раскрывающие редкие сюжеты из жизни средневекового города либо знакомящие читателя с обнаруженными уникальными артефактами, не могут в полной мере удовлетворить серьезный интерес научной общественности к истории крымского улуса Золотой Орды и его столицы – Солхата. При этом необходимо подчеркнуть, что экспедиция Государственного Эрмитажа – это лишь один из этапов исследования древностей города. Накоплен огромный материал, который не только количественно добавляет новые артефакты, но и в результате качественного, планомерного, непредвзятого и методически выверенного исследования способен ответить на многие накопившиеся вопросы истории средневекового Солхата, способствовать устранению «белых пятен» в истории золотоордынского периода всего региона. Возвращаясь к вступительной статье Е.А. Айбабиной, возникает вопрос: не пора ли взять непродолжительную паузу для подведения промежуточных итогов? Автор уместно указывает на то, что «пришло время этот богатый описательный, исследовательский, художественный материал объединить, проанализировать, выделить главное, не утеряв при этом и мелких фактов исторического, археологического изучения. <…> Важно проследить, какое место в общекрымской картине занимал золотоордынский Солхат, который уже в тот первоначальный период изучения, то есть в конце XVIII – первой четверти XIX вв. привлек внимание своеобразием своих мусульманских малоазийских построек и надгробий, стройных и лаконичных армянских храмов» (с. 7).

Выбранные автором хронологические рамки исследования в достаточной мере обоснованы. Рассмотрены памятники XIII–XV веков – периода

наивысшего расцвета, политического, культурного и экономического подъема Солхата, пика его военного могущества. Кроме того, это время наибольшей строительной активности. По свидетельству М.Г. Крамаровского, к первой половине XIV в. селение окончательно переросло в город. В 1263 г. появилась первая квартальная мечеть, в 1287 г. – пятничная. Начиная с середины XIV в. отсутствие стабильности внутри Золотой Орды привело к росту предкризисных факторов, возникла необходимость в строительстве оборонительных сооружений. К началу XV в. город достиг пределов, отразившихся на наиболее раннем из известных планов Солхата 1783 г. В это же время некогда могущественный центр окончательно утратил контроль над ситуацией в регионе, вследствие чего в 1454 г. Хаджи Гиреем столица перенесена в хорошо укрепленную горную крепость Кырк-Ер.

В исследовании Д.А. Ломакина представлена история изучения памятников города, начиная с последней четверти XVIII в. до современности. Выбор данного хронологического промежутка автором убедительно аргументирован (с. 47). Тем не менее, приходится сожалеть, что в издание не были включены более ранние источники по истории Солхата, представляющие значительный интерес для современной исторической науки. Но тогда перед нами был бы совершенно иной, колоссальный по своей фундаментальности труд, для создания которого требовалась бы продолжительная работа коллектива авторов.

Географические рамки работы также не вызывают каких-либо нареканий. Исследование Д.А. Ломакина охватывает не только пространство современного административного центра Кировского района Республики Крым, по сути – типичного провинциального города – Старого Крыма. Оно включает в себя изыскания о древностях всего городища средневекового поселения Солхат, по площади значительно превосходящего современный город. Не остались без внимания автора сельскохозяйственная и ремесленная округа золотоордынского центра. На примере поселений Кринички и Бокаташ рассмотрено взаимоотношение средневекового города и деревни, установлена их роль в жизни поселения.

При подготовке издания Д.А. Ломакиным был использован широкий круг источников. Их детальный анализ стал основным содержанием главы 2 («Источниковая база исследования», с. 23–46). Весь массив исторических источников автором разделен на ряд групп: «записки путешественников, научные труды по изучению объектов культурного наследия города, делопроизводственная документация (акты, отчеты, текущая служебная переписка, докладные и объяснительные записки), документы личного происхождения (частная переписка), изобразительные источники (живопись, графика, фотоматериалы)» (с. 23). Подобное структурирование выглядит интересным, но в то же время не противоречит общепринятым классификациям в отечественной исторической науке.

Необходимо отметить хорошо подобранный автором иллюстративный материал (справедливо выделен в отдельную группу источников). Представлено более трехсот фотоснимков и рисунков, отображающие различные этапы научного освоения памятников города. Основной массив – из фондов местных и центральных архивохранилищ Российской Федерации. Лишь незначительная часть подобранного материала ранее была опубликована, причем, к сожалению, в практически недоступных широкому кругу исследователей печатных изданиях (к примеру, «Stratum Plus»). Иллюстративный материал разнообразен: уникальные планы Старого Крыма XVIII – начала XX вв., чертежи, схемы памятников архитектуры и их отдельных фрагментов (большая часть выполнена авторитетными знатоками в области архитектуры – А.С. Башкировым, П.И. Голландским, Б.Н. Засыпкиным, В.П. Кирилко и др.), акварели известного феодосийского художника К.Ф. Богаевского, подготовленные по заказу КрымОХРИСа, рисунки У.А. Боданинского и т. д. Значительный объем фотоснимков, представленных в книге, был выполнен в конце XIX – 20-х гг. XX в. и отображает начальный период исследования древностей Старого Крыма. К сожалению, подавляющее большинство иллюстраций размещено в мелком формате, что значительно снижает их научную ценность и не дает возможности полноценной работы с ними в дальнейшем. Хочется пожелать автору издать в ближайшем будущем полноцветный объемный альбом по истории изучения памятников Старого Крыма, что было бы прекрасным дополнением к монографии.

Основной массив издания занимает глава 3 («История изучения комплекса памятников г. Старый Крым периода Золотой Орды в последней четверти XVIII–XXI вв.», с. 47–182). Глава детально структурирована, что выглядит оправданным и уместным, учитывая огромный пласт информации. Она состоит из трех разделов: 3.1. «Изучение памятников города в досоветский период (последняя четверть XVIII – начало XX в.) (с. 47–78); 3.2. «Исследование памятников Старого Крыма периода Золотой Орды в 20-е гг. XX в.» (с. 79–116); 3.3. «Исследование объектов культурного наследия Старого Крыма в послевоенный период (вторая половина XX – начало XXI в.)» (с. 117–182). В свою очередь раздел 3.2. включает в себя три подраздела: 3.2.1. «Экспедиция Всесоюзной научной ассоциации востоковедения (1925–1926)» (с. 79–108); 3.2.2. «Деятельность Центральных государственных реставрационных мастерских по изучению древностей города (1926–1927)» (с. 109–116); 3.2.3. Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае и исследование памятников истории и культуры Старого Крыма (1928–1929)» (с. 117–136). Казалось бы, для чего столь незначительный по продолжительности хронологический отрезок (20-е гг. XX в.) разделять на три этапа? Но при детальном рассмотрении материала не остается сомнений в правильности решения автора. Это десятилетие

характеризуется стремительным ростом интереса к памятникам средневекового Солхата (что частично обусловлено национальной политикой государства). На территории города впервые проведены качественные археологические исследования (экспедиции И.Н. Бороздина, У.А. Боданинского и Н.Л. Эрнста), осуществлена экспедиция Центральных государственных реставрационных мастерских с целью изучения и сохранения древностей, впервые приняты реальные меры по охране культурного наследия города, проведена керченская археологическая конференция (сентябрь 1926 г., первый археологический съезд с момента установления советской власти), благодаря которой широкая научная общественность узнала о проблемах исследования и сбережения памятников Старого Крыма. Названия разделов главы лаконичны и характеризуют их основное содержание.

В последней четвертой главе (с. 183–203) проанализировано современное состояние объектов культурного наследия г. Старый Крым. Автором справедливо отмечено, что «мусульманские памятники золотоордынского периода, расположенные на территории города, находятся в неудовлетворительном состоянии, частично – в аварийном. Процесс дальнейшего разрушения продолжается – наблюдается постоянное выветривание и вымывание кладочного раствора, замокание и вывалка строительного камня» (с. 203). Сложившаяся ситуация требует скорейшего разрешения! В противном случае полуостров рискует лишиться уникальных памятников XIII–XV вв. Предпринимаемые ранее шаги для решения проблемы, которые, к сожалению, оказались малоэффективными, рассмотрены автором в послесловии (с. 204–210). Здесь же представлены возможные варианты решения вопроса.

Следует упомянуть зачастую громоздкие названия глав книги (главы 1-3, раздел 3.3), возможно, они перегружены. Хотя автором подобраны удачные, ярко характеризующие основное содержание раздела, цитаты. Размещение подобного рода эпиграфов в названии структурных разделов не является обязательным требованием к научным изданиям, но, все же, представляется их своеобразным украшением.

Завершить хотелось бы словами Е.А. Айбабиной из вступительной статьи к изданию: «Данная книга является не только обобщающим трудом, но и самым надежным справочником по историческому изучению золотоордынского Солхата-Крыма. А основные качества этой работы – непредвзятость и объективность, какими и должно обладать современное научное исследование» (с. 10).

Сведения об авторе: Вадим Владиславович Майко – доктор исторических наук, директор ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» (295007, пр. Вернадского, 2, Симферополь, Крым, Российская Федерация); vadimmaiko@ukr.net

Хроника

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«Памятники архитектуры, истории и культуры крымских татар и народов Крыма: создание, изучение, состояние»
(Симферополь, 16 марта 2015 г.)

16 марта 2016 г. под эгидой Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани прошел круглый стол «Памятники архитектуры, истории и культуры крымских татар и народов Крыма: создание, изучение, состояние», который собрал в своих рамках многих историков, филологов, искусствоведов, архитекторов, директоров музеев, руководителей научных институтов, общественных деятелей и студентов.

С приветственным словом на мероприятии выступили декан факультета истории, искусств, крымскотатарского языка и литературы, к.ф.н. Э.С. Ганиева, заведующий КНЦ Института истории им. Ш. Марджани, к.и.н. Э.Х. Сейдаметов, директор НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма д.филол.н. И.А. Керимов, заведующий кафедрой историей КИПУ, к.и.н. Э.И. Сейдалиев.

Заведующий КНЦ Института истории им. Ш. Марджани Э.Х. Сейдаметов вкратце осветил современное положение в сфере изучения архитектурного наследия крымских татар и других народов Крыма. Он упомянул, что в настоящее время ведутся исследовательские работы по изучению объектов культовой и гражданской архитектуры крымских татар г. Бахчисарая и Симферополя. На очереди – Карасубазар (Белогорск) и Старый Крым, которые имеют богатейшее историческое прошлое.

В ходе обсуждения участниками поднимались, в том числе, наболевшие проблемы. В частности, к.филол.н. Н.Р. Абдульваапов выступил с сообщением на тему: «Вопросы актуализации крымскотатарского историко-культурного наследия г. Симферополя». Он обозначил слабую изученность объектов культовой и гражданской архитектуры, исторически значимых мест крымскотатарского народа. Озвучил необходимость изучения и популяризации истории города Акмеджит (Симферополь), в котором некогда располагалась резиденция калга-султана, важнейших социальных, культурных и образовательных институтов крымских татар, здания которых сохранились, однако их прошлое практически предано забвению.

Д.и.н. Г.Н. Кондратюк остановился на вопросе мусульманских общин Крымской АССР в 1920–1930-е гг. Вся неоднозначность и драматичность данной эпохи (тем более в разрезе духовной жизни и по отношению к культовым объектам) отражена в фондах крымского архива. В связи с этим, Григорий Николаевич выступил с предложением издать сборник документов в дополнение к реализуемой работе в данном направлении.

Директор Культурно-этнографического Центра «КОКЛУЗ» Р.В. Саранаев выступил с темой «Особенности жилой архитектуры крымских татар: прошлое, настоящее и будущее». В своем историческом экскурсе он подчеркнул – какая гармоничная красота была присуща домам крымских татар, насколько они были функционально продуманы и какие были отличия в архитектуре крымскотатарских домов в разных регионах Крыма. К сожалению, сегодня в погоне за масштабами и бравурностью мы потеряли фирменный национальный архитектурный стиль.

Работа археологов является ключевой в деле выявления и сохранения объектов культурного наследия. К.и.н. Э.И. Сейдалиев охарактеризовал состояние архитектурных и археологических памятников золотоордынского Солхата в настоящее время. Стало очевидно, что исторические объекты центра золотоордынского Крыма находятся в тяжелом положении. Ситуация усугубляется откровенным безразличием местных властей, которые ведут хозяйственные работы без учета особенностей местности. Это, безусловно, может привести к потере тех или иных объектов города данной эпохи навсегда.

Д.и.н. У.К. Мусаева выступила с докладом «Историографическое изучение Солхата Научной ассоциацией востоковедения 1920–1930 гг.: И.Н. Бороздин, А.С. Башкиров». К. филол. н. Р.Р. Абдужемилев подробно остановился на путях выявления, исследования и сохранения памятников Карасубазара и окрестных сел. Интересным был взгляд кандидата искусствоведения Е. Р. Котляр на вопрос о наследии орнаментальных мотивов эпохи Крымского ханства в архитектуре караимов периода модерна.

Заведующий КНЦ Института истории им. Ш. Марджани Э.Х. Сейдаметов совместно с сотрудником КНЦ М.А. Усеиновым подготовили доклад-презентацию и в деталях рассказали о целях, подходах и принципах реализации большого и очень важного проекта КНЦ «Свод крымскотатарских памятников г. Бахчисарая». Была обозначена структура работы, дано краткое описание с визуальным сопровождением, малоизвестных и неизвестных объектов гражданской и культовой архитектуры крымских татар города.

Заведующая мемориальным музеем Исмаила Гаспринского Э.Э. Абибуллаева выступила с докладом «Уникальное наследие Бахчисарая (сквозь призму древних кварталов)».

В заключение круглого стола выступил генеральный директор Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника Мартынюк Вадим Леонидович, который предложил более активно пропагандировать работу учёных и добиваться оказания содействия и материальной помощи в реставрационных работах.

По итогам круглого стола была принята резолюция. Участники констатировали важность проведения научно-исследовательской работы по сохранению историко-культурного наследия крымскотатарского народа.

Работа, в частности, должна включать следующие направления:

– сбор и систематизация научной информации об архитектурных памятниках крымских татар (как сохранившихся, так и утраченных);

– составление архивных и исторических справок об объектах гражданской и религиозной архитектуры крымских татар;

– проведение археологических исследований объектов архитектуры;

– постановка на государственный учёт выявленных памятников истории и культуры крымских татар;

– подготовка монографического исследования в области сохранения историко-культурного наследия крымских татар;

Для проведения указанных видов деятельности было принято решение ходатайствовать перед органами власти и управления о формировании целевой программы по изучению историко-культурного наследия крымских татар и её финансированию, а также инициировать целевое финансирование археологических исследований памятников истории крымских татар.

Информацию подготовила ***Эльвина Сеитова***
(Крымский научный центр
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Презентации ретроспективного указателя профессора А. А. Непомнящего
(Симферополь-Казань, 16 марта, 29 марта 2015 г.)

16 марта в Крымской республиканской универсальной научной библиотеке им. И.Я. Франко состоялась презентация ретроспективного библиографического указателя «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)» доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, ведущего научного сотрудника КНЦ Института истории им. Ш. Марджани Андрея Непомнящего.

Появление в свет указателей – событие, действительно, ключевое для специалистов различных направлений. Ведь любое исследование начинается с изучения справочных трудов. Фундаментальное издание профессора А.А. Непомнящего – итог двадцатилетней работы и своего рода продолжение изданного в 2001 году справочника «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века)» (отв. ред. Л.А. Дубровина; вступ. ст. В.Ф. Шарапы. Симферополь: Доля, 2001. 816 с.). Данная работа представляет колоссальный интерес, так как впервые в одном научно-справочном издании восстановлен весь срез научных и популярных публикаций по истории и этнографии народов Крыма за 1921–1945 гг. Указатель включает 10,5 тысяч библиографических позиций без учета повторяющихся названий на европейских языках. Основной массив – статьи в периодике и отдельные издания, вышедшие на территории полуострова в 1921–1945 годы. Учитывались также все крымоведческие издания, выпущенные в СССР и за его пределами. Справочник снабжен обширным научно-вспомогательным справочным аппаратом, позволяющим быстро ориентироваться в колоссальном объеме информации. Примечательно, что указатель стал выпуском 25 авторитетной книжной серии «Биобиблиография крымоведения» основателем и редактором

которой является А.А. Непомнящий. В мероприятии приняли участие государственные деятели, ученые, педагоги, издатели, студенты, журналисты.

А 29 марта презентация данного фундаментального издания прошла в Казани, в Институте истории имени Ш. Марджани АН РТ. Заместитель директора по научной работе Института истории имени Ш. Марджани, доктор исторических наук Радик Салихов отметил, что научные работы такого уровня не только дополняют глобальный банк данных качественным, тщательно выверенным материалом, но и открывают широкие возможности для кооперации в научной среде. «Для нашего института сотрудничество с крымскими коллегами по проблеме изучения истории Крымского ханства и крымских татар особо ценно в рамках реализации государственной программы Татарстана “Сохранение национальной идентичности татарского народа”», – подчеркнул Р.Р. Салихов.

Совершенно очевидно, что подобный фундаментальный труд возвращает в научный оборот тысячи наименований изданий, которые были опубликованы в очень сложные эпохи истории Крыма. Издание крупных, основательных, детально проработанных указателей дает стимул для развития исторического краеведения.

Информацию подготовила ***Эльвина Сеитова***
(Крымский научный центр
института истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Презентация книг Исмета Аблятифовича Заатова
(Симферополь, 28 апреля 2016 г.)

В рамках республиканского проекта «Читающий Крым» в Крымской республиканской универсальной научной библиотеке им. И.Я. Франко 28 апреля 2016 г. состоялась презентация книг заместителя министра культуры Республики Крым Исмета Аблятифовича Заатова «Записки бюрократа-ориенталиста» и «Формирование крымскотатарской художественной культуры и сценического искусства: библиография и архивы».

В мероприятии приняли участие министр культуры Республики Крым Арина Новосельская, начальник Государственной архивной службы Республики Крым Олег Лобов, первый министр культуры АР Крым Вячеслав Пересунько, председатель Союза писателей Республики Крым, директор издательства «Доля» Валерий Басыров, директор Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия Сафие Люманова, директор Центра народного творчества Республики Крым Наталья Жинкина, доктор исторических наук Григорий Кондратюк, заслуженный артист Украины Сейтабла Меметов, генеральный директор крымскотатарского телеканала «Миллет» Сейран Мамбетов, директор Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани Академии Наук Республики Татарстан Эльдар Сейдаметов, преподаватели и студенты крымских вузов, читатели и гости библиотеки.

Арина Новосельская поздравила автора с выходом новых книг и отметила его большой вклад в популяризацию крымскотатарского искусства. Арина Вадимовна совместно с театроведом, редактором журнала «Лица Крыма», председателем наблюдательного совета Государственного академического музыкального театра Республики Крым Галиной Михайленко вручили Исмету Аблятифовичу Высшую театральную премию Крыма «Золотой грифон» за лучшую публикацию о театре («Крымскотатарское сценическое искусство в материалах архивов и оккупационной прессы 1941–1944 гг.»).

Все выступавшие подчеркнули, что Исмет Аблятифович проделывает огромную научную работу, способствующую сохранению и распространению национальной культуры крымских татар и укреплению межнациональных отношений.

Информационным дополнением к мероприятию послужила подготовленная специалистами библиотеки экспозиция материалов «Крымскотатарская культура в научных трудах Исмета Заатова», на которой были представлены монографии, публикации в профессиональных журналах и сборниках на русском, крымскотатарском, турецком и английском языках.

Музыкальные номера подарили автору победительница конкурса «Татлы сес» Халиса Аблаева и студенты Симферопольского музыкального училища имени П.И. Чайковского Асан Камилов и Осман Зинадинов.

В завершение презентации, ведущим которой выступил Валерий Басыров, в теплой и дружественной обстановке автор провел автограф-сессию.

Информация подготовлена по материалам сайта
Крымской республиканской универсальной
научной библиотеки им. И.Я. Франко.
Режим доступа: http://franco.crimealib.ru/novosti/
prezentaciya-knig-ismeta-ablyatifovich–2.html

Итоги конкурса на соискание Международной премии им. Бекира Чобан-заде за 2015 год
(Карасубазар, 30 апреля 2016 г.)

30 апреля 2016 года состоялось заседание жюри по присуждению Международной премии имени Бекира Чобан-заде. В результате тайного голосования были определены имена лауреатов.

В номинации «За популяризацию творчества Бекира Чобан-заде в области литературы, науки и искусства» премии удостоился заслуженный художник АРК Зарема Трасинова за серию графических работ «Мой Бекир Чобан-заде».

Турецкий историк, профессор Нури Кавак получил награду за книгу «Karasu kazası (1683–1744). Kırım Hanlığı'nda bir yerleşme örneği» («Карасувский кадылык (1683–1744). Пример поселения в Крымском ханстве»).

В номинации «За лучшее исследование в области истории, этнографии и искус-

ства крымскотатарского народа, а также работы энциклопедического и библиографического характера» жюри отметило две работы: труд крымского ученого – в.н.с. Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани, д.и.н., проф. Андрея Непомнящего – библиографический указатель «История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945)», а также книгу российского ученого, доктора исторических наук, профессора Валерия Возгрина «Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи».

По решению жюри, две работы, представленные на конкурс, отмечены благодарностями Благотворительного фонда имени Б. Чобан-заде: учебное пособие кандидата филологических наук, доцента кафедры крымскотатарской литературы и журналистики Крымского инженерно-педагогического университета Феры Сеферовой «Къырымтатар шииритинде аньаневийлик ве янъылыкъ (XX асырнынъ сонъу – XXI асырнынъ башы)» («Традиции и новаторство крымскотатарской поэзии конца XX – начала XXI вв.»), а также книга Джафера Эмирали и Бейе Ильяс «Демирджи дагъы. Демирджилилер хатырлай» («Гора Демирджи. Вспоминают уроженцы деревни Демирджи»).

Книга в.н.с. КНЦ, кандидата искусствоведения Исмета Заатова «Крымскотатарское сценическое искусство в материалах архивов и оккупационной прессы 1941–1944 гг.» рекомендована комиссией к рассмотрению в конкурсе в 2017 году.

Информация подготовлена по материалам сайта
Благотворительного фонда содействия
межнациональному согласию им. Бекира Чобан-заде.
Режим доступа: http://chobanzade.org/

Список сокращений

Авар. – аварский
Азер. – азербайджанский
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АО – Археологические открытия (сборник материалов)
АрхРАНИОН – Археология Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
БИКАМЗ –Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ГАОО – Государственный архив Одесской области
ГБУ РК — Государственное бюджетное учреждение Республики Крым
ГМВК – Государственный музей Восточных культур
ДВО – Дальневосточный военный округ
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИА АН – Институт археологии Академии наук
ИВ РАН – Институт Востоковедения Российской Академии наук
Ин-т – Институт
ИТУАК – Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии
КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
КИПУ – Крымский инженерно-педагогический университет
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
Кр.-тат. – крымскотатарский
Крымревком – Крымский революционный комитет
КрЦИК – Центральный исполнительный комитет Крымской АССР
Кум. – кумыкский
КФУ им. В.И. Вернадского – Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
КЭС – Кавказский Этнографический Сборник
Лак. – лакский
ЛО ИВ АН СССР – Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МК – Министерство культуры
Мн.ч. – множественное число
НАН Украины – Национальная Академия наук Украины
НКП, Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
Ног. – ногайский
Пр. – приказ
Р.п. – родительный падеж
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РД – Республика Дагестан

РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РНБ – Российская национальная библиотека
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Русск. – русский
СНК – Совет Народных Комиссаров
СПб. – Санкт-Петербург
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
С/х – сельскохозяйственный
ТНУ им. В.И. Вернадского – Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
Тюрк. – тюркский
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
Чув. – чувашский
ЦМТ – Центральный музей Тавриды

Правила для авторов
см. на сайте CRIMEANREVIEW.RU

Instructions to authors look
at the website CRIMEANREVIEW.RU

http://crimeanreview.ru/index.php/ru/
trebovaniya-po-oformleniyu-statej

http://crimeanreview.ru/index.php/ru/
trebovaniya-po-oformleniyu-annotatsij

Крымское историческое обозрение

Crimean Historical Review

Научный журнал

Scientific journal

№ 1. 2016

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5

Подписано в печать 20.07.2016 г.
Формат 70×100 1/16
Усл. печ. л. 21,45. Тираж 500 экз.
Свободная цена.

Отпечатано на полиграфическом оборудовании
ООО «Форма»:

295000, Российская Федерация,
Республика Крым, г. Симферополь,
пр. Кирова, д. 34 «Г»

Свидетельство о внесении сведений о юридическом лице
в Единый государственный реестр юридических лиц
серия 23 № 008846168 от 10.11.2014 г.

Сайт
Института истории
Академии наук РТ
Татаровед.рф